ВОЙНА и МИРЪ.

V

V

ВОЙНА и МИРЪ.

СОЧИНЕНІЕ

Графа Л. Н. Толстаго.

ТОМЪ ПЯТЫЙ.

МОСКВА.
ТИПОГРАФІЯ Т. РИСЪ, У МЯСНИЦКИХЪ ВОРОТЪ, Д. ВОЕЙКОВА.
1869.

BIBLIOTHECA
REGIA
MONACENSIS

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Для человѣческаго ума непонятна абсолютная непрерывность движенія. Человѣку становятся понятны законы какого бы то ни было движенія только тогда, когда онъ разсматриваетъ произвольно-взятыя единицы этого движенія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ изъ этого-то произвольнаго дѣленія непрерывнаго движенія на прерывныя единицы, проистекаетъ большая часть человѣческихъ заблужденій.

Извѣстенъ такъ называемый софизмъ древнихъ, состоящій въ томъ, что Ахиллесъ никогда не догонитъ впереди идущую черепаху, несмотря на то, что Ахиллесъ идетъ въ десять разъ скорѣе черепахи: какъ только Ахиллесъ пройдетъ пространство, отдѣляющее его отъ черепахи, черепаха пройдетъ впереди его одну десятую этого пространства; Ахиллесъ пройдетъ эту десятую, черепаха пройдетъ одну сотую и т. д. до безконечности. Задача эта представлялась древнимъ неразрѣшимою. Безсмысленность рѣшенія (что Ахиллесъ никогда не догонитъ черепаху) вытекала изъ того только, что произвольно были допущены прерывныя единицы движенія, тогда какъ движеніе и Ахиллеса и черепахи совершалось непрерывно.

Принимая все болѣе и болѣе мелкія единицы движенія, мы только приближаемся къ рѣшенію вопроса, но никогда

не достигаемъ его. Только допустивъ безконечно-малую величину и восходящую отъ нея прогрессію до одной десятой, и взявъ сумму этой геометрической прогрессіи, мы достигаемъ рѣшенія вопроса. Новая отрасль математики, достигнувъ искусства обращаться съ безконечно-малыми величинами, и въ другихъ болѣе сложныхъ вопросахъ движенія даетъ теперь отвѣты на вопросы, казавшіеся неразрѣшимыми.

Эта новая, неизвѣстная древнимъ, отрасль математики, при разсмотрѣніи вопросовъ движенія, допуская безконечно-малыя величины, т. е. такія, при которыхъ возстановляется главное условіе движенія (абсолютная непрерывность) тѣмъ самымъ исправляетъ ту неизбѣжную ошибку, которую умъ человѣческій не можетъ не дѣлать, разсматривая вмѣсто непрерывнаго движенія отдѣльныя единицы движенія.

Въ отысканіи законовъ историческаго движенія происходитъ совершенно то же.

Движеніе человѣчества, вытекая изъ безчисленнаго количества людскихъ произволовъ, совершается непрерывно.

Постиженіе законовъ этого движенія есть цѣль исторіи. Но для того, чтобы постигнуть законы непрерывнаго движенія суммы всѣхъ произволовъ людей, умъ человѣческій допускаетъ произвольныя, прерывныя единицы. Первый пріемъ исторіи состоитъ въ томъ, чтобы, взявъ произвольный рядъ непрерывныхъ событій, разсматривать его отдѣльно отъ другихъ, тогда какъ нѣтъ и не можетъ быть начала никакого событія, а всегда одно событіе непрерывно вытекаетъ изъ другаго. Второй пріемъ состоитъ въ томъ, чтобы разсматривать дѣйствія одного человѣка, царя, полководца, какъ сумму произволовъ людей, тогда какъ сумма произволовъ людскихъ никогда не выражается въ дѣятельности одного историческаго лица.

Историческая наука въ движеніи своемъ постоянно принимаетъ все меньшія и меньшія единицы для разсмотрѣнія

и этимъ путемъ стремится приблизиться къ истинѣ. Но какъ ни мелки единицы, которыя принимаетъ исторія, мы чувствуемъ, что допущеніе единицы, отдѣленной отъ другой, допущеніе *начала* какого нибудь явленія и допущеніе того, что произволы всѣхъ людей выражаются въ дѣйствіяхъ одного историческаго лица, ложны сами въ себѣ.

Всякій выводъ исторіи, безъ малѣйшаго усилія со стороны критики, распадается какъ прахъ, ничего не оставляя за собой, только вслѣдствіе того, что критика избираетъ за предметъ наблюденія бо̀льшую или меньшую прерывную единицу; на что она всегда имѣетъ право, такъ какъ взятая историческая единица всегда произвольна.

Только допустивъ безконечно-малую единицу для наблюденія — дифиренціалъ исторіи, т. е. однородныя влеченія людей и достигнувъ искусства интегрировать (брать суммы этихъ безконечно-малыхъ), мы можемъ надѣяться на постигновеніе законовъ исторіи.

Первые 15 лѣтъ XIX столѣтія въ Европѣ представляютъ необыкновенное движеніе милліоновъ людей. Люди оставляютъ свои обычныя занятія, стремятся съ одной стороны Европы въ другую, грабятъ, убиваютъ одинъ другаго, торжествуютъ и отчаяваются, и весь ходъ жизни на нѣсколько лѣтъ измѣняется и представляетъ усиленное движеніе, которое сначала идетъ возрастая, потомъ ослабѣвая.—Какая причина этого движенія, или по какимъ законамъ происходило оно? спрашиваетъ умъ человѣческій.

Историки, отвѣчая на этотъ вопросъ, излагаютъ намъ дѣянія и рѣчи нѣсколькихъ десятковъ людей, въ одномъ изъ зданій города Парижа, называя эти дѣянія и рѣчи словомъ революція; потомъ даютъ подробную біографію Наполеона и нѣкоторыхъ сочувственныхъ и враждебныхъ ему лицъ, разсказываютъ о вліяніи однихъ изъ этихъ лицъ на

другія и говорятъ: вотъ отчего произошло это движеніе, и вотъ законы его.

Но умъ человѣческій не только отказывается вѣритъ въ это объясненіе; но прямо говоритъ, что пріемъ объясненія не вѣренъ, потому что при этомъ объясненіи слабѣйшее явленіе принимается за причину сильнѣйшаго. Сумма людскихъ произволовъ сдѣлала и революцію и Наполеона, и только сумма этихъ произволовъ терпѣла ихъ и уничтожила.

«Но всякій разъ, когда были завоеванія, были завоеватели; всякій разъ, когда дѣлались перевороты въ государствѣ, были великіе люди», говоритъ исторія. Дѣйствительно, всякій разъ, когда являлись завоеватели, были и войны, отвѣчаетъ умъ человѣческій, но это не доказываетъ, чтобы завоеватели были причинами войнъ, и чтобы возможно было найти законы войны въ личной дѣятельности одного человѣка. Всякій разъ, когда я, глядя на свои часы, вижу, что стрѣлка подошла къ 10, я слышу, что въ сосѣдней церкви начинается благовѣстъ; но изъ того, что всякій разъ, что̀ стрѣлка приходитъ на 10 часовъ тогда, какъ начинается благовѣстъ, я не имѣю права заключить, что положеніе стрѣлки есть причина движенія колоколовъ.

Всякій разъ, какъ я вижу движеніе паровоза, я слышу звукъ свиста, вижу открытіе клапана и движеніе колесъ; но изъ этого я не имѣю права заключить, что свистъ и движеніе колесъ суть причины движенія паровоза.

Крестьяне говорятъ, что поздней весной дуетъ холодный вѣтеръ, потому что почка дуба развертывается, и дѣйствительно всякую весну дуетъ холодный вѣтеръ, когда развертывается дубъ. Но хотя причина дующаго при развертываньи дуба холоднаго вѣтра мнѣ неизвѣстна, я не могу согласиться съ крестьянами въ томъ, что причина холоднаго вѣтра есть развертыванье почки дуба потому только, что сила вѣтра находится внѣ вліяній почки. Я вижу только совпаденіе тѣхъ условій, которыя бываютъ во всякомъ

жизненномъ явленіи и вижу, что, сколько бы и какъ бы подробно я ни наблюдалъ стрѣлку часовъ, клапанъ и колеса паровоза и почку дуба, я не узнаю причину благовѣста, движенія паровоза и весенняго вѣтра. Для этого я долженъ измѣнить совершенно свою точку наблюденія и изучать законы движенія пара, колокола и вѣтра. Тоже должна сдѣлать исторія. И попытки этого уже были сдѣланы.

Для изученія законовъ исторіи, мы должны измѣнить совершенно предметъ наблюденія, оставить въ покоѣ царей, министровъ и генераловъ, а изучать однородные, безконечно малые элементы, которые руководятъ массами. Никто не можетъ сказать, на сколько дано человѣку достигнуть этимъ путемъ пониманія законовъ исторіи; но очевидно, что на этомъ пути только лежитъ возможность уловленія историческихъ законовъ; и что на этомъ пути не положено еще умомъ человѣческимъ одной милліонной доли тѣхъ усилій, которыя положены историками на описаніе дѣяній различныхъ царей, полководцевъ и министровъ, и на изложеніе своихъ соображеній по случаю этихъ дѣяній.

II.

Силы двунадесяти языковъ Европы ворвались въ Россію. Русское войско и населеніе отступаютъ, избѣгая столкновенія до Смоленска и отъ Смоленска до Бородина. Французское войско съ постоянно-увеличивающеюся силой стремительности несется къ Москвѣ, къ цѣли своего движенія. Сила стремительности его, приближаясь къ цѣли, увеличивается подобно увеличенію быстроты падающаго тѣла, по мѣрѣ приближенія его къ землѣ. Назади тысячи верстъ, голодной, враждебной страны; впереди десятки верстъ, отдѣляющія отъ цѣли. Это чувствуетъ всякій солдатъ Наполеоновской арміи, и нашествіе надвигается само собой, по одной силѣ стремительности.

Въ Русскомъ войскѣ, по мѣрѣ отступленія, все болѣе и болѣе разгарается духъ озлобленія противъ врага: отступая назадъ, оно сосредоточивается и нарастаетъ. Подъ Бородинымъ происходитъ столкновеніе. Ни то ни другое войско не распадаются, но Русское войско непосредственно послѣ столкновенія отступаетъ также необходимо, какъ необходимо откатывается шаръ столкнувшись съ другимъ, съ бо́льшей стремительностью несущимся на него шаромъ; и также необходимо (хотя и потерявшій всю свою силу въ столкновеніи) стремительно разбѣжавшійся шаръ нашествія прокатывается еще нѣкоторое пространство.

Русскіе отступаютъ за 120 верстъ—за Москву, Французы доходятъ до Москвы и тамъ останавливаются. Въ продолженіи пяти недѣль послѣ этого нѣтъ ни одного сраженія. Французы не двигаются. Подобно смертельно-раненому звѣрю, который, истекая кровью, зализываетъ свои раны, они пять недѣль остаются въ Москвѣ, ничего не предпринимая, и вдругъ безъ всякой новой причины бѣгутъ назадъ: бросаются на Калужскую дорогу (и послѣ побѣды, такъ какъ опять поле сраженія осталось за ними подъ Мало-Ярославцомъ) не вступая ни въ одно серьезное сраженіе, бѣгутъ еще быстрѣе назадъ въ Смоленскъ, за Смоленскъ, за Вильну, за Березину, и далѣе.

Въ вечеръ 26-го августа, и Кутузовъ и вся Русская армія были увѣрены, что Бородинское сраженіе выиграно. Кутузовъ такъ и писалъ государю. Кутузовъ приказалъ готовиться на новый бой, чтобы добить непріятеля не потому, чтобы онъ хотѣлъ кого нибудь обманывать, но потому, что онъ зналъ, что врагъ побѣжденъ, также какъ зналъ это каждый изъ участниковъ сраженія.

Но въ тотъ же вечеръ и на другой день стали, одно за другимъ, приходить извѣстія о потеряхъ неслыханныхъ, о потери половины арміи, и новое сраженіе оказалось физически-невозможнымъ.

Нельзя было давать сраженіе, когда еще не собраны были свѣдѣнія, не убраны раненые, не пополнены снаряды, не сочтены убитые, не назначены новые начальники на мѣста убитыхъ, не наѣлись и не выспались люди. А вмѣстѣ съ тѣмъ сейчасъ же послѣ сраженія, на другое утро, Французское войско (по той стремительной силѣ движенія, увеличеннаго теперь какъ бы въ обратномъ отношеніи квадратовъ разстояній) уже надвигалось само собой на Русское войско. Кутузовъ хотѣлъ атаковать на другой день, и вся армія хотѣла этого. Но для того чтобы атаковать, не достаточно желанія сдѣлать это; нужно чтобъ была возможность это сдѣлать, а возможности этой не было. Нельзя было не отступить на одинъ переходъ, потомъ точно также нельзя было не отступить на другой и на третій переходъ, и наконецъ 1-го Сентября, когда армія подошла къ Москвѣ — несмотря на всю силу поднявшагося чувства въ рядахъ войска, сила вещей требовала того, чтобы войска эти шли за Москву. И войска отступили еще на одинъ, на послѣдній переходъ и отдали Москву непріятелю.

Для тѣхъ людей, которые привыкли думать, что планы войнъ и сраженій составляются полководцами такимъ же образомъ, какъ каждый изъ насъ, сидя въ своемъ кабинетѣ надъ картой, дѣлаетъ соображенія о томъ, какъ и какъ бы онъ распорядился въ такомъ-то и такомъ-то сраженіи, представляются вопросы, почему Кутузовъ при отступленіи не поступилъ такъ-то и такъ-то почему онъ не занялъ позиціи прежде Филей, почему онъ не отступилъ сразу на Калужскую дорогу, оставилъ Москву и т. д. Люди, привыкшіе такъ думать, забываютъ или не знаютъ тѣхъ неизбѣжныхъ условій, въ которыхъ всегда происходитъ дѣятельность всякаго главнокомандующаго. Дѣятельность полководца не имѣетъ ни малѣйшаго подобія съ тою дѣятельностію, которую мы воображаемъ себѣ, сидя свободно въ кабинетѣ, разбирая какую нибудь компанію на картѣ съ извѣстнымъ количе-

ствомъ войска, съ той и съ другой стороны, и въ извѣстной мѣстности и начиная наши соображенія съ какого нибудь извѣстнаго момента. Главнокомандующій никогда не бываетъ въ тѣхъ условіяхъ *начала* какого нибудь событія, въ которыхъ мы всегда разсматриваемъ событіе. Главнокомандующій всегда находится въ срединѣ движущагося ряда событій и такъ, что никогда, ни въ какую минуту, онъ не бываетъ въ состояніи обдумать все значеніе совершающагося событія. Событіе незамѣтно, мгновеніе за мгновеніемъ, вырѣзается въ свое значеніе, и въ каждый моментъ этаго послѣдовательнаго, непрерывнаго вырѣзыванія событія, главнокомандующій находится въ центрѣ сложнѣйшей игры интригъ, заботъ, зависимости, власти, проэктовъ, совѣтовъ, угрозъ, обмановъ, находится постоянно въ необходимости отвѣчать на безчисленное количество предлагаемыхъ ему, всегда противурѣчащихъ одинъ другому, вопросовъ.

Намъ пресерьезно говорятъ ученые военные, что Кутузовъ еще гораздо прежде Филей долженъ былъ двинуть войска на Калужскую дорогу, что даже кто-то предлагалъ таковой проэктъ. Но предъ главнокомандующимъ, особенно въ трудную минуту, бываетъ не одинъ проэктъ, а всегда десятки одновременно. И каждый изъ этихъ проэктовъ, основанныхъ на стратегіи и тактикѣ, противорѣчитъ одинъ другому. Дѣло главнокомандующаго, казалось бы, состоитъ только въ томъ, чтобы выбрать одинъ изъ этихъ проэктовъ. Но и этого онъ не можетъ сдѣлать. Событія и время не ждутъ. Ему предлагаютъ, положимъ, 28 числа перейти на Калужскую дорогу, но въ это время прискакиваетъ адъютантъ отъ Милорадовича и спрашиваетъ, завязывать ли сейчасъ дѣло съ Французами или отступить. Ему надо сейчасъ, сію минуту, отдать приказанье. А приказанье отступить сбиваетъ насъ съ поворота на Калужскую дорогу. И вслѣдъ за адъютантомъ интендантъ спрашиваетъ, куда вести провіантъ, а начальникъ госпиталей, куда вести раненыхъ: а

курьеръ изъ Петербурга привозитъ письмо государя, недопускающее возможности оставить Москву, а соперникъ главнокомандующаго, тотъ, кто подкапывается подъ него (такіе всегда есть и не одинъ, а нѣсколько) предлагаетъ новый проэктъ, діаметрально-противуположный плану выхода на Калужскую дорогу; а силы самаго главнокомандующаго требуютъ сна и подкрѣпленія; а обойденный наградой почтенный генералъ приходитъ жаловаться, а жители умоляютъ о защитѣ, посланный офицеръ для осмотра мѣстности пріѣзжаетъ и доноситъ совершенно-противуположное тому, что̀ говорилъ предъ нимъ посланный офицеръ; а лазутчикъ, плѣнный и дѣлавшій рекогностировку генералъ, всѣ описываютъ различно положеніе непріятельской арміи. Люди, привыкшіе не понимать или забывать эти необходимыя условія дѣятельности всякаго главнокомандующаго, представляютъ намъ напримѣръ положеніе войскъ въ Филяхъ и при этомъ предполагаютъ, что главнокомандующій могъ 1-го сентября совершенно-свободно разрѣшать вопросъ объ оставленіи или защитѣ Москвы, тогда какъ при положеніи Русской арміи въ 5 верстахъ отъ Москвы вопроса этаго не могло быть. Когда же рѣшился этотъ вопросъ? И подъ Дриссой, и подъ Смоленскомъ, и ощутительнѣе всего 24-го подъ Шевардинымъ, и 26 подъ Бородинымъ, и въ каждый день и часъ и минуту отступленія отъ Бородина до Филей.

III.

Когда Ермоловъ, посыланный Кутузовымъ для того, чтобы осмотрѣть позиціи, сказалъ фельдмаршалу, что подъ Москвою на этой позиціи нельзя драться и надо отступить, Кутузовъ посмотрѣлъ на него молча.

— Дай-ка руку, сказалъ онъ, и, повернувъ ее такъ, чтобы ощупать его пульсъ, онъ сказалъ:—Ты не здоровъ, голубчикъ. Подумай, что̀ ты говоришь. Кутузовъ еще не могъ понять того, чтобы было возможно отступить за Москву безъ сраженія.

Кутузовъ на Поклонной горѣ, въ шести верстахъ отъ Дорогомиловской заставы, вышелъ изъ экипажа и сѣлъ на лавку на краю дороги. Огромная толпа генераловъ собралась вокругъ него. Графъ Растопчинъ, пріѣхавъ изъ Москвы присоединился къ нимъ. Все это блестящее общество, разбившись на нѣсколько кружковъ, говорило между собой о выгодахъ и невыгодахъ позиціи, о положеніи войскъ, о предполагаемыхъ планахъ, о состояніи Москвы, вообще о вопросахъ военныхъ. Всѣ чувствовали, что хотя и не были призваны на то, что хотя это не было такъ названо, но что это былъ военный совѣтъ. Разговоры всѣ держались въ области общихъ вопросовъ. Ежели кто и сообщалъ или узнавалъ личныя новости, то про это говорилось шопотомъ, и тотчасъ переходили опять къ общимъ вопросамъ: ни шутокъ, ни смѣха, ни улыбокъ даже, не было замѣтно между всѣми этими людьми. Всѣ, очевидно съ усиліемъ, старались держаться на высотѣ положенія. И всѣ группы, разговаривая между собой, старались держаться въ близости главнокомандующаго (лавка, котораго составляла центръ въ этихъ кружкахъ) и говорили такъ, чтобы онъ могъ ихъ слышать. Главнокомандующій слушалъ и иногда переспрашивалъ то, что̀ говорили вокругъ него, но самъ не вступалъ въ разговоръ и не выражалъ никакого мнѣнія. Большей частью, послушавъ разговоръ какого-нибудь кружка, онъ съ видомъ разочарованія—какъ будто совсѣмъ не о томъ они говорили, что̀ онъ желалъ знать, — отварачивался. Одни говорили о выбранной позиціи, критикуя не столько самую позицію, сколько умственныя способности тѣхъ, которые ее выбрали; другіе доказывали, что ошибка была сдѣлана прежде, что надо было принять сраженье еще третьяго дня; третьи говорили о битвѣ при Саламанкѣ, про которую разсказывалъ только что пріѣхавшій Французъ Кросаръ, въ Испанскомъ мундирѣ. (Французъ этотъ вмѣстѣ съ однимъ изъ Нѣмецкихъ прин-

цевъ, служившихъ въ Русской арміи, разбиралъ осаду Сарагоссы, предвидя возможность также защищать Москву). Въ четвертомъ кружкѣ графъ Растопчинъ говорилъ о томъ, что онъ съ Московской дружиной готовъ погибнуть подъ стѣнами столицы, но что все-таки онъ не можетъ не сожалѣть о той неизвѣстности, въ которой онъ былъ оставленъ и что ежели бы онъ это зналъ прежде, было бы другое... Пятые, выказывая глубину своихъ стратегическихъ соображеній, говорили о томъ направленіи, которое должны будутъ принять войска. Шестые говорили совершенную безсмыслицу. Лице Кутузова становилось все озабоченнѣе и печальнѣе. Изъ всѣхъ разговоровъ этихъ Кутузовъ видѣлъ одно: защищать Москву не было *никакой физической возможности* въ полномъ значеніи этихъ словъ т. е. до такой степени не было возможности, что, ежели бы какой нибудь безумный главнокомандующій отдалъ приказъ о дачѣ сраженія, то произошла бы путаница, и сраженія все-таки бы не было; не было бы потому, что всѣ высшіе начальники не только признавали эту позицію невозможной, но въ разговорахъ своихъ обсуждали только то, что̀ произойдетъ послѣ несомнѣннаго оставленія этой позиціи. Какже могли начальники вести свои войска на поле сраженія, которое они считали невозможнымъ? Низшіе начальники, даже солдаты (которые тоже разсуждаютъ) также признавали позицію невозможной, и потому не могли идти драться съ увѣренностью пораженія. Ежели Бенигсенъ настаивалъ на защитѣ этой позиціи и другіе еще обсуждали ее, то вопросъ этотъ уже не имѣлъ значенія самъ по себѣ, а имѣлъ значеніе только какъ предлогъ для спора и интриги. Это понималъ Кутузовъ.

Бенигсенъ, выбралъ позицію, горячо выставляя свой русскій патріотизмъ (котораго не могъ не морщась выслушивать Кутузовъ), настаивалъ на защитѣ Москвы. Кутузовъ ясно какъ день видѣлъ цѣль Бенигсена: въ случаѣ неудачи за-

щиты, свалить вину на Кутузова, доведшаго войска безъ сраженія до Воробьевыхъ горъ, а въ случаѣ успѣха, себѣ приписать его, въ случаѣ же отказа, очистить себя въ преступленіи оставленія Москвы. Но этотъ вопросъ интриги не занималъ теперь стараго человѣка. Одинъ страшный вопросъ занималъ его. И на вопросъ этотъ онъ ни отъ кого не слышалъ отвѣта. Вопросъ состоялъ для него теперь только въ томъ: «неужели это я допустилъ до Москвы Наполеона и когда же я это сдѣлалъ? Когда это рѣшилось? Неужели вчера, когда я послалъ къ Платову приказъ отступить, или третьяго дня вечеромъ, когда я задремалъ и приказалъ Бенигсену распорядиться. Или еще прежде?.. но когда, когда же рѣшилось это страшное дѣло? Москва должна быть оставлена. Войска должны отступить, и надо отдать это приказаніе.» Отдать это страшное приказаніе казалось ему одно и тоже, что̀ отказаться отъ командованія арміею. А мало того, что онъ любилъ власть, привыкъ къ ней (почетъ, отдаваемый князю Прозоровскому, при которомъ онъ состоялъ въ Турціи, дразнилъ его), онъ былъ убѣжденъ, что ему было предназначено спасеніе Россіи, и потому только, противъ воли Государя и по волѣ народа, онъ былъ избранъ главнокомандующимъ. Онъ былъ убѣжденъ, что онъ одинъ въ этихъ трудныхъ условіяхъ могъ держаться во главѣ арміи, что онъ одинъ во всемъ мірѣ былъ въ состояніи безъ ужаса знать своимъ противникомъ непобѣдимаго Наполеона; и онъ ужасался мысли о томъ приказаніи, которое онъ долженъ былъ отдать. Но надо было рѣшить что нибудь, надо было прекратить эти разговоры вокругъ него, которые начинали принимать слишкомъ свободный характеръ.

Онъ подозвалъ къ себѣ старшихъ генераловъ.—«Ma tête, fut elle bonne ou mauvaise, n'a qu'à s'aider d'elle même» [1]),

[1]) Хорошо ли, дурно ли, а положиться не на кого, какъ на самого себя.

сказалъ онъ, вставая съ лавки, и поѣхалъ въ Фили, гдѣ стояли его экипажи.

IV.

Въ просторной, лучшей избѣ мужика Андрея Савостьянова, въ два часа собрался совѣтъ. Мужики, бабы и дѣти мужицкой большой семьи тѣснились въ черной избѣ черезъ сѣни. Одна только внучка Андрея, Малаша, шестилѣтняя дѣвочка, которой Свѣтлѣйшій, приласкавъ ее, далъ за чаемъ кусокъ сахара, оставалась на печи въ большой избѣ. Малаша робко и радостно смотрѣла съ печи на лица, мундиры и кресты генераловъ, одного за другимъ входившихъ въ избу и разсаживавшихся въ красномъ углу, на широкихъ лавкахъ подъ образами. Самъ дѣдушка, какъ внутренна называла Малаша Кутузова, сидѣлъ отъ нихъ особо, въ темномъ углу за печкой. Онъ сидѣлъ, глубоко опустившись въ складное кресло и безпрестанно покряхтывалъ и расправлялъ воротникъ сюртука, который, хотя и растегнутый, все какъ будто жалъ его шею. Входившіе одинъ за другимъ подходили къ фельдмаршалу; нѣкоторымъ онъ пожималъ руку, нѣкоторымъ кивалъ головой. Адъютантъ Кайсаровъ хотѣлъ было отдернуть занавѣску въ окнѣ противъ Кутузова, но Кутузовъ сердито замахалъ ему рукой, и Кайсаровъ понялъ, что Свѣтлѣйшій не хочетъ, чтобы видѣли его лицо.

Вокругъ мужицкаго еловаго стола, на которомъ лежали карты, планы, карандаши, бумаги, собралось такъ много народа, что деньщики принесли еще лавку и поставили у стола. На лавку эту сѣли пришедшіе: Эрмоловъ, Кайсаровъ и Толь. Подъ самыми образами на первомъ мѣстѣ сидѣлъ съ Георгіемъ на шеѣ, съ блѣднымъ, болѣзненнымъ лицомъ и съ своимъ высокимъ лбомъ, сливающимся съ голой головой, Барклай-де-толи. Второй уже день онъ мучился лихо-

радкой, и въ это самое время его знобило и ломало. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ Уваровъ и негромкимъ голосомъ (какъ и всѣ говорили) что-то, быстро дѣлая жесты, сообщалъ Барклаю. Маленькій, кругленькій Дохтуровъ, приподнявъ брови и сложивъ руки на животѣ, внимательно прислушивался. Съ другой стороны сидѣлъ, облокотивши на руку свою широкую съ смѣлыми чертами и блестящими глазами голову, графъ Остерманъ-Толстой и казался погруженнымъ въ свои мысли. Раевскій съ выраженіемъ нетерпѣнія, привычнымъ жестомъ напередъ курчавя свои черные волосы на вискахъ, поглядывалъ то на Кутузова, то на входную дверь. Твердое, красивое и доброе лицо Коновницина свѣтилось нѣжной и хитрой улыбкой. Онъ встрѣтилъ взглядъ Малаши и глазами дѣлалъ ей знаки, которыя заставляли дѣвочку улыбаться.

Всѣ ждали Бенигсена, который доканчивалъ свой вкусный обѣдъ подъ предлогомъ новаго осмотра позиціи. Его ждали отъ четырехъ до шести часовъ, и во все это время не приступали къ совѣщанію и тихими голосами вели посторонніе разговоры.

Только когда въ избу вошелъ Бенигсенъ, Кутузовъ выдвинулся изъ своего угла и подвинулся къ столу, но на столько, что лицо его не было освѣщено поданными на столъ свѣчами.

Бенигсенъ открылъ совѣтъ вопросомъ: «оставить ли безъ боя священную и древнюю столицу Россіи или защищать ее?» Послѣдовало долгое и общее молчаніе. Всѣ лица нахмурились, и въ тишинѣ слышалось сердитое кряхтенье и покашливанье Кутузова. Всѣ глаза смотрѣли на него. Малаша тоже смотрѣла на дѣдушку. Она ближе всѣхъ была къ нему и видѣла, какъ лицо его сморщилось: онъ точно собрался плакать. Но это продолжалось не долго.

— *Священную, древнюю столицу Россіи!* вдругъ заговорилъ онъ, сердитымъ голосомъ повторяя слова Бенигсена,

и этимъ указывая на фальшивую ноту этихъ словъ. — Позвольте вамъ сказать, ваше сіятельство, что вопросъ этотъ не имѣетъ смысла для Русскаго человѣка. (Онъ перевалился впередъ своимъ тяжелымъ тѣломъ). Такой вопросъ нельзя ставить, и такой вопросъ не имѣетъ смысла. Вопросъ, для котораго я просилъ собраться этихъ господъ, это вопросъ военный. Вопросъ слѣдующій: «Спасенье Россіи въ арміи. Выгоднѣе ли рисковать потерею арміи и Москвы, принявъ сраженье, или отдать Москву безъ сраженія?» Вотъ на какой вопросъ я желаю знать ваше мнѣніе. (Онъ откачнулся назадъ на спинку кресла).

Начались пренія. Бенигсенъ не считалъ еще игру проигранною. Допуская мнѣніе Барклая и другихъ о невозможности принять оборонительное сраженіе подъ Филями, онъ, проникнувшись русскимъ патріотизмомъ и любовью къ Москвѣ, предлагалъ перевести войска въ ночи съ праваго на лѣвый флангъ и ударить на другой день на правое крыло Французовъ. Мнѣнія раздѣлились, были споры въ пользу и противъ этаго мнѣнія. Ермоловъ, Дохтуровъ и Раевскій согласились съ мнѣніемъ Бенигсена. Руководимые ли чувствомъ потребности жертвы передъ оставленіемъ столицы или другими личными соображеніями, но эти генералы какъ бы не понимали того, что настоящій совѣтъ не могъ измѣнить неизбѣжнаго хода дѣлъ, и что Москва уже теперь оставлена. Остальные генералы понимали это и, оставляя въ сторонѣ вопросъ о Москвѣ, говорили о томъ направленіи, которое въ своемъ отступленіи должно было принять войско. Малаша, которая, не спуская глазъ смотрѣла на то, что̀ дѣлалось передъ ней, иначе понимала значеніе этого совѣта. Ей казалось, что дѣло было только въ личной борьбѣ между «дѣдушкой» и длиннополымъ», какъ она называла Бенигсена. Она видѣла, что они злились, когда говорили другъ съ другомъ, и въ душѣ своей она держала сторону дѣдушки. Въ серединѣ разговора

она замѣтила быстрый, лукавый взглядъ, брошенный дѣдушкой на Бенигсена, и вслѣдъ за тѣмъ къ радости своей замѣтила, что дѣдушка, сказавъ что-то длиннополому, осадилъ его: Бенигсенъ вдругъ покраснѣлъ и сердито прошелся по избѣ. Слова, такъ подѣйствовавшіе на Бенигсена, были спокойнымъ и тихимъ голосомъ выраженное Кутузовымъ мнѣніе о выгодѣ и невыгодѣ предложенія Бенигсена: о переводѣ въ ночи войскъ съ праваго на лѣвый флангъ для атаки праваго крыла Французовъ.—Я, господа сказалъ Кутузовъ, не могу одобрить плана графа. Передвиженія войскъ въ близкомъ разстояніи отъ непріятеля всегда бываютъ опасны, и военная исторія подтверждаетъ это соображеніе. Такъ напримѣръ... (Кутузовъ какъ будто задумался, пріискивая примѣръ и свѣтлымъ, наивнымъ взглядомъ глядя на Бенигсена). Да вотъ хоть бы Фридландское сраженіе, которое, какъ я думаю, графъ хорошо помнитъ, было.... не вполнѣ удачно только оттого, что войска наши перестраивались въ слишкомъ-близкомъ разстояніи отъ непріятеля... Послѣдовало, показавшееся всѣмъ очень продолжительнымъ, минутное молчаніе.

Пренія опять возобновились, но часто наступали перерывы, и чувствовалось, что говорить больше не о чемъ.

Во время одного изъ такихъ перерывовъ Кутусовъ тяжело вздохнулъ, какъ бы сбираясь говорить. Всѣ оглянулись на него.—Eh bien, Messieurs! Je vois que c'est moi qui payerai les pots cassés[1]), сказалъ онъ. И, медленно приподнявшись, онъ подошелъ къ столу. Господа, я слышалъ ваши мнѣнія. Нѣкоторые будутъ несогласны со мной. Но я (онъ остановился) властью, врученной мнѣ моимъ государемъ и отечествомъ, я — приказываю отступленіе.

Вслѣдъ за этимъ генералы стали расходиться съ той же торжественной и молчаливой осторожностью, съ которой расходятся послѣ похоронъ.

[1]) И такъ, господа, стало быть мнѣ платить за перебитые горшки.

Нѣкоторые изъ генераловъ негромкимъ голосомъ, совсѣмъ въ другомъ діапазонѣ, чѣмъ когда они говорили на совѣтѣ, передали кое-что главнокомандующему.

Малаша, которую уже давно ждали ужинать, осторожно спустилась задомъ съ палатей, цѣпляясь босыми ноженками за уступы печки и, замѣшавшись между ногъ генераловъ, шмыгнула въ дверь.

Отпустивъ генераловъ, Кутузовъ долго сидѣлъ облокотившись на столъ и думалъ все о томъ же страшномъ вопросѣ: «Когда же, когда же наконецъ рѣшилось то, что оставлена Москва? Когда было сдѣлано то, что̀ рѣшило вопросъ и кто виноватъ въ этомъ?»

— Этого, этого я не ждалъ, сказалъ онъ вошедшему къ нему, уже поздно ночью, адъютанту Шнейдеру: этого я не ждалъ! Этого я не думалъ!

— Вамъ надо отдохнуть, ваша Свѣтлость, сказалъ Шнейдеръ.

— Да нѣтъ же! Будутъ же они лошадиное мясо жрать какъ Турки, не отвѣчая прокричалъ Кутузовъ, ударяя пухлымъ кулакомъ по столу, будутъ и они, только бы...

V.

Въ противуположность Кутузову, въ то же время, въ событіи еще болѣе важнѣйшемъ, чѣмъ отступленіе арміи безъ боя, въ оставленіи Москвы и сожженіи ея, Растопчинъ, представляющійся намъ руководителемъ этого событія, дѣйствовалъ совершенно иначе.

Событіе это — оставленіе Москвы и сожженіе ея — было также неизбѣжно, какъ и отступленіе войскъ безъ боя за Москву, послѣ Бородинскаго сраженія.

Каждый Русскій человѣкъ, не на основаніи умозаключеній, а на основаніи того чувства, которое лежитъ въ насъ

и лежало въ нашихъ отцахъ, могъ бы предсказать то, что̀ совершилось.

Начиная отъ Смоленска, во всѣхъ городахъ и деревняхъ Русской земли, безъ участія графа Растопчина и его афишъ, происходило тоже самое, что̀ произошло въ Москвѣ. Народъ съ безпечностью ждалъ непріятеля, не бунтовалъ, не волновался, никого не раздиралъ на куски, а спокойно ждалъ своей судьбы, чувствуя въ себѣ силы въ самую трудную минуту найти то что̀ должно было сдѣлать. И какъ только непріятель подходилъ, богатѣйшіе элементы населенія уходили, оставляя свое имущество; бѣднѣйшіе оставались и зажигали и истребляли то, что̀ оставалось.

Сознаніе того, что это такъ будетъ и всегда такъ будетъ, лежало и лежитъ въ душѣ Русскаго человѣка. И сознаніе это, и болѣе того, предчувствіе того, что Москва будетъ взята, лежало въ Русскомъ, Московскомъ обществѣ 12-го года. Тѣ, которые стали выѣзжать изъ Москвы еще въ Іюлѣ и началѣ Августа, показали, что они ждали этого. Тѣ, которые выѣзжали съ тѣмъ, что̀ они могли захватить, оставляя домà и половину имущества, дѣйствовали такъ вслѣдствіе того скрытаго (latent) патріотизма, который выражается не фразами, не убійствомъ дѣтей для спасенія отечества, и т. п. неестественными дѣйствіями, а которое выражается незамѣтно, просто, органически и потому производитъ всегда самые сильные результаты.

«Стыдно бѣжать отъ опасчости; только трусы бѣгутъ изъ Москвы», говорили имъ. Растопчинъ въ своихъ афишкахъ внушалъ имъ, что уѣзжать изъ Москвы было позорно. Имъ совѣстно было получать наименованіе трусовъ, совѣстно было ѣхать, но они все таки ѣхали, зная, что такъ надо было. Зачѣмъ они ѣхали? Нельзя предположить, чтобы Растопчинъ напугалъ ихъ ужасами, которые производилъ Наполеонъ въ покоренныхъ земляхъ. Уѣзжали

и первые уѣхали богатые, образованные люди, знавшіе очень хорошо, что Вѣна и Берлинъ остались цѣлы, и что тамъ, во время занятія ихъ Наполеономъ, весело проводили время жители съ обворожительными Французами, которыхъ такъ любили тогда Русскіе мущины и въ особенности дамы.

Они ѣхали потому, что для Русскихъ людей не могло быть вопроса: хорошо ли или дурно будетъ подъ управленіемъ Французовъ въ Москвѣ. Подъ управленіемъ Французовъ нельзя было быть: это было хуже всего. Они уѣзжали и до Бородинскаго сраженія, и еще быстрѣе послѣ Бородинскаго сраженія, не взирая на воззванія къ защитѣ, несмотря на заявленія главнокомандующаго Москвы о намѣреніи его поднять Иверскую и идти драться, и на воздушные шары, которые должны были погубить Французовъ и несмотря на весь тотъ вздоръ, о которомъ писалъ Растопчинъ въ своихъ афишахъ. Они знали, что войско должно драться и ежели оно не можетъ, то съ барышнями и дворовыми людьми нельзя идти на Три Горы воевать съ Наполеономъ, а что надо уѣзжать, какъ ни жалко оставлять на погибель свое имущество. Они уѣзжали и не думали о величественномъ значеніи этой громадной, богатой столицы, оставленной жителями и очевидно сожженной (не разрушить, не сжечь пустые дома не въ духѣ Русскаго народа); они уѣзжали каждый для себя, а вмѣстѣ съ тѣмъ, только вслѣдствіе того, что они уѣхали, и совершилось то величественное событіе, которое навсегда останется лучшей славой Русскаго народа. Та барыня, которая еще въ Іюнѣ мѣсяцѣ, съ своими арапами и шутихами, поднималась изъ Москвы въ Саратовскую деревню, съ смутнымъ сознаніемъ того, что она Бонапарту не слуга, и со страхомъ, чтобы ея не остановили по приказанію графа Растопчина, дѣлала просто и истинно то великое дѣло, которое спасло Россію. Графъ же Растопчинъ, который то стыдилъ тѣхъ, которые уѣзжали, то вывозилъ присутствен-

ныя мѣста, то выдавалъ никуда негодное оружіе пьяному сброду, то поднималъ образà, то запрещалъ Августину вывозить мощи и иконы, то захватывалъ всѣ частныя подводы, бывшія въ Москвѣ, то на 136 подводахъ увозилъ дѣлаемый Лепихомъ воздушный шаръ, то намекалъ на то, что онъ сожжетъ Москву, то разсказывалъ, какъ онъ сжегъ свой домъ и написалъ прокламацію Французамъ, гдѣ торжественно упрекалъ ихъ, что они раззорили его дѣтскій пріютъ; то принималъ славу сожженія Москвы, то отрекался отъ нея, то приказывалъ народу ловить всѣхъ шпіоновъ и приводить къ нему, то упрекалъ за это народъ, то высылалъ всѣхъ Французовъ изъ Москвы, то оставлялъ въ городѣ г-жу Оберъ-Шальме, составлявшую центръ всего Французскаго Московскаго населенія, а безъ особой вины приказывалъ схватить и увести въ ссылку стараго почтеннаго почтдиректора Ключарева, то сбиралъ народъ на Три Горы, чтобы драться съ Французами, то, чтобы отдѣлаться отъ этого народа, отдавалъ ему на убійство человѣка, и самъ уѣзжалъ въ задніе ворота, то говорилъ, что онъ не переживетъ несчастія Москвы, то писалъ въ альбомы по французски стихи о своемъ участіи въ этомъ дѣлѣ [1]), — этотъ человѣкъ не понималъ значенія совершающагося событія, а хотѣлъ только что-то сдѣлать самъ, удивить кого-то, что-то совершить патріотически-геройское, и какъ мальчикъ рѣзвился надъ величавымъ и неизбѣжнымъ событіемъ оставленія и сожженія Москвы, и старался своей маленькой рукой то поощрять, то задерживать теченіе громаднаго, уносившаго его вмѣстѣ съ собой, народнаго потока.

[1]) Je suis né Tartare. Je voulus être Romain. Les Français m'appelerent barbare. Les Russes — Gorges Dandin. Т. е. Я родился Татариномъ. Я хотѣлъ быть Римляниномъ. Французы называли меня варваромъ. Русскіе — Жоржемъ Данденомъ.

VI.

Эленъ, возвратившись вмѣстѣ съ Дворомъ изъ Вильны въ Петербургъ, находилась въ затруднительномъ положеніи.

Въ Петербургѣ Эленъ пользовалась особымъ покровительствомъ вельможи, занимавшаго одну изъ высшихъ должностей въ государствѣ. Въ Вильнѣ же она сблизилась съ молодымъ иностраннымъ принцомъ. Когда она возвратилась въ Петербургъ, принцъ и вельможа были оба въ Петербургѣ, оба заявляли свои права, и для Эленъ представилась новая еще въ ея карьерѣ задача: сохранить свою близость отношеній съ обоими, не оскорбивъ ни однаго.

То что̀ показалось бы труднымъ и даже невозможнымъ для другой женщины, ни разу не заставило задуматься графиню Безухую, не даромъ видно пользовавшуюся репутаціей умнѣйшей женщины. Ежели бы она стала скрывать свои поступки, выпутываться хитростью изъ неловкаго положенія, она бы этимъ самымъ испортила свое дѣло, сознавъ себя виноватою; но Эленъ, напротивъ, сразу, какъ истинно великій человѣкъ, который можетъ все то, что̀ хочетъ, поставила себя въ положеніе правоты, въ которую она искренно вѣрила, а всѣхъ другихъ въ положеніе виноватости.

Въ первый разъ какъ молодое иностранное лицо позволило себѣ дѣлать ей упреки, она, гордо поднявъ свою красивую голову и въ полуоборотъ повернувшись къ нему, твердо сказала:

— Voilà l'égoisme et la cruauté des hommes! Je ne m'attendais pas à autre chose. La femme se sacrifie pour vous, elle souffre, et voilà sa récompense. Quel droit avez vous, Monseigneur, de me demander compte de mes amitiés,

de mes affections? C'est un homme qui a été plus qu'un père pour moi [1]).

Лицо хотѣло что-то сказать. Эленъ перебила его. — Eh bien, oui, сказала она, peut être qu'il a pour moi d'autres sentiments que ceux d'un père, mais ce n'est pas une raison pour que je lui ferme ma porte. Je ne suis pas un homme pour être ingrate. Sachez, Monseigneur, pour tout ce qui a rapport à mes sentiments intimes, je ne rends compte qu'à Dieu et à ma conscience [2]), кончила она, дотрогиваясь рукой до высоко поднявшейся красивой груди и взглядывая на небо.

— Mais écoutez moi, au nom de Dieu.

— Epousez moi, et je serai votre esclave.

— Mais c'est impossible.

— Vous ne daignez pas descendre jusqu'à moi, vous... [3]) заплакавъ сказала Эленъ.

Лицо стало утѣшать ее; Эленъ же сквозь слезы говорила (какъ бы забывшись), что ничто не можетъ мѣшать ей выдти замужъ, что есть примѣры (тогда еще мало было

[1]) Вотъ эгоизмъ и жестокость мужчинъ! Я ничего лучше и не ожидала. Женщина приноситъ себя въ жертву вамъ; она страдаетъ, и вотъ ей награда. Ваше высочество, какое имѣете вы право требовать отъ меня отчета въ моихъ привязанностяхъ и дружескихъ чувствахъ? Это человѣкъ, бывшій для меня больше чѣмъ отцемъ.

[2]) Ну хорошо; можетъ быть, чувства, которыя онъ питаетъ ко мнѣ, не совсѣмъ отеческія; но вѣдь изъ за этого не слѣдуетъ же мнѣ отказывать ему отъ моего дома. Я не мущина, чтобы платить неблагодарностью. Да будетъ извѣстно вашему высочеству, что въ моихъ задушевныхъ чувствахъ я отдаю отчетъ только Богу и моей совѣсти.

[3]) Но выслушайте меня, ради Бога. — Женитесь на мнѣ, и я буду вашею рабою. — Но это невозможно. — Вы не удостоиваете снизойти до брака со мною, вы....

примѣровъ, но она назвала Наполеона и другихъ высокихъ особъ), что она никогда не была женою своего мужа, что она была принесена въ жертву.

— Но законы, религія... уже сдаваясь, говорило лицо.

— Законы, религія... На что бы они были выдуманы, ежели бы они не могли сдѣлать этого! сказала Эленъ.

Важное лицо было удивлено тѣмъ, что такое простое разсужденіе могло не приходить ему въ голову, и обратилось за совѣтомъ къ святымъ братьямъ Общества Іисусова, съ которыми оно находилось въ близкихъ отношеніяхъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этаго, на одномъ изъ обворожительныхъ праздниковъ, который давала Эленъ, на своей дачѣ на Каменномъ Острову, ей былъ представленъ немолодой, съ бѣлыми какъ снѣгъ волосами и черными, блестящими глазами, обворожительный M. de Jobert, un Jésuite à robe courte [1]) который долго въ саду, при свѣтѣ иллюминаціи и при звукахъ музыки, бесѣдовалъ съ Элень о любви къ Богу, къ Христу, къ сердцу Божьей Матери и объ утѣшеніяхъ, доставляемыхъ въ этой и въ будущей жизни единою и истинною, католическою религіею. Элень была тронута, и нѣсколько разъ у нея и у M. Jobert въ глазахъ стояли слезы и дрожалъ голосъ. Танецъ, на который кавалеръ пришелъ звать Элень, разстроилъ ея бесѣду съ ея будущимъ directeur de conscience [2]); но на другой день M. de Jobert пришелъ одинъ вечеромъ къ Элень, и съ того времени часто сталъ бывать у нея.

Въ одинъ день онъ сводилъ графиню въ католическій храмъ, гдѣ она стала на колѣни передъ алтаремъ, къ которому она была подведена. Немолодой, обворожительный Французъ положилъ ей на голову руки и, какъ она сама потомъ разсказывала, она почувствовала что-то въ родѣ

[1]) Мосье Жоберъ, короткополый Іезуитъ.

[2]) Управитель совѣсти.

дуновенія свѣжаго вѣтра, которое сошло ей въ душу. Ей объяснили, что это была la grace [1]).

Потомъ ей привели аббата à robe longue [2]), онъ исповѣдывалъ ее и отпустилъ ей грѣхи ея. На другой день ей принесли ящикъ, въ которомъ было причастіе, и оставили его ей на дому для употребленія. Послѣ нѣсколькихъ дней Эленъ, къ удовольствію своему, узнала, что она теперь вступила въ истинную, католическую церковь, и что на дняхъ самъ папа узнаетъ о ней и пришлетъ ей какую-то бумагу.

Все, что̀ дѣлалось за это время вокругъ нея и съ нею, все это вниманіе, обращенное на нее столькими умными людьми и выражающееся въ такихъ пріятныхъ, утонченныхъ формахъ, и голубиная чистота, въ которой она теперь находилась (она носила все это время бѣлыя платья съ бѣлыми лентами), все это доставляло ей удовольствіе; но изъ-за этаго удовольствія она ни на минуту не упускала своей цѣли. И какъ всегда бываетъ, что въ дѣлѣ хитрости глупый человѣкъ проводитъ болѣе умныхъ, она, понявъ, что цѣль всѣхъ этихъ словъ и хлопотъ состояла преимущественно въ томъ, чтобы, обративъ ее въ католичество, взять съ нея денегъ въ пользу Іезуитскихъ учрежденій (о чемъ ей дѣлали намеки), Эленъ, прежде чѣмъ давать деньги, настаивала на томъ, чтобы надъ нею произвели тѣ различныя операціи, которыя бы освободили ее отъ мужа. Въ ея понятіяхъ значеніе всякой религіи состояло только въ томъ, чтобы при удовлетвореніи человѣческихъ желаній соблюдать извѣстныя приличія. И съ этой цѣлью она, въ одной изъ своихъ бесѣдъ съ духовникомъ, настоятельно потребовала отъ него отвѣта на вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ ея бракъ связываетъ ее.

Они сидѣли въ гостинной у окна. Были сумерки. Изъ окна

[1]) Благодать.

[2]) Долгополаго.

пахло цвѣтами. Эленъ была въ бѣломъ платьѣ, просвѣчивающемъ на груди и плечахъ. Аббатъ, хорошо откормленный, съ пухлой, гладко-бритой бородой, пріятнымъ, крѣпкимъ ртомъ и бѣлыми руками, сложенными кротко на колѣняхъ, сидѣлъ близко къ Эленъ, и съ тонкой улыбкой на губахъ, мирно-восхищеннымъ ея красотою взглядомъ смотрѣлъ изрѣдка на ея лицо, и излагалъ свой взглядъ на занимавшій ихъ вопросъ. Эленъ, безпокойно улыбалась, глядѣла на его вьющіеся волоса, гладко выбритыя, чернѣющія, полныя щеки и всякую минуту ждала новаго оборота разговора. Но аббатъ, хотя очевидно и наслаждаясь красотой своей собѣсѣдницы, былъ увлеченъ мастерствомъ своего дѣла.

Ходъ разсужденія руководителя совѣсти былъ слѣдующій. Въ невѣденіи значенія того, что вы предпринимали, вы дали обѣтъ брачной вѣрности человѣку, который, съ своей стороны, вступивъ въ бракъ и не вѣря въ религіозное значеніе брака, совершилъ кощунство. Бракъ этотъ не имѣлъ двоякаго значенія, которое долженъ онъ имѣть. Но несмотря на то, обѣтъ вашъ связывалъ васъ. Вы отступили отъ него. Что вы совершили этимъ? Péché veniel или péché mortel? — Péché veniel, потому что вы безъ дурнаго умысла совершили поступокъ [1]). Ежели вы теперь, съ цѣлью имѣть дѣтей, вступили бы въ новый бракъ, то грѣхъ вашъ могъ бы быть прощенъ. Но вопросъ опять распадается на двое: Первое...

— Но я думаю, сказала вдругъ соскучившаяся Эленъ, съ своей обворожительной улыбкой, что я, вступивъ въ истинную религію, не могу быть связана тѣмъ, что наложила на меня ложная религія.

Directeur de conscience былъ изумленъ этимъ постановленіемъ передъ нимъ съ такою простотою Колумбова яйца.

[1]) Грѣхъ простительный, или грѣхъ смертный.

Онъ восхищенъ былъ неожиданной быстротой успѣховъ своей ученицы, но не могъ отказаться отъ своего умственнаго, трудами построеннаго, зданія аргументовъ.

— Entendons nous, comtesse [1]), сказалъ онъ съ улыбкой и сталъ опровергать разсужденія своей духовной дочери.

VII.

Эленъ понимала, что дѣло было очень просто и легко съ духовной точки зрѣнія, но что ея руководители дѣлали затрудненія только потому, что они опасались, какимъ образомъ свѣтская власть посмотритъ на это дѣло.

И въ слѣдствіе этого Эленъ рѣшила, что надо было въ обществѣ подготовить это дѣло. Она вызвала ревность старика-вельможи и сказала ему тоже, что̀ первому искателю т. е. поставила вопросъ такъ, что единственное средство получить права на нее состояло въ томъ, чтобы жениться на ней. Старое важное лицо, первую минуту, было также поражено этимъ предложеніемъ выдти замужъ отъ живаго мужа, какъ и первое молодое лицо; но непоколебимая увѣренность Эленъ въ томъ, что это также просто и естественно, какъ и выходъ дѣвушки за мужъ, подѣйствовала и на него. Ежели бы замѣтны были хоть малѣйшіе признаки колебанія, стыда или скрытности въ самой Эленъ, то дѣло бы ея несомнѣнно было проиграно; но нетолько не было этихъ признаковъ скрытности и стыда, но, напротивъ, она съ простотою и добродушной наивностью разсказывала своимъ близкимъ друзьямъ (а это былъ весь Петербургъ), что ей сдѣлали предложенія и принцъ и вельможа, и что она любитъ обоихъ и боится огорчить того и другаго.

По Петербургу мгновенно распространился слухъ не о томъ, что Эленъ хочетъ развестись съ своимъ мужемъ

[1]) Разберемъ дѣло, графиня.

(ежели бы распространился этотъ слухъ, очень многіе возстали бы противъ такого незаконнаго намѣренія), но прямо распространился слухъ о томъ, что несчастная, интересная Эленъ находится въ недоумѣніи о томъ, за кого изъ двухъ ей выдти за мужъ. Вопросъ уже не состоялъ въ томъ, въ какой степени это возможно, а только въ томъ, какая партія выгоднѣе, и какъ Дворъ посмотритъ на это. Были дѣйствительно нѣкоторые закоснѣлые люди, не умѣвшіе подняться на высоту вопроса и видѣвшіе въ этомъ замыслѣ поруганіе таинства брака; но такихъ было мало, и они молчали, большинство же интересовалось вопросами о счастіи, которое постигло Эленъ и какой выборъ лучше. О томъ же, хорошо ли или дурно выходить отъ живаго мужа замужъ, не говорили, потому что вопросъ этотъ очевидно былъ уже рѣшенный для людей поумнѣе насъ съ вами (какъ говорили) и усумниться въ правильности рѣшенія вопроса значило рисковать выказать свою глупость и неумѣніе жить въ свѣтѣ.

Одна только Марья Дмитріевна Ахрасимова, пріѣзжавшая въ это лѣто въ Петербургъ для свиданія съ однимъ изъ своихъ сыновей, позволила себѣ прямо выразить свое противное общественному мнѣніе. Встрѣтивъ Эленъ на балѣ, Марья Дмитріевна остановила ее по серединѣ залы, и при общемъ молчаніи своимъ грубымъ голосомъ сказала ей: «У васъ тутъ отъ живаго мужа за мужъ выходить стали. Ты, можетъ, думаешь, что ты это новенькое выдумала?—Упредили, матушка. Ужъ давно выдумано. Во всѣхъ........... такъ-то дѣлаютъ.» И съ этими словами Марья Дмитріевна съ привычнымъ, грознымъ жестомъ, засучивая свои широкіе рукава и строго оглядываясь, прошла черезъ комнату.

На Марью Дмитріевну, хотя и боялись ея, смотрѣли въ Петербургѣ какъ на шутиху и потому изъ словъ, сказанныхъ ею, замѣтили только грубое слово и шопотомъ по-

вторяли его другъ другу, предполагая, что въ этомъ словѣ заключалась вся соль сказаннаго.

Князь Василій, послѣднее время особенно часто забывавшій то, что̀ онъ говорилъ и повторявшій по сотни разъ одно и тоже, говорилъ всякій разъ, когда ему случалось видѣть свою дочь:

— Hélène, j'ai un mot à vous dire, говорилъ онъ ей, отводя ее въ сторону и дергая внизъ за руку. J'ai eu vent de certains projets relatifs à... Vous savez. Eh bien, ma chère enfant, vous savez que mon cœur de père se réjouit de vous savoir... Vous avez tant souffert... Mais, chère enfant.. ne consultez que votre cœur. C'est tout ce que je vous dis [1]). И, скрывая всегда одинаковое волненіе, онъ прижималъ свою щеку къ щекѣ дочери и отходилъ.

Билибинъ, не утратившій репутацію умнѣйшаго человѣка и бывшій безкорыстнымъ другомъ Эленъ, однимъ изъ тѣхъ друзей, которые бываютъ всегда у блестящихъ женщинъ, друзей-мущинъ, никогда не могущихъ перейти въ роль влюбленныхъ, Билибинъ однажды въ petit comité высказалъ своему другу Эленъ взглядъ свой на все это дѣло.

— Ecoutez, Bilibine (Эленъ такихъ друзей какъ Билибинъ всегда называла по фамиліи) и она дотронулась своей бѣлой въ кольцахъ рукой до рукава его фрака.—Dites moi comme vous diriez à une sœur, que dois-je faire? Le quel des deux? [2])

Билибинъ собралъ кожу надъ бровями и съ улыбкой на губахъ задумался.

[1]) Эленъ, мнѣ надо тебѣ кое-что сказать. Я прослышалъ о нѣкоторыхъ видахъ касательно.... ты знаешь. Ну такъ, милое дитя мое, ты знаешь, что сердце отца твоего радуется тому, что ты.... Ты столько терпѣла.... Но, милое дитя.... поступай, какъ велитъ тебѣ сердце. Вотъ весь мой совѣтъ.

[2]) Послушайте, Билибинъ: скажите мнѣ, какъ бы сказали вы сестрѣ, что мнѣ дѣлать? Котораго изъ двухъ?

— Vous ne me prenez pas en расплохъ, vous savez, сказалъ онъ. Comme véritable ami j'ai pensé et repensé à votre affaire. Voyez vous. Si vous épousez le prince (это былъ молодой человѣкъ), — онъ загнулъ палецъ, — vous perdez pour toujours la chance d'epouser l'autre, et puis vous mécontentez la Cour. (Comme vous savez, il y a une espèce de parenté) Mais si vous epousez le vieux comte, vous faites le bonheur de ses derniers jours, et puis comme veuve du grand... le prince ne fait plus de mésaillance en vous épousant [1]), и Билибинъ распустилъ кожу.

— Voilà un véritable ami! сказала просіявшая Эленъ, еще разъ дотрогиваясь рукой до рукава Билибина. Mais c'est que j'aime l'un et l'autre, je ne voudrais pas leur faire de chagrin. Je donnerais ma vie pour leur bonheur à touts deux [2]), сказала она.

Билибинъ пожалъ плечами, выражая, что такому горю даже и онъ пособить уже не можетъ.

«Une maîtresse-femme! Voilà ce qui s'appele poser carrément la question. Elle voudrait épouser tous les trois à la fois [3]),» подумалъ Билибинъ. Но скажите, какъ мужъ вашъ посмотритъ на это дѣло? сказалъ онъ, вслѣдствіе твердости своей репу-

[1]) Вы меня не захватите въ расплохъ. Какъ истинный другъ, я долго обдумывалъ ваше дѣло. Вотъ видите: если выдти за принца, то вы навсегда лишаетесь возможности быть женою другаго, и въ добавокъ Дворъ будетъ недоволенъ. (Вы знаете, вѣдь тутъ замѣшано родство). А если выдти за стараго графа, то вы составите счастіе послѣднихъ дней его, и потомъ.... принцу уже не будетъ унизительно жиниться на вдовѣ вельможи....

[2]) Вотъ истинный другъ! Но вѣдь я люблю того и другаго, и не хотѣла бы огорчать никого. Для счастія обоихъ я готова бы пожертвовать жизнію.

[3]) Молодецъ-женщина! Вотъ что называется поставить вопросъ на всѣ четыре угла. Она хотѣла бы быть женою всѣхъ троихъ въ одно и тоже время.

таціи не боясь уронить себя такимъ наивнымъ вопросомъ. Согласится ли онъ?

— Ah! Il m'aime tant! сказала Эленъ, которой почему-то казалось, что Пьеръ тоже её любилъ. Il fera tout pour moi [1]).

Билибинъ подобралъ кожу, чтобы обозначить готовящійся mot.

— Même le divorce [2]), сказалъ онъ.—Эленъ засмѣялась.

Въ числѣ людей, которые позволяли себѣ сомнѣваться въ законности предпринимаемаго брака, была мать Эленъ, княгиня Курагина. Она постоянно мучилась завистью къ своей дочери, и теперь, когда предметъ зависти былъ самый близкій сердцу княгини, она не могла примириться съ этой мыслью. Она совѣтовалась съ Русскимъ священникомъ о томъ, въ какой мѣрѣ возможенъ разводъ и вступленіе въ бракъ при живомъ мужѣ, и священникъ сказалъ ей, что это не возможно и, къ радости ея, указалъ ей на Евангельскій текстъ, въ которомъ (священнику казалось) прямо отвергается возможность вступленія въ бракъ отъ живаго мужа.

Вооруженная этими аргументами, казавшимися ей неопровержимыми, княгиня рано утромъ, чтобы застать ее одну, поѣхала къ своей дочери.

Выслушавъ возраженія своей матери, Эленъ кротко и насмѣшливо улыбнулась.

— Да вѣдь прямо сказано: кто женится на разводной женѣ..... сказала старая княгиня.

— Ah, maman, ne dites pas de bêtises. Vous ne comprenez rien. Dans ma position j'ai des devoirs [3]), заговорила

[1]) Ахъ! онъ меня такъ любитъ! Онъ на все для меня готовъ.

[2]) Даже и на разводъ.

[3]) Ахъ, маменька, не говорите глупостей. Вы ничего не понимаете. Въ моемъ положеніи есть обязанности.

Эленъ, переводя разговоръ на французскій съ русскаго языка, на которомъ ей всегда казалась какая-то неясность въ ея дѣлѣ.

— Но, мой другъ.....

— Ah, mamam, comment est-ce que vous ne comprenez pas que le Saint Père, qui a le droit de donner des dispenses... [1]).

Въ это время дама-компаніонка, жившая у Эленъ, вошла къ ней доложить, что его высочество въ залѣ и желаетъ ее видѣть.

— Non, dites lui que je ne veux pas le voir, que je suis furieuse contre lui, parce qu'il m'a manqué parole.

— Comtesse, à tout péché miséricorde [2]), сказалъ входя молодой, бѣлокурый человѣкъ съ длиннымъ лицомъ и носомъ.

Старая княгиня почтительно встала и присѣла. Вошедшій молодой человѣкъ не обратилъ на нее вниманія. Княгиня кивнула головой дочери и поплыла къ двери.

«Нѣтъ, она права̀, думала старая княгиня, всѣ убѣжденія которой разрушились передъ появленіемъ его высочества. Она права̀; но какъ это мы въ нашу невозвратную молодость не знали этого? А это такъ было просто,» думала, садясь въ карету, старая княгиня.

Въ началѣ Августа дѣло Эленъ совершенно опредѣлилось, и она написала своему мужу (который ее очень любилъ,

1) Ахъ, маменька, какъ вы не понимаете, что Святой Отецъ, имѣющій власть отпущеній....

2) Нѣтъ, скажите ему, что я не хочу его видѣть, что я взбѣшена противъ него, потому, что онъ мнѣ не сдержалъ слова.—Графиня, милосердіе всякому грѣху!

какъ она думала) письмо, въ которомъ извѣщала его о своемъ намѣреніи выдти замужъ за NN, и о томъ, что она вступила въ единую истинную религію, и что она проситъ его исполнить всѣ тѣ необходимыя для развода формальности, о которыхъ передастъ ему податель сего письма.

«Sur ce je prie Dieu, mon ami, de vous avoir sous Sa «sainte et puissante garde. Votre amie Hélène [1]).

Это письмо было привезено въ домъ Пьера въ то время, какъ онъ находился на Бородинскомъ полѣ.

VIII.

Во второй разъ, уже въ концѣ Бородинскаго сраженія, сбѣжавъ съ батареи Раевскаго, Пьеръ съ толпами солдатъ направился по оврагу къ Князькову, дошелъ до перевязочнаго пункта и, увидавъ кровь и услыхавъ крики и стоны, поспѣшно пошелъ дальше, замѣшавшись въ толпы солдатъ.

Одно, чего желалъ теперь Пьеръ всѣми силами своей души, было то, чтобы выдти поскорѣе изъ тѣхъ страшныхъ впечатлѣній, въ которыхъ онъ жилъ этотъ день, вернуться къ обычнымъ условіямъ жизни и заснуть спокойно въ комнатѣ на своей постели. Только въ обычныхъ условіяхъ жизни онъ чувствовалъ, что будетъ въ состояніи понять самаго себя и все то, что̀ онъ видѣлъ и испыталъ. Но этихъ обычныхъ условій жизни нигдѣ не было.

Хотя ядра и пули не свистали здѣсь по дорогѣ, по которой онъ ѣхалъ, но со всѣхъ сторонъ было тоже, что̀ было тамъ на полѣ сраженія. Тѣже были страдающія, измученныя и иногда странно-равнодушныя лица, таже кровь, тѣже солдатскія шинели, тѣже звуки стрѣльбы, хотя и от-

[1]) Затѣмъ молю Бога, да будете вы, мой другъ, подъ святымъ и сильнымъ Его покровомъ. Другъ вашъ Еленъ.

даленной, но все еще наводящей ужасъ; кромѣ того была духота и пыль.

Пройдя версты три по большой Можайской дорогѣ, Пьеръ сѣлъ на краю ея.

Сумерки спустились на землю, и гулъ орудій затихъ. Пьеръ, облокотившись на руку, легъ и лежалъ такъ долго, глядя на продвигавшіяся мимо него въ темнотѣ тѣни. Безпрестанно ему казалось, что съ страшнымъ свистомъ налетало на него ядро; онъ вздрагивалъ и приподнимался. Онъ не помнилъ, сколько времени онъ пробылъ тутъ. Въ серединѣ ночи трое солдатъ, притащивъ сучьевъ, помѣстились подлѣ него и стали разводить огонь.

Солдаты, покосившись на Пьера, развели огонь, поставили на него котелокъ, накрошили въ него сухарей и положили сала. Пріятный запахъ съѣстнаго и жирнаго явства слился съ запахомъ дыма. Пьеръ приподнялся и вздохнулъ. Солдаты (ихъ было трое) ѣли, не обращая вниманья на Пьера, и разговаривали между собой.

— Да ты изъ какихъ будешь? вдругъ обратился къ Пьеру одинъ изъ солдатъ, очевидно подъ этимъ вопросомъ подразумѣвая то, что̀ и думалъ Пьеръ, именно: ежели ты ѣсть хочешь, мы дадимъ, только скажи, честный ли ты человѣкъ?

— Я? я?.. сказалъ Пьеръ, чувствуя необходимость умалить какъ возможно свое общественное положеніе съ тѣмъ, чтобы быть ближе и понятнѣе для солдатъ. Я по настоящему ополченный офицеръ, только моей дружины тутъ нѣтъ; я пріѣзжалъ на сраженье, и потерялъ своихъ.

— Вишь ты! сказалъ одинъ изъ солдатъ.

Другой солдатъ покачалъ головой.

— Чтожъ поѣшь, коли хочешь, кавардачку! сказалъ первый и подалъ Пьеру, облизавъ ее, деревянную ложку.

Пьеръ подсѣлъ къ огню и сталъ ѣсть кавардачокъ, то кушанье, которое было въ котелкѣ и которое ему казалось

самымъ вкуснымъ изъ всѣхъ кушаній, которыя онъ когда либо ѣлъ. Въ то время какъ онъ жадно, нагнувшись надъ котелкомъ, забирая большія ложки, пережевывалъ одну за другой, и лицо его было видно въ свѣтѣ огня, солдаты молча смотрѣли на него.

— Тебѣ куды надо-то? Ты скажи! спросилъ опять одинъ изъ нихъ.

— Мнѣ въ Можайскъ.

— Ты, стало, баринъ?

— Да.

— А какъ звать?

— Петръ Кириловичъ.

— Ну, Петръ Кириловичъ, пойдемъ, мы тебя отведемъ.

Въ совершенной темнотѣ солдаты вмѣстѣ съ Пьеромъ пошли къ Можайску.

Уже пѣтухи пѣли, когда они дошли до Можайска, и стали подниматься на крутую городскую гору. Пьеръ шелъ вмѣстѣ съ солдатами, совершенно забывъ, что его постоялый дворъ былъ внизу подъ горою и что онъ уже прошелъ его. Онъ бы не вспомнилъ этого (въ такомъ онъ находился состояніи потерянности), ежели бы съ нимъ не столкнулся на половинѣ горы его берейторъ, ходившій его отъискивать по городу и возвращавшійся назадъ къ своему постоялому двору. Берейторъ узналъ Пьера по его шляпѣ, бѣлѣвшей въ темнотѣ.

— Ваше сіятельство, проговорилъ онъ, а ужъ мы отчаялись. Чтожъ вы пѣшкомъ? Куда же вы, пожалуйте!

— Ахъ да, сказалъ Пьеръ.

Солдаты пріостановились.

— Ну что, нашелъ своихъ? сказалъ одинъ изъ нихъ.

— Ну, прощавай! Петръ Кириловичъ, кажись? — Прощавай, Петръ Кириловичъ! сказали другіе голоса.

— Прощайте, сказалъ Пьеръ и направился съ своимъ берейторомъ къ постоялому двору.

«Надо дать имъ!» подумалъ Пьеръ, взявшись за карманъ.—«Нѣтъ, не надо,» сказалъ ему какой-то голосъ.

Въ горницахъ постоялаго двора не было мѣста: всѣ были заняты. Пьеръ прошелъ на дворъ и, укрывшись съ головой, легъ въ свою коляску.

IX.

Едва Пьеръ прилегъ головой на подушку, какъ онъ почувствовалъ, что засыпаетъ; но вдругъ съ ясностью почти дѣйствительности послышались бумъ, бумъ, бумъ выстрѣловъ, послышались стоны, крики, шлепанье снарядовъ, запахло кровью и порохомъ, и чувство ужаса, страха смерти охватило его. Онъ испуганно открылъ глаза и поднялъ голову изъ-подъ шинели. Все было тихо на дворѣ. Только въ воротахъ, разговаривая съ дворникомъ и шлепая по грязи, шелъ какой-то деньщикъ. Надъ головой Пьера, подъ темной изнанкой тесоваго навѣса, встрепенулись голубки отъ движенія, которое онъ сдѣлалъ приподнимаясь. По всему двору былъ разлитъ тотъ мирный, радостный для Пьера въ эту минуту, крѣпкій запахъ постоялаго двора, запахъ сѣна, навоза и дегтя. Между двумя черными навѣсами виднѣлось чистое, звѣздное небо.

«Слава Богу, что этого нѣтъ больше, подумалъ Пьеръ, опять закрываясь съ головой. — О, какъ ужасенъ страхъ и какъ позорно я отдался ему! А они.... *они* все время до конца были тверды, спокойны»... подумалъ онъ. — *Они* въ понятіи Пьера были солдаты, тѣ, которые были на батареѣ, и тѣ, которые кормили его, и тѣ, которые молились на икону. *Они* — эти странные, невѣдомые ему

доселѣ, *они* ясно и рѣзко отдѣлялись въ его мысли отъ всѣхъ другихъ людей.

«Солдатомъ быть, просто солдатомъ! думалъ Пьеръ, засыпая. Войти въ эту общую жизнь всѣмъ существомъ, проникнуться тѣмъ, что̀ дѣлаетъ ихъ такими. Но какъ скинуть съ себя все это лишнее, дьявольское, все бремя этого внѣшняго человѣка? Одно время я могъ быть этимъ. Я могъ бѣжать отъ отца, какъ я хотѣлъ. Я могъ еще послѣ дуэли съ Долоховымъ быть посланъ солдатомъ».—И въ воображеніи Пьера мелькнулъ обѣдъ въ клубѣ, на которомъ онъ вызвалъ Долохова, и благодѣтель въ Торжкѣ. И вотъ Пьеру представляется торжественная, столовая ложа. Ложа эта происходитъ въ Англійскомъ клубѣ. И кто-то знакомый, близкій, дорогой, сидитъ въ концѣ стола. Да это онъ! Это благодѣтель. «Да, вѣдь онъ умеръ? подумалъ Пьеръ. Да, умеръ; но я не зналъ, что онъ живъ. И какъ мнѣ жаль, что онъ умеръ, и какъ я радъ, что онъ живъ опять!» Съ одной стороны стола сидѣли Анатоль, Долоховъ, Несвицкой, Денисовъ и другіе такіе же (категорія этихъ людей также ясно была во снѣ опредѣлена въ душѣ Пьера, какъ и категорія тѣхъ людей, которыхъ онъ называлъ *они*), и эти люди Анатоль, Долоховъ громко кричали, пѣли; но изъ-за ихъ крика слышенъ былъ голосъ благодѣтеля, неумолкаемо говорившій, и звукъ его словъ былъ также значителенъ и непрерывенъ, какъ гулъ поля сраженья, но онъ былъ пріятенъ и утѣшителенъ. Пьеръ не понималъ того, что̀ говорилъ благодѣтель, но онъ зналъ (категорія мыслей также ясна была во снѣ), что благодѣтель говорилъ о добрѣ, о возможности быть тѣмъ, чѣмъ были *они*. И *они* со всѣхъ сторонъ, съ своими простыми, добрыми, твердыми лицами, окружали благодѣтеля. Но они хотя и были добры, они не смотрѣли на Пьера, не знали его. Пьеръ захотѣлъ обратить на себя ихъ вниманіе и сказать. Онъ привсталъ, но въ тоже мгновенье ноги его похолодѣли и обнажились.

Ему стало стыдно, и онъ рукой закрылъ свои ноги, съ которыхъ дѣйствительно свалилась шинель. На мгновеніе Пьеръ, поправляя шинель, открылъ глаза и увидалъ тѣже навѣсы, столбы, дворъ, но все это было теперь синевато, свѣтло и подернуто блестками росы или мороза.

«Разсвѣтаетъ», подумалъ Пьеръ. — «Но это не то. Мнѣ надо дослушать и понять слова благодѣтеля». Онъ опять укрылся шинелью, но ни столовой ложи, ни благодѣтеля уже не было. Были только мысли, ясно выражаемыя словами, мысли, которыя кто-то говорилъ или самъ передумывалъ Пьеръ.

Пьеръ, вспоминая потомъ эти мысли, несмотря на то, что они были вызваны впечатлѣніями этого дня, былъ убѣжденъ, что кто-то внѣ его говорилъ ихъ ему. Никогда, какъ ему казалось, онъ на яву не былъ въ состояніи такъ думать и выражать свои мысли.

«Война есть наитруднѣйшее подчиненіе свободы человѣка законамъ Бога», говорилъ голосъ. «Простота есть покорность Богу; отъ Него не уйдешь. И *они* просты. *Они* не говорятъ, но дѣлаютъ. Сказанное слово серебрянное, а не сказанное — золотое. Ничѣмъ не можетъ владѣть человѣкъ, пока онъ боится смерти. А кто не боится ея, тому принадлежитъ все. Ежели бы не было страданья, человѣкъ не зналъ бы границъ себѣ, не зналъ бы себя самаго. Самое трудное (продолжалъ во снѣ думать или слышать Пьеръ), состоитъ въ томъ, чтобы умѣть соединять въ душѣ своей значеніе всего. Все соединить?» сказалъ себѣ Пьеръ. — «Нѣтъ, не соединить. Нельзя соединять мысли, а *сопрягать* всѣ эти мысли, вотъ что нужно! Да, *сопрягать надо, сопрягать надо*!» съ внутреннимъ восторгомъ повторилъ себѣ Пьеръ, чувствуя, что этими именно, и только этими словами выражается то, что̀ онъ хочетъ выразить, и разрѣшается весь мучащій его вопросъ.

— Да, сопрягать надо, пора сопрягать.

— Запрягать надо, пора запрягать, ваше сіятельство! ваше сіятельство, повторилъ какой-то голосъ, запрягать надо, пора запрягать...

Это былъ голосъ берейтора, будившаго Пьера. Солнце било прямо въ лице Пьера. Онъ взглянулъ на грязный постоялый дворъ, въ серединѣ котораго у колодца солдаты поили худыхъ лошадей, и съ котораго въ ворота выѣзжали подводы. Пьеръ съ отвращеніемъ отвернулся и, закрывъ глаза, поспѣшно повалился опять на сидѣнье коляски. «Нѣтъ я не хочу этого, не хочу этого видѣть и понимать, я хочу понять то, что̀ открывалось мнѣ во время сна. Еще одна секунда! и я все понялъ бы. Да что же мнѣ дѣлать? Сопрягать, но какъ сопрягать все?» И Пьеръ съ ужасомъ почувствовалъ, что все значеніе того, что̀ онъ видѣлъ и думалъ во снѣ, было разрушено.

Берейторъ, кучеръ и дворникъ разсказывали Пьеру, что пріѣзжалъ офицеръ съ извѣстіемъ, что Французы подвинулись подъ Можайскъ, и что наши уходятъ.

Пьеръ всталъ и, велѣвъ закладывать и догонять себя, пошелъ пѣшкомъ черезъ городъ.

Войска выходили и оставляли около 10-ти тысячъ раненыхъ. Раненые эти виднѣлись въ дворахъ и въ окнахъ домовъ и толпились на улицахъ. На улицахъ около телегъ, которыя должны были увозить раненыхъ, слышны были крики, ругательства и удары. Пьеръ отдалъ догнавшую его коляску знакомому, раненому генералу и съ нимъ вмѣстѣ поѣхалъ до Москвы. Дорогой Пьеръ узналъ про смерть своего шурина и про смерть князя Андрея.

X.

30-го числа Пьеръ вернулся въ Москву. Почти у заставы ему встрѣтился адъютантъ графа Растопчина.

— А мы васъ вездѣ ищемъ, сказалъ адъютантъ. Графу васъ непремѣнно нужно видѣть. Онъ проситъ васъ сейчасъ же пріѣхать къ нему по очень важному дѣлу. Пьеръ, не заѣзжая домой, взялъ извощика и поѣхалъ къ главнокомандующему.

Графъ Растопчинъ только въ это утро пріѣхалъ въ городъ съ своей загородной дачи въ Сокольникахъ. Прихожая и пріемная въ домѣ графа были полны чиновниковъ, явившихся по требованію его или за приказаніями. Васильчиковъ и Платовъ уже видѣлись съ графомъ, и объяснили ему, что защищать Москву невозможно и что она будетъ сдана. Извѣстія эти хотя и скрывались отъ жителей, но чиновники, начальники различныхъ управленій знали, что Москва будетъ въ рукахъ непріятеля, также какъ и зналъ это графъ Растопчинъ; и всѣ они, чтобы сложить съ себя отвѣтственность, пришли къ главнокомандующему съ вопросами, какъ имъ поступать съ ввѣренными имъ частями.

Въ то время, какъ Пьеръ входилъ въ пріемную, курьеръ, пріѣзжавшій изъ арміи, выходилъ отъ графа.

Курьеръ безнадежно махнулъ рукой на вопросы, съ которыми обратились къ нему, и прошелъ черезъ залу.

Дожидаясь въ пріемной, Пьеръ усталыми глазами оглядывалъ различныхъ, старыхъ и молодыхъ, военныхъ и статскихъ, важныхъ и неважныхъ чиновниковъ, бывшихъ въ комнатѣ. Всѣ казались недовольными и безпокойными. Пьеръ подошелъ къ одной группѣ чиновниковъ, въ которой одинъ былъ его знакомый. Поздоровавшись съ Пьеромъ, они продолжали свой разговоръ. — Какъ выслать да опять вернуть, бѣды не будетъ; а въ такомъ положеніи ни за что нельзя отвѣчать. — Да вѣдь вотъ, онъ пишетъ, говорилъ другой, указывая на печатную бумагу, которую онъ держалъ въ рукѣ.

— Это другое дѣло. Для народа это нужно, сказалъ первый.

— Что это? спросилъ Пьеръ.

— А вотъ новая афиша. Пьеръ взялъ ее въ руки и сталъ читать:

«Свѣтлѣйшій князь, чтобы скорѣй соединиться съ вой-«сками, которыя идутъ къ нему, перешелъ Можайскъ и сталъ «на крѣпкомъ мѣстѣ, гдѣ непріятель не вдругъ на него «пойдетъ. Къ нему отправлено отсюда 48 пушекъ съ сна-«рядами, и Свѣтлѣйшій говоритъ, что Москву до послѣд-«ней капли крови защищать будетъ и готовъ хоть въ ули-«цахъ драться. Вы, братцы, не смотрите на то, что при-«сутственныя мѣста закрыли дѣла: прибрать надобно, а «мы своимъ судомъ съ злодѣемъ разберемся! Когда до чего «дойдетъ, мнѣ надобно молодцовъ и городскихъ и деревен-«скихъ. Я кличъ кликну дня за два, а теперь не надо, «я и молчу. Хорошо съ топоромъ, не дурно съ рогатиной, «а всего лучше вилы-тройчатки: Французъ не тяжеле сно-«па́ ржана́го. Завтра, послѣ обѣда, я поднимаю Иверскую «въ Екатерининскую гошпиталь, къ раненымъ. Тамъ воду «освятимъ: они скорѣе выздоровѣютъ; и я теперь здоровъ: «у меня болѣлъ глазъ, а теперь смотрю въ оба.»

— А мнѣ говорили военные люди, сказалъ Пьеръ, что въ городѣ никакъ нельзя сражаться и что позиція...

— Ну да, про то-то мы и говоримъ, сказалъ первый чиновникъ.

— А что это значитъ: у меня болѣлъ глазъ, а теперь смотрю въ оба? сказалъ Пьеръ.

— У графа былъ ячме́нь, сказалъ адъютантъ улыбаясь, и онъ очень безпокоился, когда я ему сказалъ, что приходилъ народъ спрашивать, что̀ съ нимъ. А что, графъ? сказалъ вдругъ адъютантъ, съ улыбкой обращаясь къ Пьеру: мы слышали, что у васъ семейныя тревоги, что будто графиня, ваша супруга!...

— Я ничего не слыхалъ, равнодушно сказалъ Пьеръ. А что вы слышали?

— Нѣтъ, знаете, вѣдь часто выдумываютъ. Я говорю что̀ слышалъ.

— Чтоже вы слышали?

— Да говорятъ, опять съ той же улыбкой сказалъ адъютантъ—что графиня, ваша жена, собирается за границу. Вѣроятно, вздоръ...

— Можетъ быть, сказалъ Пьеръ, разсѣянно оглядываясь вокругъ себя. — А это кто? спросилъ онъ, указывая на невысокаго стараго человѣка въ чистой, синей чуйкѣ, съ бѣлой какъ снѣгъ большой бородой, такими же бровями и румянымъ лицомъ.

— Это? Это купецъ одинъ т. е. онъ трактирщикъ, Верещагинъ. —Вы слышали, можетъ быть, эту исторію о прокламаціи.

— Ахъ такъ это Верещагинъ! сказалъ Пьеръ, вглядываясь въ твердое и спокойное лицо стараго купца и отъискивая въ немъ выраженіе измѣнничества.

— Это не онъ самый. Это отецъ того, который написалъ прокламацію, сказалъ адъютантъ. Тотъ молодой сидитъ въ ямѣ, и ему кажется плохо будетъ.

Одинъ старичокъ въ звѣздѣ и другой чиновникъ-Нѣмецъ, съ крестомъ на шеѣ, подошли къ разговаривающимъ.

— Видите ли, разсказывалъ адъютантъ, это запутанная исторія. Явилась тогда, мѣсяца два тому назадъ, эта прокламація. Графу донесли. Онъ приказалъ разслѣдовать. Вотъ Гаврило Иванычъ разъискивалъ, прокламація эта побывала ровно въ 63 рукахъ. Пріѣдетъ къ одному: вы отъ кого имѣете?—Отъ того-то. Онъ ѣдетъ къ тому: вы отъ кого? и т. д. добрались до Верещагина.... недоученный купчикъ, знаете, купчикъ-голубчикъ, улыбаясь сказалъ адъютантъ. Спрашиваютъ у него: ты отъ кого имѣешь? И главное, что мы знаемъ, отъ кого онъ имѣетъ. Ему больше не отъ кого имѣть, какъ отъ почтъ-директора. Но ужъ видно

тамъ между ними стачка была. Говоритъ: ни отъ кого, я самъ сочинилъ. И грозили и просили, сталъ на томъ: самъ сочинилъ. Такъ и доложили графу. Графъ велѣлъ призвать его.—Отъ кого у тебя прокламація?—Самъ сочинилъ. —Ну вы знаете графа! съ гордой и веселой улыбкой сказалъ адъютантъ. Онъ ужасно вспылилъ, да и подумайте: этакая наглость, ложь и упорство!..

— А! Графу нужно было, чтобы онъ указалъ на Ключарева, понимаю! скизалъ Пьеръ.

— Совсѣмъ не нужно, испуганно сказалъ адъютантъ. За Ключаревымъ и безъ этого были грѣшки, за что онъ и сосланъ. Но дѣло въ томъ, что графъ очень былъ возмущенъ. Какже ты могъ сочинить? говоритъ графъ. Взялъ со стола эту Гамбурскую газету. Вотъ она. Ты не сочинилъ, а перевелъ и перевелъ-то скверно, потому что ты и по-французски, дуракъ, не знаешь.—Чтоже вы думаете? Нѣтъ, говоритъ, я никакихъ газетъ не читалъ, я сочинилъ.—А коли такъ, то ты измѣнникъ, и я тебя предамъ суду, и тебя повѣсятъ. Говори, отъ кого получилъ?—Я никакихъ газетъ не видалъ, а сочинилъ. Такъ и осталось. Графъ и отца призывалъ: стоитъ на своемъ. И отдали подъ судъ, и приговорили, кажется, къ каторжной работѣ. Теперь отецъ пришелъ просить за него. Но дрянной мальчишка! Знаете, эдакой купеческій сынишка, франтикъ, соблазнитель, слушалъ гдѣ-то лекціи и ужъ думаетъ, что ему чертъ не братъ. Вѣдь это какой молодчикъ! У отца его трактиръ тутъ у Каменнаго моста, такъ въ трактирѣ, знаете, большой образъ Бога Вседержителя, и представленъ въ одной рукѣ скипетръ, въ другой держава; такъ онъ взялъ этотъ образъ домой на нѣсколько дней и что же сдѣлалъ! Нашелъ мерзавца-живописца...

XI.

Въ серединѣ этого новаго разсказа, Пьера позвали къ главнокомандующему.

Пьеръ вошелъ въ кабинетъ графа Растопчина. Растопчинъ, сморщившись, потиралъ лобъ и глаза рукой въ то время, какъ вошелъ Пьеръ. Невысокій человѣкъ говорилъ что-то и, какъ только вошелъ Пьеръ, замолчалъ и вышелъ.

— А здравствуйте, воинъ великій, сказалъ Растопчинъ, какъ только вышелъ этотъ человѣкъ. Слышали про ваши prouesses![1]) Но не въ томъ дѣло. Mon cher, entre nous[2]), вы масонъ? сказалъ графъ Растопчинъ строгимъ тономъ, какъ будто было что-то дурное въ этомъ, но что онъ намѣренъ былъ простить. Пьеръ молчалъ. — Mon cher, je suis bien informé[3]), но я знаю, что есть масоны и масоны, и надѣюсь, что вы не принадлежите къ тѣмъ, которые подъ видомъ спасенья рода человѣческаго хотятъ погубить Россію.

— Да, я масонъ, отвѣчалъ Пьеръ.

— Ну вотъ видите ли, мой милый. Вамъ, я думаю, не безъизвѣстно, что господа Сперанскій и Магницкій отправлены куда слѣдуетъ; тоже сдѣлано съ господиномъ Ключаревымъ, тоже и съ другими, которые подъ видомъ сооруженія храма Соломона старались разрушить храмъ своего отечества. Вы можете понимать, что на это есть причины и что я не могъ бы сослать здѣшняго почтъ-директора, ежели бы онъ не былъ вредный человѣкъ. Теперь мнѣ извѣстно, что вы послали ему свой экипажъ для подъема изъ города и даже, что вы приняли отъ него бумаги для храненія. Я

[1]) Ваши достославные подвиги.

[2]) Мой милый, между нами.

[3]) Мой милый, мнѣ хорошо извѣстно.

васъ люблю и не желаю вамъ зла, и какъ вы два раза моложе меня, то я, какъ отецъ, совѣтую вамъ прекратить всякое сношеніе съ такого рода людьми и самому уѣзжать отсюда какъ можно скорѣе.

— Но въ чемъ же, графъ, вина Ключарева? спросилъ Пьеръ.

— Это мое дѣло знать и не ваше меня спрашивать, вскрикнулъ Растопчинъ.

— Ежели его обвиняютъ въ томъ, что онъ распространялъ прокламаціи Наполеона, то вѣдь это не доказано, сказалъ Пьеръ (не глядя на Растопчина), и Верещагина...

— Nous y voilà [1]), вдругъ нахмурившись, перебивая Пьера, еще громче прежняго вскрикнулъ Растопчинъ. Верещагинъ измѣнникъ и предатель, который получитъ заслуженную казнь, сказалъ Растопчинъ съ тѣмъ жаромъ злобы, съ которымъ говорятъ люди при воспоминаніи объ оскорбленіи. Но я не призвалъ васъ для того, чтобы обсуждать мои дѣла, а для того чтобы дать вамъ совѣтъ или приказанье, ежели вы этого хотите. Прошу васъ прекратить сношенія съ такими господами какъ Ключаревъ и ѣхать отсюда. А я дурь выбью, въ комъ бы она ни была. — И вѣроятно спохватившись, что онъ какъ будто кричалъ на Безухаго, который еще ни въ чемъ не былъ виноватъ, онъ прибавилъ, дружески взявъ за руку Пьера: Nous sommes à la veille d'un desastre publique, et je n'ai pas le temps de dire des gentilleses à tous ceux qui ont affaire à moi. Голова иногда кругомъ идетъ! — Eh bien, mon cher, qu'est ce que vous faites, vous, personellement? [2])

[1]) Такъ и есть!

[2]) Мы наканунѣ общаго бѣдствія, и мнѣ нѣкогда быть любезнымъ со всѣми, съ кѣмъ у меня есть дѣло. — И такъ мой милый, что̀ вы предпринимаете, вы лично?

— Mais rien[1]), отвѣчалъ Пьеръ, все не поднимая глазъ и не измѣняя выраженія задумчиваго лица.

Графъ нахмурился.—Un conseil d'ami, mon cher. Décampez et au plutot, c'est tout ce que je vous dis. A bon entendeur salut! Прощайте, мой милый. Ахъ да, прокричалъ онъ ему изъ двери, правда ли что графиня попалась въ лапки des saints pères de la Societé de Jesus? [2])

Пьеръ ничего не отвѣтилъ и, нахмуренный и сердитый, какимъ его никогда не видали, вышелъ отъ Растопчина.

Когда онъ пріѣхалъ домой, уже смеркалось. Человѣкъ 8 разныхъ людей побывало у него въ этотъ вечеръ. Секретарь комитета, полковникъ его батальона, управляющій, дворецкій и разные просители. У всѣхъ были дѣла до Пьера, которыя онъ долженъ былъ разрѣшить. Пьеръ ничего не понималъ, не интересовался этими дѣлами, и давалъ на всѣ вопросы только такіе отвѣты, которые бы освободили его отъ этихъ людей. Наконецъ, оставшись одинъ, онъ распечаталъ и прочелъ письмо жены.

«*Они*—солдаты на батареѣ, князь Андрей убитъ.. старикъ.. Простота есть покорность Богу. Страдать надо... значеніе всего... сопрягать надо... жена идетъ за мужъ... Забыть и понять надо...» И онъ, подойдя къ постели, не раздѣваясь, повалился на нее и тотчасъ же заснулъ.

Когда онъ проснулся на другой день утромъ, дворецкій пришелъ доложить, что отъ графа Растопчина пришелъ на-

[1]) Да ничего.

[2]) Я вамъ дамъ дружескій совѣтъ. Выбирайтесь скорѣе, вотъ что я вамъ скажу. Блаженъ кто умѣетъ слушаться. — Въ лапки святыхъ отцевъ Общества Іисусова.

рочно посланный полицейскій чиновникъ — узнать, уѣхалъ ли или уѣзжаетъ ли графъ Безухій.

Человѣкъ десять разныхъ людей, имѣющихъ дѣло до Пьера, ждали его въ гостиной. Пьеръ поспѣшно одѣлся и вмѣсто того, чтобы идти къ тѣмъ, которые ожидали его, онъ пошелъ на заднее крыльцо и оттуда вышелъ въ ворота.

Съ тѣхъ поръ и до конца Московскаго разоренія, никто изъ домашнихъ Безуховыхъ, несмотря на всѣ поиски, не видалъ больше Пьера и не зналъ, гдѣ онъ находился.

XII.

Ростовы до 1-го Сентября т. е. до кануна вступленія непріятеля въ Москву, оставались въ городѣ.

Послѣ поступленія Пети въ полкъ казаковъ Оболенскаго и отъѣзда его въ Бѣлую Церковь, гдѣ формировался этотъ полкъ, на графиню нашелъ страхъ. Мысль о томъ, что оба ея сына находятся на войнѣ, что оба они ушли изъ-подъ ея крыла, что нынче или завтра каждый изъ нихъ, а можетъ быть и оба вмѣстѣ, какъ три сына одной ея знакомой, могутъ быть убиты, въ первый разъ теперь въ это лѣто съ жестокой ясностью пришла ей въ голову. Она пыталась вытребовать къ себѣ Николая, хотѣла сама ѣхать къ Петѣ, опредѣлить его куда-нибудь въ Петербургѣ, но и то и другое оказывалось невозможнымъ. Петя не могъ быть возвращенъ иначе какъ вмѣстѣ съ полкомъ или посредствомъ перевода въ другой дѣйствующій полкъ. Николай находился гдѣ-то въ арміи и послѣ своего послѣдняго письма, въ которомъ подробно описывалъ свою встрѣчу съ княжной Марьей, не давалъ о себѣ слуха. Графиня не спала ночей и, когда засыпала, видѣла во снѣ убитыхъ сыновей. Послѣ многихъ совѣтовъ и переговоровъ, графъ придумалъ наконецъ средство для успокоенія графини. Онъ перевелъ

Петю изъ полка Оболенскаго въ полкъ Безухова, который формировался подъ Москвою. Хотя Петя и оставался въ военной службѣ, но при этомъ переводѣ графиня имѣла утѣшенье видѣть хотя одного сына у себя подъ крылышкомъ и надѣялась устроить своего Петю такъ, чтобы больше не выпускать его и записывать всегда въ такія мѣста службы, гдѣ бы онъ никакъ не могъ попасть въ сраженіе. Пока одинъ Nicolas былъ въ опасности, графинѣ казалось (и она даже каялась въ этомъ), что она любитъ старшаго больше всѣхъ остальныхъ дѣтей; но когда меньшой, шалунъ, дурно учившійся, все ломавшій въ домѣ и всѣмъ надоѣвшій Петя, этотъ курносый Петя, съ своими веселыми черными глазами, свѣжимъ румянцомъ и чуть пробивающимся пушкомъ на щекахъ, попалъ туда, къ этимъ большимъ, страшнымъ, жестокимъ мущинамъ, которые тамъ *что-то* сражаются и что-то въ этомъ находятъ радостнаго: тогда матери показалось, что его-то она любила больше, гораздо больше всѣхъ своихъ дѣтей. Чѣмъ ближе подходило то время, когда долженъ былъ вернуться въ Москву ожидаемый Петя, тѣмъ болѣе увеличивалось безпокойство графини. Она думала уже, что никогда не дождется этого счастія. Присутствіе не только Сони, но и любимой Наташи, даже мужа, раздражало графиню. «Что мнѣ за дѣло до нихъ, мнѣ никого не нужно, кромѣ Пети!» думала она.

Въ послѣднихъ числахъ Августа Ростовы получили второе письмо отъ Николая. Онъ писалъ изъ Воронежской губерніи, куда онъ былъ посланъ за лошадьми. Письмо это не успокоило графиню. Зная одного сына внѣ опасности, она еще сильнѣе стала тревожиться за Петю.

Несмотря на то, что уже съ 20 числа Августа почти всѣ знакомые Ростовыхъ повыѣхали изъ Москвы, несмотря на то, что всѣ уговаривали графиню уѣзжать какъ можно скорѣе, она ничего не хотѣла слышать объ отъѣздѣ до тѣхъ поръ, пока не вернется ея сокровище обожаемый Петя. 28 Августа пріѣ-

халъ Петя. Болѣзненно-страстная нѣжность, съ которою мать встрѣтила его, не понравилась 16-ти лѣтнему офицеру. Несмотря на то, что мать скрыла отъ него свое намѣренье не выпускать его теперь изъ-подъ своего крылышка, Петя понялъ ея замыслы, и инстиктивно боясь того, чтобы съ матерью не разнѣжничаться, не обабиться (такъ онъ думалъ самъ съ собой), онъ холодно обошелся съ ней, избѣгалъ ея, и во время своего пребыванья въ Москвѣ исключительно держался общества Наташи, къ которой онъ всегда имѣлъ особенную, почти влюбленную, братскую нѣжность.

По обычной безпечности графа, 28 Августа ничто еще не было готово для отъѣзда, и ожидаемыя изъ Рязанской и Московской деревень подводы для подъема изъ дома всего имущества пришли только 30-го.

Съ 28 по 31 Августа, вся Москва была въ хлопотахъ и движеніи. Каждый день въ Дорогомиловскую заставу ввозили и развозили по Москвѣ тысячи раненыхъ въ Бородинскомъ сраженіи, и тысячи подводъ, съ жителями и имуществомъ, выѣзжали въ другія заставы. Несмотря на афишки Растопчина или независимо отъ нихъ или вслѣдствіе ихъ, самыя противурѣчащія и странныя новости передавались по городу. Кто говорилъ о томъ, что не велѣно никому выѣзжать; кто, напротивъ, разсказывалъ, что подняли всѣ иконы изъ церквей и что всѣхъ высылаютъ насильно; кто говорилъ, что было еще сраженье послѣ Бородинскаго, въ которомъ разбиты Французы; кто говорилъ напротивъ, что все Русское войско уничтожено; кто говорилъ о Московскомъ ополченіи, которое пойдетъ, съ духовенствомъ впереди, на Три Горы; кто потихоньку разсказывалъ, что Августину не велѣно выѣзжать, что пойманы измѣнники, что мужики бунтуютъ и грабятъ тѣхъ, кто выѣзжаетъ, и т. п. и т. п. Но это только говорили, а въ сущности и тѣ, которые ѣхали и тѣ, которые оставались (несмотря на то, что еще не было совѣта въ Фи-

ляхъ, на которомъ рѣшено было оставить Москву) всѣ чувствовали, хотя и не выказывали этого, что Москва непремѣнно сдана будетъ и что надо какъ можно скорѣе убираться самимъ и спасать свое имущество. Чувствовалось, что все вдругъ должно разорваться и измѣниться, но до 1-го числа ничто еще не измѣнялось. Какъ преступникъ, котораго ведутъ на казнь, знаетъ, что вотъ-вотъ онъ долженъ погибнуть, но все еще приглядывается вокругъ себя и поправляетъ дурно надѣтую шапку; такъ и Москва невольно продолжала свою обычную жизнь, хотя знала, что близко то время погибели, когда разорвутся всѣ тѣ условныя отношенія жизни, которымъ привыкли покоряться.

Впродолженіи этихъ трехъ дней, предшествовавшихъ плѣненію Москвы, все семейство Ростовыхъ находилось въ различныхъ житейскихъ хлопотахъ. Глава семейства, графъ Илья Андреичъ безпрестанно ѣздилъ по городу, собирая со всѣхъ сторонъ ходившіе слухи и дома дѣлалъ общія поверхностныя и торопливыя распоряженія о приготовленіяхъ къ отъѣзду.

Графиня слѣдила за уборкой вещей, всѣмъ была недовольна и ходила за безпрестанно-убѣгавшимъ отъ нея Петей, ревнуя его къ Наташѣ, съ которой онъ проводилъ все время. Соня одна распоряжалась практической стороной дѣла: укладываньемъ вещей. Но Соня была особенно грустна и молчалива все это послѣднее время. Письмо Nicolas, въ которомъ онъ упоминалъ о княжнѣ Марьи, вызвало въ ея присутствіи радостныя разсужденія графини о томъ, какъ во встрѣчѣ княжны Марьи съ Nicolas она видѣла Промыслъ Божій.—Я никогда не радовалась тогда, сказала графиня, когда Болконскій былъ женихомъ Наташи, а я всегда желала, и у меня есть предчувствіе, что Николинька женится на княжнѣ. И какъ бы это хорошо было!

Соня чувствовала, что это было правда, что единственная

возможность поправленія дѣлъ Ростовыхъ была женитьба на богатой, и что княжна была хорошая партія. Но ей было это очень горько. Не смотря на свое горе, или можетъ быть именно вслѣдствіе своего горя, она на себя взяла всѣ трудныя заботы распоряженій объ уборкѣ и укладкѣ вещей, и цѣлые дни была занята. Графъ и графиня обращались къ ней, когда имъ что нибудь нужно было приказывать. Петя и Наташа, напротивъ, не только не помогали родителямъ, но большею частью всѣмъ въ домѣ надоѣдали и мѣшали. И цѣлый день почти слышны были въ домѣ ихъ бѣготня, крики и безпричинный хохотъ. Они смѣялись и радовались вовсе не оттого, что была причина ихъ смѣху; но имъ на душѣ было радостно и весело, и потому все, что̀ ни случалось, было для нихъ причиной радости и смѣху. Пети было весело отъ того, что, уѣхавъ изъ дома мальчикомъ, онъ вернулся (какъ ему говорили всѣ) молодцомъ-мущиной; весело было оттого, что онъ дома, оттого, что онъ изъ Бѣлой Церкви, гдѣ не скоро была надежда попасть въ сраженье, попалъ въ Москву, гдѣ на дняхъ будутъ драться; и главное, весело оттого, что Наташа, настроенію духа которой онъ всегда покорялся, была весела. Наташа же была весела потому, что она слишкомъ долго была грустна, и теперь ничто не напоминало ей причину ея грусти, и она была здорова. Еще она была весела потому, что былъ человѣкъ, который ею восхищался (восхищеніе другихъ была та мазь колесъ, которая была необходима для того, чтобы ея машина совершенно-свободно двигалась), и Петя восхищался ею. Главное же, веселы они были потому, что война была подъ Москвой, что будутъ сражаться у заставы, что раздаютъ оружіе, что всѣ бѣгутъ, уѣзжаютъ куда-то, что вообще происходитъ что-то необычайное, что̀ всегда радостно для человѣка, въ особенности для молодаго.

XIII.

31 Августа въ субботу, въ домѣ Ростовыхъ все казалось перевернутымъ верхъ дномъ. Всѣ двери были растворены, вся мебель вынесена или переставлена, зеркала, картины сняты. Въ комнатахъ стояли сундуки, валялось сѣно, обѣрточная бумага и верѣвки. Мужики и дворовые, выносившіе вещи, тяжелыми шагами ходили по паркету. На дворѣ тѣснились мужицкія телѣги, нѣкоторыя уже уложенныя вѐрхомъ и увязанныя, нѣкоторыя еще пустыя.

Голоса и шаги огромной дворни и пріѣхавшихъ съ подводами мужиковъ звучали, перекликиваясь на дворѣ и въ домѣ. Графъ съ утра выѣхалъ куда-то. Графиня, у которой разболѣлась голова отъ суеты и шума, лежала въ новой диванной съ уксусными повязками на головѣ. Пети не было дома (онъ пошелъ къ товарищу, съ которымъ намѣревался изъ ополченцевъ перейти въ дѣйствующую армію). Соня присутствовала въ залѣ при укладкѣ хрусталя и фарфора. Наташа сидѣла въ своей раззоренной комнатѣ на полу между разбросанными платьями, лентами, шарфами и, неподвижно глядя на полъ, держала въ рукахъ старое бальное платье, то самое (уже старое по модѣ) платье, въ которомъ она въ первый разъ была на Петербургскомъ балѣ.

Наташѣ совѣстно было ничего не дѣлать въ домѣ тогда, какъ всѣ были такъ заняты, и она нѣсколько разъ съ утра еще пробовала приняться за дѣло; но душа ея не лежала къ этому дѣлу; а она не могла и не умѣла дѣлать что нибудь не отъ всей души, не изо всѣхъ своихъ силъ. Она постояла надъ Соней при укладкѣ фарфора, хотѣла помочь, но тотчасъ же бросила, и пошла къ себѣ укладывать свои вещи. Сначало ее веселило то, что она раздавала свои платья и ленты горничнымъ, но потомъ, когда остальное все-таки надо было укладывать, ей это показалось скучнымъ.

«Дуняша, ты уложишь, голубушка? Да? Да?» И когда Дуняша охотно обѣщалась ей все сдѣлать, Наташа сѣла на полъ, взяла въ руки старое бальное платье и задумалась совсѣмъ не о томъ, что̀ бы должно было занимать ее теперь. Изъ задумчивости, въ которой находилась Наташа, вывелъ ее говоръ дѣвушекъ въ сосѣдней дѣвичьей и звуки ихъ поспѣшныхъ шаговъ изъ дѣвичьей на заднее крыльцо. Наташа встала и посмотрѣла въ окно. На улицѣ остановился огромный поѣздъ раненыхъ.

Дѣвушки, лакеи, ключница, няня, поваръ, кучера, форейторы, поваренки стояли у воротъ, глядя на раненыхъ.

Наташа, накинувъ бѣлый носовой платокъ на волосы и придерживая его обѣими руками за кончики, вышла на улицу.

Бывшая ключница, старушка Мавра Кузминишна отдѣлилась отъ толпы, стоявшей у воротъ и, подойдя къ телегѣ, на которой была рогожная кибиточка, разговаривала съ лежавшимъ въ этой телѣгѣ молодымъ, блѣднымъ офицеромъ. Наташа подвинулась на нѣсколько шаговъ, и робко остановилась, продолжая придерживать свой платокъ и слушая то, что̀ говорила ключница.

— Чтожъ, у васъ значитъ никого и нѣтъ въ Москвѣ? говорила Мавра Кузминишна. Вамъ бы покойнѣе гдѣ на квартирѣ... Вотъ бы хоть къ намъ. Господа уѣзжаютъ.

— Не знаю, позволятъ ли, слабымъ голосомъ сказалъ офицеръ. Вонъ начальникъ... спросите, и онъ указалъ на толстаго маіора, который возвращался назадъ по улицѣ по ряду телѣгъ.

Наташа испуганными глазами заглянула въ лицо раненаго офицера и тотчасъ же пошла на встрѣчу маіору.

— Можно раненымъ у насъ въ домѣ остановиться? спросила она.

Маіоръ съ улыбкой приложилъ руку къ козырьку.

— Кого вамъ угодно, мамзель? сказалъ онъ, съуживая глаза и улыбаясь.

Наташа спокойно повторила свой вопросъ, и лицо и вся манера ея, не смотря на то, что она продолжала держать свой платокъ за кончики, были такъ серьзны, что маіоръ пересталъ улыбаться, и сначала задумавшись, какъ бы спрашивая себя въ какой степени это можно? отвѣтилъ ей утвердительно.

— О, да, отчего-жъ, можно, сказалъ онъ.

Наташа слегка наклонила голову и быстрыми шагами вернулась къ Маврѣ Кузминишнѣ, стоявшей надъ офицеромъ и съ жалобнымъ участіемъ разговаривавшей съ нимъ.

— Можно, онъ сказалъ, можно! шопотомъ сказала Наташа.

Офицеръ въ кибиточкѣ завернулъ во дворъ Ростовыхъ, и десятки телѣгъ съ ранеными стали, по приглашеніямъ городскихъ жителей, заворачивать въ дворы и подъѣзжать къ подъѣздамъ домовъ Поварской улицы. Наташѣ видимо понравились эти, внѣ обычныхъ условій жизни, отношенія съ новыми людьми. Она вмѣстѣ съ Маврой Кузминишной старалась заворотить на свой дворъ какъ можно больше раненыхъ.

— Надо все таки папашѣ доложить, сказала Мавра Кузминишна.

— Ничего, ничего, развѣ не все равно! На одинъ день мы въ гостиную перейдемъ. Можно всю нашу половину имъ отдать.

— Ну, ужъ вы, барышня, придумаете! Да хоть и въ флигеля, въ холостую, къ нянюшкѣ, и то спросить надо.

— Ну, я спрошу.

Наташа побѣжала въ домъ и на ципочкахъ вошла въ полуотворенную дверь диванной, изъ которой пахло уксусомъ и гофманскими каплями.

— Вы спите, мама?

— Ахъ какой сонъ! сказала, пробуждаясь, только что задремавшая графиня.

— Мама, голубчикъ, сказала Наташа, становясь на колѣни передъ матерью и близко приставляя свое лицо къ ея лицу. Виновата, простите, никогда не буду, я васъ разбудила. Меня Мавра Кузминишна послала, тутъ раненыхъ привезли, офицеровъ, позволите? А имъ некуда дѣваться; я знаю, что вы позволите... говорила она быстро, не переводя духа.

— Какіе офицеры? Кого привезли? ничего не понимаю, сказала графиня.

Наташа засмѣялась, графиня тоже слабо улыбалась.—Я знала, что вы позволите... такъ, я такъ и скажу. И Наташа, поцѣловавъ мать, встала и пошла къ двери.

Въ залѣ она встрѣтила отца, съ дурными извѣстіями возвратившагося домой.

— Досидѣлись мы! съ невольной досадой сказалъ графъ: и клубъ закрытъ, и полиція выходитъ.

— Папа, ничего, что я раненыхъ пригласила въ домъ? сказала ему Наташа.

— Разумѣется ничего, разсѣянно сказалъ графъ. Не въ томъ дѣло, а теперь прошу, чтобъ пустяками не заниматься, а помогать укладывать и ѣхать, ѣхать, ѣхать завтра... И графъ передалъ дворецкому и людямъ тоже приказаніе. За обѣдомъ вернувшійся Петя разсказывалъ свои новости.

Онъ говорилъ, что нынче народъ разбиралъ оружіе въ Кремлѣ, что въ афишѣ Растопчина хотя и сказано, что онъ кличъ кликнетъ дня за два, но что ужъ сдѣлано распоряженіе навѣрное о томъ, чтобы завтра весь народъ шелъ на Три Горы съ оружіемъ, и что тамъ будетъ большое сраженіе.

Графиня съ робкимъ ужасомъ посматривала на веселое, разгоряченное лицо своего сына въ то время, какъ онъ говорилъ это. Она знала, что ежели она скажетъ слово о

томъ, что она проситъ Петю не ходить на это сраженіе, (она знала, что онъ радуется этому предстоящему сраженію) то онъ скажетъ что-нибудь о мущинахъ, о чести, объ отечествѣ, — что-нибудь такое безсмысленное, мужское, упрямое, противъ чего нельзя возражать, и дѣло будетъ испорчено, и поэтому, надѣясь устроить такъ, чтобы уѣхать до этого и взять съ собой Петю, какъ защитника и покровителя, она ничего не сказала Петѣ, а послѣ обѣда призвала графа и со слезами умоляла его увезти ее скорѣе, въ эту же ночь, если возможно. Съ женской, невольной хитростью любви, она, до сихъ поръ выказывавшая совершенное безстрашіе, говорила, что она умретъ отъ страха, ежели не уѣдутъ нынче ночью. Она, не притворяясь, боялась теперь всего.

XIV.

M-me Schoss, ходившая къ своей дочери, еще болѣе увеличила страхъ графини разсказами о томъ, чтó она видѣла на Мясницкой улицѣ въ питейной конторѣ. Возвращаясь по улицѣ, она не могла пройти домой отъ пьяной толпы народа, бушевавшей у конторы. Она взяла извощика и объѣхала переулкомъ домой; и извощикъ разсказывалъ ей, что народъ разбивалъ бочки въ питейной конторѣ, что такъ велѣно.

Послѣ обѣда всѣ домашніе Ростовыхъ съ восторженной поспѣшностью принялись за дѣло укладки вещей и приготовленій къ отъѣзду. Старый графъ, вдругъ принявшись за дѣло, все послѣ обѣда не переставая ходилъ со двора въ домъ и обратно, безтолково крича на торопящихся людей и еще болѣе торопя ихъ. Петя распоряжался на дворѣ. Соня не знала что дѣлать подъ вліяніемъ противурѣчивыхъ приказаній графа и совсѣмъ терялась. Люди, крича, споря и шумя, бѣгали по комнатамъ и двору. Наташа, съ свойственной ей во

всемъ страстностью, вдругъ тоже принялась за дѣло. Сначала вмѣшательство ея въ дѣло укладыванія было встрѣчено съ недовѣріемъ. Отъ нея все ждали шутки и не хотѣли слушаться ея; но она съ упорствомъ и страстностью требовала себѣ покорности, сердилась, чуть не плакала, что ея не слушаютъ и наконецъ добилась того, что въ нее повѣрили. Первый подвигъ ея, стоившій ей огромныхъ усилій и давшій ей власть, была укладка ковровъ. У графа въ домѣ были дорогіе gobelins и персидскіе ковры. Когда Наташа взялась за дѣло, въ залѣ стояли два ящика открытые: одинъ почти до̀-верху уложеннай фарфоромъ, другой съ коврами. Фарфора было еще много наставлено на столахъ, и еще все несли изъ кладовой. Надо было начинать новый, третій ящикъ, и за нимъ пошли люди.

— Соня, постой, да мы все такъ уложимъ, сказала Наташа.

— Нельзя, барышня, ужъ пробовали, сказалъ буфетчикъ.

— Нѣтъ, постой, пожалуста. И Наташа начала доставать изъ ящика завернутыя въ бумаги блюда и тарелки.

— Блюда надо сюда въ ковры, сказала она.

— Да еще и ковры-то дай Богъ на три ящика разложить, сказалъ буфетчикъ.

— Да постой, пожалуста. И Наташа быстро, ловко начала разбирать. — Это не надо, говорила она про Кіевскія тарелки; это да—это въ ковры, говорила она про Саксонскія блюда.

— Да оставь, Наташа; ну полно, мы уло́жимъ, съ упрекомъ говорила Соня. — Эхъ барышня! говорилъ дворецкій. Но Наташа не сдалась, выкинула всѣ вещи и быстро начала опять укладывать, рѣшая, что плохі́е домашніе ковры и лишнюю посуду не надо совсѣмъ брать. Когда все было вынуто, начали опять укладывать. И дѣйствительно, выкинувъ почти все дешевое, то что̀ не стоило брать съ собой, все цѣнное уложили въ два ящика. Не закрывалась только крышка ковернаго ящика. Можно было вынуть немного

вещей, но Наташа хотѣла настоять на своемъ. Она укладывала, перекладывала, нажимала, заставляла буфетчика и Петю, котораго она увлекла за собой въ дѣло укладыванья, нажимать крышку и сама дѣлала отчаянныя усилія.

— Да полно, Наташа, говорила ей Соня. Я вижу, ты права, да вынь одинъ верхній.

— Не хочу, кричала Наташа, одной рукой придерживая распустившіеся волосы по потному лицу, другой надавливая ковры. Да жми же, Петька, жми! Васильичъ, нажимай! кричала она. Ковры нажались, и крышка закрылась. Наташа, хлопая въ ладоши, завизжала отъ радости, и слезы брызгнули у ней изъ глазъ. Но это продолжалось секунду. Тотчасъ же она принялась за другое дѣло, и уже ей вполнѣ вѣрили, и графъ не сердился, когда ему говорили, что Наталья Ильинишна отмѣнила его приказанье, и дворовые приходили къ Наташѣ спрашивать: увязывать или нѣтъ подводу, и довольно ли она наложена? Дѣло спорилось, благодаря распоряженіямъ Наташи: оставлялись ненужныя вещи, и укладывались самымъ тѣснымъ образомъ самыя дорогія.

Но какъ ни хлопотали всѣ люди, къ поздней ночи еще не все могло быть уложено. Графиня заснула, и графъ, отложивъ отъѣздъ до утра, пошелъ спать.

Соня, Наташа спали, не раздѣваясь, въ диванной.

Въ эту ночь еще новаго раненаго провозили черезъ Поварскую, и Мавра Кузминишна, стоявшая у воротъ, заворотила его къ Ростовымъ. Раненый этотъ, по соображеніямъ Марьи Кузминишны, былъ очень значительный человѣкъ. Его везли въ коляскѣ, совершенно закрытой фартукомъ и съ спущеннымъ верхомъ. На козлахъ вмѣстѣ съ извощикомъ сидѣлъ старикъ, почтенный камердинеръ. Сзади въ повозкѣ ѣхали докторъ и два солдата.

— Пожалуйте къ намъ, пожалуйте. Господа уѣзжаютъ, весь домъ пустой, сказала старушка, обращаясь къ старому слугѣ.

— Да что, отвѣчалъ камердинеръ, вздыхая. и довезти не чаемъ! У насъ и свой домъ въ Москвѣ, да далеко, да и не живетъ никто.

— Къ намъ милости просимъ, у нашихъ господъ всего много, пожалуйте, говорила Мавра Кузминишна. — А что, очень нездоровы? прибавила она.

Камердинеръ махнулъ рукой.

— Не чаемъ довести! У доктора спросить надо. И камердинеръ сошелъ съ козелъ и подошелъ къ повозкѣ.

— Хорошо, сказалъ докторъ.

Камердинеръ подошелъ опять къ коляскѣ, заглянулъ въ нее, покачалъ головой, велѣлъ кучеру заворачивать на дворъ и остановился подлѣ Мавры Кузминишны.

— Господи Іисусе Христе! проговорила она.

Мавра Кузминишна предлагала внести раненаго въ домъ.

— Господа ничего не скажутъ.... говорила она. Но надо было избѣжать подъема на лѣстницу, и потому раненаго внесли во флигель и положили въ бывшей комнатѣ M-me Schoss. Раненый этотъ былъ князь Андрей Болконскій.

XV.

Наступилъ послѣдній день Москвы. Была ясная, веселая, осенняя погода. Было воскресенье. Какъ и въ обыкновенныя воскресенья, благовѣстили къ обѣднѣ во всѣхъ церквахъ. Никто, казалось, еще не могъ понять того, что̀ ожидаетъ Москву.

Только два указателя состоянія общества выражали то положеніе, въ которомъ была Москва: чернь, т. е. сословіе бѣдныхъ людей, и цѣны на предметы. Фабричные, дворовые и мужики, огромной толпой, въ которую замѣшались чиновники, семинаристы, дворяне, въ этотъ день рано утромъ вышли на Три Горы. Постоявъ тамъ и не дождав-

шись Растопчина и убѣдившись въ томъ, что Москва будетъ сдана, эта толпа разсыпалась по Москвѣ, по питейнымъ домамъ и трактирамъ. Цѣны въ этотъ день тоже указывали на положеніе дѣлъ. Цѣны на оружіе, на золото, на телѣги и лошадей все шли возвышаясь, а цѣны на бумажки и на городскія вещи все шли уменьшаясь, такъ что въ серединѣ дня были случаи, что дорогіе товары, какъ сукна, извощики вывозили 'зъ-полу, а за мужицкую лошадь платили 500 рублей, мебель же, зеркала, бронзы отдавали даромъ.

Въ степенномъ и старомъ домѣ Ростовыхъ, распаденіе прежнихъ условій жизни выразилось очень слабо. Въ отношеніи людей было только то, что въ ночь пропало три человѣка изъ огромной дворни; но ничего не было украдено, и въ отношеніи цѣнъ вещей оказалось то, что 30 подводъ, пришедшія изъ деревень, были огромное богатство, которому многіе завидовали и за которыя Ростовымъ предлагали огромныя деньги. Мало того, что за эти подводы предлагали огромныя деньги, свечера и рано утромъ 1-го Сентября на дворъ къ Ростовымъ приходили посланные деньщики и слуги отъ раненыхъ офицеровъ и притаскивались сами раненые, помѣщенные у Ростовыхъ и въ сосѣднихъ домахъ и умоляли людей Ростовыхъ похлопотать о томъ, чтобъ имъ дали подводъ для выѣзда изъ Москвы. Дворецкій, къ которому обращались съ такими просьбами, хотя и жалѣлъ раненыхъ, рѣшительно отказывалъ, говоря, что онъ даже и не посмѣетъ доложить о томъ графу. Какъ ни жалки были остающіеся раненые, было очевидно, что отдай одну подводу, не было причины не отдать другую, всѣ—отдать и свои экипажи. Тридцать подводъ не могли спасти всѣхъ раненыхъ, а въ общемъ бѣдствіи нельзя было не думать о себѣ и своей семьѣ. Такъ думалъ дворецкій за своего барина

Проснувшись утромъ 1-го числа, графъ Илья Андреичъ

потихоньку вышелъ изъ спальни, чтобы не разбудить къ утру только заснувшую графиню, и въ своемъ лиловомъ, шелковомъ халатѣ вышелъ на крыльцо. Подводы увязанныя стояли на дворѣ. У крыльца стояли экипажи. Дворецкій стоялъ у подъѣзда, разговаривая съ старикомъ-деньщикомъ и молодымъ, блѣднымъ офицеромъ съ подвязанной рукой. Дворецкой, увидавъ графа, сдѣлалъ офицеру и деньщику значительный и строгій знакъ, чтобы они удалились.

— Ну, что все готово, Васильичъ? сказалъ графъ, потирая свою лысину и добродушно глядя на офицера и деньщика и кивая имъ головой. (Графъ любилъ новыя лица).

— Хоть сейчасъ запрягать, ваше сіятельство.

— Ну и славно, вотъ графиня проснется, и съ Богомъ!—Вы что, господа? обратился онъ къ офицеру. У меня въ домѣ?—Офицеръ придвинулся ближе. Блѣдное лицо его вспыхнуло вдругъ яркой краской.

— Графъ, сдѣлайте одолженіе, позвольте мнѣ... ради Бога... гдѣ-нибудь пріютиться на вашихъ подводахъ. Здѣсь у меня ничего съ собой нѣтъ... Мнѣ на возу все равно... Еще не успѣлъ договорить офицеръ, какъ деньщикъ съ той же просьбой для своего господина обратился къ графу.

— Ахъ! да, да, да, поспѣшно заговорилъ графъ. Я очень очень радъ. Васильичъ, ты распорядись, ну тамъ очистить одну или двѣ телеги, ну тамъ... что же... что нужно... какими-то неопредѣленными выраженіями, что-то приказывая, сказалъ графъ. Но въ тоже мгновеніе горячее выраженіе благодарности офицера уже закрѣпило то, что̀ онъ приказывалъ. Графъ оглянулся вокругъ себя: на дворѣ, въ воротахъ, въ окнѣ флигеля виднѣлись раненые и деньщики. Всѣ они смотрѣли на графа и подвигались къ крыльцу.

— Пожалуйте, ваше сіятельство, въ галлерею: тамъ какъ прикажете на счетъ картинъ? сказалъ дворецкій. И графъ

вмѣстѣ съ нимъ вошелъ въ домъ, повторяя свое приказаніе о томъ, чтобы не отказывать раненымъ, которые просятся ѣхать.—Ну, что же, можно сложить что-нибудь, прибавилъ онъ тихимъ, таинственнымъ голосомъ, какъ будто боясь, чтобы кто нибудь его не услышалъ.

Въ 9 часовъ проснулась графиня, и Матрена Тимофевна, бывшая ея горничная, исполнявшая въ отношеніи графини должность шефа жандармовъ, пришла доложить своей бывшей барышнѣ, что Марья Карловна очень обижены и что барышнинымъ лѣтнимъ платьямъ нельзя остаться здѣсь. На распросы графини, почему M-me Shoss обижена, открылось, что ея сундукъ сняли съ подводы, и всѣ подводы развязываютъ, добро снимаютъ и набираютъ съ собой раненыхъ, которыхъ графъ по своей простотѣ приказалъ забирать съ собой. Графиня велѣла попросить къ себѣ мужа.

— Что это, мой другъ, я слышу, вещи опять снимаютъ?

— Знаешь, ma chère, я вотъ что хотѣлъ тебѣ сказать... ma chère графинюшка... ко мнѣ приходилъ офицеръ, просятъ, чтобъ дать нѣсколько подводъ подъ раненыхъ. Вѣдь это все дѣло наживное; а каково имъ оставаться, подумай!.. Право у насъ на дворѣ, сами мы ихъ зазвали, офицеры тутъ есть... Знаешь, думаю, право, ma chère, вотъ ma chère... пускай ихъ свезутъ... куда же торопиться?..— Графъ робко сказалъ это, какъ онъ всегда говорилъ, когда дѣло шло о деньгахъ. Графиня же привыкла ужъ къ этому тону, всегда предшествовавшему дѣлу, разорявшему дѣтей, какъ какая-нибудь постройка галлереи, оранжереи, устройство домашняго театра или музыки, и привыкла, и долгомъ считала всегда противубо́рствовать тому, что̀ выражалось этимъ робкимъ тономъ.

Она приняла свой покорно-плачевный видъ и сказала мужу:

— Послушай, графъ, ты довелъ до того, что за домъ

ничего не даютъ, а теперь и все наше — *дѣтское*, состояніе погубить хочешь. Вѣдь ты самъ говоришь, что въ домѣ на 100 тысячъ добра. Я, мой другъ, не согласна и не согласна. Воля твоя! На раненыхъ есть правительство. Они знаютъ. Посмотри, вонъ напротивъ, у Лопухиныхъ еще третьяго дня все до чиста вывезли. Вотъ какъ люди дѣлаютъ. Одни мы дураки. Пожалѣй хоть не меня, такъ дѣтей.

Графъ замахалъ руками, и ничего не сказавъ, вышелъ изъ комнаты.

— Папа! объ чемъ вы это? сказала ему Наташа, вслѣдъ за ними вошедшая въ комнату матери.

— Ни о чемъ! Тебѣ что за дѣло! сердито проговорилъ графъ.

— Нѣтъ, я слышала, сказала Наташа.—Отчего жъ маменька не хочетъ?

— Тебѣ что за дѣло? крикнулъ графъ. Наташа отошла къ окну и задумалась.

— Папенька, Бергъ къ намъ пріѣхалъ, сказала она, глядя въ окно.

XVI.

Бергъ, зять Ростовыхъ, былъ уже полковникъ съ Владиміромъ и Анной на шеѣ и занималъ все тоже покойное и пріятное мѣсто помощника начальника штаба, помощника перваго отдѣленія начальника штаба втораго корпуса.

Онъ 1 Сентября пріѣхалъ изъ арміи въ Москву.

Ему въ Москвѣ нечего было дѣлать; но онъ замѣтилъ, что всѣ изъ арміи просились въ Москву, и что-то тамъ дѣлали. Онъ счелъ тоже нужнымъ отпроситься для домашнихъ и семейныхъ дѣлъ.

Бергъ, въ своихъ акуратныхъ дрожечкахъ на парѣ сытыхъ саврасенькихъ, точно такихъ, какія были у одного князя,

подъѣхалъ къ дому своего тестя. Онъ внимательно посмотрѣлъ во дворъ на подводы, и, входя на крыльцо, вынулъ чистый, носовой платокъ и завязалъ узелъ.

Изъ передней Бергъ плывущимъ, нетерпѣливымъ шагомъ вбѣжалъ въ гостиную и обнялъ графа, поцѣловалъ ручки у Наташи и Сони, и поспѣшно спросилъ о здоровьи мамаши.

— Какое теперь здоровье? Ну разсказывай же, сказалъ графъ, что войска? Отступаютъ или будетъ еще сраженье?

— Одинъ предвѣчный Богъ, папаша, сказалъ Бергъ, можетъ рѣшить судьбы отечества. Армія горитъ духомъ геройства, и теперь вожди, такъ сказать, собрались на совѣщаніе. Что будетъ, не извѣстно. Но я вамъ скажу вообще, папаша, такого геройскаго духа, истинно-древняго мужества Россійскихъ войскъ, которое они—оно, поправился онъ,—показали или выказали въ этой битвѣ 26 числа, нѣтъ никакихъ словъ достойныхъ, чтобы ихъ описать.... Я вамъ скажу, папаша (онъ ударилъ себя въ грудь также, какъ ударялъ себя одинъ разсказывавшій при немъ генералъ, хотя нѣсколько поздно, потому что ударить себя въ грудь надо было при словѣ: «Россійское войско)»,—я вамъ скажу откровенно, что мы начальники нетолько не должны были подгонять солдатъ или что нибудь такое, но мы насилу могли удерживать эти, эти....да, мужественные и древніе подвиги, сказалъ онъ скороговоркой. Генералъ Барклай-де-Толли жертвовалъ жизнью своей вездѣ впереди войска, я вамъ скажу. Нашъ же корпусъ былъ поставленъ на скатѣ горы. Можете себѣ представить!—И тутъ Бергъ разсказалъ все, что̀ онъ запомнилъ изъ разныхъ слышанныхъ за это время разсказовъ. Наташа, не спуская взгляда, который смущалъ Берга, какъ будто отыскивая на его лицѣ рѣшенія какого-то вопроса, смотрѣла на него.

— Такое геройство вообще, каковое выказали Россійскіе воины, нельзя представить и достойно восхвалить! сказалъ Бергъ, оглядываясь на Наташу и какъ бы желая ее за-

обрить, улыбаясь ей въ отвѣтъ на ея упорный взглядъ...— «Россія не въ Москвѣ, она въ сердцахъ ея сыновъ! Такъ папаша?» сказалъ Бергъ. Въ это время изъ диванной, съ усталымъ и недовольнымъ видомъ, вышла графиня. Бергъ поспѣшно вскочилъ, поцаловалъ ручку графини, освѣдомился о ея здоровьи, и, выражая свое сочувствіе покачиваньемъ головы, остановился подлѣ нея.

— Да, мамаша, я вамъ истинно скажу, тяжелыя и грустныя времена для всякаго Русскаго. Но зачѣмъ же такъ безпокоиться? Вы еще успѣете уѣхать....

— Я не понимаю, что̀ дѣлаютъ люди, сказала графиня, обращаясь къ мужу: мнѣ сейчасъ сказали, что еще ничего не готово. Вѣдь надо же кому нибудь распорядиться. Вотъ и пожалѣешь о Митинькѣ. Это конца не будетъ!

Графъ хотѣлъ что-то сказать, но видимо воздержался. Онъ всталъ съ своего стула и пошелъ къ двери.

Бергъ, въ это время, какъ для бы того, чтобы высморкаться, досталъ платокъ и, глядя на узелокъ, задумался, грустно и значительно покачивая головой.

— А у меня къ вамъ, папаша, большая просьба, сказалъ онъ.

— Гм?.. сказалъ графъ останавливаясь.

— Ѣду я сейчасъ мимо Юсупова дома, смѣясь сказалъ Бергъ. Управляющій мнѣ знакомый, выбѣжалъ и проситъ, не купите ли что нибудь. Я зашелъ, знаете, изъ любопытства, и тамъ одна шифоньерочка и туалетъ. Вы знаете, какъ Вѣрушка этого желала и какъ мы спорили объ этомъ. (Бергъ невольно перешелъ въ тонъ радости о своей благоустроенности, когда онъ началъ говорить про шифоньерку и туалетъ). — И такая прелесть! — выдвигается, и съ аглицкимъ секретомъ, знаете? А Вѣрочкѣ давно хотѣлось. Такъ мнѣ хочется ей сюрпризъ сдѣлать. Я видѣлъ у васъ такъ много этихъ мужиковъ на дворѣ. Дайте мнѣ однаго пожалуста, я ему хорошенько заплачу и...

Графъ сморщился и заперхалъ. — У графини просите, а я не распоряжаюсь.

— Ежели затруднительно, пожалуйста не надо, сказалъ Бергъ. — Мнѣ для Вѣрушки только очень бы хотѣлось.

— Ахъ, убирайтесь вы всѣ къ чорту, къ чорту, къ чорту и къ чорту!.. закричалъ старый графъ. — Голова кругомъ идетъ. — И онъ вышелъ изъ комнаты.

Графиня заплакала.

— Да, да, маменька, очень тяжелыя времена! сказалъ Бергъ.

Наташа вышла вмѣстѣ съ отцомъ, и какъ будто съ трудомъ соображая что-то, сначала пошла за нимъ, а потомъ побѣжала внизъ.

На крыльцѣ стоялъ Петя, занимавшійся вооруженіемъ людей, которые ѣхали изъ Москвы. На дворѣ все также стояли заложенныя подводы. Двѣ изъ нихъ были развязаны, и на одну изъ нихъ влѣзалъ офицеръ, поддерживаемый деньщикомъ.

— Ты знаешь за что? спросилъ Петя Наташу (Наташа поняла, что Петя разумѣлъ, за что поссорились отецъ съ матерью). Она не отвѣчала.

— За то, что папенька хотѣлъ отдать всѣ подводы подъ раненыхъ, сказалъ Петя. Мнѣ Васильичъ сказалъ. По моему...

— По моему, вдругъ закричала почти Наташа, обращая свое озлобленное лицо къ Петѣ, — по моему это такая гадость, такая мерзость, такая... я не знаю. Развѣ мы Нѣмцы какіе нибудь?.. — Горло ея задрожало отъ судорожныхъ рыданій, и она, боясь ослабѣть и выпустить даромъ зарядъ своей злобы, повернулась и стремительно бросилась по лѣстницѣ.

Бергъ сидѣлъ подлѣ графини и родственно-почтительно утѣшалъ ее. Графъ съ трубкой въ рукахъ ходилъ по ком-

натѣ, когда Наташа, съ изуродованнымъ злобой лицомъ, какъ буря, ворвалась въ комнату и быстрыми шагами подошла къ матери.

— Это гадость! Это мерзость! закричала она. Это не можетъ быть, чтобъ вы приказали.

Бергъ и графиня недоумѣвающе и испуганно смотрѣли на нее. Графъ остановился у окна, прислушиваясь.

— Маменька, это нельзя, посмотрите, что̀ на дворѣ! закричала она, — они остаются!..

— Что съ тобой? Кто они? Что тебѣ надо?

— Раненые, вотъ кто! Это нельзя, маменька; это ни на что не похоже... Нѣтъ, маменька, голубушка, это не то, простите пожалуста, голубушка... Маменька, ну что̀ намъ то, что̀ мы увеземъ, вы посмотрите только, что̀ на дворѣ... Маменька!.. Это не можетъ быть!..

Графъ стоялъ у окна и, не поворачивая лица, слушалъ слова Наташи. Вдругъ онъ засопѣлъ носомъ и приблизилъ свое лицо къ окну.

Графиня взглянула на дочь, увидала ея пристыженное за мать лицо, увидала ея волненіе, поняла, отчего мужъ теперь не оглядывался на нее, и съ растеряннымъ видомъ оглянулась вокругъ себя.

— Ахъ, да дѣлайте какъ хотите! Развѣ я мѣшаю кому нибудь! сказала она, еще не вдругъ сдаваясь.

— Маменька, голубушка, простите меня.

Но графиня оттолкнула дочь и подошла къ графу.

— Mon cher, ты распорядись какъ надо... Я вѣдь не знаю этого, сказала она, виновато опуская глаза.

— Яица... яица курицу учатъ... сквозь счастливыя слезы проговорилъ графъ и обнялъ жену, которая рада была скрыть на его груди свое пристыженное лицо.

— Папенька, маменька! Можно распорядиться? Можно?... спрашивала Наташа.—Мы все таки во̀зьмемъ все самое нужное... говорила Наташа.

Графъ утвердительно кивнулъ ей головой, и Наташа тѣмъ быстрымъ бѣгомъ, которымъ она бѣгывала въ горѣлки, побѣжала по залѣ въ переднюю и по лѣстницѣ на дворъ.

Люди собрались около Наташи и до тѣхъ поръ не могли повѣрить тому странному приказанію, которое она передавала, пока самъ графъ именемъ своей жены не подтвердилъ приказанія о томъ, чтобы отдавать всѣ подводы подъ раненыхъ, а сундуки сносить въ кладовыя. Понявъ приказаніе, люди съ радостью и хлопотливостью принялись за новое дѣло. Прислугѣ теперь это нетолько не казалось страннымъ, но напротивъ казалось, что это не могло быть иначе; точно также какъ за четверть часа передъ этимъ никому нетолько не казалось страннымъ, что оставляютъ раненыхъ, а берутъ вещи, но казалось, что не могло быть иначе.

Всѣ домашніе, какъ бы выплачивая за то, что они раньше не взялись за это, принялись съ хлопотливостью за новое дѣло размѣщенія раненыхъ. Раненые повыползли изъ своихъ комнатъ и съ радостными, блѣдными лицами окружили подводы. Въ сосѣднихъ домахъ тоже разнесся слухъ, что есть подводы, и на дворъ къ Ростовымъ стали приходить раненые изъ другихъ домовъ. Многіе изъ раненыхъ просили не снимать вещи и только посадить ихъ сверху. Но разъ начавшееся дѣло свалки вещей уже не могло остановиться. Было все равно, оставлять все или половину. На дворѣ лежали неубранные сундуки съ посудой, съ бронзой, съ картинами, зеркалами, которыя такъ старательно укладывали въ прошлую ночь, и все искали и находили возможность сложить то и то, и отдать еще и еще подводы.

— Четверыхъ еще можно взять, говорилъ управляющій,— я свою повозку отдаю, а то куда же ихъ?

— Да отдайте мою гардеробную, говорила графиня. — Дуняша со мной сядетъ въ карету.

Отдали еще и гардеробную повозку и отправили ее за ранеными черезъ два дома. Всѣ домашніе и прислуга были весело оживлены. Наташа находилась въ восторженно-счастливомъ оживленіи, котораго она давно не испытывала.

— Куда же его привязать? говорили люди, прилаживая сундукъ къ узкой запяткѣ кареты, — надо хоть одну подводу оставить.

— Да съ чѣмъ онъ? спрашивала Наташа.

— Съ книгами графскими.

— Оставьте. Васильичъ уберетъ. Это не нужно.

Въ бричкѣ все было полно людей; сомнѣвались о томъ, куда сядетъ Петръ Ильичъ.

— Онъ на козлы. Вѣдь ты на козлы, Петя? кричала Наташа.

Соня не переставая хлопотала тоже; но цѣль хлопотъ ея была противоположна цѣли Наташи. Она убирала тѣ вещи, которыя должны были остаться, записывала ихъ по желанію графини и старалась захватить съ собой какъ можно больше.

XVII.

Во 2-мъ часу заложенные и уложенные четыре экипажа Ростовыхъ стояли у подъѣзда. Подводы съ ранеными, одна за другой, съѣзжали со двора.

Коляска, въ которой везли князя Андрея, проѣзжая мимо крыльца, обратила на себя вниманіе Сони, устраивавшей вмѣстѣ съ дѣвушкой сидѣнье для графини въ ея огромной высокой каретѣ, стоявшей у подъѣзда.

— Это чья же коляска? спросила Соня, высунувшись въ окно кареты.

— А вы развѣ не знали, барышня? отвѣчала горничная.— Князь раненый: онъ у насъ ночевалъ и тоже съ нами ѣдутъ.

— Да кто это? какъ фамилія?

— Самый нашъ женихъ бывшій. Князь Болконскій! вздыхая отвѣчала горничная. Говорятъ, при смерти.

Соня выскочила изъ кареты и побѣжала къ графинѣ. Графиня, уже одѣтая подорожному, въ шали и шляпѣ, усталая, ходила по гостиной, ожидая домашнихъ съ тѣмъ, чтобы посидѣть съ закрытыми дверями и помолиться передъ отъѣздомъ. Наташи не было въ комнатѣ.

— Maman, сказала Соня, — князь Андрей здѣсь, раненый при смерти. Онъ ѣдетъ съ нами.

Графиня испуганно открыла глаза и, схвативъ за руку Соню, оглянулась.

— Наташа? проговорила она.

И для Сони и для графини извѣстіе это имѣло въ первую минуту только одно значеніе. Они знали свою Наташу, и ужасъ о томъ, что̀ будетъ съ нею при этомъ извѣстіи, заглушалъ для нихъ всякое сочувствіе къ человѣку, котораго онѣ обѣ любили.

— Наташа не знаетъ еще; но онъ ѣдетъ съ нами, сказала Соня.

— Ты говоришь, при смерти?

Соня кивнула головой.

Графиня обняла Соню и заплакала.

«Пути Господни неисповѣдимы!» думала она, чувствуя что во всемъ, что̀ дѣлалось теперь, начинала выступать скрывавшаяся прежде отъ взгляда людей Всемогущая Рука.

— Ну, мама, все готово. О чемъ вы?.. спросила съ оживленнымъ лицомъ Наташа, вбѣгая въ комнату.

— Ни о чемъ, сказала графиня. — Готово, такъ поѣдемъ.—И графиня нагнулась къ своему ридикюлю, чтобы скрыть разстроенное лицо. Соня обняла Наташу и поцѣловала ее.

Наташа вопросительно взглянула на нее.

— Что ты? Что такое случилось?

— Ничего... нѣтъ...

— Очень дурное для меня?.. Что такое? спрашивала чуткая Наташа.

Соня вздохнула и ничего не отвѣчала. Графъ, Петя, m-me Schoss, Мавра Кузминишна, Васильичъ вошли въ гостиную и, затворивъ двери, всѣ сѣли и, молча, не глядя другъ на друга, посидѣли нѣсколько секундъ.

Графъ первый всталъ и, громко вздохнувъ, сталъ креститься на образъ. Всѣ сдѣлали тоже. Потомъ графъ сталъ обнимать Мавру Кузминишну и Васильича, которые оставались въ Москвѣ и, въ то время какъ они ловили его руку и цѣловали его въ плечо, слегка трепалъ ихъ по спинѣ, приговаривая что-то неясное, ласково-успокоительное. Графиня ушла въ образную, и Соня нашла ее тамъ на колѣняхъ передъ разрозненно по стѣнѣ остававшимися образами. (Самые дорогіе по семейнымъ преданіямъ образà везлись съ собою).

На крыльцѣ и на дворѣ уѣзжавшіе люди съ кинжалами и саблями, которыми ихъ вооружилъ Петя, съ заправленными панталонами въ сапоги и туго перепоясанные ремнями и кушаками, прощались съ тѣми, которые оставались.

Какъ и всегда при отъѣздахъ, многое было забыто и не такъ уложено, и довольно долго два гайдука стояли съ обѣихъ сторонъ отворенной дверцы и ступенекъ кареты, готовясь подсадить графиню, въ то время какъ бѣгали дѣвушки съ подушками, узелками изъ дому въ кареты и коляску и бричку и обратно.

— Вѣкъ свой все перезабудутъ! говорила графиня. Вѣдь ты знаешь, что я не могу такъ сидѣть. И Дуняша, стиснувъ зубы и не отвѣчая, съ выраженіемъ упрека на лицѣ, бросилась въ карету передѣлывать сидѣнье.

— Ахъ народъ этотъ! говорилъ графъ, покачивая головой.

Старый кучеръ Ефимъ, съ которымъ однимъ только рѣшалась ѣздить графиня, сидя высоко на своихъ козлахъ, даже не оглядывался на то, что̀ дѣлалось позади его. Онъ тридцатилѣтнимъ опытомъ зналъ, что не скоро еще ему скажутъ: «съ Богомъ!» и что когда скажутъ, то еще два раза остановятъ его и пошлютъ за забытыми вещами, и уже послѣ этого еще разъ остановятъ, и графиня сама высунется къ нему въ окно и попроситъ его Христомъ Богомъ ѣхать осторожнѣе на спускахъ. Онъ зналъ это и потому терпѣливѣе своихъ лошадей (въ особенности лѣваго рыжаго сокола, который билъ ногой и, пережевывая, перебиралъ удила) ожидалъ того, что̀ будетъ. Наконецъ всѣ усѣлись; ступенки собрались и закинулись въ карету, дверка захлопнулась, послали за шкатулкой, графиня высунулась и сказала что̀ должно. Тогда Ефимъ медленно снялъ шляпу съ своей головы и сталъ креститься. Форейторъ и всѣ люди сдѣлали тоже. — Съ Богомъ! сказалъ Ефимъ, надѣвъ шляпу, вытягивай! Форейторъ тронулъ. Правый дышловой влегъ въ хомутъ, хрустнули высокія рессоры, и качнулся кузовъ. Лакей на ходу вскочилъ на козлы. Встряхнуло карету при выѣздѣ со двора на тряскую мостовую, также встряхнуло другіе экипажи, и поѣздъ тронулся вверхъ по улицѣ. Въ каретахъ, коляскѣ и бричкѣ всѣ крестились на церковь, которая была напротивъ. Остававшіеся въ Москвѣ люди шли по обоимъ бокамъ экипажей, провожая ихъ.

Наташа рѣдко испытывала столь радостное чувство какъ то, которое она испытывала теперь, сидя въ каретѣ подлѣ графини и глядя на медленно-подвигавшіяся мимо нея стѣны оставляемой, встревоженной Москвы. Она изрѣдка высовывалась въ окно кареты и глядѣла назадъ и впередъ на длинный поѣздъ раненыхъ, предшествующій имъ. Почти

впереди всѣхъ виднѣлся ей закрытый верхъ коляски князя Андрея. Она не знала, кто былъ въ ней и всякій разъ, соображая область своего обоза, отыскивала глазами эту коляску. Она знала, что она была впереди всѣхъ.

Въ Кудринѣ, изъ Никитской, отъ Прѣсни, отъ Подновинскаго съѣхалось нѣсколько такихъ же поѣздовъ какъ былъ поѣздъ Ростовыхъ, и по Садовой уже въ два ряда ѣхали экипажи и подводы.

Объѣзжая Сухареву башню, Наташа, любопытно и быстро осматривавшая народъ ѣдущій и идущій, вдругъ радостно и удивленно вскрикнула:

— Батюшки! Мама, Соня, посмотрите, это онъ!

— Кто? Кто?

— Смотрите, ей Богу, Безуховъ! говорила Наташа, высовываясь въ окно кареты и глядя на высокаго, толстаго человѣка въ кучерскомъ кафтанѣ, очевидно наряженнаго барина по походкѣ и осанкѣ, который рядомъ съ желтымъ, безбородымъ старичкомъ въ фризовой шинели подошелъ подъ арку Сухаревой башни.

— Ей Богу, Безуховъ, въ кафтанѣ, съ какимъ-то старымъ мальчикомъ. Ей Богу, говорила Наташа, смотрите, смотрите!

— Да нѣтъ, это не онъ. Можно ли, такія глупости!

— Мама, кричала Наташа, я вамъ голову дамъ на отсѣченіе, что это онъ. Я васъ увѣряю. Постой, постой, кричала она кучеру; но кучеръ не могъ остановиться, потому что изъ Мѣщанской выѣхали еще подводы и экипажи, и на Ростовыхъ кричали, чтобъ они трогались и не задерживали другихъ.

Дѣйствительно, хотя уже гораздо дальше чѣмъ прежде, всѣ Ростовы увидали Пьера или человѣка необыкновенно похожаго на Пьера, въ кучерскомъ кафтанѣ, шедшаго по улицѣ съ нагнутой головой и серьезнымъ лицомъ, подлѣ маленькаго безбородаго старичка, имѣвшаго видъ лакея.

Старичокъ этотъ замѣтилъ высунувшееся, на него лицо изъ кареты и, почтительно дотронувшись до локтя Пьера, что-то сказалъ ему, указывая на карету. Пьеръ долго не могъ понять того, что̀ онъ говорилъ: такъ онъ видимо погруженъ былъ въ свои мысли. Наконецъ, когда онъ понялъ его, посмотрѣлъ по указанію, и узнавъ Наташу, въ ту же секунду, отдаваясь первому впечатлѣнію, быстро направился къ каретѣ. Но пройдя шаговъ десять, онъ, видимо вспомнивъ что-то, остановился.

Высунувшееся изъ кареты лицо Наташи сіяло насмѣшливою лаской.—Петръ Кирилычъ, идите же! Вѣдь мы узнали! Это удивительно! кричала она, протягивая ему руку. Какъ это вы! Зачѣмъ вы такъ?

Пьеръ взялъ протянутую руку и на ходу (такъ какъ карета продолжала двигаться) неловко поцѣловалъ ее.

— Что съ вами, графъ? спросила удивленнымъ и соболѣзнующимъ голосомъ графиня.

— Что? Что? Зачѣмъ? Не спрашивайте у меня, сказалъ Пьеръ и оглянулся на Наташу, сіяющій радостный взглядъ которой (онъ чувствовалъ это, не глядя на нее) обдавалъ его своей прелестью.

— Что же вы, или въ Москвѣ остаетесь? — Пьеръ помолчалъ.

— Въ Москвѣ? сказалъ онъ вопросительно. Да въ Москвѣ. Прощайте.

— Ахъ, желала бы я быть мущиной, я бы непремѣнно осталась съ вами. Ахъ, какъ это хорошо! сказала Наташа. — Мама, позвольте, я останусь. — Пьеръ разсѣянно посмотрѣлъ на Наташу и что̀-то хотѣлъ сказать, но графиня перебила его.

— Вы были на сраженьи, мы слышали?

— Да я былъ, отвѣчалъ Пьеръ. Завтра будетъ опять сраженіе... началъ было онъ, но Наташа перебила его:

— Да что же съ вами, графъ? Вы на себя не похожи...

— Ахъ, не спрашивайте, не спрашивайте меня, я ничего самъ не знаю. Завтра..... Да нѣтъ! Прощайте, прощайте, проговорилъ онъ, ужасное время! И отставъ отъ кареты, онъ отошелъ на тротуаръ.

Наташа долго еще высовывалась изъ окна, сіяя на него ласково и немного-насмѣшливой, радостной улыбкой.

XVIII.

Пьеръ, со времени исчезновенія своего изъ дома, уже второй день жилъ на пустой квартирѣ покойнаго Баздѣева. Вотъ какъ это случилось.

Проснувшись на другой день послѣ своего возвращенія въ Москву и свиданія съ графомъ Ростопчинымъ, Пьеръ долго не могъ понять того, гдѣ онъ находился и чего отъ него хотѣли. Когда ему, между именами прочихъ лицъ, дожидавшихся его въ пріемной, доложили, что его дожидается еще Французъ, привезшій письмо отъ графини Елены Васильевны, на него нашло вдругъ то чувство спутанности и безнадежности, которому онъ способенъ былъ поддаваться. Ему вдругъ представилось, что все теперь кончено, все смѣшалось, все разрушилось, что нѣтъ ни праваго, ни виноватаго, что впереди ничего не будетъ, и что выхода изъ этого положенія нѣтъ никакого. Онъ, неестественно улыбаясь и что-то бормоча, то садился на диванъ въ безпомощной позѣ, то вставалъ, подходилъ къ двери и заглядывалъ въ щелку въ пріемную, то махая руками, возвращался назадъ и брался за книгу. Дворецкій въ другой разъ пришелъ доложить Пьеру, что Французъ, привезшій отъ графини письмо, очень желаетъ видѣть его хоть на минутку, и что приходили отъ вдовы І. А. Баздѣева просить принять книги, такъ какъ сама г-жа Баздѣева уѣхала въ деревню.

— Ахъ, да, сейчасъ, подожди.... Или нѣтъ, да нѣтъ, поди скажи, что сейчасъ приду, сказалъ Пьеръ дворецкому.

Но какъ только вышелъ дворецкій, Пьеръ взялъ шляпу, лежавшую на столѣ, и вышелъ въ заднюю дверь изъ кабинета. Въ коридорѣ никого не было. Пьеръ прошелъ во всю длину коридора до лѣстницы и, морщась и растирая лобъ обѣими руками, спустился до первой площадки. Швейцаръ стоялъ у парадной двери. Съ площадки, на которую спустился Пьеръ, другая лѣстница вела къ заднему ходу. Пьеръ пошелъ по ней и вышелъ на дворъ. Никто не видалъ его. Но на улицѣ, какъ только онъ вышелъ въ ворота, кучера, стоявшіе съ экипажами, и дворникъ увидали барина и сняли передъ нимъ шапки. Почувствовавъ на себѣ устремленные взгляды, Пьеръ поступилъ какъ страусъ, который прячетъ голову въ кустъ, съ тѣмъ, чтобы его не видали; онъ опустилъ голову, и, прибавивъ шагу, пошелъ по улицѣ.

Изъ всѣхъ дѣлъ, предстоявшихъ Пьеру въ это утро, дѣло разборки книгъ и бумагъ Іосифа Алексѣевича, показалось ему самымъ нужнымъ.

Онъ взялъ перваго попавшагося ему извощика и велѣлъ ему ѣхать на Патріаршіе пруды, гдѣ былъ домъ вдовы Баздѣева.

Безпрестанно оглядываясь на со всѣхъ сторонъ двигавшіеся обозы выѣзжавшихъ изъ Москвы и, оправляясь своимъ тучнымъ тѣломъ, чтобы не соскольнуть съ дребезжащихъ, старыхъ дрожекъ, Пьеръ, испытывая радостное чувство подобное тому, которое испытываетъ мальчикъ убѣжавшій изъ школы, разговорился съ извощикомъ.

Извощикъ разсказалъ ему, что нынѣшній день разбираютъ въ Кремлѣ оружіе, и что на завтрашній народъ выгоняютъ весь за Трехгорную заставу, и что тамъ будетъ большое сраженіе.

Пріѣхавъ на Патріаршіе пруды, Пьеръ отъискалъ домъ Баздѣева, въ которомъ онъ давно не бывалъ. Онъ подошелъ къ калиткѣ. Герасимъ, тотъ самый желтый безборо-

дый старичекъ, котораго Пьеръ видѣлъ пять лѣтъ тому назадъ въ Торжкѣ съ Іосифомъ Алексѣевичемъ, вышелъ на его стукъ.

— Дома? спросилъ Пьеръ.

— По обстоятельствамъ нынѣшнимъ, Софья Даниловна съ дѣтьми уѣхали въ Торжковскую деревню, ваше сіятельство.

— Я все-таки войду, мнѣ надо книги разобрать, сказалъ Пьеръ.

— Пожалуйте, милости просимъ, братецъ покойника,— царство небесное,—Макаръ Алексѣевичъ, остались. да какъ изволите знать, они въ слабости, сказалъ старый слуга.

Макаръ Алексѣевичъ былъ, какъ зналъ Пьеръ, полусумашедшій, пившій запоемъ братъ Іосифа Алексѣевича.

— Да, да, знаю. Пойдемъ, пойдемъ... сказалъ Пьеръ и вошелъ въ домъ. Высокій, плѣшивый старый человѣкъ въ халатѣ, съ краснымъ носомъ, въ калошахъ на босу ногу, стоялъ въ передней; увидавъ Пьера, онъ сердито пробормоталъ что-то и ушелъ въ коридоръ.

— Большаго ума были, а теперь, какъ изволите видѣть, ослабѣли, сказалъ Герасимъ. Въ кабинетъ угодно? Пьеръ кивнулъ головой.—Кабинетъ какъ былъ запечатанъ, такъ и остался. Софья Даниловна приказывали, ежели отъ васъ придутъ, то отпустить книги.

Пьеръ вошелъ въ тотъ самый мрачный кабинетъ, въ который онъ еще при жизни благодѣтеля входилъ съ такимъ трепетомъ. Кабинетъ этотъ, теперь запыленный и не тронутый со времени кончины Іосифа Алексѣевича, былъ еще мрачнѣе.

Герасимъ открылъ одинъ ставень и на цыпочкахъ вышелъ изъ комнаты. Пьеръ обошелъ кабинетъ, подошелъ къ шкафу, въ которомъ лежали рукописи, и досталъ одну изъ важнѣйшихъ когда-то святынь ордена. Это были подлинные шотландскіе акты съ примѣчаніями и объясненіями благодѣтеля. Онъ сѣлъ за письменный запыленный столъ и поло-

жилъ передъ собой рукописи, раскрывалъ, закрывалъ ихъ и наконецъ, отодвинувъ ихъ отъ себя, облокотившись головой на руки, задумался.

Нѣсколько разъ Герасимъ осторожно заглядывалъ въ кабинетъ и видѣлъ, что Пьеръ сидѣлъ въ томъ же положеніи. Прошло болѣе двухъ часовъ. Герасимъ позволилъ себѣ пошумѣть въ дверяхъ, чтобы обратить на себя вниманіе Пьера. Пьеръ не слышалъ его.

— Извощика отпустить прикажете?

— Ахъ, да, очнувшись сказалъ Пьеръ, поспѣшно вставая.

— Послушай, сказалъ онъ, взявъ Герасима за пуговицу сюртука и сверху внизъ блестящими, влажными, восторженными глазами глядя на старичка.—Послушай, ты знаешь, что завтра будетъ сраженіе... сказывали, отвѣчалъ Герасимъ...

Я прошу тебя никому не говорить, кто я. И сдѣлай, что̀ я скажу....

— Слушаю-сь, сказалъ Герасимъ.—Кушать прикажете?

— Нѣтъ, но мнѣ другое нужно. Мнѣ нужно крестьянское платье и пистолетъ, сказалъ Пьеръ, неожиданно покраснѣвъ.

— Слушаю-съ, подумавъ сказалъ Герасимъ.

Весь остатокъ этого дня Пьеръ провелъ одинъ въ кабинетѣ благодѣтеля, безпокойно шагая изъ одного угла въ другой, какъ слышалъ Герасимъ, и что-то самъ съ собой разговаривая; и ночевалъ на приготовленной ему тутъ же постелѣ.

Герасимъ съ привычкой слуги, видавшаго много странныхъ вещей на своемъ вѣку, принялъ переселеніе Пьера безъ удивленія и, казалось, былъ доволенъ тѣмъ, что ему было кому услуживать. Онъ въ тотъ же вечеръ, не спрашивая даже и самого себя, для чего это было нужно, досталъ Пьеру кафтанъ и шапку и обѣщалъ на другой день пріобрѣсти требуемый пистолетъ. Макаръ Алексѣевичъ въ этотъ вечеръ два раза, шлепая своими калошами, подхо-

дилъ къ двери и останавливался, заискивающе глядя на Пьера. Но какъ только Пьеръ оборачивался къ нему, онъ стыдливо и сердито запахивалъ свой халатъ и поспѣшно удалялся. Въ то время какъ Пьеръ въ кучерскомъ кафтанѣ, пріобрѣтенномъ и выпаренномъ для него Герасимомъ, ходилъ съ нимъ покупать пистолетъ у Сухаревой башни, онъ встрѣтилъ Ростовыхъ.

XIX.

1-го Сентября въ ночь отданъ приказъ Кутузова объ отступленіи Русскихъ войскъ черезъ Москву на Рязанскую дорогу.

Первыя войска двинулись въ ночь. Войска, шедшія ночью, не торопились и двигались медленно и степенно; но на разсвѣтѣ, двигавшіяся войска, подходя къ Дорогомиловскому мосту, увидали впереди себя на другой сторонѣ тѣснящіяся, спѣшащія по мосту и на той сторонѣ поднимающіяся и запружающія улицы и переулки, и позади себя напирающія, безконечныя массы войскъ. И безпричинная поспѣшность и тревога овладѣли войсками. Все бросилось впередъ къ мосту, на мостъ, въ броды и въ лодки. Кутузовъ велѣлъ обвести себя задними улицами на ту сторону Москвы.

Къ 10-ти часамъ утра 2-го Сентября, въ Дорогомиловскомъ предмѣстьи оставались на просторѣ одни войска арьергарда. Армія была уже на той сторонѣ Москвы и за Москвою.

Въ это же время, въ 10 часовъ утра 2-го Сентября, Наполеонъ стоялъ между своими войсками на Поклонной горѣ и смотрѣлъ на открывавшееся передъ нимъ зрѣлище. Начиная съ 26-го Августа и по 2-е Сентября, отъ Бородинскаго сраженія и до вступленія непріятеля въ Москву, во всѣ дни этой тревожной, этой памятной недѣли, стояла та необычайная, всегда удивляющая людей, осенняя погода, когда низкое солнце грѣетъ жарче, чѣмъ весной, когда все блеститъ въ рѣдкомъ, чистомъ воздухѣ такъ, что глаза рѣжетъ, когда грудь крѣпнетъ и свѣжѣетъ, вдыхая осенній, пахучій воз-

духъ, когда ночи даже бываютъ теплыя, и когда въ темныхъ, теплыхъ ночахъ этихъ съ неба, безпрестанно пугая и радуя, сыплятся золотыя звѣзды.

2-го Сентября въ 10-ть часовъ утра была такая погода. Блескъ утра былъ волшебный. Москва съ Поклонной горы разстилалась просторно съ своей рѣкой, своими садами и церквами, и, казалось, жила своей жизнью, трепеща какъ звѣзды своими куполами въ лучахъ солнца.

При видѣ страннаго города съ невиданными формами необыкновенной архитектуры, Наполеонъ испытывалъ то нѣсколько завистливое и безпокойное любопытство, которое испытываютъ люди при видѣ формъ не знающей о нихъ, чуждой жизни. Очевидно, городъ этотъ жилъ всѣми силами своей жизни. По тѣмъ неопредѣлимымъ признакамъ, по которымъ на дальнемъ разстояніи безошибочно узнается живое тѣло отъ мертваго, Наполеонъ съ Поклонной горы видѣлъ трепетаніе жизни въ городѣ и чувствовалъ какъ бы дыханіе этого большаго и красиваго тѣла.

Всякій Русскій человѣкъ, глядя на Москву чувствуетъ, что она мать; всякій иностранецъ, глядя на нее и не зная ея материнскаго значенія, долженъ чувствовать женственный характеръ этого города, и Наполеонъ чувствовалъ его.

— Cette ville asiatique aux innombrables églises, Moscou la sainte. La voilà donc enfin, cette fameuse ville! Il était temps [1]), сказалъ Наполеонъ и, слѣзши съ лошади, велѣлъ разложить передъ собою планъ этой Moscou, и подозвалъ переводчика Lelorme d'Ideville. Une ville occupée par l'ennemi ressemble à une fille qui a perdu son honneur [2]), думалъ онъ, (какъ онъ и говорилъ это Тучкову въ Смоленскѣ). И съ этой точки зрѣнія онъ смотрѣлъ на лежавшую передъ нимъ,

[1]) Этотъ Азіатскій городъ съ безчисленными церквами, Москва святая. Вотъ онъ наконецъ, этотъ знаменитый городъ! Пора!

[2]) Городъ, занятый непріятелемъ, подобенъ дѣвкѣ, потерявшей невинность.

невиданную еще имъ, восточную красавицу. Ему странно было самому, что наконецъ свершилось его давнишнее, казавшееся ему невозможнымъ, желаніе. Въ ясномъ, утреннемъ свѣтѣ онъ смотрѣлъ то на городъ, то на планъ, провѣряя подробности этого города, и увѣренность обладанія волновала и ужасала его.

«Но развѣ могло быть иначе?» подумалъ онъ. «Вотъ она эта столица у моихъ ногъ, ожидая судьбы своей. Гдѣ теперь Александръ, и что думаетъ онъ? Странный, красивый, величественный городъ! И странная и величественная эта минута! Въ какомъ свѣтѣ представляюсь я имъ!» думалъ онъ о своихъ войскахъ. «Вотъ она награда для всѣхъ этихъ маловѣрныхъ (думалъ онъ, оглядываясь на приближенныхъ и на подходившія и строившіяся войска). Одно мое слово, одно движеніе моей руки, и погибла эта древняя столица des Czars. Mais ma clemence est toujours prompte à descendre sur les vaincus [1]). Я долженъ быть великодушенъ и истинно великъ. Но нѣтъ, это неправда, что я въ Москвѣ (вдругъ приходило ему въ голову). Однако вотъ она лежитъ у моихъ ногъ, играя и дрожа золотыми куполами и крестами въ лучахъ солнца. Но я пощажу ее. На древнихъ памятникахъ варварства и деспотизма, я напишу великія слова справедливости и милосердія.... Александръ больнѣе всего пойметъ именно это, я знаю его. (Наполеону казалось, что главное значеніе того, что̀ совершалось, заключалось въ личной борьбѣ его съ Александромъ). Съ высотъ Кремля,—да, это Кремль, да—я дамъ имъ законы справедливости, я покажу имъ значеніе истинной цивилизаціи, я заставлю поколѣнія бояръ съ любовью поминать имя своего завоевателя. Я скажу депутаціи, что я не хотѣлъ и не хочу войны; что я велъ войну только съ ложной политикой ихъ Двора, что я люблю и уважаю Александра, и что приму условія мира въ Москвѣ, достойныя меня и моихъ народовъ. Я не хочу воспользоваться счасть-

[1]) Но мое милосердіе всегда готово низойдти къ побѣжденнымъ.

емъ войны для униженія уважаемаго государя. Бояре — скажу я имъ: я не хочу войны, а хочу мира и благоденствія всѣхъ моихъ подданныхъ. Впрочемъ, я знаю, что присутствіе ихъ воодушевитъ меня, и я скажу имъ, какъ я всегда говорю: ясно, торжественно и велико. Но неужели это правда, что я въ Москвѣ? Да, вотъ она!»

— Qu'on m'amène les boyards[1]), обратился онъ къ свитѣ. Генералъ съ блестящей свитой тотчасъ же поскакалъ за боярами.

Прошло два часа. Наполеонъ позавтракалъ и опять стоялъ на томъ же мѣстѣ на Поклонной горѣ, ожидая депутаціи. Рѣчь его къ боярамъ уже ясно сложилась въ его воображеніи. Рѣчь эта была исполнена достоинства и того величія, которое понималъ Наполеонъ.

Тотъ тонъ великодушія, въ которомъ намѣренъ былъ дѣйствовать въ Москвѣ Наполеонъ, увлекъ его самаго. Онъ въ воображеніи своемъ назначалъ дни réunion dans le palais des Czars[2]), гдѣ должны были сходиться Русскіе вельможи съ вельможами Французскаго императора. Онъ назначалъ мысленно губернатора, такого, который бы съумѣлъ привлечь къ себѣ населеніе. Узнавъ о томъ, что въ Москвѣ много богоугодныхъ заведеній, онъ въ воображеніи своемъ рѣшалъ, что всѣ эти заведенія будутъ осыпаны его милостями. Онъ думалъ, что какъ въ Африкѣ надо было сидѣть въ бурнусѣ въ мечети, такъ въ Москвѣ надо было быть милостивымъ какъ цари. И чтобы окончательно тронуть сердца Русскихъ, онъ какъ и каждый Французъ, не могущій себѣ вообразить ничего чувствительнаго безъ упоминанія о *ma chère, ma tendre, ma pauvre mère*, онъ рѣшилъ, что на всѣхъ этихъ заведеніяхъ онъ велитъ написать большими буквами: Etablissement dédié à ma

[1]) Пусть приведутъ ко мнѣ бояръ.

[2]) Дни собраній во дворцѣ царей.

chère Mère. Нѣтъ, просто: Maison de ma Mère[1]), рѣшилъ онъ самъ съ собою. «Но неужели я въ Москвѣ? Да, вотъ она передо мной, но чтоже такъ долго не является депутація города!» думалъ онъ.

Между тѣмъ въ задахъ свиты императора происходило шопотомъ взволнованное совѣщаніе между его генералами и маршалами. Посланные за депутаціей вернулись съ извѣстіемъ, что Москва пуста, что всѣ уѣхали и ушли изъ нея. Лица совѣщавшихся были блѣдны и взволнованы. Не то, что Москва была оставлена жителями (какъ ни важно казалось это событіе) пугало ихъ, но ихъ пугало то, какимъ образомъ объявить о томъ императору, какимъ образомъ, не ставя его величество въ то страшное, называемое Французами ridicule, положеніе, объявить ему, что онъ напрасно ждалъ бояръ такъ долго, что есть толпы пьяныхъ, но никого больше. Одни говорили, что надо было, во что бы то ни стало, собрать хоть какую нибудь депутацію, другіе оспаривали это мнѣніе и утверждали, что надо, осторожно и умно приготовивъ императора, объявить ему правду.

— Il faudra le lui dire tout de même.... говорили господа свиты. Mais messieurs... Положеніе было тѣмъ тяжеле, что императоръ, обдумывая свои планы великодушія, терпѣливо ходилъ взадъ и впередъ передъ планомъ, посматривая изрѣдка изъ-подъ руки по дорогѣ въ Москву и весело и гордо улыбаясь.

— Mais c'est impossible...[2]) пожимая плечами, говорили господа свиты, не рѣшаясь выговорить подразумѣваемое страшное слово: le ridicule....

Между тѣмъ императоръ, уставши отъ тщетнаго ожиданія и своимъ актерскимъ чутьемъ чувствуя, что величе-

[1]) Заведеніе посвященное моей милой матери. — Нѣтъ просто Домъ моей матери.

[2]) Но.... неловко! — однако же надо ему сказать. — Господа,... но неловко..... Невозможно!

ственная минута, продолжаясь слишкомъ долго, начинаетъ терять свою величественность, подалъ рукою знакъ. Раздался одинокій выстрѣлъ сигнальной пушки, и войска, съ разныхъ сторонъ обложившія Москву, двинулись въ Москву въ Тверскую, Калужскую и Дорогомиловскую заставы. Быстрѣе и быстрѣе, перегоняя одни другихъ, бѣглымъ шагомъ и рысью, двигались войска, скрываясь въ поднимаемыхъ ими облакахъ пыли и оглашая воздухъ сливающимися гулами криковъ.

Увлеченный движеніемъ войскъ, Наполеонъ доѣхалъ съ войсками до Дорогомиловской заставы, но тамъ опять остановился и, слѣзши съ лошади, долго ходилъ у Камеръ-колежскаго вала, ожидая депутаціи.

XX.

Москва между тѣмъ была пуста. Въ ней были еще люди, въ ней оставалась еще пятидесятая часть всѣхъ бывшихъ прежде жителей, но она была пуста. Она была пуста, какъ пустъ бываетъ домирающій, обезматочившій улей.

Въ обезматочившемъ ульѣ уже нѣтъ жизни, но на поверхностный взглядъ онъ кажется такимъ же живымъ, какъ и другіе.

Также весело, въ жаркихъ лучахъ полуденнаго солнца, вьются пчелы вокругъ обезматочившаго улья, какъ и вокругъ другихъ живыхъ ульевъ; также издалека пахнетъ отъ него медомъ, также влетаютъ и вылетаютъ изъ него пчелы. Но стоитъ приглядѣться къ нему, чтобы понять, что въ ульѣ этомъ уже нѣтъ жизни. Не такъ какъ въ живыхъ ульяхъ летаютъ пчелы, не тотъ запахъ, не тотъ звукъ поражаютъ пчеловода. На стукъ пчеловода въ стѣнку больнаго улья, вмѣсто прежняго, мгновеннаго, дружнаго отвѣта, шипѣнья десятковъ тысячъ пчелъ, грозно поджимающихъ задъ и быстрымъ боемъ крыльевъ производящихъ этотъ воздушный жизненный звукъ, ему отвѣчаютъ разрозненныя жужжанія,

гулко раздающіяся въ разныхъ мѣстахъ пустаго улья. Изъ летка не пахнетъ, какъ прежде, спиртовымъ, душистымъ запахомъ меда и яда, не несетъ оттуда тепломъ полноты, а съ запахомъ меда сливается запахъ пустоты и гнили. У летка нѣтъ больше готовящихся на погибель для защиты, поднявшихъ къ верху зады, трубящихъ тревогу стражей. Нѣтъ больше того ровнаго и тихаго звука, трепетанья труда, подобнаго звуку кипѣнья, а слышится нескладный, разрозненный шумъ безпорядка. Въ улей и изъ улья робко и увертливо влетаютъ и вылетаютъ черныя, продолговатыя, смазанныя медомъ пчелы-грабительницы; онѣ не жалятъ, а ускользаютъ отъ опасности. Прежде только съ ношами влетали, а вылетали пустыя пчелы, теперь вылетаютъ съ ношами. Пчеловодъ открываетъ нижнюю колодезню и вглядывается въ нижнюю часть улья. Вмѣсто прежде висѣвшихъ до уза (нижняго дна) черныхъ, усмиренныхъ трудомъ плетей сочныхъ пчелъ, держащихъ за ноги другъ друга и съ непрерывнымъ шопотомъ труда тянущихъ вощину, — сонныя, ссохшіяся пчелы въ разныя стороны бредутъ разсѣянно по дну и стѣнкамъ улья. Вмѣсто чисто-залѣпленнаго клеемъ и сметеннаго вѣерами крыльевъ пола, на днѣ лежатъ крошки вощинъ, испражненія пчелъ, полумертвыя, чуть шевелящія ножками, и совершенно мертвыя, неприбранныя пчелы.

Пчеловодъ открываетъ верхнюю колодезню и осматриваетъ голову улья. Вмѣсто облѣпившихъ всѣ промежутки сотовъ, грѣющихъ дѣтву, сплошныхъ рядовъ пчелъ, онъ видитъ искусную, сложную работу сотовъ, но уже не въ томъ видѣ дѣвственности, въ которомъ она бывала прежде. Все запущено и загажено. Грабительницы, черныя пчелы шныряютъ быстро и украдисто по работамъ; свои пчелы, ссохшіяся, короткія, вялыя, какъ будто старыя, медленно бродятъ, никому не мѣшая, ничего не желая и потерявъ сознаніе жизни. Трутни, шершни, шмели, бабочки безтолково стучатся на лету о стѣнки улья. Кое-гдѣ между вощинами

съ мертвыми дѣтьми и медомъ, изрѣдка слышится съ разныхъ сторонъ сердитое брюзжаніе; гдѣ нибудь двѣ пчелы, по старой привычкѣ и памяти, очищая гнѣздо́ улья, старательно сверхъ силъ тащутъ прочь мертвую пчелу или шмеля, сами не зная, для чего они это дѣлаютъ. Въ другомъ углу другія двѣ старыя пчелы лѣниво дерутся, или чистятся, или кормятъ одна другую, сами не зная, враждебно или дружелюбно они это дѣлаютъ. Въ третьемъ мѣстѣ, толпа пчелъ, давя другъ друга, нападаетъ на какую нибудь жертву и бьетъ и душитъ ее. И ослабѣвшая или убитая пчела медленно, легко какъ пухъ, спадаетъ съ верху въ кучу труповъ. Пчеловодъ разворачиваетъ двѣ середнія вощины, чтобы видѣть гнѣздо. Вмѣсто прежнихъ сплошныхъ, черныхъ круговъ спинка съ спинкой сидящихъ тысячъ пчелъ и блюдущихъ высшія тайны роднаго дѣла, онъ видитъ сотни унылыхъ, полуживыхъ и заснувшихъ о́стововъ пчелъ. Они почти всѣ умерли, сами не зная этого, сидя на святынѣ, которую они блюли, и которой ужъ нѣтъ больше. Отъ нихъ пахнетъ гнилью и смертью. Только нѣкоторыя изъ нихъ шевелятся, поднимаются, вяло летятъ и садятся на руку врагу, не въ силахъ умереть жаля его,—остальныя мертвыя, какъ рыбья чешуя, легко сыплятся внизъ. Пчеловодъ закрываетъ колодезню, отмѣчаетъ меломъ колодку и, выбравъ время, выламываетъ и выжимаетъ ее.

Такъ пуста была Москва, когда Наполеонъ, усталый, безпокойный и нахмуренный, ходилъ взадъ и впередъ у Камеръколежскаго вала, ожидая того хотя внѣшняго, но необходимаго, по его понятіямъ, соблюденія приличій, депутаціи.

Въ разныхъ углахъ Москвы только безсмысленно еще шевелились люди, соблюдая старыя привычки и не понимая того, что̀ они дѣлали.

Когда Наполеону съ должной осторожностью было объявлено, что Москва пуста, онъ сердито взглянулъ на доносившаго объ этомъ и отвернувшись продолжалъ ходить молча.

— Подать экипажъ, сказалъ онъ. Онъ сѣлъ въ карету рядомъ съ дежурномъ адъютантомъ и поѣхалъ въ предмѣстье.

— Moscou deserte! Quel événement invraisemblable! [1]) говорилъ онъ самъ съ собой.

Онъ не поѣхалъ въ городъ, а остановился на постояломъ дворѣ Дорогомиловскаго предмѣстья.

Le coup de théatre avait raté[2]).

XXI.

Войска проходили черезъ Москву съ двухъ часовъ ночи и до двухъ часовъ дня и увлекали за собой послѣднихъ, уѣзжавшихъ жителей и раненыхъ.

Самая большая давка во время движенія войскъ происходила на мостахъ Каменномъ, Москворѣцкомъ и Яузскомъ.

Въ то время какъ, раздвоившись вокругъ Кремля, войска сперлись на Москворѣцкомъ и Каменномъ мостахъ, огромное число солдатъ, пользуясь остановкой и тѣснотой, возвращались назадъ отъ мостовъ, и украдчиво и молчаливо прошныривали мимо Василья Блаженнаго и подъ Боровицкіе ворота назадъ въ гору къ Красной площади, на которой по какому-то чутью они чувствовали, что можно брать безъ труда чужое. Такая же толпа людей, какъ на дешёвыхъ товарахъ, наполняла Гостиный дворъ во всѣхъ его ходахъ и переходахъ. Но не было ласково-приторныхъ заманивающихъ голосовъ гостинодворцевъ, не было разносчиковъ и пестрой, женской толпы покупателей — одни были мундиры и шинели солдатъ безъ ружей, молчаливо съ ношами выходившихъ и безъ ноши входившихъ въ ряды. Купцы и сидѣльцы (ихъ было мало) какъ потерянные, ходили между солдатами, отпирали и запирали свои лавки, и сами съ молодцами куда-то выносили свои товары. На площади у

[1]) Какое невѣроятное событіе!

[2]) Не удалась развязка театральнаго представленія.

Гостинаго двора стояли барабанщики и били сборъ. Но звукъ барабана заставлялъ солдатъ-грабителей не какъ прежде сбѣгаться на зовъ, а напротивъ заставлялъ ихъ отбѣгать дальше отъ барабана. Между солдатами, по лавкамъ и проходамъ, виднѣлись люди въ сѣрыхъ кафтанахъ и съ бритыми головами. Два офицера, одинъ въ шарфѣ по мундиру на худой, темносѣрой лошади, другой въ шинели, пѣшкомъ стояли у угла Ильинки и о чемъ-то говорили. Третій офицеръ подскакалъ къ нимъ.

— Генералъ приказалъ, во что бы то ни стало, сейчасъ выгнать всѣхъ. Чтожъ, это ни на что не похоже! Половина людей разбѣжалась.

— Ты куда?... Вы куда?... крикнулъ онъ на трехъ пѣхотныхъ солдатъ, которые безъ ружей, подобравъ полы шинелей, проскользнули мимо него въ ряды. — Стой, канальи!

— Да вотъ извольте ихъ собрать, отвѣчалъ другой офицеръ. — Ихъ не соберешь; надо идти скорѣе, чтобъ послѣдніе не ушли, вотъ и все!

— Какже идти, тамъ стали, сперлися на мосту и не двигаются. Или цѣпь поставить, чтобы послѣдніе не разбѣжались?

— Да подите же туда! Гонижъ ихъ вонъ, крикнулъ старшій офицеръ.

Офицеръ въ шарфѣ слѣзъ съ лошади, кликнулъ барабанщика и вошелъ съ нимъ вмѣстѣ подъ арки. Нѣсколько солдатъ бросилось бѣжать толпой. Купецъ съ красными прыщами по щекамъ около носа, съ спокойно-непоколебимымъ выраженіемъ разсчета на сытомъ лицѣ, поспѣшно и щеголевато, размахивая руками, подошелъ къ офицеру.

— Ваше благородіе, сказалъ онъ, сдѣлайте милость, защитите. Намъ не разсчетъ пустякъ какой ни на есть, мы съ нашимъ удовольствіемъ, пожалуйте, сукна сейчасъ вынесу, для благороднаго человѣка хоть два куска, съ на-

шимъ удовольствіемъ, потому мы чувствуемъ, а это чтожъ, одинъ разбой! Пожалуйте! Караулъ что ли бы приставили, хоть запереть дали бы...

Нѣсколько купцовъ столпилось около офицера.—Э! по пусту брехать-то, сказалъ одинъ изъ нихъ, худощавый съ строгимъ лицомъ. Снявши голову, по волосамъ не плачутъ.—Бери что кому любо! И онъ энергическимъ жестомъ махнулъ рукой и бокомъ повернулся къ офицеру.

— Тебѣ, Иванъ Сидорычъ, хорошо говорить, сердито заговорилъ первый купецъ.—Вы пожалуйте, ваше благородіе.

— Что говорить! крикнулъ худощавый, у меня тутъ въ трехъ лавкахъ на 100 тысячъ товару. Развѣ убережешь, когда войско ушло. Эхъ, народъ, Божью власть не руками скласть.

— Пожалуйте, ваше благородіе, говорилъ первый купецъ кланяясь.—Офицеръ стоялъ въ недоумѣньи, и на лицѣ его видна была нерѣшительность.

— Да мнѣ что за дѣло! крикнулъ онъ вдругъ и пошелъ быстрыми шагами впередъ по ряду. Въ одной отпертой лавкѣ слышались удары и ругательства и въ то время, какъ офицеръ подходилъ къ ней, изъ двери выскочилъ вытолкнутый человѣкъ въ сѣромъ армякѣ и съ бритой головой.

Человѣкъ этотъ, согнувшись, проскочилъ мимо купцовъ и офицера. Офицеръ напустился на солдатъ, бывшихъ въ лавкѣ. Но въ это время страшные крики огромной толпы послышались на Москворѣцкомъ мосту, и офицеръ выбѣжалъ на площадь.

— Что такое? Что такое? спрашивалъ онъ, но товарищъ его уже скакалъ по направленію къ крикамъ, мимо Василья Блаженнаго. Офицеръ сѣлъ верхомъ и поѣхалъ за нимъ. Когда онъ подъѣхалъ къ мосту, онъ увидалъ снятыя съ передковъ двѣ пушки, пѣхоту идущую по мосту, нѣсколько поваленныхъ телѣгъ, нѣсколько испуганныхъ лицъ и

смѣющіяся лица солдатъ. Подлѣ пушекъ стояла одна повозка, запряженная парой. За повозкой сзади колесъ жались четыре борзыя собаки въ ошейникахъ. На повозкѣ была гора вещей, и на самомъ верху, рядомъ съ дѣтскимъ кверху ножками перевернутымъ стульчикомъ, сидѣла баба пронзительно и отчаянно визжавшая. Товарищи разсказывали офицеру, что крикъ толпы и визги бабы произошли оттого, что наѣхавшій на эту толпу генералъ Ермоловъ, узнавъ, что солдаты разбредаются по лавкамъ, а толпы жителей запружаютъ мостъ, приказалъ снять орудія съ передковъ и сдѣлать примѣръ, что онъ будетъ стрѣлять по мосту. Толпа, валя повозки, давя другъ друга, отчаянно кричала, тѣснясь разсчистила мостъ, и войска двинулись впередъ.

XXII.

Въ самомъ городѣ между тѣмъ было пусто. По улицамъ никого почти не было. Ворота и лавки всѣ были заперты; кое-гдѣ около кабаковъ слышались одинокіе крики или пьяное пѣнье. Никто не ѣздилъ по улицамъ, и рѣдко слышались шаги пѣшеходовъ. На Поварской было совершенно тихо и пустынно. На огромномъ дворѣ дома Ростовыхъ валялись объѣдки сѣна, кало съѣхавшаго обоза, и не было видно ни однаго человѣка. Въ оставшемся со всѣмъ своихъ добромъ домѣ Ростовыхъ два человѣка были въ большой гостиной. Это были дворникъ Игнатъ и казачокъ Мишка, внукъ Васильича, оставшійся въ Москвѣ съ дѣдомъ. Мишка, открывъ клавикорды, игралъ на нихъ однимъ пальцемъ. Дворникъ, подбоченившись и радостно улыбаясь, стоялъ передъ большимъ зеркаломъ.

— Вотъ ловко-то! А? Дядюшка Игнатъ! говорилъ мальчикъ, вдругъ начиная хлопать обѣими руками по клавишамъ.

— Ишь ты! отвѣчалъ Игнатъ, дивуясь на то, какъ все болѣе и болѣе улыбалось его лицо въ зеркалѣ.

— Безсовѣстные! Право безсовѣстные! заговорилъ сзади ихъ голосъ тихо вошедшей Мавры Кузминишны. Эка толсторожій, зубы то скалитъ. На это васъ взять! Тамъ все не прибрано, Васильичъ съ ногъ сбился. Дай срокъ!

Игнатъ, поправляя поясокъ, переставъ улыбаться и покорно опустивъ глаза, пошелъ вонъ изъ комнаты.

— Тетинька, я полегоньку, сказалъ мальчикъ.

— Я те дамъ полегоньку. Пострѣленокъ! крикнула Мавра Кузминишна, замахиваясь на него рукой. Иди, дѣду самоваръ ставь.

Мавра Кузминишна, смахнувъ пыль, закрыла клавикорды и, тяжело вздохнувъ, вышла изъ гостиной и заперла входную дверь.

Выйдя на дворъ, Мавра Кузминишна задумалась о томъ, куда ей идти теперь: пить ли чай къ Васильичу во флигель или въ кладовую прибрать то, что̀ еще не было прибрано.

Въ тихой улицѣ послышались быстрые шаги. Шаги остановились у калитки; щеколда стала стучать подъ рукой, старавшейся отпереть ее.

Мавра Кузминишна подошла къ калиткѣ.—Кого надо?—

— Графа, графа Илью Андреича Ростова.

— Да вы кто?

— Я офицеръ. Мнѣ бы видѣть нужно, сказалъ Русскій пріятный и барскій голосъ.

Мавра Кузминишна отперла калитку. И на дворъ вошелъ лѣтъ 18-ти, круглолицый офицеръ, типомъ лица похожій на Ростовыхъ.

— Уѣхали, батюшка. Вчерашняго числа въ вечерни изволили уѣхать, ласково̀ сказала Мавра Кузминишна.

Молодой офицеръ, стоя въ калиткѣ, какъ бы въ нерѣшительности войти или не войти ему, пощелкалъ языкомъ. Ахъ какая дасада, проговорилъ онъ. Мнѣ бы вчера.... Ахъ какъ жалко...

Мавра Кузминишна между тѣмъ внимательно и сочувственно разглядывала знакомыя ей черты Ростовской породы въ лицѣ молодаго человѣка, и изорванную шинель, и стоптанные сапоги, которые были на немъ.

— Вамъ зачѣмъ же графа надо было? спросила она.

— Да ужъ... что дѣлать! съ досадой проговорилъ офицеръ и взялся за калитку, какъ бы намѣреваясь уйти.— Онъ опять остановился въ нерѣшительности.

— Видите ли? вдругъ сказалъ онъ. Я родственикъ графу, и онъ всегда очень добръ былъ ко мнѣ. Такъ вотъ, видите ли (онъ съ доброй и веселой улыбкой посмотрѣлъ на свой плащъ и сапоги) и обносился, и денегъ ничего нѣтъ; такъ я хотѣлъ попросить графа....

Мавра Кузминишна не дала договорить ему.—Вы минуточку бы повременили, батюшка. Одною минуточку, сказала она. И какъ только офицеръ отпустилъ руку отъ калитки, Мавра Кузмична повернулась и быстрымъ, старушечьимъ шагомъ пошла на задній дворъ къ своему флигелю.

Въ то время какъ Мавра Кузминишна бѣгала къ себѣ, офицеръ, опустивъ голову и глядя на свои прорванные сапоги, слегка улыбаясь, прохаживался по двору. «Какъ жалко, что я не засталъ дядюшку. А славная старушка! Куда она побѣжала? И какъ бы мнѣ узнать, какими улицами мнѣ ближе догнать полкъ, который теперь долженъ подходить къ Рогожской?» думалъ въ это время молодой офицеръ.— Мавра Кузминишна, съ испуганнымъ и вмѣстѣ рѣшительнымъ лицомъ, неся въ рукахъ свернутый клѣтчатый платочекъ, вышла изъ-за угла. Не доходя нѣсколько шаговъ, она, развернувъ платокъ, вынула изъ него бѣлую 25 руб-

левую ассигнацію и поспѣшно отдала ее офицеру.—Были бы ихъ сіятельство дома, извѣстно бы, они бы точно по родственому, а вотъ можетъ... тепереча... Мавра Кузминишна заробѣла и смѣшалась. Но офицеръ, не отказываясь и не торопясь, взялъ бумажку и поблагодарилъ Мавру Кузминишну.—Какъ бы графъ дома былъ, извиняясь все говорила Мавра Кузминична. Христосъ съ вами, батюшка. Спаси васъ Богъ, говорила Мавра Кузминишна, кланяясь и провожая его. Офицеръ, какъ бы смѣясь надъ собою, улыбаясь и покачивая головой, почти рысью побѣжалъ по пустымъ улицамъ догонять свой полкъ къ Яузскому мосту.

А Мавра Кузминишна еще долго съ мокрыми глазами стояла передъ затворенной калиткой, задумчиво покачивая головой и чувствуя неожиданный приливъ материнской нѣжности и жалости къ неизвѣстному ей офицерику.

XXIII.

Въ недостроенномъ домѣ на Варваркѣ, внизу котораго былъ питейный домъ, слышались пьяные крики и пѣсни. На лавкахъ у столовъ, въ небольшой, грязной комнатѣ сидѣло человѣкъ десять фабричныхъ. Всѣ они пьяные, потные, съ мутными глазами, напруживаясь и широко разѣвая рты, пѣли какую-то пѣсню. Они пѣли врозь съ трудомъ, съ усиліемъ, очевидно не для того, что имъ хотѣлось пѣть, но для того только, чтобы доказать, что они пьяны и гуляютъ. Одинъ изъ нихъ, высокій, бѣлокурый малый въ чистой, синей чуйкѣ стоялъ надъ ними. Лицо его съ тонкимъ прямымъ носомъ было бы красиво, ежели бы не тонкія, поджатыя, безпрестанно двигающіяся губы и мутные и нахмуренные, неподвижные глаза. Онъ стоялъ надъ тѣми которые пѣли и, видимо воображая себѣ что-то, торжественно и угловато размахивалъ надъ ихъ головами засученной

по локоть бѣлой рукой, грязные пальцы которой онъ неестественно старался растопыривать. Рукавъ его чуйки безпрестанно спускался, и малый старательно лѣвой рукой опять засучивалъ его, какъ будто что-то особенно было важное въ томъ, чтобы эта бѣлая, жилистая, махавшая рука была непремѣнно голая. Всерединѣ пѣсни, въ сѣняхъ и на крыльцѣ, послышались крики драки и удары. Высокій малый махнулъ рукой.

— Шабашъ! крикнулъ онъ повелительно. Драка, ребята! и онъ, не переставая засучивать рукавъ, вышелъ на крыльцо.

Фабричные пошли за нимъ. Фабричные, пившіе въ кабакѣ въ это утро подъ предводительствомъ высокаго малаго, принесли цѣловальнику кожи съ фабрики, и за это имъ было дано вино. Кузнецы изъ сосѣднихъ кузень, услыхавъ гульбу въ кабакѣ, и полагая, что кабакъ разбитъ силой, хотѣли ворваться въ него. На крыльцѣ завязалась драка.

Цѣловальникъ въ дверяхъ дрался съ кузнецомъ, и въ то время какъ выходили фабричные, кузнецъ оторвался отъ цѣловальника и упалъ лицомъ на мостовую.

Другой кузнецъ рвался въ дверь, грудью наваливаясь на цѣловальника.

Малый съ засученнымъ рукавомъ на ходу еще ударилъ въ лицо рвавшагося въ дверь кузнеца и дико закричалъ:

— Ребята! нашихъ бьютъ!

Въ это время первый кузнецъ поднялся съ земли и расцарапывая кровь на разбитомъ лицѣ закричалъ плачущимъ голосомъ:

— Караулъ! Убили!.. Человѣка убили! Братцы!...

— Ой, батюшки, убили до смерти, убили человѣка! завизжала баба, вышедшая изъ сосѣднихъ воротъ. Толпа народа собралась около окровавленнаго кузнеца.

— Мало ты народъ-то грабилъ, рубахи снималъ, сказалъ чей-то голосъ, обращаясь къ цѣловальнику — что жъ ты человѣка убилъ? Разбойникъ!

Высокій малый, стоя на крыльцѣ, мутными глазами водилъ то на цѣловальника, то на кузнецовъ, какъ бы соображая, съ кѣмъ теперь слѣдуетъ драться.

— Душегубъ! вдругъ крикнулъ онъ на цѣловальника.— Вяжи его, ребята!

— Какъ же связалъ, одного такого-то! крикнулъ цѣловальникъ, отмахнувшись отъ набросившихся на него людей; и, сорвавъ съ себя шапку, онъ бросилъ ее на землю. Какъ будто дѣйствіе это имѣло какое-то таинственно-угрожающее значеніе, фабричные, обступившіе цѣловальника, остановились въ нерѣшительности.

— Порядокъ-то я, братъ, знаю очень прекрасно. Я до частнаго дойду. Ты думаешь, не дойду? Разбойничать-то нонче никому не велятъ! прокричалъ цѣловальникъ, поднимая шапку.

— И пойдемъ, ишь ты! И пойдемъ.... ишь ты, повторяли другъ за другомъ цѣловальникъ и высокій малый, и оба вмѣстѣ двинулись впередъ по улицѣ. Окровавленный кузнецъ шелъ рядомъ съ ними. Фабричные и посторонній народъ съ говоромъ и крикомъ шли за ними.

У угла Моросейки, противъ большаго съ запертыми ставнями дома, на которомъ была вывѣска сапожнаго мастера, стояли съ унылыми лицами человѣкъ двадцать сапожниковъ, худыхъ, истомленныхъ людей въ халатахъ и оборванныхъ чуйкахъ.

— Онъ народъ разочти какъ слѣдуетъ! говорилъ худой мастеровой съ жидкой бородой и нахмуренными бровями.— А чтожъ онъ нашу кровь сосалъ, да и квитъ. Онъ насъ водилъ, водилъ, всю недѣлю. А теперь довелъ до послѣдняго конца, а самъ уѣхалъ.

Увидавъ народъ и окровавленнаго человѣка, говорившій мастеровой замолчалъ, и всѣ сапожники съ поспѣшнымъ любопытствомъ присоединились къ двигавшейся толпѣ.

— Куда идетъ народъ-то?

— Извѣстно куда, къ начальству идетъ.

— Чтожъ али взаправду наша не взяла сила?

— А ты думалъ какъ! Гляди-ко что народъ говоритъ.

Слышались вопросы и отвѣты. Цѣловальникъ, воспользовавшись увеличеніемъ толпы, отсталъ отъ народа и вернулся къ своему кабаку.

Высокій малый, не замѣчая исчезновенія своего врага цѣловальника, размахивая оголенной рукой, не переставалъ говорить, обращая тѣмъ на себя общее вниманіе. На него-то преимущественно жался народъ, предполагая отъ него получить разрѣшеніе занимавшихъ всѣхъ вопросовъ. — Онъ покажи порядокъ, законъ покажи, на то начальство поставлено! Такъ ли я говорю, православные? говорилъ высокій малый, чуть замѣтно улыбаясь.

— Онъ думаетъ и начальства нѣтъ? Развѣ безъ начальства можно? А то грабить-то мало ли ихъ.

— Что пустое говорить! отзывалось въ толпѣ, какже, такъ и бросятъ Москву-то? Тебѣ на смѣхъ сказали, а ты и повѣрилъ. Мало ли войсковъ нашихъ идетъ. Такъ его и пустили! На то начальство. Вонъ послушай, что народъ-то баетъ, говорили, указывая на высокаго малаго.

У стѣны Китай-города, другая, небольшая кучка людей окружала человѣка въ фризовой шинели, держащаго въ рукахъ бумагу.

— Указъ, указъ читаютъ! Указъ читаютъ! послышалось въ толпѣ, и народъ хлынулъ къ чтецу.

Человѣкъ въ фризовой шинели читалъ афишку отъ 31-го Августа. Когда толпа окружила его, онъ какъ бы смутился, но на требованіе высокаго малаго, протѣснившагося до

него, онъ съ легкимъ дрожаніемъ въ голосѣ началъ читать афишку сначала.

«Я завтра рано ѣду къ Свѣтлѣйшему князю», читалъ онъ.

(— Свѣтлѣющему! торжественно, улыбаясь ртомъ и хмуря брови, повторилъ высокій малый) «чтобы съ нимъ «переговорить, дѣйствовать и помогать войскамъ истреб-«лять злодѣевъ; станемъ и мы изъ нихъ духъ».... продолжалъ чтецъ и остановился. (— Видалъ? побѣдоносно прокричалъ малый. Онъ тебѣ всю дистанцію развяжетъ...) «искоренять и этихъ гостей къ чорту отправлять; я пріѣду «назадъ къ обѣду и примемся за дѣло, сдѣлаемъ, додѣ-«лаемъ и злодѣевъ отдѣлаемъ».

Послѣднія слова были прочтены чтецомъ въ совершенномъ молчаніи. Высокій малый грустно опустилъ голову. Очевидно было, что никто не понялъ этихъ послѣднихъ словъ. Въ особенности слова: «я пріѣду завтра къ обѣду» видимо даже огорчили и чтеца и слушателей. Пониманіе народа было настроено на высокій ладъ, а это было слишкомъ просто и ненужно-понятно; это было то самое, что̀ каждый изъ нихъ могъ бы сказать и что̀ по этому не могъ говорить указъ исходящій отъ высшей власти.

Всѣ стояли въ унылομъ молчаніи. Высокій малый водилъ губами и пошатывался.

— У него спросить бы!.. это самъ и есть?.. какже успросилъ!.. А то чтожъ... Онъ укажетъ... вдругъ послышалось въ заднихъ рядахъ толпы, и общее вниманіе обратилось на выѣзжавшія на площадь дрожки полиціймейстера, сопутствуемаго двумя конными драгунами.

Полиціймейстеръ, ѣздившій въ это утро по приказанію графа сжигать барки и по случаю этого порученія выручившій большую сумму денегъ, находившуюся у него въ эту минуту въ карманѣ, увидавъ двинувшуюся къ нему толпу людей, приказалъ кучеру остановиться.

— Что за народъ? крикнулъ онъ на людей, разрозненно и робко приближавшихся къ дрожкамъ.

— Что за народъ? Я васъ спрашиваю, повторилъ полицеймейстеръ, не получавшій отвѣта.

— Они, ваше благородіе, сказалъ приказный во фризовой шинели. — Они, ваше высокородіе, по объявленію сіятельнѣйшаго графа, не щадя живота, желали послужить, а не то чтобы бунтъ какой, какъ сказано отъ сіятельнѣйшаго графа....

— Графъ не уѣхалъ, онъ здѣсь, и объ васъ распоряженіе будетъ, сказалъ полицеймейстеръ. — Пошелъ! сказалъ онъ кучеру. Толпа остановилась, скучиваясь около тѣхъ, которые слышали то, что̀ сказало начальство и глядя на отъѣзжающія дрожки.

Полицеймейстеръ въ это время испуганно оглянулся, что-то сказалъ кучеру, и лошади его поѣхали быстрѣе.

— Обманъ, ребята! Веди къ самому! крикнулъ голосъ высокаго малаго. — Не пущай, ребята! Пущай отчетъ подастъ! Держи! закричали голоса, и народъ бѣгомъ бросился за дрожками.

Толпа за полицеймейстеромъ съ шумнымъ говоромъ направилась на Лубянку.

— Что жъ, господа да купцы повыѣхали, а мы за то и пропадемъ. Чтожъ мы собаки чтоль! слышалось чаще въ толпѣ.

XXIV.

Вечеромъ 1-го сентября, послѣ своего свиданія съ Кутузовымъ, графъ Растопчинъ, огорченный и оскорбленный тѣмъ, что его не пригласили на военный совѣтъ, что Кутузовъ не обращалъ никакого вниманія на его предложеніе принять участіе въ защитѣ столицы и удивленный новымъ открыв-

шимся ему въ лагерѣ взглядомъ, при которомъ вопросъ о спокойствіи столицы и о патріотическомъ ея настроеніи оказывался не только второстепеннымъ но совершенно ненужнымъ и ничтожнымъ, — огорченный, оскорбленный и удивленный всѣмъ этимъ, графъ Растопчинъ вернулся въ Москву. Поужинавъ, графъ, не раздѣваясь, прилегъ на канапе и въ 1-мъ часу былъ разбуженъ курьеромъ, который привезъ ему письмо отъ Кутузова. Въ письмѣ говорилось, что такъ какъ войска отступаютъ на Рязанскую дорогу за Москву, то не угодно ли графу выслать полицейскихъ чиновниковъ для проведенія войскъ черезъ городъ. Извѣстіе это не было новостью для Растопчина. Не только со вчерашняго свиданья съ Кутузовымъ на Поклонной горѣ, но и съ самаго Бородинскаго сраженія, когда всѣ пріѣзжавшіе въ Москву генералы въ одинъ голосъ говорили, что нельзя дать еще сраженія и когда съ разрѣшенія графа каждую ночь уже вывозили казенное имущество, и жители до половины повыѣхали, графъ Растопчинъ зналъ, что Москва будетъ оставлена; но тѣмъ не менѣе извѣстіе это, сообщенное въ формѣ простой записки съ приказаніемъ отъ Кутузова и полученное ночью, во время перваго сна, удивило и раздражило графа.

Въ послѣдствіи, объясняя свою дѣятельность за это время, графъ Растопчинъ въ своихъ запискахъ нѣсколько разъ писалъ, что у него тогда было двѣ важныя цѣли: De maintenir la tranquillité à Moscou et d'en faire partir les habitants[1]. Если допустить эту двоякую цѣль, всякое дѣйствіе Растопчина оказывается безъукоризненнымъ. Для чего не вывезена Московская святыня, оружіе, патроны, порохъ, запасы хлѣба, для чего тысячи жителей обмануты тѣмъ, что Москву не сдадутъ, и разорены?—Для того, чтобы соблюсти спокойствіе

[1]) Удерживать спокойствіе въ Москвѣ и выпроводить изъ нея жителей.

въ столицѣ, отвѣчаетъ объясненіе графа Растопчина. Для чего вывозились кипы ненужныхъ бумагъ изъ присутственныхъ мѣстъ и шаръ Леппиха и другіе предметы?—Для того, чтобы оставить городъ пустымъ, отвѣчаетъ объясненіе графа Растопчина. Стоитъ только допустить, что что-нибудь угрожало народному спокойствію, и всякое дѣйствіе становится оправданнымъ.

Всѣ ужасы террора основывались только на заботѣ о народномъ спокойствіи.

На чемъ же основывался страхъ графа Растопчина о народномъ спокойствіи въ Москвѣ въ 1812 году? Какая причина была предполагать въ городѣ склонность къ возмущенію? Жители уѣзжали, войска отступая наполняли Москву. Почему долженъ былъ вслѣдствіе этого бунтовать народъ?

Не только въ Москвѣ, но во всей Россіи, при вступленіи непріятеля, не произошло ничего похожаго на возмущеніе. 1-го, 2-го сентября, болѣе 10-ти тысячъ людей оставалось въ Москвѣ, и кромѣ толпы, собравшейся на дворѣ главнокомандующаго и привлеченной имъ самимъ — ничего не было. Очевидно, что еще менѣе надо было ожидать волненія въ народѣ, ежели бы, послѣ Бородинскаго сраженія, когда оставленіе Москвы стало очевидно, или по крайней мѣрѣ вѣроятно, ежели бы тогда вмѣсто того, чтобы волновать народъ раздачей оружія и афишами, Растопчинъ принялъ мѣры къ вывозу всей святыни, пороху, зарядовъ и денегъ, и прямо объявилъ бы народу, что городъ оставляется.

Растопчинъ, пылкій, сангвиническій человѣкъ, всегда вращавшійся въ высшихъ кругахъ администраціи, хотя и съ патріотическимъ чувствомъ, не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о томъ народѣ, которымъ онъ думалъ управлять. Съ самаго начала вступленія непріятеля въ Смоленскъ, Растопчинъ въ воображеніи своемъ составилъ для себя роль руково-

дителя народнаго чувства—сердца Россіи. Ему нетолько казалось (какъ это кажется каждому администратору) что онъ управлялъ внѣшними дѣйствіями жителей Москвы, но ему казалось, что онъ руководилъ ихъ настроеніемъ, посредствомъ своихъ воззваній и афишъ, писанныхъ тѣмъ ёрническимъ языкомъ, который въ своей средѣ презираетъ народъ и который онъ не понимаетъ, когда слышитъ его сверху. Красивая роль руководителя народнаго чувства такъ понравилась Растопчину, онъ такъ сжился съ нею, что необходимость выдти изъ этой роли, необходимость оставленія Москвы безъ всякаго героическаго эффекта, застала его въ расплохъ, и онъ вдругъ потерялъ изъ подъ ногъ почву, на которой стоялъ и рѣшительно не зналъ, что̀ ему дѣлать. Онъ хотя и зналъ, но не вѣрилъ всею душою до послѣдней минуты въ оставленіе Москвы и ничего не дѣлалъ съ этой цѣлью. Жители выѣзжали противъ его желанія. Ежели вывозили присутственныя мѣста, то только по требованію чиновниковъ, съ которыми неохотно соглашался графъ. Самъ же онъ былъ занятъ только тою ролью, которую онъ для себя сдѣлалъ. Какъ это часто бываетъ съ людьми, одаренными пылкимъ воображеніемъ, онъ зналъ уже давно, что Москву оставятъ, но зналъ только по разсужденью, но всей душой не вѣрилъ въ это, не перенесся воображеніемъ въ это новое положеніе.

Вся дѣятельность его, старательная и энергическая (на сколько она была полезна и отражалась на народъ, это другой вопросъ), вся дѣятельность его была направлена только на то, чтобы возбудить въ жителяхъ то чувство, которое онъ самъ испытывалъ — патріотическую ненависть къ Французамъ и увѣренность въ себѣ.

Но когда событіе принимало свои настоящіе, историческіе размѣры, когда оказалось недостаточнымъ только словами выражать свою ненависть къ Французамъ, когда нельзя было даже сраженіемъ выразить эту ненависть, когда увѣ-

ренность въ себѣ оказалась безполезною по отношенію къ одному вопросу Москвы, когда все населеніе, какъ одинъ человѣкъ, бросая свои имущества, потекло вонъ изъ Москвы, показывая этимъ отрицательнымъ дѣйствіемъ всю силу своего народнаго чувства: тогда роль выбранная Растопчинымъ оказалась вдругъ безсмысленной. Онъ почувствовалъ себя вдругъ одинокимъ, слабымъ и смѣшнымъ, безъ почвы подъ ногами.

Получивъ, пробужденный отъ сна, холодную и повелительную записку отъ Кутузова, Растопчинъ почувствовалъ себя тѣмъ болѣе раздраженнымъ, чѣмъ болѣе онъ чувствовалъ себя виновнымъ. Въ Москвѣ оставалось все то что̀ именно было поручено ему, все то̀ казенное что̀ ему должно было вывезти. Вывезти все не было возможности.

«Кто же виноватъ въ этомъ, кто допустилъ до этого? думалъ онъ. Разумѣется не я. У меня все было готово, я держалъ Москву вотъ какъ! И вотъ до чего они довели дѣло! Мерзавцы, измѣнники!» думалъ онъ, не опредѣляя хорошенько того, кто были эти мерзавцы и измѣнники, но чувствуя необходимость ненавидѣть этихъ кого-то измѣнниковъ, которые были виноваты въ томъ фальшивомъ и смѣшномъ положеніи, въ которомъ онъ находился.

Всю эту ночь графъ Растопчинъ отдавалъ приказанія, за которыми со всѣхъ сторонъ Москвы пріѣзжали къ нему. Приближенные никогда не видали графа столь мрачнымъ и раздраженнымъ.

— «Ваше сіятельство, изъ Вотчиннаго Департамента пришли, отъ директора за приказаніями... Изъ Консисторіи, изъ Сената, изъ Университета, изъ Воспитательнаго Дома, викарный прислалъ... спрашиваетъ... О пожарной командѣ какъ прикажете? Изъ острога смотритель... изъ желтаго дома смотритель»... всю ночь не переставая докладывали графу.

На всѣ эти вопросы графъ давалъ короткіе и сердитые

отвѣты, показывавшіе, что приказанія его теперь не нужны, что все старательно подготовленное имъ дѣло теперь испорчено кѣмъ-то и что этотъ кто-то будетъ нести всю отвѣтственность за все то что̀ произойдетъ теперь.

— Ну скажи ты этому болвану, отвѣчалъ онъ на запросъ отъ Вотчиннаго Департамента, чтобъ онъ оставался караулить свои бумаги. Ну что ты спрашиваешь вздоръ о пожарной командѣ? Есть лошади, пускай ѣдутъ во Владиміръ. Не Французамъ оставлять.

— Ваше сіятельство, пріѣхалъ надзиратель изъ съумасшедшаго дома, какъ прикажете?

— Какъ прикажу? Пускай ѣдутъ всѣ, вотъ и все... А съумасшедшихъ выпустить въ городѣ. Когда у насъ съумасшедшіе арміями командуютъ, такъ этимъ и Богъ велѣлъ.

На вопросъ о колодникахъ, которые сидѣли въ ямѣ, графъ сердито крикнулъ на смотрителя.

— Чтожъ, тебѣ два батальона конвоя дать, котораго нѣтъ? Пустить ихъ, и все!

— Ваше сіятельство, есть политическіе, Мѣшковъ, Верещагинъ.

— Верещагинъ! Онъ еще не повѣшенъ? крикнулъ Растопчинъ.—Привести его ко мнѣ.

XXV.

Къ 9-ти часамъ утра, когда войска уже двинулись черезъ Москву, никто больше не приходилъ спрашивать распоряженій графа. Всѣ, кто могъ ѣхать, ѣхали сами собой; тѣ, кто оставались, рѣшали сами съ собой, что̀ имъ надо было дѣлать.

Графъ велѣлъ подавать лошадей, чтобы ѣхать въ Сокольники и, нахмуренный, желтый и молчаливый, сложивъ руки, сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ.

Каждому администратору въ спокойное, небурное время кажется, что только его усиліями движется все ему подвѣдомственное народонаселеніе, и въ этомъ сознаніи своей необходимости каждый администраторъ чувствуетъ главную награду за свои труды и усилія. Понятно, что до тѣхъ поръ, пока историческое море спокойно, правителю-администратору, съ своей утлой лодочкой упирающемуся шестомъ въ корабль народа, и самому двигающемуся, должно казаться, что его усиліями двигается корабль, въ который онъ упирается. Но стоитъ подняться бурѣ, взволноваться морю и двинуться самому кораблю, и тогда ужъ заблужденіе не возможно. Корабль идетъ своимъ громаднымъ, независимымъ ходомъ, шестъ не достаетъ до двинувшагося корабля, и правитель вдругъ изъ положенія властителя, источника силы, переходитъ въ ничтожнаго, безполезнаго и слабаго человѣка.

Растопчинъ чувствовалъ это, и это-то раздражало его.

Полицеймейстеръ, котораго остановила толпа вмѣстѣ съ адъютантомъ, который пришелъ доложить, что лошади готовы, вошли къ графу. Оба были блѣдны, и полицеймейстеръ, передавъ объ исполненіи своего порученія, сообщилъ, что на дворѣ графа стояла огромная толпа народа, желавшаго его видѣть.

Растопчинъ, ни слова не отвѣчая, всталъ и быстрыми шагами направился въ свою роскошную, свѣтлую гостиную, подошелъ къ двери балкона, взялся за ручку, оставилъ ее и перешелъ къ окну, изъ котораго виднѣе была вся толпа. Высокій малый стоялъ въ переднихъ рядахъ и съ строгимъ лицомъ, размахивая рукой, говорилъ что-то. Окровавленный кузнецъ съ мрачнымъ видомъ стоялъ подлѣ него. Сквозь закрытыя окна слышенъ былъ гулъ голосовъ.

— Готовъ экипажъ? сказалъ Растопчинъ, отходя отъ окна.

— Готовъ, ваше сіятельство, сказалъ адъютантъ.

Растопчинъ опять подошелъ къ двери балкона.

— Да чего они хотятъ? спросилъ онъ у полицеймейстера.

— Ваше сіятельство, они говорятъ, что собрались идти на Французовъ по вашему приказанью, про измѣну что-то кричали. Но буйная толпа, ваше сіятельство. Я насилу уѣхалъ. Ваше сіятельство, осмѣлюсь предложить....

— Извольте идти, я безъ васъ знаю, что̀ дѣлать, сердито крикнулъ Растопчинъ. Онъ стоялъ у двери балкона, глядя на толпу. «Вотъ что они сдѣлали съ Россіей! Вотъ что они сдѣлали со мной!» думалъ Растопчинъ, чувствуя поднимающійся въ своей душѣ неудержимый гнѣвъ противъ кого-то того, кому можно было приписать причину всего случившагося. Какъ это часто бываетъ съ горячими людьми, гнѣвъ уже владѣлъ имъ, но онъ искалъ еще для него предмета. La voilà la populace, la lie du peuple, думалъ онъ, глядя на толпу, la plebe qu'ils ont soulevé par leur sottise. Ils leurs faut une victime [1]) пришло ему въ голову, глядя на размахивающаго рукой высокаго малаго. И потому самому это пришло ему въ голову, что ему самому нужна была эта жертва, этотъ предметъ для своего гнѣва.

— Готовъ экипажъ? въ другой разъ спросилъ онъ.

— Готовъ, ваше сіятельство. Что прикажете насчетъ Верещагина! Онъ ждетъ у крыльца, отвѣчалъ адъютантъ.

— А! вскрикнулъ Растопчинъ, какъ пораженный какимъ-то неожиданнымъ воспоминаніемъ.

И, быстро отворивъ дверь, онъ вышелъ рѣшительными шагами на балконъ. Говоръ вдругъ умолкъ, шапки и картузы снялись, и всѣ глаза поднялись къ вышедшему графу.

— Здравствуйте, ребята! сказалъ графъ быстро и громко. — Спасибо, что пришли. Я сейчасъ выйду къ вамъ, но

[1]) Вотъ онъ народецъ, эти подонки народонаселенія, плебеи, которыхъ они подняли своею глупостью! Имъ нужна жертва.

прежде всего намъ надо управиться съ злодѣемъ. Намъ надо наказать злодѣя, отъ котораго погибла Москва. Подождите меня! И графъ также быстро вернулся въ покои, крѣпко хлопнувъ дверью.

По толпѣ пробѣжалъ одобрительный ропотъ удовольствія. «Онъ значитъ злодѣевъ управитъ усѣхъ! А ты говоришь Французъ... онъ тебѣ всю дистанцію развяжетъ!» говорили люди, какъ будто упрекая другъ друга въ своемъ маловѣріи.

Черезъ нѣсколько минутъ изъ парадныхъ дверей поспѣшно вышелъ офицеръ, приказалъ что-то, и драгуны вытянулись. Толпа отъ балкона жадно подвинулась къ крыльцу. Выйдя гнѣвно-быстрыми шагами на крыльцо, Растопчинъ поспѣшно оглянулся вокругъ себя, какъ бы отъискивая кого-то.

— Гдѣ онъ? сказалъ графъ, и въ ту же минуту какъ онъ сказалъ это, онъ увидалъ изъ-за угла дома выходившаго между двухъ драгунъ молодаго человѣка съ длинной тонкой шеей, съ до половины выбритой и заросшей головой. Молодой человѣкъ этотъ былъ одѣтъ въ когда-то щегольской, крытый синимъ сукномъ, потертый лисій тулупчикъ и въ грязные посконные арестантскіе шаровары, засунутые въ нечищенные, стоптанные тонкіе сапоги. На тонкихъ, слабыхъ ногахъ тяжело висѣли кандалы, затруднявшіе нерѣшительную походку молодаго человѣка.

— А! сказалъ Растопчинъ, поспѣшно отворачивая свой взглядъ отъ молодаго человѣка въ лисьемъ тулупчикѣ и указывая на нижнюю ступеньку крыльца. «Поставьте его сюда!» Молодой человѣкъ, брянча кандалами, тяжело переступилъ на указываемую ступеньку, придержавъ пальцемъ нажимавшій воротникъ тулупчика, повернулъ два раза длинной шеей и вздохнувъ, покорнымъ жестомъ сложилъ передъ животомъ тонкія, нерабочія руки.

Нѣсколько секундъ, пока молодой человѣкъ устанавливался на ступенькѣ, продолжалось молчаніе. Только въ заднихъ ря-

дахъ сдавливающихся къ одному мѣсту людей, слышались кряхтѣнье, стоны, толчки и топоты переставляемыхъ ногъ.

Растопчинъ, ожидая того, чтобы онъ остановился на указанномъ мѣстѣ, хмурясь потиралъ рукою лицо.

— Ребята! сказалъ Растопчинъ металически-звонкимъ голосомъ, этотъ человѣкъ, Верещагинъ—тотъ самый мерзавецъ, отъ котораго погибла Москва.

Молодой человѣкъ въ лисьемъ тулупчикѣ стоялъ въ покорной позѣ, сложивъ кисти рукъ вмѣстѣ передъ животомъ и немного согнувшись. Исхудалое съ безнадежнымъ выраженіемъ, изуродованное бритою головою молодое лицо его было опущено внизъ. При первыхъ словахъ графа онъ медленно поднялъ голову и поглядѣлъ снизу на графа, какъ бы желая что-то сказать ему или хоть встрѣтить его взглядъ. Но Растопчинъ не смотрѣлъ на него. На длинной тонкой шеѣ молодаго человѣка, какъ веревка, напружилась и посинѣла жила за ухомъ, и вдругъ покраснѣло лицо.

Всѣ глаза были устремлены на него. Онъ посмотрѣлъ на толпу и, какъ бы обнадеженный тѣмъ выраженіемъ, которое онъ прочелъ на лицахъ людей, онъ печально и робко улыбнулся и, опять опустивъ голову, поправился ногами на ступенькѣ.

— Онъ измѣнилъ своему царю и отечеству, онъ передался Бонапарту, онъ одинъ изъ всѣхъ Русскихъ осрамилъ имя Русскаго, и отъ него погибаетъ Москва, говорилъ Растопчинъ ровнымъ, рѣзкимъ голосомъ; но вдругъ быстро взглянулъ внизъ на Верещагина, продолжавшаго стоять въ той же покорной позѣ. Какъ будто взглядъ этотъ взорвалъ его, онъ, поднявъ руку, закричалъ, почти обращаясь къ народу:

— Своимъ судомъ расправляйтесь съ нимъ! отдаю его вамъ! Народъ молчалъ и только все тѣснѣе и тѣснѣе нажималъ другъ на друга. Держать другъ друга, дышать въ этой зараженной духотѣ, не имѣть силы пошевелиться и ждать чего-то неизвѣстнаго, непонятнаго и страшнаго, ста-

новилось невыносимо. Люди, стоявшіе въ переднихъ рядахъ, видѣвшіе и слышавшіе все то, что̀ происходило передъ ними, всѣ съ испуганно-широко раскрытыми глазами и разинутыми ртами, напрягая всѣ свои силы, удерживали на своихъ спинахъ напоръ заднихъ.

— Бей, его!.. Пускай погибнетъ измѣнникъ и не срамитъ имя Русскаго! закричалъ Растопчинъ. Руби! Я приказываю! Услыхавъ не слова, но гнѣвные звуки голоса Растопчина, толпа застонала и надвинулась, но опять остановилась.

— Графъ!.. проговорилъ среди опять наступившей минутной тишины робкій и вмѣстѣ театральный голосъ Верещагина. Графъ, одинъ Богъ надъ нами.... сказалъ Верещагинъ, поднявъ голову, и опять налилась кровью толстая жила на его тонкой шеѣ, и краска быстро выступила и сбѣжала съ его лица. Онъ не договорилъ того, что̀ хотѣлъ сказать.

— Руби его! Я приказываю!... прокричалъ Растопчинъ, вдругъ поблѣднѣвъ также какъ и Верещагинъ.

— Сабли вонъ! крикнулъ офицеръ драгунамъ, самъ вынимая саблю.

Другая еще сильнѣйшая волна взмыла по народу и, добѣжавъ до переднихъ рядовъ, волна эта сдвинула переднихъ и шатая поднесла къ самымъ ступенямъ крыльца. Высокій малый, съ окаменѣлымъ выраженіемъ лица и съ остановившейся поднятой рукой, стоялъ рядомъ съ Верещагинымъ.

— Руби! прошепталъ почти офицеръ драгунамъ, и одинъ изъ солдатъ вдругъ съ исказившимся злобой лицемъ ударилъ Верещагина тупымъ палашемъ по головѣ.

«А!» коротко и удивленно вскрикнулъ Верещагинъ, испуганно оглядываясь и какъ будто не понимая, зачѣмъ это было съ нимъ сдѣлано. Такой же стонъ удивленія и ужаса пробѣжалъ по толпѣ. «О Господи!» послышалось чье-то печальное воскицаніе.

Но вслѣдъ за восклицаніемъ удивленія, вырвавшимся у Верещагина, онъ жалобно вскрикнулъ отъ боли, и этотъ крикъ погубилъ его. Та натянутая до высшей степени преграда человѣческаго чувства, которая держала еще толпу, порвалась мгновенно. Преступленіе было начато, необходимо было довершить его. Жалобный стонъ упрека былъ заглушенъ грознымъ и гнѣвнымъ ревомъ толпы. Какъ послѣдній седьмой валъ, разбивающій корабли, взмыла изъ заднихъ рядовъ это послѣдняя неудержимая волна, донеслась до переднихъ, сбила ихъ и поглотила все. Ударившій драгунъ хотѣлъ повторить свой ударъ. Верещагинъ съ крикомъ ужаса, заслонясь руками, бросился къ народу. Высокій малый, на котораго онъ наткнулся, вцѣпился руками въ тонкую шею Верещагина и съ дикимъ крикомъ, съ нимъ вмѣстѣ, упалъ подъ ноги навалившагося рвущаго народа.

Одни били и рвали Верещагина, другіе высокаго малаго. И крики задавленныхъ людей и тѣхъ, которые старались спасти высокаго малаго, только возбуждали ярость толпы. Долго драгуны не могли освободить окровавленнаго до полусмерти избитаго фабричнаго. И долго, несмотря на всю горячечную поспѣшность, съ которою толпа старалась довершить разъ начатое дѣло, тѣ люди, которые били, душили и рвали Верещагина, не могли убить его; но толпа давила ихъ со всѣхъ сторонъ; съ ними въ серединѣ, какъ одна масса, колыхалась изъ стороны въ сторону и не давала имъ возможности ни добить, ни бросить его.

«Топоромъ-то бей что-ли?.. задавили... Измѣнщикъ, Христа продалъ!... живъ.... живущъ... по дѣламъ вору мука. Запоромъ-то!... Али живъ!»

Только когда уже перестала бороться жертва и вскрики ея замѣнились равномѣрнымъ протяжнымъ хрипѣньемъ, толпа стала торопливо перемѣщаться около лежащаго окровавленнаго трупа. Каждый подходилъ, взглядывалъ на

то что̀ было сдѣлано, и съ ужасомъ, упрекомъ и удивленіемъ тѣснился назадъ.

«О Господи, народъ-то что̀ звѣрь, гдѣ же живому быть!» слышалось въ толпѣ. «И малый-то молодой... должно изъ купцовъ, то-то народъ!... сказываютъ не тотъ... какже не тотъ... О Господи!... Другаго избили, говорятъ, чуть живъ... эхъ народъ... кто грѣха не боится...», говорили теперь тѣ же люди, съ болѣзненно-жалостнымъ выраженіемъ глядя на мертвое тѣло съ посинѣвшимъ измазаннымъ кровью и пылью лицомъ и съ разрубленной длинной, тонкой шеей.

Полицейскій старательный чиновникъ, найдя неприличнымъ присутствіе трупа на дворѣ его сіятельства, приказалъ драгунамъ вытащить тѣло на улицу. Два драгуна взялись за изуродованныя ноги и поволокли тѣло. Окровавленная измазанная въ пыли, мертвая, бритая голова на длинной шеѣ, подворачиваясь волочилась по землѣ. Народъ жался прочь отъ трупа.

Въ то время какъ Верещагинъ упалъ, и толпа съ дикимъ ревомъ стѣснилась и заколыхалась надъ нимъ, Растопчинъ вдругъ поблѣднѣлъ и вмѣсто, того чтобы идти къ заднему крыльцу, у котораго ждали его лошади, онъ, самъ не зная куда и зачѣмъ, опустивъ голову, быстрыми шагами пошелъ по коридору, ведущему въ комнаты нижняго этажа. Лицо графа было блѣдно, и онъ не могъ остановить трясущуюся какъ въ лихорадкѣ нижнюю челюсть.

— Ваше сіятельство сюда..... куда изволите?.... сюда пожалуйте, проговорилъ сзади его дрожащій, испуганный голосъ. Графъ Растопчинъ не въ силахъ былъ ничего отвѣчать и, послушно повернувшись, пошелъ туда, куда ему указывали. У задняго крыльца стояла коляска. Далекій гулъ ревущей толпы слышался и здѣсь. Графъ Растопчинъ торопливо сѣлъ въ коляску и велѣлъ ѣхать въ свой загородный домъ въ Сокольникахъ. — Выѣхавъ на Мясницкую и не слыша больше криковъ толпы, графъ сталъ раскаи-

ваться. Онъ съ неудовольствіемъ вспомнилъ теперь волненіе и испугъ, которые онъ выказалъ передъ своими подчиненными. — La populace est terrible, elle est hideuse — думалъ онъ по французски. Ils sont comme les loups qu'on ne peut apaiser qu'avec de la chair [1]). — «Графъ! одинъ Богъ надъ нами!» вдругъ вспомнились ему слова Верещагина, и непріятное чувство холода пробѣжало по спинѣ графа Растопчина. Но чувство это было мгновенно, и графъ Растопчинъ презрительно улыбнулся самъ надъ собою. J'avais d'autres devoirs, подумалъ онъ. Il fallait apaiser le peuple. Bien d'autres victimes ont péri et périsent pour le bien publique [2]), и онъ сталъ думать о тѣхъ общихъ обязанностяхъ, которыя онъ имѣлъ въ отношеніи своего семейства, своей (порученной ему) столицѣ и о самомъ себѣ — не какъ о Ѳедорѣ Васильевичѣ Растопчинѣ (онъ полагалъ, что Ѳедоръ Васильевичъ Растопчинъ жертвуетъ собою для bien publique), но о себѣ какъ о главнокомандующемъ, о представителѣ власти и уполномоченномъ царя. — Ежели бы я былъ только Ѳедоръ Васильевичъ, ma ligne de conduite aurait eté tout autrement tracée [3]), но я долженъ былъ сохранить и жизнь, и достоинство главнокомандующаго.

Слегка покачиваясь на мягкихъ рессорахъ экипажа и не слыша болѣе страшныхъ звуковъ толпы, Растопчинъ физически успокоился, и, какъ это всегда бываетъ, одновременно съ физическимъ успокоеніемъ умъ поддѣлалъ для него и причины нравственнаго успокоенія. Мысль, успокоившая Растопчина, была не новая. Съ тѣхъ поръ какъ существуетъ міръ и люди убиваютъ другъ друга, никогда ни одинъ че-

[1]) Народная толпа страшна, она отвратительна. Они какъ волки: ихъ ничѣмъ не удовлетворишь кромѣ мяса.

[2]) Слѣдовало удовлетворить народъ. Много другихъ жертвъ погибло и гибнетъ для общественнаго блага.

[3]) Путь мой былъ бы совсѣмъ иначе начертанъ.

ловѣкъ не совершилъ преступленія надъ себѣ подобнымъ, не успокоивая себя этой самой мыслью. Мысль эта есть le bien public [1]), предполагаемое благо другихъ людей.

Для человѣка, не одержимаго страстью, благо это никогда не извѣстно; но человѣкъ, совершающій преступленіе, всегда вѣрно знаетъ, въ чемъ состоитъ это благо. И Растопчинъ теперь зналъ это.

Онъ нетолько въ разсужденіяхъ своихъ не упрекалъ себя въ сдѣланномъ имъ поступкѣ, но находилъ причины самодовольства въ томъ, что онъ такъ удачно умѣлъ воспользоваться этимъ à propos [2]), наказать преступника и вмѣстѣ съ тѣмъ успокоить толпу.

«Верещагинъ былъ судимъ и приговоренъ къ смертной казни, думалъ Растопчинъ (хотя Верещагинъ Сенатомъ былъ только приговоренъ къ каторжной работѣ). Онъ былъ предатель и измѣнникъ; я не могъ оставить его безнаказаннымъ, и потомъ je faisais d'une pierre deux coups [3]); я для успокоенія отдавалъ жертву народу и казнилъ злодѣя.»

Пріѣхавъ въ свой загородный домъ и занявшись домашними распоряженіями, графъ совершенно успокоился.

Черезъ полчаса графъ ѣхалъ на быстрыхъ лошадяхъ черезъ Сокольничье поле, уже не вспоминая о томъ что̀ было и думая и соображая только о томъ что̀ будетъ. Онъ ѣхалъ теперь къ Яузскому мосту, гдѣ, ему сказали, былъ Кутузовъ. — Графъ Растопчинъ готовилъ въ своемъ воображеніи тѣ гнѣвные и колкіе упреки, которые онъ выскажетъ Кутузову за его обманъ. Онъ дастъ почувствовать этой старой придворной лисицѣ, что отвѣтственность за всѣ несчастія, имѣющія произойти отъ оставленія столицы, отъ погибели Россіи (какъ думалъ Растопчинъ) ляжетъ на одну

[1]) Общественное благо.

[2]) Удобнымъ случаемъ.

[3]) Однимъ камнемъ дѣлалъ два удара.

его выжившую изъ ума, старую голову. Обдумывая впередъ то, что онъ скажетъ ему, Растопчинъ гнѣвно поворачивался въ коляскѣ и сердито оглядывался по сторонамъ.

Сокольничье поле было пустынно. Только въ концѣ его, у богадѣльни и желтаго дома, виднѣлись кучки людей въ бѣлыхъ одеждахъ и нѣсколько одинакихъ, такихъ же людей, которые шли по полю, что-то крича и размахивая руками.

Одинъ изъ нихъ бѣжалъ на перерѣзъ коляскѣ графа Растопчина. И самъ графъ Растопчинъ, и его кучеръ, и драгуны, всѣ смотрѣли, съ смутнымъ чувствомъ ужаса и любопытства на этихъ выпущенныхъ сумашедшихъ и въ особенности на того, который подбѣжалъ къ нимъ.

Шатаясь на своихъ длинныхъ, худыхъ ногахъ, въ развѣвающемся халатѣ, сумашедшій этотъ стремительно бѣжалъ, не спуская глазъ съ Растопчина, крича ему что-то хриплымъ голосомъ и дѣлая знаки, чтобы онъ остановился. Обросшее неровными клочками бороды, сумрачное и торжественное лицо сумашедшаго было худо и желто. Черные, агатовые зрачки его бѣгали низко и тревожно по шефранно-желтымъ бѣлкамъ.

— Стой! Остановись! Я говорю! вскрикивалъ онъ пронзительно и опять что-то задыхаясь кричалъ съ внушительными интонаціями и жестами.

Онъ поровнялся съ коляской и бѣжалъ съ ней рядомъ.

— Трижды убили меня, трижды воскресалъ изъ мертвыхъ. Они побили каменьями, распяли меня.... Я воскресну... воскресну... воскресну. Растерзали мое тѣло. Царствіе Божіе разрушится... Трижды разрушу и трижды воздвигну его, кричалъ онъ, все возвышая и возвышая голосъ. Графъ Ростопчинъ вдругъ поблѣднѣлъ, такъ какъ онъ поблѣднѣлъ тогда, когда толпа бросилась на Верещагина. Онъ отвернулся. «Пош... пошолъ скорѣе!» крикнулъ онъ на ку-

чера дрожащимъ голосомъ. Коляска помчалась во всѣ ноги лошадей; но долго еще позади себя графъ Ростопчинъ слыщалъ отдаляющійся безумный, отчаянный крикъ, а передъ глазами видѣлъ одно удивленно-испуганное, окровавленное лицо измѣнника въ мѣховомъ тулупчикѣ.

Какъ ни свѣжо было это воспоминаніе, Ростопчинъ чувствовалъ теперь, что оно глубоко, до крови, врѣзалось въ его сердцѣ. Онъ ясно чувствовалъ теперь, что кровавый слѣдъ этого воспоминанія никогда не заживетъ, но что, напротивъ, чѣмъ дальше, тѣмъ злѣе, мучительнѣе будетъ жить до конца жизни, это страшное воспоминаніе въ его сердцѣ. Онъ слышалъ, ему казалось теперь, звуки своихъ словъ: «Руби его, вы головой отвѣтите мнѣ!» — «Зачѣмъ я сказалъ эти слова!» какъ-то нечаянно сказалъ. «Я могъ не сказать ихъ (думалъ онъ): тогда *ничего* бы не было». Онъ видѣлъ испуганное и потомъ вдругъ ожесточившееся лице ударившаго драгуна и взглядъ молчаливаго, робкаго упрека, который бросилъ на него этотъ мальчикъ въ лисьемъ тулупѣ....

— Но я не для себя сдѣлалъ это. Я долженъ былъ поступить такъ. La plèbe, le traître... le bien public, думалъ онъ.

У Яузскаго моста все еще тѣснилось войско. Было жарко. Кутузовъ, нахмуренный, унылый, сидѣлъ на лавкѣ около моста, и плетью игралъ по песку, когда съ шумомъ подскакала къ нему коляска. Человѣкъ въ генеральскомъ мундирѣ, въ шляпѣ съ плюмажемъ, съ бѣгающими, не то гнѣвными, не то испуганными глазами, подошелъ къ Кутузову и сталъ по-французски говорить ему что-то. Это былъ графъ Ростопчинъ. Онъ говорилъ Кутузову, что явился сюда, потому что Москвы и столицы нѣтъ больше, и есть одна армія. «Было бы другое, ежели бы ваша свѣтлость не сказали мнѣ, что вы не сдадите Москвы, не давши еще сраженія: всего этого не было бы!» сказалъ онъ.

Кутузовъ глядѣлъ на Ростопчина и, какъ будто не пони-

мая значенія обращенныхъ къ нему словъ, старательно усиливался прочесть что-то особенное, написанное въ эту минуту на лицѣ говорившаго съ нимъ человѣка. Ростопчинъ смутившись замолчалъ. Кутузовъ слегка покачалъ головой и, не спуская испытующаго взгляда съ лица Ростопчина, тихо проговорилъ: — Да, я не отдамъ Москвы, не давъ сраженія.

Думалъ ли Кутузовъ совершенно о другомъ, говоря эти слова, или нарочно, зная ихъ безсмысленность, сказалъ ихъ, но графъ Ростопчинъ ничего не отвѣтилъ и поспѣшно отошелъ отъ Кутузова. И странное дѣло! Главнокомандующій Москвы, гордый графъ Ростопчинъ, взявъ въ руки нагайку, подошелъ къ мосту и сталъ съ крикомъ разгонять столпившіяся повозки.

XXVI.

Въ 4-мъ часу по полудни, войска Мюрата вступали въ Москву. Впереди ѣхалъ отрядъ Виртембергскихъ гусаръ, позади верхомъ, съ большой свитой, ѣхалъ самъ Неаполитанскій король.

Около середины Арбата, близь Николы Явленнаго, Мюратъ остановился, ожидая извѣстія отъ передоваго отряда о томъ, въ какомъ положеніи находилась городская крѣпость «*le Kremlin.*»

Вокругъ Мюрата собралась небольшая кучка людей изъ остававшихся въ Москвѣ жителей. Всѣ съ робкимъ недоумѣніемъ смотрѣли на страннаго, изукрашеннаго перьями и золотомъ, длинноволосаго начальника.

— Чтожъ, это самъ что ли? Царь ихній! Ничево! слышались тихіе голоса.

Переводчикъ подъѣхалъ къ кучкѣ народа.

— Шапку-то сними... шапку-то, заговорили въ толпѣ,

обращаясь другъ къ другу. Переводчикъ обратился къ одному старому дворнику и спросилъ, далеко ли до Кремля. Дворникъ, прислушиваясь съ недоумѣніемъ къ чуждому ему польскому акценту и не признавая звуки говора переводчика за русскую рѣчь, не понималъ, чтб ему говорили и прятался за другихъ.

Мюратъ подвинулся къ переводчику и велѣлъ спросить, гдѣ Русскія войска. Одинъ изъ Русскихъ людей понялъ, чего у него спрашивали, и нѣсколько голосъ вдругъ стали отвѣчать переводчику. Французскій офицеръ изъ передоваго отряда подъѣхалъ къ Мюрату и доложилъ, что ворота въ крѣпость задѣланы и что вѣроятно тамъ засада. «Хорошо», сказалъ Мюратъ, и, обратившись къ одному изъ господъ своей свиты, приказалъ выдвинуть четыре легкихъ орудія и обстрѣлять ворота.

Артиллерія на рысяхъ выѣхала изъ-за колонны, шедшей за Мюратомъ и поѣхала по Арбату. Спустившись до конца Вздвиженки, артиллерія остановилась и выстроилась на площади. Нѣсколько французскихъ офицеровъ распоряжались пушками, разстанавливая ихъ, и смотрѣли въ Кремль въ зрительную трубу.

Въ Кремлѣ раздавался благовѣстъ къ вечернѣ, и этотъ звонъ смущалъ Французовъ. Они предполагали, что это былъ призывъ къ оружію. Нѣсколько человѣкъ пѣхотныхъ солдатъ побѣжали къ Кутафьевскимъ воротамъ. Въ воротахъ лежали бревна и тесовые щиты. Два ружейные выстрѣла раздались изъ-подъ воротъ, какъ только офицеръ съ командой сталъ подбѣгать къ нимъ. Генералъ, стоявшій у пушекъ, крикнулъ офицеру командныя слова, и офицеръ съ солдатомъ побѣжалъ назадъ.

Послышалось еще три выстрѣла изъ воротъ.

Одинъ выстрѣлъ задѣлъ въ ногу Французскаго солдата, и странный крикъ немногихъ голосовъ послышался изъ-за щитовъ. На лицахъ Французскихъ генерала, офицеровъ и

солдатъ одновременно, какъ по командѣ, прежнее выраженіе веселости и спокойствія замѣнилось упорнымъ, сосредоточеннымъ выраженіемъ готовности на борьбу и страданія. Для нихъ всѣхъ, начиная отъ маршала и до послѣдняго солдата, это мѣсто не было Вздвиженка, Моховая, Кутафья и Троицкія ворота, а это была новая мѣстность новаго поля, вѣроятно кровопролитнаго сраженія. И всѣ приготовились къ этому сраженію. Крики изъ воротъ затихли. Орудія были выдвинуты. Артилеристы сдули нагорѣвшіе пальники. Офицеръ скомандовалъ: feu! и два свистящіе звука жестянокъ раздались одинъ за другимъ. Картечныя пули затрещали по камню воротъ, бревнамъ и щитамъ, и два облака дыма заколебались на площади.

Нѣсколько мгновеній послѣ того, какъ затихли перекаты выстрѣловъ по каменному Кремлю, странный звукъ послышался надъ головами Французовъ. Огромная стая галокъ поднялась надъ стѣнами и каркая и шумя тысячами крылъ закружилась въ воздухѣ. Вмѣстѣ съ этимъ звукомъ раздался человѣческій одинокій крикъ въ воротахъ, и изъ-за дыма появилась фигура человѣка безъ шапки и въ кафтанѣ. Держа ружье, онъ цѣлился во Французовъ. Feu! повторилъ артиллерійскій офицеръ, и въ одно и тоже время раздались одинъ ружейный и два орудейныхъ выстрѣла. Дымъ опять закрылъ ворота.

За щитами больше ничего не шевелилось, и пѣхотные, Французскіе солдаты съ офицерами пошли къ воротамъ. Въ воротахъ лежало три раненыхъ и четыре убитыхъ человѣка. Два человѣка въ кафтанахъ убѣгали низомъ вдоль стѣнъ къ Знаменкѣ.

— Enlevez-moi ça, сказалъ офицеръ, указывая на бревна и трупы, и Французы, добивъ раненыхъ, перебросили трупы внизъ за ограду. Кто были эти люди, никто не зналъ. «Enlevez-moi ça,» только сказано было про нихъ, и ихъ выбросили и прибрали потомъ, чтобы они не воняли. Одинъ Тьеръ

посвятилъ ихъ памяти нѣсколько краснорѣчивыхъ строкъ: «Ces misérables avaient envahi la citadelle sacrée, s'étaient emparés des fusils de l'arsenal, et tiraient (ces misérables) sur les Français. On en sabra quelques uns et on purgea le Kremlin de leur présence.» [1])

Мюрату было доложено, что путь разчищенъ. Французы вошли въ ворота и стали размѣщаться лагеремъ на Сенатской площади. Солдаты выкидывали стулья изъ оконъ Сената на площадь и раскладывали огни.

Другіе отряды проходили черезъ Кремль и размѣщались по Моросейкѣ, Лубянкѣ, Покровкѣ. Третьи еще размѣщались по Вздвиженкѣ, Знаменкѣ, Никольской, Тверской. Вездѣ, не находя хозяевъ, Французы размѣщались не какъ въ городѣ на квартирахъ, а какъ въ лагерѣ, который расположенъ въ городѣ.

Хотя и оборванные, голодные, измученные и уменьшенные до $^1/_3$ части своей прежней численности, Французскіе солдаты вступили въ Москву еще въ стройномъ порядкѣ. Это было измученное, истощенное, но еще боевое и грозное войско. Но это было войско только до той минуты, пока солдаты этаго войска не разошлись по квартирамъ. Какъ только люди полковъ стали расходиться по пустымъ и богатымъ домамъ, такъ навсегда уничтожалось войско, и образовались не жители и не солдаты, а что-то среднее, называемое мародерами. Когда, черезъ пять недѣль, тѣ же самые люди вышли изъ Москвы, они уже не составляли болѣе войска. Это была толпа мародеровъ, изъ который каждый везъ или несъ съ собой кучу вещей, которыя ему казались цѣнны и нужны. Цѣль каждаго изъ этихъ людей при выходѣ изъ Москвы не состояла, какъ прежде, въ томъ

[1]) Эти несчастные наполнили священную крѣпость, овладѣли ружьями арсенала и стрѣляли во Французовъ. Нѣкоторыхъ изъ нихъ порубили саблями и очистили Кремль отъ ихъ присутствія.

чтобы завоевать, а только въ томъ, чтобы удержать пріобрѣтенное. Подобно той обезъянѣ, которая, запустивъ руку въ узкое горло кувшина и захвативъ горсть орѣховъ, не разжимаетъ кулака, чтобы не потерять схваченнаго и этимъ губитъ себя, Французы, при выходѣ изъ Москвы очевидно должны были погибнуть вслѣдствіе того, что они тащили съ собой награбленное, но бросить это награбленное имъ было также невозможно, какъ невозможно обезьянѣ разжать горсть съ орѣхами. Черезъ десять минутъ послѣ вступленія каждаго Французскаго полка въ какой-нибудь кварталъ Москвы, не оставалось ни одного солдата и офицера. Въ окнахъ домовъ видны были люди въ шинеляхъ и штиблетахъ, смѣясь прохаживающіеся по комнатамъ; въ погребахъ, въ подвалахъ такіе же люди хозяйничали съ провизіей; на дворахъ такіе же люди отпирали или отбивали ворота сараевъ и конюшенъ; въ кухняхъ раскладывали огни, съ засученными руками пекли, мѣсили и варили, пугали, смѣшили и ласкали женщинъ и дѣтей. И этихъ людей вездѣ, и по лавкамъ и по домамъ, было много; но войска уже не было.

Въ тотъ же день приказъ за приказомъ отдавались Французскими начальниками о томъ, чтобы запретить войскамъ расходиться по городу, строго запретить насилія жителей и мародерство, о томъ, чтобы нынче же вечеромъ сдѣлать общую перекличку; но, несмотря ни на какія мѣры, люди, прежде составлявшіе войско, расплывались по богатому, обильному удобствами и запасами, пустому городу. Какъ голодное стадо идетъ кучей по голому полю, но тотчасъ же неудержимо разбредается, какъ только нападетъ на богатыя пастбища, такъ же неудержимо разбредалось и войско по богатому городу.

Жителей въ Москвѣ не было, и солдаты, какъ вода въ песокъ, всачивались въ нее и неудержимой звѣздой расплывались во всѣ стороны отъ Кремля, въ который они вошли прежде всего. Солдаты-кавалеристы, входя въ оставленный со-

всѣмъ добромъ купеческій домъ и находя стойла не только для своихъ лошадей, но и лишнія, все таки шли рядомъ занимать другой домъ, который имъ казался лучше. Многіе занимали нѣсколько домовъ, надписывая мѣломъ, кѣмъ онъ занятъ и спорили и даже дрались съ другими командами. Не успѣвъ помѣститься еще, солдаты бѣжали на улицу осматривать городъ и по слуху о томъ, что все брошено, стремились туда, гдѣ можно было забрать даромъ цѣнныя вещи. Начальники ходили останавливать солдатъ и сами вовлекались невольно въ тѣ же дѣйствія. Въ Каретномъ ряду оставались лавки съ экипажами, и генералы толпились тамъ, выбирая коляски и кареты. Остававшіеся жители приглашали къ себѣ начальниковъ, надѣясь тѣмъ обезпечиться отъ грабежа. Богатствъ было пропасть, и конца имъ не видно было; вездѣ, кругомъ того мѣста, которое заняли Французы, были еще неизвѣданныя, незанятыя мѣста, въ которыхъ, какъ казалось Французамъ, было еще больше богатствъ. И Москва все дальше и дальше всасывала ихъ въ себя. Точно какъ вслѣдствіе того, что нальется вода на сухую землю, исчезаетъ вода и сухая земля: точно также вслѣдствіе того, что голодное войско вошло въ обильный, пустой городъ, уничтожилось войско, и уничтожился обильный городъ; и сдѣлалась грязь, сдѣлались пожары и мародерство.

Французы приписывали пожаръ Москвы au patriotisme féroce de Rostopchine; Русскіе — изувѣрству Французовъ. Въ сущности же, причинъ пожара Москвы въ томъ смыслѣ, чтобы отнести пожаръ этотъ на отвѣтственность одного или нѣсколькихъ лицъ, такихъ причинъ не было и не могло быть. Москва сгорѣла вслѣдствіе того, что она была поставлена въ такія условія, при которыхъ всякій деревянный городъ долженъ сгорѣть, независимо отъ того, имѣются ли или не-

имѣются въ городѣ 130 плохихъ пожарныхъ трубъ. Москва должна была сгорѣть вслѣдствіе того, что изъ нея выѣхали жители и также неизбѣжно, какъ должна загорѣться куча стружекъ, на которую впродолженіи нѣсколькихъ дней будутъ сыпаться искры огня. Деревянный городъ, въ которомъ, при жителяхъ-владѣльцахъ домовъ и при полиціи, бываютъ почти каждый день пожары, не можетъ не сгорѣть, когда въ немъ нѣтъ жителей, а живутъ войска, курящія трубки, раскладывающія костры на Сенатской площади изъ Сенатскихъ стульевъ и варящія себѣ ѣсть два раза въ день. Стòитъ въ мирное время войскамъ расположиться на квартирахъ по деревнямъ въ извѣстной мѣстности, и количество пожаровъ въ этой мѣстности тотчасъ увеличивается. Въ какой же степени должна увеличиться вѣроятность пожаровъ въ пустомъ, деревянномъ городѣ, въ которомъ расположится чужое войско? Le patriotisme féroce de Rostopchine и изувѣрство Французовъ тутъ ни въ чёмъ не виноваты. Москва загорѣлась отъ трубокъ, отъ кухонь, отъ костровъ, отъ неряшливости непріятельскихъ солдатъ, жителей — не-хозяевъ домовъ. Ежели и были поджоги (что̀ весьма сомнительно, потому что поджигать никому не было никакой причины, а во всякомъ случаѣ хлопотливо и опасно) то поджоги нельзя принять за причину, такъ какъ безъ поджоговъ было бы тоже самое.

Какъ ни лестно было Французамъ обвинять звѣрство Ростопчина, и Русскимъ обвинять злодѣя Бонапарта или потомъ влагать героическій факелъ въ руки своего народа, нельзя не видѣть, что такой непосредственной причины пожара не могло быть, потому что Москва должна была сгорѣть, какъ должна сгорѣть каждая деревня, фабрика, всякій домъ, изъ котораго выйдутъ хозяева, и въ который пустятъ хозяйничать и варить себѣ кашу чужихъ людей. Москва сожжена жителями, это правда; но не тѣми жителями, которые оставались въ ней, а тѣми, которые выѣхали изъ нея. Москва,

занятая непріятелемъ, не осталась цѣла какъ Берлинъ, Вѣна и другіе города только вслѣдствіе того, что жители ея не подносили хлѣбъ-соль и ключи Французамъ, а выѣхали изъ нея.

XXVII.

Расходившееся звѣздой по Москвѣ всачиваніе Французовъ, въ день 2-го сентября, достигло квартала, въ которомъ жилъ теперь Пьеръ, только къ вечеру.

Пьеръ находился, послѣ двухъ послѣднихъ, уединенно и необычайно проведенныхъ дней, въ состояніи близкомъ къ съумасшествію. Всѣмъ существомъ его овладѣла одна неотвязная мысль. Онъ самъ не зналъ, какъ и когда, но мысль эта овладѣла имъ теперь такъ, что онъ ничего не помнилъ изъ прошедшаго, ничего не понималъ изъ настоящаго; и все, что̀ онъ видѣлъ и слышалъ, происходило передъ нимъ какъ во снѣ.

Пьеръ ушелъ изъ своего дома только для того, чтобы избавиться отъ сложной путаницы требованій жизни, охватившей его и которую онъ, въ тогдашнемъ состояніи, не въ силахъ былъ распутать. Онъ поѣхалъ на квартиру Іосифа Алексѣевича подъ предлогомъ разбора книгъ и бумагъ покойнаго, только потому что онъ искалъ успокоенія отъ жизненной тревоги, а съ воспоминаніемъ о Іосифѣ Алексѣевичѣ связывался въ его душѣ міръ вѣчныхъ, спокойныхъ и торжественныхъ мыслей, совершенно противуположныхъ тревожной путаницѣ, въ которую онъ чувствовалъ себя втягиваемымъ. Онъ искалъ тихаго убѣжища, и дѣйствительно нашелъ его въ кабинетѣ Іосифа Алексѣевича. Когда онъ, въ мертвой тишинѣ кабинета, сѣлъ облокотившись на руки надъ запыленнымъ письменнымъ столомъ покойника, въ его воображеніи спокойно и значительно, одно за другимъ, стали представляться

воспоминанія послѣднихъ дней, въ особенности Бородинскаго сраженія и того непреодолимаго для него ощущенія своей ничтожности и лживости въ сравненіи съ правдой, простотой и силой того разряда людей, которые отпечатались у него въ душѣ подъ названіемъ: *они.* Когда Герасимъ разбудилъ его отъ его задумчивости, Пьеру пришла мысль о томъ, что онъ приметъ участіе въ предполагаемой—какъ онъ это зналъ—народной защитѣ Москвы. И съ этою цѣлью онъ тотчасъ же попросилъ Герасима достать ему кафтанъ и пистолетъ и объявилъ ему свое намѣреніе, скрывая свое имя, остаться въ домѣ Іосифа Алексѣевича. Потомъ, впродолженіи перваго уединенно и праздно проведеннаго дня (Пьеръ нѣсколько разъ пытался и не могъ остановить своего вниманія на масонскихъ рукописяхъ) ему нѣсколько разъ смутно представлялась и прежде приходившая мысль о кабалистическомъ значеніи своего имени въ связи съ именемъ Бонапарта; но мысль эта о томъ, что ему l'Russe Besuhof предназначено положить предѣлъ власти *звѣря,* приходила ему еще только какъ одно изъ мечтаній, которыя безпричинно и безслѣдно пробѣгаютъ въ воображеніи.

Когда, купивъ кафтанъ (съ цѣлью только участвовать въ народной защитѣ Москвы), Пьеръ встрѣтилъ Ростовыхъ, и Наташа сказала ему: «Вы остаетесь? Ахъ какъ это хорошо!» въ головѣ его мелькнула мысль, что дѣйствительно хорошо бы было, даже ежели бы и взяли Москву, ему остаться въ ней и исполнить то, что̀ ему предопредѣлено.

На другой день онъ, съ одною мыслію не жалѣть себя и не отставать ни въ чемъ отъ *нихъ,* ходилъ за Трехгорную заставу. Но когда онъ вернулся домой, убѣдившись, что Москву защищать не будутъ, онъ вдругъ почувствовалъ, что-то, что̀ ему прежде представлялось только возможностью, теперь сдѣлалось необходимостью и неизбѣжностью. Онъ

долженъ былъ, скрывая имя свое, остаться въ Москвѣ, встрѣтить Наполеона и убить его съ тѣмъ, чтобы или погибнуть или прекратить несчастье всей Европы, происходившее, по мнѣнію Пьера, отъ одного Наполеона.

Пьеръ зналъ всѣ подробности покушенія Нѣмецкаго студента на жизнь Бонапарта въ Вѣнѣ въ 1809-мъ году и зналъ то, что студентъ этотъ былъ разстрѣленъ. И та опасность, которой онъ подвергалъ свою жизнь при исполненіи своего намѣренія, еще сильнѣе возбуждала его.

Два одинаково-сильныя чувства неотразимо привлекали Пьера къ его намѣренію. Первое было чувство потребности жертвы и страданія при сознаніи общаго несчастія, то чувство, вслѣдствіе котораго онъ 25-го поѣхалъ въ Можайскъ и заѣхалъ въ самый пылъ сраженія, теперь убѣжалъ изъ своего дома и, вмѣсто привычной роскоши и удобствъ жизни, спалъ не раздѣваясь на жесткомъ диванѣ и ѣлъ одну пищу съ Герасимомъ; другое было то неопредѣленное, исключительно-русское чувство презрѣнія ко всему условному, искусственному, человѣческому, ко всему тому, что̀ считается большинствомъ людей высшимъ благомъ міра. Въ первый разъ Пьеръ испыталъ это странное и обаятельное чувство въ Слободскомъ дворцѣ, когда онъ вдругъ почувствовалъ, что и богатство, и власть, и жизнь, все то что̀ съ такимъ стараніемъ устроиваютъ и берегутъ люди, все это, ежели и сто̀итъ чего-нибудь, то только по тому наслажденію, съ которымъ все это можно бросить.

Это было то чувство, вслѣдствіе котораго охотникъ-рекрутъ пропиваетъ послѣднюю копѣйку, запившій человѣкъ перебиваетъ зеркала и стекла безъ всякой видимой причины и зная, что это будетъ сто̀ить ему его послѣднихъ денегъ; то чувство, вслѣдствіе котораго человѣкъ, совершая (въ пошломъ смыслѣ) безумныя дѣла, какъ бы пробуетъ свою личную власть и силу, заявляя присутствіе высшаго, стоящаго внѣ человѣческихъ условій, суда надъ жизнью.

Съ самаго того дня какъ Пьеръ въ первый разъ испыталъ это чувство въ Слободскомъ дворцѣ, онъ непрестанно находился подъ его вліяніемъ, но теперь только нашелъ ему полное удовлетвореніе. Кромѣ того, въ настоящую минуту, Пьера поддерживало въ его намѣреніи и лишало возможности отречься отъ него то, что̀ уже было сдѣлано имъ на этомъ пути. И его бѣгство изъ дому, и его кафтанъ, и пистолетъ, и его заявленіе Ростовымъ, что онъ остается въ Москвѣ, — все потеряло бы не только смыслъ, но все это было бы презрѣнно и смѣшно (къ чему Пьеръ былъ чувствителенъ), ежели бы онъ послѣ всего этого, также какъ и другіе, уѣхалъ изъ Москвы.

Физическое состояніе Пьера, какъ и всегда это бываетъ, совпадало съ нравственнымъ. Непривычная, грубая пища, водка, которую онъ пилъ эти дни, отсутствіе вина и сигаръ, грязное, неперемѣненное бѣлье, на половину безсонныя двѣ ночи, проведенныя на короткомъ диванѣ безъ постели, все это поддерживало Пьера въ состояніи раздраженія, близкомъ къ помѣшательству.

Былъ уже 2-й часъ послѣ полудня. Французы уже вступили въ Москву. Пьеръ зналъ это, но вмѣсто того, чтобы дѣйствовать, онъ думалъ только о своемъ предпріятіи, перебирая всѣ его малѣйшія, будущія подробности. Пьеръ въ своихъ мечтаніяхъ не представлялъ себѣ живо ни самаго процесса нанесенія удара, ни смерти Наполеона, но съ необыкновенною яркостью и съ грустнымъ наслажденіемъ представлялъ себѣ свою погибель и свое геройское мужество.

— Да, одинъ за всѣхъ, я долженъ совершить или погибнуть! думалъ онъ.—Да, я подойду... и потомъ вдругъ... Пистолетомъ или кинжаломъ? (думалъ Пьеръ). Впрочемъ все равно. — Не я, а Рука Провидѣнія казнитъ тебя... скажу

я (думалъ Пьеръ слова, которыя онъ произнесетъ, убивая Наполеона).—Ну что-жъ, берите, казните меня, говорилъ дальше самъ себѣ Пьеръ, съ грустнымъ, но твердымъ выраженіемъ на лицѣ, опуская голову.

Въ то время какъ Пьеръ, стоя по серединѣ комнаты, разсуждалъ съ собою такимъ образомъ, дверь кабинета отворилась, и на порогѣ показалась совершенно измѣнившаяся фигура всегда прежде робкаго Макара Алексѣевича.

Халатъ его былъ распахнутъ. Лицо было красно и безобразно. Онъ, очевидно, былъ пьянъ. Увидавъ Пьера, онъ смутился въ первую минуту, но, замѣтивъ смущеніе и на лицѣ Пьера, онъ тотчасъ ободрился и шатающимися, тонкими ногами вышелъ на середину комнаты.

— Они оробѣли, сказалъ онъ хриплымъ, довѣрчивымъ голосомъ. — Я говорю: не сдамся, я говорю.... такъ ли, господинъ?—Онъ задумался и вдругъ, увидавъ пистолетъ на столѣ, неожиданно-быстро схватилъ его и выбѣжалъ въ коридоръ.

Герасимъ и дворникъ, шедшіе слѣдомъ за Макаръ Алексѣичемъ, остановили его въ сѣняхъ и стали отнимать пистолетъ. Пьеръ, выйдя въ коридоръ, съ жалостью и отвращеніемъ смотрѣлъ на этого полусумасшедшаго старика. Макаръ Алексѣичъ, морщась отъ усилій, удерживалъ пистолетъ и кричалъ хриплымъ голосомъ, видимо себѣ воображая что-то торжественное.

— Къ оружію! На абардажъ! Врешь, не отнимешь! кричалъ онъ.

— Будетъ, пожалуста будетъ. Сдѣлайте милость, пожалуста оставьте. Ну пожалуста, баринъ... говорилъ Герасимъ, осторожно за локти стараясь поворотить Макаръ Алексѣича къ двери.

— Ты кто? Бонапартъ!... кричалъ Макаръ Алексѣичъ.

— Это не хорошо, сударь. Вы пожалуйте въ комнаты, вы отдохните. Пожалуйте пистолетикъ.

— Прочь, рабъ презрѣнный! Не прикасайся! Видѣлъ? кричалъ Макаръ Алексѣичъ, потрясая пистолетомъ. На абардажъ!

— Берись, шепнулъ Герасимъ дворнику.

Макара Алексѣича схватили за руки и потащили къ двери.

Сѣни наполнились безобразными звуками возни и пьяными, хрипящими звуками запыхавшагося голоса.

Вдругъ новый, пронзительный, женскій крикъ раздался отъ крыльца, и кухарка вбѣжала въ сѣни.

— Они! Батюшки родимые!.. Ей Богу, они. Четверо, конные!... кричала она.

Герасимъ и дворникъ выпустили изъ рукъ Макаръ Алексѣича, и въ затихшемъ коридорѣ ясно послышался стукъ нѣсколькихъ рукъ въ входную дверь.

XXVIII.

Пьеръ, рѣшившій самъ съ собою, что ему, до исполненія своего намѣренія, не надо было открывать ни своего званія, ни знанія французскаго языка, стоялъ въ полуоткрытыхъ дверяхъ коридора, намѣреваясь тотчасъ же скрыться, какъ скоро войдутъ Французы. Но Французы вошли, и Пьеръ все не отходилъ отъ двери: непреодолимое любопытство удерживало его.

Ихъ было двое. Одинъ офицеръ, высокій, бравый и красивый мущина, другой очевидно солдатъ или деньщикъ, приземистый, худой, загорѣлый человѣкъ съ ввалившимися щеками и тупымъ выраженіемъ лица. Офицеръ, опираясь на палку и прихрамывая, шелъ впереди. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, офицеръ, какъ бы рѣшивъ самъ съ собою, что квартира эта хороша, остановился, обернулся назадъ къ стоявшимъ въ дверяхъ солдатамъ и громкимъ начальническимъ голосомъ крикнулъ имъ, чтобы они вводили лошадей.

Окончивъ это дѣло, офицеръ молодецкимъ жестомъ, высоко поднявъ локоть руки, расправилъ усы и дотронулся рукой до шляпы.

— Bonjour, la compagnie! [1]) весело проговорилъ онъ, улыбаясь и оглядываясь вокругъ себя.

Никто ничего не отвѣчалъ.

— Vous étes le bourgeois? [2]) обратился офицеръ къ Герасиму.

Герасимъ испуганно, вопросительно смотрѣлъ на офицера.

— Quartire, quartire, logement, сказалъ офицеръ, сверху внизъ, съ снисходительной и добродушной улыбкой, глядя на маленькаго человѣка. Les Français sont de bons enfans. Que Diable! Voyons! Ne nous fâchons pas, mon vieux [3]), прибавилъ онъ, трепля по плечу испуганнаго и молчаливаго Герасима.

— A ça! Dites donc, on ne parle donc pas français dans cette boutique [4]) прибавилъ онъ, оглядываясь кругомъ и встрѣчаясь глазами съ Пьеромъ. Пьеръ отстранился отъ двери.

Офицеръ опять обратился къ Герасиму. Онъ требовалъ, чтобы Герасимъ показалъ ему комнаты въ домѣ.

— Баринъ нѣту—не нонимай... моя, вашъ... говорилъ Герасимъ, стараясь сдѣлать свои слова понятнѣе тѣмъ, что онъ ихъ говорилъ на выворотъ.

Французскій офицеръ улыбаясь развелъ руками передъ носомъ Герасима, давая чувствовать, что и онъ не понимаетъ его и прихрамывая пошелъ къ двери, у которой стоялъ Пьеръ. Пьеръ хотѣлъ отойти, чтобы скрыться отъ него, но

[1]) Здравствуйте, господа.

[2]) Вы хозяинъ?

[3]) Французы добрые ребята, чортъ возьми, не будемъ ссориться, дѣдушка.

[4]) Чтожъ или тутъ никто не говоритъ по-французски?

въ это самое время онъ увидалъ изъ отворившейся двери кухни высунувшагося, Макаръ Алексѣича съ пистолетомъ въ рукахъ. Съ хитростью безумнаго, Макаръ Алексѣичъ оглядѣлъ Француза и, приподнявъ пистолетъ, прицѣлился.

— На абардажъ!!!... закричалъ пьяный, нажимая спускъ пистолета. Французскій офицеръ обернулся на крикъ, и въ тоже мгновенье Пьеръ бросился на пьянаго. Въ то время какъ Пьеръ схватилъ и приподнялъ пистолетъ, Макаръ Алексѣичъ попалъ наконецъ пальцами на спускъ, и раздался оглушившій и обдавшій всѣхъ пороховымъ дымомъ выстрѣлъ. Французъ поблѣднѣлъ и бросился назадъ къ двери. Забывшій свое намѣреніе не открывать своего знанія французскаго языка, Пьеръ, вырвавъ пистолетъ и, бросивъ его, подбѣжалъ къ офицеру и по-французски заговорилъ съ нимъ:

— Vous n'êtes pas blessé? сказалъ онъ.

— Je crois que non, [5]) отвѣчалъ офицеръ, ощупывая себя; mais je l'ai manqué belle cette fois-ci [6]), прибавилъ онъ, указывая на отбившуюся штукатурку въ стѣнѣ. Quel est cet homme? [7]) строго взглянувъ на Пьера, сказалъ офицеръ.

— Ah, je suis vraiment au désespoir de ce qui vient d'arriver, [8]) быстро говорилъ Пьеръ, совершенно забывъ свою роль.—C'est un fou, un malheureux qui ne savait pas ce qu'il faisait [9]).

Офицеръ подошелъ къ Макаръ Алексѣевичу, и схватилъ его за-воротъ.

[5]) Вы не ранены?

— Я думаю, что нѣтъ.

[6]) Но я былъ очень близокъ къ этому.

[7]) Кто этотъ человѣкъ?

[8]) Ахъ, я право въ отчаяніи отъ того, что случилось.

[9]) Это несчастный съумасшедшій, который не зналъ, что дѣлалъ.

Макаръ Алексѣичъ, распустивъ губы, какъ бы засыпая, качался прислонившись къ стѣнѣ.

— Brigand, tu me la payeras, сказалъ Французъ отнимая руку.

— Nous autres nous sommes clements après la victoire; mais nous ne pardonons pas aux traîtres [1]) прибавилъ онъ съ мрачной торжественностью въ лицѣ и съ красивымъ энергическимъ жестомъ.

Пьеръ продолжалъ по-французски уговаривать офицера не взыскивать съ этого пьянаго, безумнаго человѣка. Французъ молча слушалъ, неизмѣняя мрачнаго вида и вдругъ съ улыбкой обратился къ Пьеру. Онъ нѣсколько секундъ молча посмотрѣлъ на него. Красивое лицо его приняло трагически-нѣжное выраженіе, и онъ протянулъ руку.

— Vous m'avez sauvé la vie! Vous êtes Français, [2]) сказалъ онъ. Для Француза выводъ этотъ былъ несомнѣненъ. Совершить великое дѣло могъ только Французъ, а спасеніе жизни его, M-r Ramball'я, capitaine du 13-me leger— было безъ сомнѣнія самымъ великимъ дѣломъ.

Но какъ ни несомнѣненъ былъ этотъ выводъ и основанное на немъ убѣжденіе офицера, Пьеръ счелъ нужнымъ разочаровать его.

— Je suis Russe [3]) быстро сказалъ Пьеръ.

— Тититu, à d'autres, махая пальцемъ себѣ передъ носомъ улыбаясь сказалъ Французъ.—Tout à l'heure vous allez me conter tout ça, сказалъ онъ.—Charmé de rencontrer un compatriote. Eh bien! qu'allons nous faire de cet homme? [4])

[1]) Разбойникъ, ты мнѣ поплатишься за это. Нашъ братъ милосердъ послѣ побѣды, но мы не прощаемъ измѣнникамъ.

[2]) Вы спасли мнѣ жизнь. Вы Французъ?

[3]) Я Русскій.

[4]) Сейчасъ вы мнѣ все это разскажете. Очень пріятно встрѣтить соотечественника. Ну! что-же намъ дѣлать съ этимъ человѣкомъ?

прибавилъ, онъ обращаясь къ Пьеру уже какъ къ своему брату. Ежели бы Пьеръ даже не былъ Французъ, получивъ разъ это высшее на свѣтѣ наименованіе, не могъ же онъ отречься отъ него, говорило выраженіе лица и тонъ французскаго офицера. На послѣдній вопросъ Пьеръ еще разъ объяснилъ, кто былъ Макаръ Алексѣичъ, объяснилъ, что передъ самымъ ихъ приходомъ этотъ пьяный, безумный человѣкъ утащилъ заряженный пистолетъ, который не успѣли отнять у него и просилъ оставить его поступокъ безъ наказанія.

Французъ выставилъ грудь и сдѣлалъ царскій жестъ рукой.

— Vous m'avez sauvé la vie! Vous êtes Français. Vous me demandez sa grâce? Je vous l'accorde. Qu'on emmène cet homme [1]) быстро и энергично проговорилъ французскій офицеръ, взявъ подъ руку произведеннаго имъ за спасеніе его жизни во Французы Пьера и пошелъ съ нимъ въ домъ.

Солдаты, бывшіе на дворѣ, услыхавъ выстрѣлъ, вошли въ сѣни, спрашивая, что̀ случилось и изъявляя готовность наказать виновныхъ; но офицеръ строго остановилъ ихъ:

— On vous demandera quand on aura besoin de vous [2]) сказалъ онъ. Солдаты вышли. Деньщикъ, успѣвшій между тѣмъ побывать въ кухнѣ, подошелъ къ офицеру.

— Capitaine, ils ont de la soupe et du gigot de mouton dans la cuisine, сказалъ онъ. Faut-il vous l'apporter?

— Oui, et le vin, [2]) сказалъ капитанъ.

[1]) Вы спасли жизнь. Вы Французъ. Вы хотите, чтобъ я простилъ его? Я прощаю его. Увести этого человѣка.

[2]) Когда будетъ нужно, васъ позовутъ.

[3]) Капитанъ, у нихъ въ кухнѣ есть супъ и жареная баранина. Прикажете принести?

— Да, и вина.

XXIX.

Когда Французскій офицеръ вмѣстѣ съ Пьеромъ вошли въ домъ, Пьеръ счелъ своимъ долгомъ опять увѣрить капитана, что онъ былъ не Французъ и хотѣлъ уйти, но Французскій офицеръ и слышать не хотѣлъ объ этомъ. Онъ былъ до такой степени учтивъ, любезенъ, добродушенъ и истинно благодаренъ за спасеніе своей жизни, что Пьеръ не имѣлъ духа отказать ему и присѣлъ вмѣстѣ съ нимъ въ залѣ, въ первой комнатѣ, въ которую они вошли. На утвержденіе Пьера, что онъ не Французъ, капитанъ, очевидно не понимая, какъ можно было отказываться отъ такого лестнаго званія, пожалъ плечами и сказалъ, что ежели онъ непремѣнно хочетъ слыть за Русскаго, то пускай это такъ будетъ, но что онъ все-таки, несмотря на то, все также на вѣки связанъ съ нимъ чувствомъ благодарности за спасеніе жизни.

Ежели бы этотъ человѣкъ былъ одаренъ хоть сколько-нибудь способностью понимать чувства другихъ и догадывался бы объ ощущеніяхъ Пьера, Пьеръ вѣроятно ушелъ бы отъ него; но оживленная непроницаемость этого человѣка ко всему тому, что́ не было онъ самъ, побѣдила Пьера.

— Français ou prince russe incognito [1]), сказалъ Французъ, оглядѣвъ хотя и грязное, но тонкое бѣлье Пьера и перстень на его рукѣ.—Je vous dois la vie et je vous offre mon amitié. Un Français n'oublie jamais ni une insulte ni un service. Je vous offre mon amitié. Je ne vous dis que ça [2]).

Въ звукахъ голоса, въ выраженіи лица, въ жестахъ это-

[1]) Французъ или Русскій князь инкогнито.

[2]) Я обязанъ вамъ жизнью, я предлагаю вамъ дружбу. Французъ никогда не забываетъ ни оскорбленія, ни услуги. Я предлагаю вамъ мою дружбу. Понимаете.

го офицера было столько добродушія и благородства (во французскомъ смыслѣ), что Пьеръ, отвѣчая безсознательной улыбкой на улыбку Француза, пожалъ протянутую руку.

— Capitaine Ramballe du 13-me leger, decoré pour l'affaire du Sept [1]) отрекомендовался онъ съ самодовольной, неудержимой улыбкой, которая морщила его губы подъ усами. Voudrez vous bien me dire à présent, à qui j'ai l'honneur de parler aussi agréablent au lieu de rester à l'ambulance avec la balle de ce fou dans le corps [2]).

Пьеръ отвѣчалъ, что не можетъ сказать своего имени и покраснѣвъ, началъ было пытаясь выдумывать имя, говорить о причинахъ, по которымъ онъ не можетъ сказать этого, но Французъ поспѣшно перебилъ его.

— De grâce, сказалъ онъ. Je comprends vos raisons, vous êtes officier... officier superieur, peut-être. Vous avez porté les armes contre nous.—Ce n'est pas mon affaire. Je vous dois la vie. Cela me suffit. Je suis tout à vous. Vous êtes gentilhomme [3])? прибавилъ онъ съ оттѣнкомъ вопроса. Пьеръ наклонилъ голову. Votre nom de baptême, s'il vous plait? Je ne demande pas davantage. M-r Pierre, dites vous... Parfait. C'est tout ce que je désire savoir [4]).

Когда принесены были баранина, яичница, самоваръ, водка и вино изъ русскаго пóгреба, которое съ собой привезли

[1]) Капитанъ Рамбаль, 13-го легкаго полка, кавалеръ почетнаго легіона за дѣло 7-го Сентября.

[2]) Будете ли вы такъ добры сказать мнѣ теперь, съ кѣмъ я имѣю часть разговаривать такъ пріятно, вмѣсто того, чтобы быть на перевязочномъ пунктѣ съ пулей этого съумасшедшаго въ тѣлѣ?

[3]) Полноте. Я понимаю васъ, вы офицеръ.... штабъ-офицеръ можетъ быть. Вы служили противъ насъ.—Это не мое дѣло. Я обязанъ вамъ жизнью. Мнѣ этого довольно. Я къ вашимъ услугамъ. Вы дворянинъ?

[4]) Ваше имя, сдѣлайте одолженіе, я больше ничего не спрашиваю. Господинъ Пьеръ, вы сказали? Прекрасно. Это все, чтò мнѣ нужно.

Французы, Рамбаль попросилъ Пьера принять участіе въ этомъ обѣдѣ и тотчасъ же самъ, жадно и быстро, какъ здоровый и голодный человѣкъ, принялся ѣсть, быстро пережевывая своими сильными зубами, безпрестанно причмокивая и приговаривая: excellent, exquis! Лицо его раскраснѣлось и покрылось пòтомъ. Пьеръ былъ голоденъ и съ удовольствіемъ принялъ участіе въ обѣдѣ. Морель, деньщикъ, принесъ кострюлю съ теплой водой и поставилъ въ нее бутылку краснаго вина. Кромѣ того онъ принесъ бутылку съ квасомъ, которую онъ для пробы взялъ въ кухнѣ. Напитокъ этотъ былъ уже извѣстенъ Французамъ и получилъ названіе. Они называли квасъ limonade de cochon (свиной лимонадъ), и Морель хвалилъ этотъ limonade de cochon, который онъ нашелъ въ кухнѣ. Но такъ какъ у капитана было вино, добытое при переходѣ черезъ Москву, то онъ предоставилъ квасъ Морелю и взялся за бутылку бордо. Онъ завернулъ бутылку по горлышко въ салфетку и налилъ себѣ и Пьеру вина. Утоленный голодъ и вино еще болѣе оживили капитана, и онъ не переставая разговаривалъ во время обѣда.

— Oui, mon cher M-r Pierre, je vous dois une fière chandelle de m'avoir sauvé de cet enragé... J'en ai assez, voyez-vous, de balles dans le corps. En voilà une (онъ показалъ на бокъ) à Wagram et de deux à Smolenck, — онъ показалъ на шрамъ, который былъ на щекѣ. — Et cette jambe, comme voyez vous, qui ne veut pas marcher. C'est à la grande bataille du 7 à la Moskowa que j'ai reçu ça. Sacré Dieu, c'était beau! Il fallait voir ça, c'était un déluge de feu. Vous nous avez taillé une rude besogne; vous pouvez vous en vanter, nom d'un petit bon homme. Et, ma parole, malgré la toux, que j'y ai gagné, je serais prêt à recommencer. Je plains ceux qui n'ont pas vu ça.

— J'y ai été, сказалъ Пьеръ.

— Bah, vraiment! Eh bien, tant mieux, сказалъ Французъ. — Vous êtes de fiers ennemis, tout de même. La grande redou-

te a été tenace, nom d'une pipe. Et vous nous l'avez fait crânement payer. J'y suis allé trois fois, tel que vous me voyez. Trois fois nous étions sur les canons et trois fois on nous a culbuté et comme des capucins de cartes. Oh! c'était beau, M-r Pierre. Vos grenadiers ont été superbes, tonnerre de Dieu. Je les ai vu six fois de suite serrer les rangs, et marcher comme à une revue. Les beaux hommes! Notre roi de Naples qui s'y connait a crié: bravo! Ah! ah! soldats comme nous autres! сказалъ онъ улыбаясь послѣ минутнаго молчанія. Tant mieux, tant mieux, M. Pierre. Terribles à bataille... galants... онъ подмигнулъ съ улыбкой, avec les belles, voilà les Français, M-r Pierre, n'est ce pas [1])?

До такой степени капитанъ былъ наивно и добродушно веселъ и цѣленъ и доволенъ собой, что Пьеръ чуть-чуть

[1]) — Да, мой милый, господинъ Пьеръ, я обязанъ поставить добрую свѣчку за то, что вы спасли меня отъ этого бѣшеннаго. Съ меня, видите-ли, довольно тѣхъ пуль, которыя у меня въ тѣлѣ. Вотъ одна въ Ваграмѣ, другая въ Смоленскѣ. А эта нога, вы видите, которая не хочетъ двигаться. Это при большомъ сраженіи 7-го подъ Москвою. Эхъ, это было чудесно! Надо было видѣть, это былъ потопъ огня. Задали вы намъ трудную работу, можете похвалиться. И, ей Богу, несмотря на этотъ козырь, я былъ бы готовъ начать все снова. Жалѣю тѣхъ, которые не видали этого.

— Я былъ тамъ.

— Ба, въ самомъ дѣлѣ? Тѣмъ лучше. Вы лихіе враги, надо признаться. Хорошо держался большой редутъ, чортъ возьми. И дорого же вы заставили насъ поплатиться. Я тамъ три раза былъ, какъ вы меня видите. Три раза мы были на пушкахъ, три раза насъ опрокидывали какъ карточныхъ солдатиковъ. Ваши гренадеры были великолѣпны, ей Богу. Я видѣлъ, какъ ихъ ряды шесть разъ смыкались, и какъ они выступали точно на парадъ. Чудесный народъ! Нашъ Неаполитанскій король, который въ этихъ дѣлахъ собаку съѣлъ, кричалъ имъ: браво! ха, ха, нашъ братъ солдатъ!—Тѣмъ лучше, тѣмъ лучше, господинъ Пьеръ. Страшны въ сраженіяхъ, любезны съ красавицами, вотъ Французы, господинъ Пьеръ. Неправда-ли?

самъ не подмигнулъ, весело глядя на него. Вѣроятно слово «galant» навело капитана на мысль о положеніи Москвы.

— A propos, dites donc, est-ce vrai que toutes les femmes ont quitté Moscou? Une drôle d'idée! Qu' avaient-elles à craindre?

— Est ce que les dames françaises ne quitteraient pas Paris, si les Russes y entraient [1])? сказалъ Пьеръ.

— Ah, ah, ah!.. Французъ весело, сангвинически расхохотался, трепля по плечу Пьера.—Ah! elle est forte celle-là, проговорилъ онъ —Paris?.. Mais Paris, Paris...

— Paris la capitale du monde...[2]) сказалъ Пьеръ, доканчивая его рѣчь.

Капитанъ посмотрѣлъ на Пьера. Онъ имѣлъ привычку въ серединѣ разговора остановиться и поглядѣть пристально смѣющимися, ласковыми глазами.

— Eh bien, si vous ne m'aviez pas dit que vous étes Russe, j'aurai parié que vous étes Parisien. Vous avez ce que je ne sais quoi, ce...[3]) и сказавъ этотъ комплиментъ, онъ опять молча посмотрѣлъ.

— J'ai été à Paris, j'y ai passé des années, сказалъ Пьеръ.

— Oh ça se voit bien. Paris!... Un homme qui ne connait pas Paris, est un sauvage. Un Parisien, ça se sent à deux lieux. Paris, c'est Talma, la Duschénois, Potier, la Sorbonne, les boulevards [4]) и замѣтивъ, что заключеніе сла-

[1]) Кстати, скажите пожалуйста, правда-ли, что всѣ женщины уѣхали изъ Москвы? Странная мысль, чего они боялись?

[2]) — А, вотъ сказалъ штуку. Парижъ... Но Парижъ... Парижъ... — Парижъ—столица міра...

[3]) Ну, еслибъ вы мнѣ не сказали, что вы Русскій, я бы побился объ закладъ, что вы Парижанинъ. Въ васъ что-то есть, эта...

[4]) Я былъ въ Парижѣ, я провелъ тамъ цѣлые годы.

— О, это видно. Парижъ!.. Человѣкъ, который не знаетъ Парижа, дикарь. Парижанина узнаешь за двѣ мили. Парижъ—это Тальма, Дюшенуа, Потье, Сорбонна, бульвары...

бѣе предъидущаго, онъ поспѣшно прибавилъ:—il n'y a qu'un Paris au monde. Vous avez été à Paris et vous êtes resté Russe. Eh bien je ne vous en estime pas moins [1]).

Подъ вліяніемъ выпитаго вина и послѣ дней, проведенныхъ въ уединеніи съ своими мрачными мыслями, Пьеръ испытывалъ невольное удовольствіе въ разговорѣ съ этимъ веселымъ и добродушнымъ человѣкомъ.

— Pour en revenir à vos dames, on les dit bien belles. Quelle fichu idée d'aller s'enterrer dans les steppes, quand l'armée française est à Moscou. Quelle chance elles ont manqué celles-là. Vous moujiks c'est autre chose, mais vous autres gens civilisés vous devriez nous connaitre mieux que ça. Nous avons pris Vienne, Berlin, Madrid, Naples, Rome, Varsovie, toutes les capitales du monde... On nous craint, mais on nous aime. Nous sommes bons à connaitre [2]). Et puis l'Empereur, началъ онъ; но Пьеръ перебилъ его.

— L'Empereur, повторилъ Пьеръ, и лицо его вдругъ приняло грустное и сконфуженное выраженіе. Est ce que l'Empereur...

— L'Empereur? C'est la generosité, la clemence, la justice, l'ordre, le genie, voilà l'Empereur. C'est moi Ramballe qui vous le dit. Tel que vous me voyez, j'étais son ennemi il y a encore huit ans. Mon père a été comte émigré... Mais il m'a vaincu, cet homme. Il m'a empoigné. Je n'ai pas pu résister au spectacle de grandeur et de gloire dont il couvrait la Fran—

[1]) Во всемъ мірѣ одинъ Парижъ. Вы были въ Парижѣ и остались Русскимъ. Ну что же, я васъ за то не менѣе уважаю.

[2]) Но воротимся къ вашимъ дамамъ; говорятъ, что онѣ очень красивы. Что за дурацкая мысль поѣхать зарыться въ степи, когда французская армія въ Москвѣ! Онѣ пропустили чудесный случай. Ваши мужики, я понимаю, но вы—люди образованные должны бы были знать насъ лучше этого. Мы брали Вѣну, Берлинъ, Мадридъ, Неаполь, Римъ, Варшаву, всѣ столицы міра. Насъ боятся, но насъ любятъ. Невредно знать насъ поближе. И потомъ Императоръ...

ce. Quand j'ai compris ce qu'il voulait, quand j'ai vu qu'il nous faisait une litière de lauriers, voyez vous, je me suis dit: voilà un souverain, et je me suis donné à lui. Eh voilà. Oh, oui, mon cher, c'est le plus grand homme des siecles passés et avenirs.

— Est-il à Moscou? [1]) замявшись и съ преступнымъ лицомъ сказалъ Пьеръ.

Французъ посмотрѣлъ на преступное лицо Пьера и усмѣхнулся.

— Non, il fera son entrée demain [2]), сказалъ онъ и продолжалъ свои разсказы.

Разговоръ ихъ былъ прерванъ крикомъ нѣскольких голосовъ у воротъ и приходомъ Мореля, который пришелъ объявить капитану, что пріѣхали Виртемберскіе гусары и хотятъ ставить лошадей на тотъ же дворъ, на которомъ стояли лошади капитана. Затрудненіе происходило преимущественно оттого, что гусары не понимали того, что имъ говорили.

Капитанъ велѣлъ позвать къ себѣ старшаго унтеръ-офицера и строгимъ голосомъ спросилъ у него, къ какому полку онъ принадлежитъ, кто ихъ начальникъ, и на какомъ ос-

[1]) Императоръ? Это великодушіе, милосердіе, справедливость, порядокъ, геній—вотъ что такое Императоръ. Это я, Рамбаль, говорю вамъ. Такимъ какимъ вы меня видите, я былъ его врагомъ тому назадъ восемь лѣтъ. Мой отецъ былъ графъ и эмигрантъ. Но онъ побѣдилъ меня, этотъ человѣкъ. Онъ завладѣлъ мною. Я не могъ устоять передъ зрѣлищемъ величія и славы, которымъ онъ покрывалъ Францію. Когда я понялъ чего онъ хотѣлъ, когда я увидалъ, что онъ готовитъ для насъ ложе лавровъ, я сказалъ себѣ: вотъ государь, и я отдался ему. И вотъ! О да, мой милый, это самый великій человѣкъ прошедшихъ и будущихъ вѣковъ.
— Что онъ въ Москвѣ?

[2]) Нѣтъ, онъ сдѣлаетъ свой въѣздъ завтра.

нованіи онъ позволяетъ себѣ занимать квартиру, которая уже занята. На первые два вопроса Нѣмецъ, плохо понимавшій по французски, назвалъ свой полкъ и своего начальника; но на послѣдній вопросъ онъ, не понявъ его, вставляя ломанныя французскія слова въ нѣмецкую рѣчь, отвѣчалъ, что онъ квартиргеръ полка,и что ему велѣно отъ начальника занимать всѣ дома подъ рядъ. Пьеръ, знавшій по нѣмецки, перевелъ капитану то, что́ говорилъ Нѣмецъ и отвѣтъ капитана передалъ по немѣцки Виртембергскому гусару. Понявъ то, что ему говорили, Нѣмецъ сдался и увелъ своихъ людей. Капитанъ вышелъ на крыльцо, громкимъ голосомъ отдавая какія-то приказанія.

Когда онъ вернулся назадъ въ комнату, Пьеръ сидѣлъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ онъ сидѣлъ прежде, опустивъ руки на голову. Лицо его выражало страданіе. Онъ дѣйствительно страдалъ въ эту минуту. Когда капитанъ вышелъ и Пьеръ остался одинъ, онъ вдругъ опомнился и сознадъ то положеніе, въ которомъ находился. Не то, что Москва была взята, и не то, что эти счастливые побѣдители хозяйничали въ ней и покровительствовали ему, какъ ни тяжело чувствовалъ это Пьеръ, не это мучило его въ настоящую минуту. Его мучило сознаніе своей слабости. Нѣсколько стакановъ выпитаго вина, разговоръ съ этимъ добродушнымъ человѣкомъ уничтожили сосредоточенно-мрачное расположеніе духа, въ которомъ жилъ Пьеръ эти послѣдніе дни, и которое было необходимо для исполненія его намѣренія. Пистолетъ и кинжалъ и армякъ были готовы, Наполеонъ въѣзжалъ завтра. Пьеръ точно также считалъ полезнымъ и достойнымъ убить злодѣя; но онъ чувствовалъ, что теперь онъ не сдѣлаетъ этого. Почему? онъ не зналъ, но предчувствовалъ какъ будто, что онъ не исполнитъ своего намѣренія. Онъ боролся противъ сознанія своей слабости, но смутно чувствовалъ, что ему не одолѣть ея, что прежній мрачный строй мысли о мщеніи, убійствѣ и самопожертво-

ваньи разлетѣлся какъ прахъ при прикосновеньи перваго человѣка.

Капитанъ, слегка прихрамывая и насвистывая что-то, вошелъ въ комнату.

Забавлявшая прежде Пьера болтовня Француза теперь показалась ему противна. И насвистыванная пѣсенка и походка и жестъ, покручиванье усовъ, все казалось теперь оскорбительнымъ Пьеру. «Я сейчасъ уйду, я ни слова больше не скажу съ нимъ», думалъ Пьеръ. Онъ думалъ это, а между тѣмъ сидѣлъ все на томъ же мѣстѣ. Какое-то странное чувство слабости приковало его къ своему мѣсту: онъ хотѣлъ и не могъ встать и уйти.

Капитанъ, напротивъ, казался очень веселъ. Онъ прошелся два раза по комнатѣ. Глаза его блестѣли, и усы слегка подергивались, какъ будто онъ улыбался, самъ съ собой, какой-то забавной выдумкѣ. Charmant, сказалъ онъ вдругъ, le colonel de ces Wurtembourgeois! C'est un Allemand; mais, brave garçon s'il en fut. Mais Allemand [1]).

Онъ сѣлъ противъ Пьера. A propos, vous savez donc l'allemand, vous [2])?

Пьеръ смотрѣлъ на него молча.

— Comment dites vous asile en allemand [3])?

— Asile? повторилъ Пьеръ. Asile en allemand — Unterkunft.

— Comment dites-vous? недовѣрчиво и быстро переспросилъ капитанъ.

— Unterkunft, повторилъ Пьеръ.

— Onterkoff, сказалъ капитанъ и нѣсколько секундъ смѣющимися глазами смотрѣлъ на Пьера.—Les Allemands

[1]) Полковникъ этихъ Вертембергцевъ. Онъ Нѣмецъ; но славный малый, несмотря на то. Но Нѣмецъ.

[2]) Кстати, вы стало-быть знаете по нѣмецки?

[3]) Какъ понѣмецки убѣжище?

sont de fières bêtes. N'est ce pas, M-r Pierre [1])? заключилъ онъ.

— Eh bien, encore une bouteille de ce Bordeau Moscovite, n'est ce pas? Morel, va nous chauffer encore une petite bouteille. Morel [2])! весело крикнулъ капитанъ.

Морель подалъ свѣчей и бутылку вина. Капитанъ посмотрѣлъ на Пьера при освѣщеніи, и его видимо поразило разстроенное лицо его собесѣдника. Рамбаль съ искреннимъ огорченіемъ и участіемъ въ лицѣ подошелъ къ Пьеру и нагнулся надъ нимъ.

— Eh bien, nous sommes tristes [3]), сказалъ онъ, трогая Пьера за руку. — Vous aurai-je fait de la peine? Non, vrai, avez vous queque chose contre moi, переспрашивалъ онъ. Peut être rapport à la situation [4]).

Пьеръ ничего не отвѣчалъ, но ласково смотрѣлъ въ глаза Французу. Это выраженіе участія было пріятно ему.

— Parole d'honneur, sans parler de ce que je vous dois, j'ai de l'amitié pour vous. Puis-je faire quelque chose pour vous? Disposez de moi. C'est à la vie et à la mort [5]). C'est la main sur le coeur que je vous le dis, сказалъ онъ, ударяя себя въ грудь.

— Merci, сказалъ Пьеръ. Капитанъ посмотрѣлъ пристально на Пьера также какъ онъ смотрѣлъ, когда узналъ какъ убѣжище называлось по нѣмецки, и лицо его вдругъ просіяло.

[1]) Нѣмцы большіе дурни. Неправда-ли, Пьеръ?

[2]) — Ну, еще бутылочку этого Московскаго Бордю, неправда-ли? Морель, поди согрѣй-ка намъ еще бутылочку. Морель!

[3]) Чтоже это, мы грустны?

[4]) Можетъ, я огорчилъ васъ. Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, не имѣете-ли вы что-нибудь противъ меня? Можетъ быть касательно положенія?..

[5]) Честное слово, не говоря уже про то, чѣмъ я вамъ обязанъ, я чувствую къ вамъ дружбу. Не могу-ли я сдѣлать для васъ что-нибудь? Располагайте мною. Это на жизнь и на смерть. Я говорю вамъ это, кладя руку на сердце.

— Ah! dans ce cas je bois à notre amitié[1])! весело крикнулъ онъ, наливая два стакана вина. Пьеръ взялъ налитой стаканъ и выпилъ его. Рамбаль выпилъ свой, пожалъ еще разъ руку Пьера, и въ задумчиво-меланхолической позѣ облокотился на столъ.

— Oui, mon cher ami, voilà les caprices de la fortune, началъ онъ.—Qui m'aurait dit que je serai soldat et capitaine de dragons au service de Bonaparte, comme nous l'apellions jadis. Et cependant me voilà à Moscou avec lui. Il faut vous dire, mon cher[2]), продолжалъ онъ грустнымъ и мѣрнымъ голосомъ человѣка, который сбирается разсказывать длинную исторію, —que notre nom est l'un des plus anciens de la France[3]).

И съ легкой и наивной откровенностію Француза, капитанъ разсказалъ Пьеру исторію своихъ предкозъ, свое дѣтство, отрочество и возмужалость, всѣ свои родственныя, имущественныя и семейныя отношенія. «Ma pauvre mère» играла разумѣется важную роль въ этомъ разсказѣ.

— Mais tout ça ce n'est que la mise en scène de la vie, le fond c'est l'amour. L'amour! N'est ce pas, M-r Pierre? сказалъ онъ оживляясь.—Encore un verre[4]).

Пьеръ опять выпилъ и налилъ себѣ третій. — Oh! les femmes, les femmes[5])! и капитанъ, замаслившимися глазами глядя на Пьера, началъ говорить о любви и о своихъ любовныхъ похожденіяхъ. Ихъ было очень много, чему легко

[1]) А, въ такомъ случаѣ, я пью за нашу дружбу!

[2]) Да, мой другъ, вотъ колесо фортуны. Кто сказалъ бы мнѣ, что я буду солдатъ и капитанъ драгуновъ на службѣ у Бонапарта, какъ мы его бывало называли. Однако же вотъ я въ Москвѣ съ нимъ. Надо вамъ сказать, мой милый.

[3]) Что имя наше одно изъ самыхъ древнихъ во Франціи.

[4]) Но все это есть только вступленіе въ жизнь, сущность же ея это любовь. Любовь! Неправда-ли Пьеръ? Еще стаканчикъ.

[5]) О женщины, женщины!

было повѣрить, глядя на самодовольное, красивое лицо офицера и на восторженное оживленіе, съ которымъ онъ говорилъ о женщинахъ. Несмотря на то, что всѣ любовныя исторіи Рамбаля имѣли тотъ характеръ пакостности, въ которомъ Французы видятъ исключительную прелесть и поэзію любви, капитанъ разсказывалъ свою исторію съ такимъ искреннимъ убѣжденіемъ, что онъ одинъ испыталъ и позналъ всѣ прелести любви, и такъ заманчиво описывалъ женщинъ, что Пьеръ съ любопытствомъ слушалъ его.

Очевидно было, что l'amour, которую такъ любилъ Французъ, была не та низшаго и простаго рода любовь, которую Пьеръ испытывалъ когда-то къ своей женѣ, ни та раздуваемая имъ самимъ романтическая любовь, которую онъ испытывалъ къ Наташѣ (оба рода этой любви Рамбаль одинаково презиралъ—одна была l'amour des charretiers, другая l'amour des nigauds); l'amour, которой поклонялся Французъ, заключалась преимущественно въ неестественности отношеній къ женщинѣ и въ комбинаціи уродливостей, которыя придавали главную прелесть чувству.

Такъ капитанъ разсказалъ трогательную исторію своей любви къ одной обворожительной 35-ти лѣтней маркизѣ и въ тоже время къ прелестному, невинному, 17-ти лѣтнему ребенку, дочери обворожительной маркизы. Борьба великодушія между матерью и дочерью, окончившаяся тѣмъ, что мать, жертвуя собой, предложила свою дочь въ жены своему любовнику, еще и теперь, хотя уже давно прошедшее воспоминаніе, волновала капитана. Потомъ онъ разсказалъ одинъ эпизодъ, въ которомъ мужъ игралъ роль любовника, а онъ (любовникъ) роль мужа, и нѣсколько комическихъ эпизодовъ изъ souvenirs d'Allemagne, гдѣ asile значитъ Untekunft, гдѣ les maris mangent de la choux croute и гдѣ les jeunes filles sont trop blondes [1]).

[1]) Воспоминаній о Германіи, гдѣ мужья ѣдятъ капустный супъ и молодыя дѣвушки слишкомъ бѣлокуры.

Наконецъ послѣдній эпизодъ въ Польшѣ, еще свѣжій въ памяти капитана, который онъ разсказывалъ съ быстрыми жестами и разгорѣвшимся лицомъ, состоялъ въ томъ, что онъ спасъ жизнь одному Поляку (вообще въ разсказахъ капитана эпизодъ спасенія жизни встрѣчался безпрестанно) и Полякъ этотъ ввѣрилъ ему свою обворожительную жену (Parisienne de coeur) въ то время, какъ самъ поступилъ во французскую службу. Капитанъ былъ счастливъ, обворожительная Полька хотѣла бѣжать съ нимъ; но, движимый великодушіемъ, капитанъ возвратилъ мужу жену, при этомъ сказавъ ему: je vous ai sauvé la vie, et je sauve votre honneur! (1) Повторивъ эти слова, капитанъ протеръ глаза и встряхнулся, какъ бы отгоняя отъ себя охватившую его слабость при этомъ трогательномъ воспоминаніи.

Слушая разсказы капитана, какъ это часто бываетъ въ позднюю вечернюю пору и подъ вліяніемъ вина, Пьеръ слѣдилъ за всѣмъ тѣмъ, что̀ говорилъ капитанъ, понималъ все и вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдилъ за рядомъ личныхъ воспоминаній, вдругъ почему-то представшихъ его воображенію. Когда онъ слушалъ эти разсказы любви, его собственная любовь къ Наташѣ вдругъ неожиданно вспомнилась ему и, перебирая въ своемъ воображеніи картины этой любви, онъ мысленно сравнивалъ ихъ съ разсказами Рамбаля. Слѣдя за разсказомъ о борьбѣ долга съ любовью, Пьеръ видѣлъ предъ собою всѣ малѣйшія подробности своей послѣдней встрѣчи съ предметомъ своей любви у Сухаревой башни. Тогда эта встрѣча не произвела на него вліянія; онъ даже ни разу не вспомнилъ о ней. Но теперь ему казалось, что встрѣча эта имѣла что-то очень значительное и поэтическое.

«Петръ Кирилычъ, идите сюда, я узнала,»—слышалъ онъ теперь сказанныя ею слова, видѣлъ передъ собой ея глаза, улыбку, дорожный чепчикъ, выбившуюся прядь во-

1) Я спасъ вашу жизнь и спасаю вашу честь.

лосъ... и что-то трогательное, умиляющее представлялось ему во всемъ этомъ.

Окончивъ свой разсказъ объ обворожительной Полькѣ, капитанъ обратился къ Пьеру съ вопросомъ, испытывалъ ли онъ подобное чувство самопожертвованія для любви и зависти къ законному мужу.

Вызванный этимъ вопросомъ, Пьеръ поднялъ голову и почувствовалъ необходимость высказать занимавшія его мысли; онъ сталъ объяснять, какъ онъ нѣсколько иначе понимаетъ любовь къ женщинѣ. Онъ сказалъ, что онъ во всю свою жизнь любилъ и любитъ только одну женщину и что эта женщина никогда не можетъ принадлежать ему.

— Tiens! [1]) сказалъ капитанъ.

— Потомъ Пьеръ объяснилъ, что онъ любилъ эту женщину съ самыхъ юныхъ лѣтъ; но не смѣлъ думать о ней, потому что она была слишкомъ молода, а онъ былъ незаконный сынъ безъ имени. Потомъ же, когда онъ получилъ имя и богатство, онъ не смѣлъ думать о ней, потому что слишкомъ любилъ ее, слишкомъ высоко ставилъ ее надъ всѣмъ міромъ и потому тѣмъ болѣе надъ самимъ собою. Дойдя до этого мѣста своего разсказа, Пьеръ обратился къ капитану съ вопросомъ: понимаетъ ли онъ это?

Капитанъ сдѣлалъ жестъ, выражающій то, что ежели бы онъ не понималъ, то онъ все-таки проситъ продолжать.

— L'amour platonique, les nuages... [2]) пробормоталъ онъ. Выпитое ли вино или потребность откровенности, или мысль, что этотъ человѣкъ не знаетъ и не узнаетъ никого изъ дѣйствующихъ лицъ его исторіи или все вмѣстѣ, развязало языкъ Пьеру. И онъ шамкающимъ ртомъ и маслянными глазами глядя куда-то вдаль, разсказалъ всю свою исторію: и свою женитьбу, и исторію любви Наташи къ его лучшему другу, и ея измѣну, и всѣ свои несложныя отно-

[1]) Вишь!

[2]) Платоническая любовь, облака...

шенія къ ней. Вызываемый вопросами Рамбаля, онъ разсказалъ и то, что́ скрывалъ сначала—свое положеніе въ свѣтѣ и даже открылъ ему свое имя.

Болѣе всего изъ разсказа Пьера поразило капитана то, что Пьеръ былъ очень богатъ, что онъ имѣлъ два дворца въ Москвѣ и что онъ бросилъ все и не уѣхалъ изъ Москвы, а остался въ городѣ, скрывая свое имя и званіе.

Уже поздно ночью они вмѣстѣ вышли на улицу. Ночь была теплая и свѣтлая. Налѣво отъ дома свѣтлѣло за́рево перваго начавшагося въ Москвѣ, на Петровкѣ, пожа́ра. Направо стоялъ высоко молодой серпъ мѣсяца, и въ противоположной, отъ мѣсяца, сторонѣ висѣла та свѣтлая комета, которая связывалась въ душѣ Пьера съ его любовью. У воротъ стояли Герасимъ, кухарка и два Француза. Слышны были ихъ смѣхъ и разговоръ на непонятномъ другъ для друга языкѣ. Они смотрѣли на за́рево, виднѣвшееся въ городѣ.

Ничего страшнаго не было въ небольшомъ отдаленномъ пожарѣ въ огромномъ городѣ.

Глядя на высокое звѣздное небо, на мѣсяцъ, на комету и на зарево, Пьеръ испытывалъ радостное умиленіе.—Ну вотъ какъ хорошо, чего еще надобно? по́думалъ онъ. И вдругъ когда онъ вспомнилъ свое намѣреніе, голова его закружилась, съ нимъ сдѣлалось дурно, такъ что онъ прислонился къ забо́ру, чтобы не упасть.

Не простившись съ своимъ но́вымъ другомъ, Пьеръ нетвердыми шагами отошелъ отъ воротъ и, вернувшись въ свою комнату, легъ на диванъ и тотчасъ же заснулъ.

XXX.

На зарево перваго занявшагося 2-го сентября пожара, съ разныхъ дорогъ и съ разными чувствами смотрѣли убѣгавшіе и уѣ́зжавшіе жители и отступавшія войска.

Поѣздъ Ростовыхъ въ эту ночь стоялъ въ Мытищахъ въ 20 верстахъ отъ Москвы. 1-го сентября они выѣхали такъ поздно, дорога такъ была загромождена повозками и войсками, столько вещей было забыто, за которыми были посылаемы люди, что въ эту ночь было рѣшено ночевать въ пяти верстахъ за Москвою. На другое утро проснулись поздно и опять было столько остановокъ, что доѣхали только до Большихъ Мытищъ. Въ 10-ть часовъ, господа Ростовы и раненые ѣхавшіе съ ними, всѣ размѣстились по дворамъ и избамъ большаго села. Люди, кучера Ростовыхъ и деньщики раненыхъ, убравъ господъ, поужинали, задали корму лошадямъ и вышли на крыльцо.

Въ сосѣдней избѣ лежалъ раненый адъютантъ Раевскаго, съ разбитой кистью руки, и страшная боль, которую онъ чувствовалъ, заставляла его жалобно не переставая стонать, и стоны эти страшно звучали въ осенней темнотѣ ночи. Въ первую ночь, адъютантъ этотъ ночевалъ на томъ же дворѣ, на которомъ стояли Ростовы. Графиня говорила, что она не могла сомкнуть глазъ отъ этого стона и въ Мытищахъ перешла въ худшую избу только для того, чтобы быть подальше отъ этого раненаго.

Одинъ изъ людей въ темнотѣ ночи, изъ-за высокаго кузова стоявшей у подъѣзда кареты, замѣтилъ другое небольшое зарево пожара. Одно зарево давно уже видно было, и всѣ знали, что это горѣли Малыя Мытищи, зажженныя Мамоновскими казаками.

— А вѣдь это, братцы, другой пожаръ, сказалъ деньщикъ.— Всѣ обратили вниманіе на зарево.

— Да вѣдь сказывали, Малыя Мытищи Мамоновскіе казаки зажгли.—Онѣ! Нѣтъ, это не Мытищи, это далѣ.—Глянь-ко, точно въ Москвѣ. Двое изъ людей сошли съ крыльца, зашли за карету и присѣли на подножку. — Это лѣвѣй, какже Мытищи вонъ гдѣ, а это вовсе въ другой сторонѣ. Нѣсколько людей присоединились къ первымъ.—Вишь по-

лыхаетъ, сказалъ одинъ,—это, господа, въ Москвѣ пожаръ; либо въ Сущевской, либо въ Рогожской. Никто не отвѣтилъ на это замѣчаніе. И довольно долго всѣ эти люди молча смотрѣли на далёкое разгоравшееся пламя новаго пожара.

Старикъ, графской камердинеръ (какъ его называли) Данило Терентьичъ подошелъ къ толпѣ и крикнулъ Мишку.—

—Ты чего не видалъ, шалава... Графъ спроситъ, а никого нѣтъ; иди, платье собери.

— Да я только за водой бѣжалъ, сказалъ Мишка.

— А вы какъ думаете, Данило Терентьичъ, вѣдь это будто въ Москвѣ зарево? сказалъ одинъ изъ лакеевъ.

Данило Терентьичъ ничего не отвѣчалъ, и долго опять всѣ молчали. Зарево расходилось и колыхалось дальше и дальше.—Помилуй Богъ!.. вѣтеръ, да сушь... опять сказалъ голосъ.

— Глянь-ко какъ пошло. О, Господи! ажъ галки видно, Господи, помилуй насъ грѣшныхъ!

— Потушатъ, не бось.

— Кому тушить-то? послышался голосъ Данилы Терентьича, молчавшаго до сихъ поръ. Голосъ его былъ спокоенъ и медлителенъ.—Москва и есть, братцы, сказалъ онъ,—она матушка бѣлока..... голосъ его оборвался, и онъ вдругъ старчески всхлипнулъ. И какъ будто только этого ждали всѣ, чтобы понять то значеніе, которое имѣло для нихъ это виднѣвшееся зарево. Послышались вздохи, слова молитвы и всхлипываніе стараго графскаго камердинера.

XXXI.

Камердинеръ, вернувшись, доложилъ графу, что горитъ Москва. Графъ надѣлъ халатъ и вышелъ посмотрѣть. Съ нимъ вмѣстѣ вышла и не раздѣвавшаяся еще Соня и madame Schoss. Наташа и графиня однѣ оставались въ ком-

натѣ. (Пети не было больше съ семействомъ: онъ пошелъ впередъ съ своимъ полкомъ, шедшимъ къ Троицѣ).

Графиня заплакала, услыхавши вѣсть о пожарѣ Москвы. Наташа, блѣдная, съ остановившимися глазами, сидѣвшая подъ образами на лавкѣ (на томъ самомъ мѣстѣ, на которое она сѣла пріѣхавши), не обратила никакого вниманія на слова отца. Она прислушивалась къ неумолкаемому стону адъютанта, слышному чрезъ три дома.

— Ахъ, какой ужасъ, сказала со двора возвратившись иззябшая и испуганная Соня. Я думаю, вся Москва сгоритъ, ужасное зарево! Наташа, посмотри теперь, отсюда изъ окошка видно, сказала она сестрѣ, видимо желая чѣмъ-нибудь развлечь ее. Но Наташа посмотрѣла на нее какъ бы не понимая того, что̀ у ней спрашивали, и опять уставилась глазами въ уголъ печи. Наташа находилась въ этомъ состояніи столбняка, съ нынѣшняго утра, съ того самаго времени, какъ Соня, къ удивленію и досадѣ графини, непонятно для чего, нашла нужнымъ объявить Наташѣ о ранѣ князя Андрея и о его присутствіи съ ними въ поѣздѣ. Графиня разсердилась на Соню, какъ она рѣдко сердилась. Соня плакала и просила прощенья и теперь, какъ бы стараясь загладить свою вину, не переставая, ухаживала за сестрой.—Посмотри, Наташа, какъ ужасно горитъ, сказала Соня.

— Что горитъ? спросила Наташа.—Ахъ, да, Москва. И какъ бы для того, чтобы не обидѣть Сони отказомъ и отдѣлаться отъ нея, она подвинула голову къ окну, поглядѣла такъ, что очевидно не могла ничего видѣть и опять сѣла въ свое прежнее положеніе.

— Да ты не видѣла?

— Нѣтъ, право я видѣла, умоляющимъ о спокойствіи голосомъ сказала она.

И графинѣ, и Сонѣ понятно было, что Москва, пожаръ Москвы, что̀ бы то ни было, конечно не могло имѣть значенія для Наташи.

Графъ опять пошелъ за перегородку и легъ. Графиня подошла къ Наташѣ, дотронулась перевернутой рукой до ея головы, какъ это она дѣлала, когда дочь ея бывала больна, потомъ дотронулась до ея лба губами какъ бы для того, чтобы узнать, есть ли жаръ, и поцѣловала ее.—Ты озябла. Ты вся дрожишь? Ты бы ложилась, сказала она.

— Ложиться? Да, хорошо, я лягу. Я сейчасъ лягу, сказала Наташа.

Съ тѣхъ поръ какъ Наташѣ въ нынѣшнее утро сказали о томъ, что князь Андрей тяжело раненъ и ѣдетъ съ ними, она только въ первую минуту много спрашивала о томъ, куда? какъ? опасно ли онъ раненъ? и можно ли ей видѣть его? Но послѣ того какъ ей сказали, что видѣть его ей нельзя, что онъ раненъ тяжело, но что жизнь его не въ опасности, она очевидно, не повѣривъ тому что́ ей говорили, но убѣдившись, что, сколько бы она ни говорила, ей будутъ отвѣчать одно и то же, перестала спрашивать и говорить. Всю дорогу съ большими глазами, которые такъ знала и которыхъ выраженія такъ боялась графиня, Наташа сидѣла неподвижно въ углу кареты и также сидѣла теперь на лавкѣ, на которую сѣла. Что-то она задумывала, что-то она рѣшала или уже рѣшила въ своемъ умѣ теперь—это знала графиня, но что́ это такое было, она не знала и это-то страшило и мучило ее.

— Наташа, раздѣнься, голубушка, ложись на мою постель. (Только графини одной была послана постель на кровати: m-me Schoss и обѣ барышни должны были спать на полу на сѣнѣ).

— Нѣтъ, мама, я лягу тутъ на полу, сердито сказала Наташа, подошла къ окну и отворила его. Стоны адъютанта послышались изъ открытаго окна явственнѣе. Она высунула голову въ сырой воздухъ ночи, и графиня видѣла, какъ тонкая шея ея тряслась отъ рыданій и билась о раму. Наташа знала, что стоналъ не князь Андрей. Она знала, что князь Андрей лежалъ въ той же связи, гдѣ они

были, въ другой избѣ черезъ сѣни; но этотъ страшный неумолкавшій стонъ заставилъ зарыдать ее. Графиня переглянулась съ Соней.

— Ложись, голубушка, ложись, дружочекъ, сказала графиня, слегка дотрогиваясь рукой до плеча Наташи. Ну ложись же.

— Ахъ, да... Я сейчасъ, сейчасъ лягу, сказала Наташа, поспѣшно раздѣваясь и обрывая завязки юбокъ. Скинувъ платье и надѣвъ кофту, она, подвернувъ ноги, сѣла на приготовленную на полу постель и, перекинувъ черезъ плечо напередъ свою недлинную тонкую косу, стала переплетать ее. Тонкіе длинные привычные пальцы быстро, ловко разбирали, плели, завязывали косу. Голова Наташи привычнымъ жестомъ поворачивалась то въ одну, то въ другую сторону, но глаза, лихорадочно открытые, неподвижно смотрѣли прямо. Когда ночной костюмъ былъ оконченъ, Наташа тихо опустилась на простыню, постланную на сѣно съ края отъ двери.

— Наташа, ты въ середину лягъ, сказала Соня.

— Я тутъ, проговорила Наташа. Да ложитесь же, прибавила она съ досадой. И она зарылась лицемъ въ подушку.

Графиня, m-me Schoss и Соня поспѣшно раздѣлись и легли. Одна лампадка осталась въ комнатѣ. Но на дворѣ свѣтило отъ пожара Малыхъ Мытищъ за двѣ версты, и гудѣли ночные крики народа въ кабакѣ, который разбили Мамоновскіе казаки, на перекоскѣ, на улицѣ, и все слышался неумолкаемый стонъ адъютанта.

Долго прислушивалась Наташа къ внутреннимъ и внѣшнимъ звукамъ, доносившимся до нея, и не шевелилась. Она слышала сначала молитву и вздохи матери, трещаніе подъ ней ея кровати, знакомый съ свистомъ храпъ m-me Schoss, тихое дыханіе Сони. Потомъ графиня окликнула Наташу. Наташа не отвѣчала ей.

— Кажется спитъ, мама, тихо отвѣчала Соня. Графиня,

помолчавъ немного, окликнула еще, но уже никто ей не откликнулся.

Скоро послѣ этого Наташа услышала ровное дыханіе матери. Наташа не шевелилась, не смотря на то, что ея маленькая босая нога, вывернувшись изъ подъ одѣяла, зябла на голомъ полу.

Какъ бы празднуя побѣду надъ всѣми, въ щели закричалъ сверчокъ. Пропѣлъ пѣтухъ далеко, откликнулся близкій. Въ кабакѣ затихли крики, только слышался тотъ же стонъ адъютанта. Наташа приподнялась.

—Соня? ты спишь? Мама? прошептала она. Никто не отвѣтилъ. Наташа медленно и осторожно встала, перекрестилась и ступила осторожно, узкой и гибкой босой ступней, на грязный холодный полъ. Скрипнули половицы. Она, быстро перебирая ногами, пробѣжала какъ котенокъ нѣсколько шаговъ и взялась за холодную скобку двери.

Ей казалось что-то тяжелое, равномѣрно ударяя, стучитъ во всѣ стѣны избы: это билось ея замиравшее отъ страха, отъ ужаса и любви разрывающееся сердце.

Она отворила дверь, перешагнула порогъ и ступила на сырую холодную землю сѣней. Обхватившій холодъ освѣжилъ ее. Она ощупала босой ногой спящаго человѣка, перешагнула черезъ него и отворила дверь въ избу, гдѣ лежалъ князь Андрей. Въ избѣ этой было темно. Въ заднемъ углу у кровати, на которой лежало что-то, на лавкѣ стояла нагорѣвшая большимъ грыбомъ сальная свѣчка.

Наташа съ утра еще, когда ей сказали про рану и присутствіе князя Андрея, рѣшила, что она должна видѣть его. Она не знала, для чего это должно было, но она знала, что свиданіе будетъ мучительно, и тѣмъ болѣе она была убѣждена, что оно было необходимо.

Весь день она жила только надеждой того, что ночью она увидитъ его. Но теперь, когда наступила эта минута, на нее нашелъ ужасъ того, что она увидитъ. Какъ онъ былъ

изуродованъ? Что оставалось отъ него? Такой ли онъ былъ, какой былъ этотъ неумолкавшій стонъ адъютанта? Да, онъ весь такой. Онъ былъ въ ея воображеніи олицетвореніе этого ужаснаго стона. Когда она увидала неясную массу въ углу, и приняла его поднятыя подъ одѣяломъ колѣни за его плечи, она представила себѣ какое-то ужасное тѣло и въ ужасѣ остановилась. Но неопреодолимая сила влекла ее впередъ. Она осторожно ступила одинъ шагъ, другой и очутилась на серединѣ небольшой загроможденной избы. Въ избѣ подъ образами лежалъ на лавкахъ другой человѣкъ (это былъ Тимохинъ) и на полу лежали еще два какіе-то человѣка (это были докторъ и камердинеръ.)

Камердинеръ приподнялся и прошепталъ что-то. Тимохинъ, страдая отъ боли въ раненой ногѣ, не спалъ и во всѣ глаза смотрѣлъ на странное явленіе дѣвушки въ бѣлой рубашкѣ, кофтѣ и ночномъ чепчикѣ. Сонныя и испуганныя слова камердинера—«чего вамъ, зачѣмъ?» только заставили скорѣе Наташу подойдти къ тому что̀ лежало въ углу. Какъ ни страшно не похоже на человѣка было это тѣло, она должна была его видѣть. Она миновала камердинера, нагорѣвшій грыбъ свѣчки свалился, и она ясно увидала лежащаго съ выпростанными руками на одѣялѣ князя Андрея такого, какимъ она его всегда видѣла.

Онъ былъ такой же какъ всегда; но воспаленный цвѣтъ его лица, блестящіе глаза, устремленные восторженно на нее, а въ особенности нѣжная дѣтская шея, выступавшая изъ отложеннаго воротника рубашки, давали ему особый невинный, ребяческій видъ, котораго однако она никогда не видала въ князѣ Андреѣ. Она подошла къ нему и быстрымъ, гибкимъ, молодымъ движеніемъ стала на колѣни.

Онъ улыбнулся и протянулъ ей руку.

XXXII.

Для князя Андрея прошло семь дней съ того времени, какъ онъ очнулся на перевязочномъ пунктѣ Бородинскаго поля. Все это время онъ находился почти въ постоянномъ безпамятствѣ. Горячечное состояніе и воспаленіе кишокъ, которыя были повреждены, по мнѣнію доктора ѣхавшаго съ раненымъ, должны были унести его. Но на 7-й день онъ съ удовольствіемъ съѣлъ ломоть хлѣба съ чаемъ, и докторъ замѣтилъ, что общій жаръ уменьшился. Князь Андрей по утру пришелъ въ сознаніе. Первую ночь послѣ выѣзда изъ Москвы было довольно тепло, и князь Андрей былъ оставленъ для ночлега въ коляскѣ; но въ Мытищахъ раненый самъ потребовалъ, чтобы его вынесли и чтобы ему дали чаю. Боль, причиненная ему переноской въ избу, заставила князя Андрея громко стонать и потерять опять сознаніе. Когда его уложили на походной кровати, онъ долго лежалъ съ закрытыми глазами безъ движенья. Потомъ онъ открылъ ихъ и тихо прошепталъ: «Чтоже чаю?» Памятливость эта къ мелкимъ подробностямъ жизни поразила доктора. Онъ пощупалъ пульсъ и къ удивленію и неудовольствію своему замѣтилъ, что пульсъ билъ лучше. Къ неудовольствію своему это замѣтилъ докторъ, потому что онъ по опыту своему былъ убѣжденъ, что жить князь Андрей не можетъ, и что ежели онъ не умретъ теперь, то онъ только съ большими страданіями умретъ нѣсколько времени послѣ. Съ княземъ Андреемъ везли присоединившагося къ нимъ въ Москвѣ маіора его полка Тимохина съ краснымъ носикомъ, раненаго въ ногу, въ томъ же Бородинскомъ сраженіи. При нихъ ѣхалъ докторъ, камердинеръ князя, его кучеръ и два деньщика.

Князю Андрею дали чаю. Онъ жадно пилъ, лихорадочными глазами глядя впередъ себя на дверь, какъ бы стараясь что-то понять и припомнить.

— Не хочу больше. Тимохинъ тутъ? спросилъ онъ. Тимохинъ подползъ къ нему по лавкѣ.

— Я здѣсь, ваше сіятельство.

— Какъ рана?

— Моя-то-съ? Ничего. Вотъ вы-то?—Князь Андрей опять задумался, какъ будто припоминая что-то.

Нельзя ли достать книгу? сказалъ онъ.

— Какую книгу?

— Евангеліе! У меня нѣтъ.—Докторъ обѣщался достать, и сталъ расспрашивать князя о томъ, что́ онъ чувствуетъ. Князь Андрей неохотно, но разумно отвѣчалъ на всѣ вопросы доктора и потомъ сказалъ, что ему надо бы подложить валикъ, а то неловко и очень больно. Докторъ и камердинеръ подняли шинель, которою онъ былъ накрытъ, и морщась отъ тяжкаго запаха гнилаго мяса, распространявшагося отъ раны, стали разсматривать это страшное мѣсто. Докторъ чѣмъ-то очень остался недоволенъ, что-то иначе передѣлалъ, перевернулъ раненаго такъ, что тотъ опять застоналъ, и отъ боли, во время поворачиванія, опять потерялъ сознаніе и сталъ бредить. Онъ все говорилъ о томъ, чтобы ему достали поскорѣе эту книгу и подложили бы ее туда.

— И что это вамъ стоитъ! говорилъ онъ. У меня ея нѣтъ — достаньте пожалуйста, — подложите на минуточку, говорилъ онъ жалкимъ голосомъ.

Докторъ вышелъ въ сѣни, чтобы умыть руки. — Ахъ безсовѣстные, право, говорилъ докторъ камердинеру, лившему ему воду па руки. Только на минуту не досмотрѣлъ. Вѣдь это такая боль, что я удивляюсь, какъ онъ терпитъ.

— Мы, кажется, подложили, Господи Іисусе Христе, говорилъ камердинеръ.

Въ первый разъ князь Андрей понялъ, гдѣ онъ былъ и что́ съ нимъ было и вспомнилъ то, что онъ былъ раненъ и какъ, въ ту минуту когда коляска остановилась въ Мы-

тищахъ, онъ попросился въ избу. Спутавшись опять отъ боли, онъ опомнился другой разъ въ избѣ, когда пилъ чай и тутъ опять, повторивъ въ своемъ воспоминанiи все что́ съ нимъ было, онъ живѣе всего представилъ себѣ ту минуту на перевязочномъ пуктѣ, когда, при видѣ страданiй нелюбимаго имъ человѣка, ему пришли эти новыя сулившiя ему счастiе мысли. И мысли эти, хотя и неясно и неопредѣленно, теперь опять овладѣли его душой. Онъ вспомнилъ, что у него было теперь новое счастье, и что это счастье имѣло что-то такое общее съ Евангелiемъ. Потому-то онъ попросилъ Евангелiя. Но дурное положенiе, которое дали его ранѣ, новое переворачиванье опять смѣшали его мысли, и онъ въ третiй разъ очнулся къ жизни уже въ совершенной тишинѣ ночи. Всѣ спали вокругъ него. Сверчокъ кричалъ черезъ сѣни, на улицѣ кто-то кричалъ и пѣлъ, тараканы шелестили по столу, и образамъ, и стѣнамъ, толстая муха билась у него по изголовью и около сальной свѣчи, нагорѣвшей большимъ грыбомъ и стоявшей подлѣ него.

Душа его была не въ нормальномъ состоянiи. Здоровый человѣкъ обыкновенно мыслитъ, ощущаетъ и вспоминаетъ одновременно о безчисленномъ количествѣ предметовъ, но имѣетъ власть и силу, избравъ одинъ рядъ мыслей или явленiй, на этомъ рядѣ явленiй остановить все свое вниманiе. Здоровый человѣкъ въ минуту глубочайшаго размышленiя отрывается, чтобы сказать учтивое слово вошедшему человѣку и опять возвращается къ своимъ мыслямъ. Душа же князя Андрея была не въ нормальномъ состоянiи въ этомъ отношенiи. Всѣ силы его души были дѣятельнѣе, яснѣе, чѣмъ когда нибудь, но они дѣйствовали внѣ его воли. Самыя разнообразныя мысли и представленiя одновременно владѣли имъ. Иногда мысль его вдругъ начинала работать, и съ такой силой, ясностью и глубиною, съ какою никогда она не была въ силахъ дѣйствовать въ здоровомъ состоянiи; но вдругъ, посрединѣ своей работы, она обрыва-

лась, замѣнялась какимъ нибудь неожиданнымъ представленіемъ, и не было силъ возвратиться къ ней.

— Да, мнѣ открылось новое счастье, неотъемлемое отъ человѣка, думалъ онъ, лежа въ полутемной тихой избѣ и глядя впередъ лихорадочно-раскрытыми, остановившимися глазами. Счастье находящееся внѣ матеріальныхъ силъ, внѣ матеріальныхъ внѣшнихъ вліяній на человѣка, счастье одной души, счастье любви! Понять его можетъ всякій человѣкъ, но сознать и предписать его могъ только одинъ Богъ. Но какже Богъ предписалъ этотъ законъ? Почему сынъ?... И вдругъ ходъ мыслей этихъ оборвался, и князь Андрей услыхалъ (не зная въ бреду или въ дѣйствительности онъ слышитъ это) услыхалъ какой-то тихій шепчущій голосъ, неумолкаемо въ тактъ твердившій: «И пити-пити-пити» и потомъ «и ти-ти» и опять «и пити-пити-пити» и опять «и ти-ти». Вмѣстѣ съ этимъ, подъ звукъ этой шепчущей музыки, князь Андрей чувствовалъ, что надъ лицомъ его, надъ самой серединой, воздвигалось какое-то странное воздушное зданіе изъ тонкихъ иголокъ или лучинокъ. Онъ чувствовалъ (хотя это и тяжело ему было) что ему надо было старательно держать равновѣсіе, для того чтобы воздвигавшееся зданіе это не завалилось; но оно все таки заваливалось и опять медленно воздвигалось при звукахъ равномѣрно шепчущей музыки. «Тянется! тянется! растягивается и все тянется», говорилъ себѣ князь Андрей. Вмѣстѣ съ прислушаньемъ къ шопоту и съ ощущеніемъ этого тянущагося и воздвигающагося зданія изъ иголокъ, князь Андрей видѣлъ урывками и красный окруженный свѣтъ свѣчки и слышалъ шуршанье таракановъ и шуршанье мухи, бившейся на подушкѣ и на лицѣ его. И всякій разъ, какъ муха прикасалась къ его лицу, она производила жгучее ощущеніе; но вмѣстѣ съ тѣмъ его удивляло то, что, ударяясь въ самую область воздвигавшагося на лицѣ его зданія, муха не разрушала его. Но кромѣ этого было еще од-

но важное. Это было бѣлое у двери, это была статуя сфинкса, которая тоже давила его.

—Но можетъ быть это моя рубашка на столѣ, думалъ князь Андрей, а это мои ноги, а это дверь, но отчего же все тянется и выдвигается и пити-пити-пити и ти-ти—и пити-пити-пити... Довольно, перестань пожалуйста, оставь— тяжело просилъ кого-то князь Андрей. И вдругъ опять выплывала мысль и чувство съ необыкновенной ясностью и силой.

—Да любовь (думалъ онъ опять съ совершенной ясностью) но не та любовь, которая любитъ за что-нибудь, для чего-нибудь, или почему-нибудь, но та любовь, которую я испыталъ въ первый разъ, когда умирая я увидалъ своего врага и все-таки полюбилъ его. Я испыталъ то чувство любви, которая есть самая сущность души и для которой не нужно предмета. Я и теперь испытываю это блаженное чувство.— Любить ближнихъ, любить враговъ своихъ. Все любить—любить Бога во всѣхъ проявленіяхъ. Любить человѣка дорогаго можно человѣческой любовью; но только врага можно любить любовью божеской. И отъ этого-то я испыталъ такую радость, когда я почувствовалъ, что люблю того человѣка. Что̀ съ нимъ? Живъ ли онъ.....

—Любя человѣческою любовью можно отъ любви перейдти къ ненависти; но божеская любовь не можетъ измѣниться. Ничто, ни смерть, ничто не можетъ разрушить ее. Она есть сущность души. А сколь многихъ людей я ненавидѣлъ въ своей жизни. И изъ всѣхъ людей никого больше не любилъ я и не навидѣлъ какъ ее. И онъ живо представилъ себѣ Наташу не такъ, какъ онъ представлялъ себѣ ее прежде съ одною ея прелестью, радостной для себя; но въ первый разъ представилъ себѣ ея душу. И онъ понялъ ея чувство, ея страданья, стыдъ, раскаянье. Онъ теперь въ первый разъ понялъ всю жестокость своего отказа, видѣлъ жестокость своего разрыва съ нею. Ежели бы мнѣ было воз-

можно только еще одинъ разъ увидать ее. Одинъ разъ, глядя въ эти глаза, сказать...

И пити-пити-пити и ти-ти и пити-пити—бумъ ударилась муха... И вниманіе его вдругъ перенеслось въ другой міръ дѣйствительности и бреда, въ которомъ что-то происходило особенное. Все также въ этомъ мірѣ все воздвигалось, не разрушаясь, зданіе, все также тянулось что-то, также съ краснымъ кругомъ горѣла свѣчка, таже рубашка-сфинксъ лежала у двери; но кромѣ всего этого, что-то скрипнуло, пахнуло свѣжимъ вѣтромъ, и новый бѣлый сфинксъ стоячій явился передъ дверью. И въ головѣ этого сфинкса было блѣдное лицо и блестящіе глаза той самой Наташи, о которой онъ сейчасъ думалъ.

О! Какъ тяжелъ этотъ не перестающій бредъ, подумалъ князь Андрей, стараясь изгнать это лицо изъ своего воображенія. Но лицо это стояло передъ нимъ съ силою дѣйствительности, и лицо это приближалось. Князь Андрей хотѣлъ вернуться къ прежнему міру чистой мысли, но онъ не могъ, и бредъ втягивалъ его въ свою область. Тихій шепчущій голосъ продолжалъ свой мѣрный лепетъ, что-то давило, тянулось, и странное лицо стояло передъ нимъ. Князь Андрей собралъ всѣ свои силы, чтобы опомниться; онъ пошевелился, и вдругъ въ ушахъ его зазвенѣло, въ глазахъ помутилось, и онъ, какъ человѣкъ окунувшійся въ воду потерялъ сознаніе. Когда онъ очнулся, Наташа, та самая живая Наташа, которую изъ всѣхъ людей въ мірѣ ему болѣе всего хотѣлось любить той новой, чистой, божеской любовью, которая была теперь открыта ему, стояла передъ нимъ на колѣнахъ. Онъ понялъ, что это была живая, настоящая Наташа и не удивился, но тихо обрадовался. Наташа, стоя на колѣнахъ, испуганно, но прикованно (она не могла двинуться) глядѣла на него, удерживая рыданія. Лицо ея было блѣдно и неподвижно. Только въ нижней части его трепетало что-то.

Князь Андрей облегчительно вздохнулъ, улыбнулся и протянулъ руку.

— Вы? сказалъ онъ. Какъ счастливо!

Наташа быстрымъ, но осторожнымъ движеніемъ подвинулась къ нему на колѣняхъ и, взявъ осторожно его руку, нагнулась надъ ней лицомъ и стала цѣловать ее, чуть дотрогиваясь губами.

— Простите! сказала она шопотомъ, поднявъ голову и взглядывая на него. Простите меня!

— Я васъ люблю, сказалъ князь Андрей.

— Простите...

— Что простить? спросилъ князь Андрей.

— Простите меня за то что я сдѣ...лала, чуть слышнымъ прерывнымъ шопотомъ проговорила Наташа и чаще стала, чуть дотрогиваясь губами, цѣловать руку.

— Я люблю тебя больше, лучше чѣмъ прежде, сказалъ князь Андрей, поднимая рукой ее лицо, такъ чтобы онъ могъ глядѣть въ ея глаза.

Глаза эти, налитые счастливыми слезами, робко, сострадательно и радостно-любовно смотрѣли на него. Худое и блѣдное лицо Наташи съ распухшими губами было болѣе чѣмъ некрасиво, оно было страшно. Но князь Андрей не видѣлъ этого лица, онъ видѣлъ сіяющіе глаза, которые были прекрасны. Сзади ихъ послышался говоръ.

Петръ камердинеръ, теперь совсѣмъ очнувшійся отъ сна, разбудилъ доктора. Тимохинъ, не спавшій все время отъ боли въ ногѣ, давно уже видѣлъ все что̀ дѣлалось и старательно закрывая простыней свое неодѣтое тѣло, ежился на лавкѣ.

— Это что̀ такое? сказалъ докторъ, приподнявшись съ своего ложа.—Извольте идти, сударыня.

Въ это же время въ дверь стучалась дѣвушка, посланная графиней, хватившейся дочери.

Какъ сомнамбулка, которую разбудили въ серединѣ ея

сна, Наташа вышла изъ комнаты и, вернувшись въ свою избу, рыдая упала на свою постель.

Съ этого дня, во время всего дальнѣйшаго путешествія Ростовыхъ, на всѣхъ отдыхахъ и ночлегахъ, Наташа не отходила отъ раненаго Болконскаго, и докторъ долженъ былъ признаться, что онъ не ожидалъ отъ дѣвицы ни такой твердости ни такого искусства ходить за раненымъ.

Какъ ни страшна казалась для графини мысль, что князь Андрей могъ (весьма вѣроятно по словамъ доктора) умереть во время дороги на рукахъ ея дочери, она не могла противиться Наташѣ. Хотя, вслѣдствіе теперь установившагося сближенія между раненымъ княземъ Андреемъ и Наташей, и приходило въ голову, что въ случаѣ выздоровленія прежнія отношенія жениха и невѣсты будутъ возобновлены, никто, еще менѣе Наташа и князь Андрей, не говорилъ объ этомъ: нерѣшенный, висящій вопросъ жизни или смерти, не только надъ Болконскимъ, но надъ Россіей заслонялъ всѣ другія предположенія.

XXXIII.

Пьеръ проснулся 3-го Сентября поздно. Голова его болѣла, платье, въ которомъ онъ спалъ не раздѣваясь, тяготило его тѣло, и на душѣ было смутное сознаніе чего-то постыднаго, совершеннаго наканунѣ; это постыдное былъ вчерашній разговоръ съ капитаномъ Рамбалемъ.

Часы показывали 11-ть, но на дворѣ казалось особенно пасмурно. Пьеръ всталъ, протеръ глаза и, увидавъ пистолетъ съ вырѣзнымъ ложемъ, который Герасимъ положилъ опять на письменный столъ, Пьеръ вспомнилъ то, гдѣ онъ находился и чтò ему предстояло именно въ нынѣшній день.

— Ужъ не опоздалъ ли я? подумалъ Пьеръ. — Нѣтъ,

вѣроятно *онъ* сдѣлаетъ свой въѣздъ въ Москву не ранѣе 12-ти. Пьеръ не позволялъ себѣ размышлять о томъ, что̀ ему предстояло, но торопился поскорѣе дѣйствовать.

Оправивъ на себѣ платье, Пьеръ взялъ въ руки пистолетъ и сбирался уже идти. Но тутъ ему въ первый разъ пришла мысль о томъ, какимъ образомъ, не въ рукѣ же по улицѣ нести ему это оружіе. Даже и подъ широкимъ кафтаномъ трудно было спрятать большой пистолетъ. Ни за поясомъ, ни подъ мышкой нельзя было помѣстить его незамѣтнымъ. Кромѣ того пистолетъ былъ разряженъ, а Пьеръ не успѣлъ зарядить его. «Все равно кинжалъ», сказалъ себѣ Пьеръ, хотя онъ не разъ, обсуживая исполненіе своего намѣренія, рѣшалъ самъ собою, что главная ошибка студента въ 1809 году состояла въ томъ, что онъ хотѣлъ убить Наполеона кинжаломъ. Но какъ будто главная цѣль Пьера состояла не въ томъ, чтобы исполнить задуманное дѣло, а въ томъ, чтобы показать самому себѣ, что не отрекается отъ своего намѣренія и дѣлаетъ все для исполненія его, Пьеръ поспѣшно взялъ купленный имъ у Сухаревой башни вмѣстѣ съ пистолетомъ тупой зазубренный кинжалъ въ зеленыхъ ножнахъ и спряталъ его подъ жилетъ.

Подпоясавъ кафтанъ и надвинувъ шапку, Пьеръ, стараясь не шумѣть и не встрѣтить капитана, прошелъ по коридору и вышелъ на улицу.

Тотъ пожаръ, на который такъ равнодушно смотрѣлъ онъ наканунѣ вечеромъ, за ночь значительно увеличился. Москва горѣла уже съ разныхъ сторонъ. Горѣли въ одно и тоже время Каретный рядъ, Замоскворѣчье, Гостиный дворъ, Поварская, барки на Москвѣ рѣкѣ и дровяной рынокъ у Дорогомиловскаго моста.

Путь Пьера лежалъ черезъ переулки на Поварскую и оттуда на Арбатъ къ Николѣ Явленному, у котораго онъ въ воображеніи своемъ давно опредѣлилъ мѣсто, на которомъ должно быть совершено его дѣло. У большой части домовъ

были заперты ворота и ставни. Улицы и переулки были пустынны. Въ воздухѣ пахло гарью и дымомъ. Изрѣдка встрѣчались Русскіе съ безпокойно-робкими лицами и Французы съ негородскимъ лагернымъ видомъ, шедшіе по серединамъ улицъ. И тѣ и другіе съ удивленіемъ смотрѣли на Пьера. Кромѣ большаго роста и толщины, кромѣ страннаго, мрачно-сосредоточеннаго и страдальческаго выраженія лица и всей фигуры, Русскіе присматривались къ Пьеру потому, что не понимали, къ какому сословію могъ принадлежать этотъ человѣкъ. Французы же съ удивленіемъ провожали его глазами въ особенности потому, что Пьеръ, противно всѣмъ другимъ Русскимъ, испуганно или любопытно смотрѣвшимъ на Французовъ, не обращалъ на нихъ никакого вниманія. У воротъ однаго дома три Француза, толковавшіе что-то не понимавшимъ ихъ Русскимъ людямъ, остановили Пьера, спрашивая, не знаетъ ли онъ по французски?

Пьеръ отрицательно покачалъ головой и пошелъ дальше. Въ другомъ переулкѣ на него крикнулъ часовой, стоявшій у зеленаго ящика и Пьеръ только на повторенный грозный крикъ и звукъ ружья, взятаго часовымъ на руку, понялъ, что онъ долженъ былъ обойти другой стороной улицы. Онъ ничего не слышалъ и не видѣлъ вокругъ себя. Онъ, какъ что-то страшное и чуждое ему, съ поспѣшностью и ужасомъ несъ въ себѣ свое намѣреніе, боясь—наученный опытомъ прошлой ночи — какъ нибудь растерять его. Но Пьеру не суждено было донести въ цѣлости свое настроеніе до того мѣста, куда онъ направлялся. Кромѣ того, ежели бы онъ и не былъ ничѣмъ задержанъ на пути, намѣреніе его не могло быть исполнено уже потому, что Наполеонъ тому назадъ болѣе 4-хъ часовъ проѣхалъ изъ Дорогомиловскаго предмѣстья черезъ Арбатъ въ Кремль и теперь, въ самомъ мрачномъ расположеніи духа, сидѣлъ въ царскомъ кабинетѣ Кремлевскаго дворца и отдавалъ подробныя обстоятельныя приказанія о мѣрахъ, которыя должны были

быть приняты немедленно для тушенія пожара, предупрежденія мародерства и успокоенія жителей. Но Пьеръ не зналъ этого; онъ, весь поглощенный предстоящимъ, мучился, какъ мучаются люди упрямо предпринявшіе дѣло невозможное — не по трудностямъ, но по несвойственности дѣла съ своей природой; онъ мучился страхомъ того, что онъ ослабѣетъ въ рѣшительную минуту и, вслѣдствіе того, потеряетъ уваженіе къ себѣ.

Онъ хотя ничего не видѣлъ и не слышалъ вокругъ себя, но инстинктомъ соображалъ дорогу и не ошибался переулками, выводившими его на Поварскую.

По мѣрѣ того, какъ Пьеръ приближался къ Поварской, дымъ становился сильнѣе и сильнѣе, становилось даже тепло отъ огня пожара. Изрѣдка взвивались огненные языки изъ-за крышъ домовъ. Больше народу встрѣчалось на улицахъ, и народъ этотъ былъ тревожнѣе. Но Пьеръ, хотя и чувствовалъ, что что-то такое необыкновенное творилось вокругъ него, не отдавалъ себѣ отчета о томъ, что онъ подходилъ къ пожару. Проходя по тропинкѣ, шедшей по большому незастроенному мѣсту, примыкавшему одной стороной къ Поварской, другой къ садамъ дома князя Грузинскаго, Пьеръ вдругъ услыхалъ подлѣ самого себя отчаянный плачь женщины. Онъ остановился, какъ бы пробудившись отъ сна, и поднялъ голову.

Въ сторонѣ отъ тропинки, на засохшей пыльной травѣ, были свалены кучей домашніе пожитки: перины, самоваръ образа и сундуки. На землѣ подлѣ сундуковъ сидѣла не молодая, худая женщина, съ длинными высунувшимися верхними зубами, одѣтая въ черный салопъ и чепчикъ. Женщина эта, качаясь и приговаривая что-то, надрываясь плакала. Двѣ дѣвочки, отъ 10-ти до 12-ти лѣтъ, одѣтыя въ грязныя коротенькія платьица и салопчики, съ выраженіемъ недоумѣнія на блѣдныхъ, испуганныхъ лицахъ, смотрѣли на мать. Меньшой мальчикъ лѣтъ семи, въ чуйкѣ и въ чужомъ

огромномъ картузѣ, плакалъ на рукахъ старухи-няньки. Босоногая, грязная дѣвка сидѣла на сундукѣ и, распустивъ бѣлесую косу, обдергивала опаленные волосы, принюхиваясь къ нимъ. Мужъ, невысокій, сутуловатый человѣчекъ въ вицъ-мундирѣ съ колесообразными бакенбардочками и гладкими височками, виднѣвшимися изъ подъ прямо надѣтаго картуза, съ неподвижнымъ лицомъ раздвигалъ сундуки, поставленные одинъ на другомъ и вытаскивалъ изъ-подъ нихъ какія-то одѣянія.

Женщина почти бросилась къ ногамъ Пьера, когда она увидала его.

— Батюшки родимые, христіане православные, спасите, помогите, голубчикъ!... кто нибудь помогите, выговаривала она сквозь рыданія. Дѣвочку!... Дочь!... Дочь мою меньшую оставили!... Сгорѣла! О оо! Для того я тебя лелѣ... Ооо!

— Полно, Марья Николаевна, тихимъ голосомъ обратился мужъ къ женѣ очевидно для того только, чтобы оправдаться передъ посторроннимъ человѣкомъ.— Должно сестрица унесла, а то больше гдѣ же быть! прибавилъ онъ.

— Истуканъ, злодѣй! злобно закричала женщина, вдругъ прекративъ плачъ. — Сердца въ тебѣ нѣтъ, свое дѣтище не жалѣешь. Другой бы изъ огня досталъ. А это истуканъ, а не человѣкъ, не отецъ. Вы благородный человѣкъ, скороговоркой всхлипывая, обратилась женщина къ Пьеру. Загорѣлось рядомъ,—бросило къ намъ. Дѣвка закричала: горитъ! Бросились собирать. Въ чемъ были, въ томъ и выскочили... Вотъ что захватили... Божье благословенье да приданую постель, а то все пропало. Хвать дѣтей, Катички нѣтъ. О о о! О Господи!.... и опять она зарыдала. Дитятко мое милое, сгорѣло! сгорѣло!

— Да гдѣ же, гдѣ же она осталась? сказалъ Пьеръ.— По выраженію оживившагося лица его, женщина поняла, что этотъ человѣкъ могъ помочь ей.

— Батюшка! Отецъ! закричала она, хватая его за ноги.— Благодѣтель, хоть сердце мое успокой... Аниска, иди, мерзкая, проводи, крикнула она на дѣвку, сердито раскрывая ротъ и этимъ движеніемъ еще больше выказывая свои длинные зубы.

— Проводи, проводи, я... я... сдѣлаю я, запыхавшимся голосомъ, поспѣшно сказалъ Пьеръ.

Грязная дѣвка вышла изъ-за сундука, прибрала косу и вздохнувъ пошла тупыми, босыми ногами впередъ по тропинкѣ. Пьеръ какъ бы вдругъ очнулся къ жизни послѣ тяжелаго обморока. Онъ выше поднялъ голову, глаза его засвѣтились блескомъ жизни, и онъ быстрыми шагами пошелъ за дѣвкой, обогналъ ее и вышелъ на Поварскую. Вся улица была застлана тучей чернаго дыма. Языки пламени кое гдѣ вырывались изъ этой тучи. Народъ большой толпой тѣснился передъ пожаромъ. Въ-серединѣ улицы стоялъ французскій генералъ и говорилъ что-то окружающимъ его. Пьеръ, сопутствуемый дѣвкой, подошелъ было къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ генералъ; но французскіе солдаты остановили его.

— On ne passe pas [1]), крикнулъ ему голосъ.

— Сюда, дядинька, крикнула дѣвка: мы переулкомъ черезъ Никулиныхъ пройдемъ.

Пьеръ повернулся назадъ и пошелъ, изрѣдка подпрыгивая, чтобы поспѣвать за нею. Дѣвка перебѣжала улицу, повернула на лѣво въ переулокъ и пройдя три дома завернула направо въ ворота.

— Вотъ тутъ сейчасъ, сказала дѣвка и, пробѣжавъ дворъ, она отворила калитку въ тесовомъ заборѣ и, остановившись, указала Пьеру на небольшой деревянный флигель, горѣвшій свѣтло и жарко. Одна сторона его обрушилась, другая горѣла,

[1]) Тутъ не проходятъ.

и пламя ярко выбивалось изъ подъ отверстій оконъ и изъ подъ крыши.

Пройдя въ калитку, Пьера обдало жаромъ, и онъ невольно остановился.

— Который, который вашъ домъ? спросилъ онъ.

— О о охъ! завыла дѣвка, указывая на флигель. Онъ самый, она самая наша фатера была. Сгорѣла ты, наше сокровище, Катичка, барышня моя ненаглядная, о охъ! завыла Аниска при видѣ пожара, почувствовавши необходимость выказать и свои чувства.

Пьеръ сунулся къ флигелю, но жаръ былъ такъ силенъ, что онъ невольно описалъ дугу вокругъ флигеля и очутился подлѣ большаго дома, который еще горѣлъ только съ одной стороны съ крыши и около котораго кишѣла толпа Французовъ. Пьеръ сначала не понялъ, что̀ дѣлали эти Французы, таскавшіе что-то; но, увидавъ передъ собою Француза, который билъ тупымъ тесакомъ мужика, отнимая у него лисью шубу, Пьеръ понялъ смутно, что тутъ грабили, но ему некогда было останавливаться на этой мысли.

Звукъ треска и гула заваливающихся стѣнъ и потолковъ, свиста и шипѣнья пламени и оживленныхъ криковъ народа, видъ колеблющихся, то насупливающихся густыхъ черныхъ, то взмывающихъ, свѣтлѣющихъ облаковъ дыма съ блестками искръ и гдѣ сплошнаго, сноповиднаго, краснаго, гдѣ чешуйчато-золотого, перебирающагося по стѣнамъ пламени, ощущеніе жара и дыма и быстроты движенія произвели на Пьера свое обычное возбуждающее дѣйствіе пожаровъ. Дѣйствіе это было въ особенности сильно на Пьера потому, что Пьеръ вдругъ, при видѣ этого пожара, почувствовалъ себя освобожденнымъ отъ тяготившихъ его мыслей. Онъ чувствовалъ себя молодымъ, веселымъ, ловкимъ и рѣшительнымъ. Онъ обѣжалъ флигелекъ со стороны дома и хотѣлъ уже бѣжать въ ту часть его, которая еще стояла, когда

надъ самой головой его послышался крикъ нѣсколькихъ голосовъ и вслѣдъ затѣмъ трескъ и звонъ чего-то тяжелаго упавшаго подлѣ него.

Пьеръ оглянулся и увидалъ въ окнахъ дома Французовъ, выкинувшихъ ящикъ комода, наполненный какими-то металлическими вещами. Другіе французскіе солдаты, стоявшіе внизу, подошли къ ящику.

— Eh bien, qu'est ce qu'il veut celui-là, [1]) крикнулъ одинъ изъ Французовъ на Пьера.

— Un enfant dans cette maison. N'avez vous pas vu un enfant? [2]) сказалъ Пьеръ.

— Tiens, qu'est ce qu'il chante celui-là? Va te promener [3]), послышались голоса, и одинъ изъ солдатъ, видимо боясь, чтобы Пьеръ не вздумалъ отнимать у нихъ серебро и бронзы, которыя были въ ящикѣ, угрожающе надвинулся на него.

— Un enfant? закричалъ сверху Французъ, j'ai entendu piailler quelque chose au jardin. Peut être c'est son moutard au bonhomme. Faut être humain, voyez vous...—Ou est-il? Ou est-il [4]), спрашивалъ Пьеръ. — Par ici! par ici! [5]) кричалъ ему Французъ изъ окна, показывая на садъ, бывшій за домомъ. — Attendez, je vais descendre [6]). И дѣйствительно черезъ минуту Французъ, черноглазый малый съ какимъ-то пятномъ на щекѣ, въ одной рубашкѣ, выскочилъ изъ окна нижняго этажа и, хлопнувъ Пьера по плечу, побѣжалъ съ

[1]) Этому что еще надо?

[2]) Ребенка въ этомъ домѣ. Не видали ли вы ребенка?

[3]) Этотъ что еще толкуетъ, убирайся къ чорту.

[4]) Ребенокъ? я слышалъ что то пищало въ саду, Можетъ быть, это его ребенокъ. — Мы всѣ люди. — Гдѣ онъ?

[5]) Здѣсь!

[6]) Погодите, я сейчасъ сойду.

нимъ въ садъ. Depêchez vous vous autres, крикнулъ онъ своимъ товарищамъ,—commence à faire chaud [1]).

Выбѣжавъ за домъ на усыпанную пескомъ дорожку, Французъ дернулъ за руку Пьера и указалъ ему на кругъ. Подъ скамейкой лежала трехлѣтняя дѣвочка въ розовомъ платьицѣ.

— Voilà votre moutard. Ah, une petite, tant mieux, сказалъ Французъ.—A revoir, mon gros. Faut être humain. Nous sommes tous mortels, voyez-vous [2]), и Французъ съ пятномъ на щекѣ побѣжалъ назадъ къ своимъ товарищамъ.

Пьеръ, задыхаясь отъ радости, подбѣжалъ къ дѣвочкѣ и хотѣлъ взять ее на руки. Но увидавъ чужого человѣка, золотушно-болѣзненная, похожая на мать, непріятная на видъ, дѣвочка закричала и бросилась бѣжать. Пьеръ однако схватилъ ее и поднялъ на руки; она завизжала отчаянно-злобнымъ голосомъ и своими маленькими рученками стала отрывать отъ себя руки Пьера и сопливымъ ртомъ кусать ихъ. Пьера охватило чувство ужаса и гадливости подобное тому, которое онъ испытывалъ при прикосновеніи къ какому нибудь маленькому животному. Но онъ сдѣлалъ усиліе надъ собою, чтобы не бросить ребенка и побѣжалъ съ нимъ назадъ къ большому дому. Но пройти уже нельзя было назадъ той же дорогой: дѣвки Аниски уже не было, и Пьеръ съ чувствомъ жалости и отвращенія, прижимая къ себѣ какъ можно нѣжнѣе страдальчески всхлипывавшую и мокрую дѣвочку, побѣжалъ черезъ садъ искать другого выхода.

XXXIV.

Когда Пьеръ, обѣжавъ дворами и переулками, вышелъ назадъ съ своей ношей къ саду Грузинскаго, на углу Повар-

[1]) Ей вы поспѣшайте, дѣлается жарко.

[2]) Вотъ вашъ ребенокъ. А, это дѣвочка, тѣмъ лучше. До свиданія. Надо быть человѣчнымъ. Мы всѣ смертные.

ской, онъ въ первую минуту не узналъ того мѣста, съ котораго онъ пошелъ за ребенкомъ: такъ оно было загромождено народомъ и вытащенными изъ домовъ пожитками. Кромѣ русскихъ семей съ своимъ добромъ, спасавшихся здѣсь отъ пожара, тутъ же было и нѣсколько французскихъ солдатъ въ различныхъ одѣяніяхъ. Пьеръ не обратилъ на нихъ вниманія. Онъ спѣшилъ найти семейство чиновника съ тѣмъ, чтобы отдать дочь матери и идти опять спасать еще кого-то. Пьеру казалось, что ему что-то еще многое и поскорѣе нужно сдѣлать. Разогрѣвшись отъ жара и бѣготни, Пьеръ еще сильнѣе въ эту минуту испытывалъ то чувство молодости, оживленія и рѣшительности, которое охватило его въ то время, какъ онъ побѣжалъ спасать ребенка. Дѣвочка затихла теперь, и, держась рученками за кафтанъ Пьера, сидѣла на его рукѣ и, какъ дикій звѣрокъ, оглядывалась вокругъ себя. Пьеръ изрѣдка поглядывалъ на нее и слегка улыбался. Ему казалось, что онъ видѣлъ что-то трогательно-невинное въ этомъ испуганномъ и болѣзненномъ личикѣ.

На прежнемъ мѣстѣ ни чиновника, ни его жены уже не было. Пьеръ быстрыми шагами ходилъ между народомъ, оглядывая разныя лица, попадавшіяся ему. Невольно онъ замѣтилъ грузинское или армянское семейство, состоявшее изъ красиваго, съ восточнымъ типомъ лица, очень стараго человѣка, одѣтаго въ новый, крытый тулупъ и новые сапоги, старухи такого же типа и молодой женщины. Очень молодая женщина эта показалась Пьеру совершенствомъ восточной красоты, съ ея рѣзкими дугами очерченными черными бровями и длиннымъ необыкновенно нѣжно-румянымъ и красивымъ лицомъ безъ всякаго выраженія. Среди раскиданныхъ пожитковъ въ толпѣ на площади, она, въ своемъ богатомъ атласномъ салопѣ и ярко лиловомъ платкѣ, накрывавшемъ ея голову, напоминала нѣжное тепличное растеніе, выброшенное на снѣгъ. Она сидѣла на узлахъ

нѣсколько позади старухи и неподвижно-большими, черными, продолговатыми, съ длинными рѣсницами, глазами смотрѣла въ землю. Видимо она знала свою красоту и боялась за нее. Лицо это поразило Пьера, и онъ, въ своей поспѣшности, проходя вдоль забора, нѣсколько разъ оглянулся на нее. Дойдя до забора и все-таки не найдя тѣхъ, кого ему было нужно, Пьеръ остановился, оглядываясь.

Фигура Пьера съ ребенкомъ на рукахъ теперь была болѣе замѣчательна, чѣмъ прежде, и около него собралось нѣсколько человѣкъ Русскихъ, мужчинъ и женщинъ.

— Или потерялъ кого, милый человѣкъ?—Сами вы изъ благородныхъ, что-ли? Чей ребенокъ-то? спрашивали у него.

Пьеръ отвѣчалъ, что ребенокъ принадлежалъ женщинѣ въ черномъ салопѣ, которая сидѣла съ дѣтьми на этомъ мѣстѣ и спрашивалъ, не знаетъ-ли кто ее и куда она перешла?

— Вѣдь это Анферовы должны быть, сказалъ старый дьяконъ, обращаясь къ рябой бабѣ.— Господи помилуй, Господи помилуй, прибавилъ онъ привычнымъ басомъ.

— Гдѣ Анферовы? сказала баба. Анферовы еще съ утра уѣхали. А это либо Марьи Николаевны, либо Ивановы.

— Онъ говоритъ женщина, а Марья Николаевна—барыня, сказалъ дворовый человѣкъ.

— Да вы знаете ее, зубы длинные, худáя, говорилъ Пьеръ.

— И есть Марья Николаевна. Они ушли въ садъ, какъ тутъ волки-то эти налетѣли, сказала баба, указывая на Французскихъ солдатъ.

— О, Господи помилуй, прибавилъ опять дьяконъ.

— Вы пройдите вотъ туда-то, они тамъ. Она и есть. Все убивалась, плакала, сказала опять баба. Она и есть. Вотъ сюдá-то.

Но Пьеръ не слушалъ бабу. Онъ уже нѣсколько секундъ, не спуская глазъ, смотрѣлъ на то, чтó дѣлалось въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него. Онъ смотрѣлъ на армянское семейство и двухъ французскихъ солдатъ, подошедшихъ къ

Армянамъ. Одинъ изъ этихъ солдатъ, маленькій, вертлявый человѣчекъ, былъ одѣтъ въ синюю шинель, подпоясанную веревкой. На головѣ его былъ колпакъ и ноги были босыя. Другой, который особенно поразилъ Пьера, былъ длинный, сутуловатый, бѣлокурый, худой человѣкъ съ медлительными движеніями и идіотическимъ выраженіемъ лица. Этотъ былъ одѣтъ въ фризовый капотъ, въ синіе штаны и большіе, рваные ботфорты. Маленькій Французъ, безъ сапогъ, въ синей шинели, подойдя къ Армянамъ, тотчасъ же сказавъ что-то, взялся за ноги старика, и старикъ тотчасъ же поспѣшно сталъ снимать сапоги. Другой въ капотѣ остановился противъ красавицы Армянки и молча неподвижно, держа руки въ карманахъ, смотрѣлъ на нее.

— Возьми, возьми ребенка, проговорилъ Пьеръ, подавая дѣвочку и повелительно и поспѣшно обращаясь къ бабѣ. Ты отдай имъ, отдай! закричалъ онъ почти на бабу, сажая закричавшую дѣвочку на землю, и опять оглянулся на Французовъ и на армянское семейство. Старикъ уже сидѣлъ босой. Маленькій французъ снялъ съ него послѣдній сапогъ и похлопывалъ сапогами одинъ о другой. Старикъ всхлипывая говорилъ что-то, но Пьеръ только мелькомъ видѣлъ это; все вниманіе его было обращено на Француза въ капотѣ, который въ это время, медлительно раскачиваясь, подвинулся къ молодой женщинѣ и, вынувъ руки изъ кармановъ, взялся за ея шею.

Красавица Армянка продолжала сидѣть въ томъ же неподвижномъ положеніи съ опущенными, длинными рѣсницами и какъ будто не видала и не чувствовала того, что̀ дѣлалъ съ нею солдатъ.

Пока Пьеръ пробѣжалъ тѣ нѣсколько шаговъ, которые отдѣляли его отъ Французовъ, длинный мародеръ въ капотѣ уже рвалъ съ шеи Армянки ожерелье, которое было на ней, и молодая женщина, хватаясь руками за шею, кричала пронзительнымъ голосомъ.

— Laissez cette femme! [1]) бѣшенымъ голосомъ прохрипѣлъ Пьеръ, схватывая длиннаго сутуловатаго солдата за плечи и отбрасывая его. Солдатъ упалъ, приподнялся и побѣжалъ прочь. Но товарищъ его, бросивъ сапоги, вынулъ тесакъ и грозно падвинулся на Пьера.

— Voyons, pas de bêtises! [2]) крикнулъ онъ.

Пьеръ былъ въ томъ восторгѣ бѣшенства, въ которомъ онъ ничего не помнилъ, и въ которомъ силы его удесетерялись. Онъ бросился на босаго Француза и прежде, чѣмъ тотъ успѣлъ вынуть свой тесакъ, уже сбилъ его съ ногъ и молотилъ по немъ кулаками. Послышался одобрительный крикъ окружавшей толпы и въ тоже время изъ-за угла показался конный разъѣздъ французскихъ улановъ. Уланы рысью подъѣхали къ Пьеру и Французу и окружили ихъ. Пьеръ ничего не помнилъ изъ того, что было дальше. Онъ помнилъ, что онъ билъ кого-то, его били, и что подъ конецъ онъ почувствовалъ, что руки его связаны, что толпа французскихъ солдатъ стоитъ вокругъ него и объискиваетъ его платье.

— Il a un poignard, lieutenant, были первыя слова, которыя понялъ Пьеръ.

— Ah, une arme! сказалъ офицеръ и обратился къ босому солдату, который былъ взятъ съ Пьеромъ:

— C'est bon, vous direz tout cela au conseil de guerre, сказалъ офицеръ. И вслѣдъ за тѣмъ повернулся къ Пьеру: Parlez vous français, vous?

Пьеръ оглядывался вокругъ себя налившимися кровью глазами и не отвѣчалъ. Вѣроятно лицо его показалось очень страшно, потому что офицеръ что-то шопотомъ сказалъ, и еще четыре улана отдѣлились отъ команды и стали по обѣимъ сторонамъ Пьера.

— Parlez vous français? повторилъ ему вопросъ офицеръ,

[1]) Оставьте эту женщину!

[2]) Эй, глупости-то оставь!

держась вдали отъ него. Faites venir l'interprête. Изъ-за рядовъ выѣхалъ маленькій человѣчекъ въ штатскомъ русскомъ платьѣ. Пьеръ по одѣянію и говору его тотчасъ же узналъ въ немъ Француза изъ одного московскаго магазина.

— Il n'a pas l'air d'un homme du peuple, сказалъ переводчикъ, оглядѣвъ Пьера.

— Oh, oh! ca m'a bien l'air d'un des incendiaires, сказалъ офицеръ. Demandez lui ce qu'il est? [1]) прибавилъ онъ.

— Ти кто? спросилъ переводчикъ. Ти должно отвѣчать начальство, сказалъ онъ.

— Je vous ne dirai pas qui je suis. Je suis votre prisonnier. Emmenez-moi [2]), вдругъ по-французски сказалъ Пьеръ.

— Ah! Ah! проговорилъ офицеръ нахмурившись.—Marchons!

Около уланъ собралась толпа. Ближе всѣхъ къ Пьеру стояла рябая баба съ дѣвочкою; гогда объѣздъ тронулся, она подвинулась впередъ.

— Куда же это ведутъ тебя, голубчикъ ты мой? сказала она. Дѣвочку-то, дѣвочку-то куда я дѣну, коли она не ихняя! говорила баба.

— Qu'est ce qu'elle veut cette femme? спросилъ офицеръ.

Пьеръ былъ какъ пьяный. Восторженное состояніе его еще усилилось при видѣ дѣвочки, которую онъ спасъ.

— Ce qu'elle dit? проговорилъ онъ. Elle m'apporte ma fille que je viens de sauver des flammes, проговорилъ онъ. Adieu! и онъ, самъ не зная какъ вырвалась у него эта безцѣльная ложь, рѣшительнымъ, торжественнымъ шагомъ пошелъ между Французами.

Разъѣздъ Французовъ былъ однинъ изъ тѣхъ, которые были посланы по распоряженію Дюронеля по разнымъ улицамъ Москвы для пресѣченія мародерства и въ особенности для поимки поджигателей, которые по общему, въ тотъ день

[1]) О, о, онъ очень похожъ на поджигателя. Спросите его, кто онъ?

[2]) Я не скажу вамъ, кто я. Я вашъ плѣнный. Уводите меня.

про явившемуся, мнѣнію у Французовъ высшихъ чиновъ, были причиною пожаровъ. Объѣхавъ нѣсколько улицъ, разъѣздъ забралъ еще человѣкъ пять подозрительныхъ Русскихъ, одного лавочника, двухъ семинаристовъ, мужика и дворовага человѣка и нѣсколькихъ мародеровъ. Но изъ всѣхъ подозрительныхъ людей, подозрительнѣе всѣхъ казался Пьеръ. Когда ихъ всѣхъ привели на ночлегъ въ большой домъ на Зубовскомъ валу, въ которомъ была учреждена гауптвахта, то Пьера подъ строгимъ карауломъ помѣстили отдѣльно.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Въ Петербургѣ въ это время, въ высшихъ кругахъ, съ бо́льшимъ жаромъ чѣмъ когда-нибудь шла сложная борьба партій Румянцева, Французовъ, Маріи Θеодоровны, Цесаревича и другихъ, заглушаемая, какъ всегда, трубеніемъ придворныхъ трутней. Но спокойная, роскошная, озабоченная только призраками, отраженіями жизни, петербургская жизнь, шла по старому; и изъ-за хода этой жизни надо было дѣлать большія усилія, чтобы сознавать опасность и то трудное положеніе, въ которомъ находился Русскій народъ. Тѣже были выходы, балы, тотъ же французскій театръ, тѣже интересы дворовъ, тѣже интересы службы, и интриги. Только въ самыхъ высшихъ кругахъ дѣлались усилія для того, чтобы напоминать трудность настоящаго положенія. Разсказывалось шопотомъ о томъ, какъ противуположно одна, другой въ столь трудныхъ обстоятельствахъ, поступили обѣ императрицы. Императрица Марія Θеодоровна, озабоченная благосостояніемъ подвѣдомственныхъ ей богоугодныхъ и воспитательныхъ учрежденій, сдѣлала распоряженіе объ отправкѣ всѣхъ институтовъ въ Казань, и вещи этихъ заведеній уже были уложены. Императрица же Елизавета Алексѣевна на вопросъ о томъ, какія ей угодно сдѣлать распоряженія, съ свойственнымъ ей русскимъ патріотизмомъ, изволила отвѣтить, что о государственныхъ учрежденіяхъ она не можетъ

дѣлать распоряженій, такъ какъ это касается Государя; о томъ же, что́ лично зависитъ отъ нея, она изволила сказать, что она послѣдняя выѣдетъ изъ Петербурга.

У Анны Павловны 26-го августа, въ самый день Бородинскаго сраженія, былъ вечеръ, цвѣтко́мъ котораго должно было быть чтеніе письма преосвященнаго, написаннаго при посылкѣ Государю образа Преподобнаго Угодника Сергія. Письмо это почиталось образцо́мъ патріотическаго, духовнаго краснорѣчія. Прочесть его долженъ былъ самъ князь Василій, славившійся своимъ искусствомъ чтенія. (Онъ же читывалъ и у императрицы). Искусство чтенія считалось въ томъ, чтобы громко, пѣву́че, между отчаяннымъ завываніемъ и нѣжнымъ ропотомъ переливать слова совершенно независимо отъ ихъ значенія, такъ что совершенно случайно на одно слово попадало завываніе, на другія—ро́потъ. Чтеніе это, какъ и всѣ вечера Анны Павловны, имѣло политическое значеніе. На этомъ вечерѣ должно было быть нѣсколько важныхъ лицъ, которыхъ надо было устыдить за ихъ поѣздки во французскій театръ и воодушевить къ патріотическому настроенію. Уже довольно много собралось народа, но Анна Павловна еще не видѣла въ гостиной всѣхъ тѣхъ, кого нужно было, и потому, не приступая еще къ чтенію, заводила общіе разговоры.

Новостью дня въ этотъ день въ Петербургѣ была болѣзнь графини Безуховой. Графиня нѣсколько дней тому назадъ неожиданно заболѣла, пропустила нѣсколько собраній, которыхъ она была украшеніемъ, и слышно было, что она никого не принимаетъ и что вмѣсто знаменитыхъ петербургскихъ докторовъ, обыкновенно лечившихъ ее, она ввѣрилась какому-то итальянскому доктору, лечившему ее какимъ-то новымъ и необыкновеннымъ способомъ.

Всѣ очень хорошо знали, что болѣзнь прелестной графини происходила отъ неудо́бства выходить замужъ сразу за двухъ мужей и что леченіе Итальянца состояло въ устра-

сненіи этихъ неудобствъ; но въ присутствіи Анны Павловны не только никто не смѣлъ думать объ этомъ, но какъ будто никто и не зналъ этого.

— On dit que la pauvre comtesse est très mal. Le médecin dit que c'est l'angine pectorale.

— L'angine? Oh, c'est une maladie terrible!

— On dit que les rivaux se sont reconciliés grace à l'angine... [1]) Слово angine повторялось съ большимъ удовольствіемъ.

— Le vieux comte est touchant à ce qu'on dit. Il a pleuré comme un enfant quand le médecin lui a dit que le cas était dangereux.

— Oh, ce serait une perte terrible. C'est une femme ravissante.

— Vous parlez de la pauvre comtesse, сказала подходя Анна Павловна. J'ai envoyé savoir de ses nouvelles. On m'a dit qu'elle allait un peu mieux. Oh, sans doute, c'est la plus charmante femme du monde [2]), сказала Анна Павловна съ улыбкой надъ своей восторженностью. Nous appartenons à des camps différents, mais cela ne m'empeche pas de l'estimer, comme elle le mérite. Elle est bien malheureuse [3]), прибавила Анна Павловна.

Полагая, что этими словами Анна Павловна слегка при-

[1]) Говорятъ, что бѣдная графиня очень плоха. Докторъ сказалъ, что это грудная болѣзнь.

Грудная болѣзнь? О это ужасная болѣзнь.

Говорятъ, что соперники примирились, благодаря этой болѣзни.

[2]) Старый графъ очень трогателенъ, говорятъ. Онъ заплакалъ какъ дитя, когда докторъ сказалъ, что случай опасный.

— О, это была бы большая потеря. Такая прелестная женщина!

— Вы говорите про графиню? Я посылала узнавать о ея здоровьѣ. Мнѣ сказали, что ей немного лучше. О, безъ сомнѣнія, это прелестнѣйшая женщина въ мірѣ.

[3]) Мы принадлежимъ къ различнымъ лагерямъ, но это не мѣшаетъ мнѣ уважать ее по ея заслугамъ. Она такъ несчастна!

поднимала завѣсу тайны надъ болѣзнью графини, одинъ неосторожный молодой человѣкъ позволилъ себѣ выразить удивленіе въ томъ, что не призваны извѣстные врачи, а лечитъ графиню шарлатанъ, который можетъ дать опасныя средства.

— Vos informations peuvent être meilleures que les miennes [1]), вдругъ ядовито напустилась Анна Павловна на неопытнаго молодаго человѣка. Mais je sais de bonne source que ce médecin est un homme très savant et très habile. C'est le médecin intime de la Reine d'Espagne [2]). И такимъ образомъ уничтоживъ молодаго человѣка, Анна Павловна обратилась къ Билибину, который въ другомъ кружкѣ, подобравъ кожу и видимо сбираясь распустить ее, чтобы сказать un mot, говорилъ объ Австрійцахъ.

— Je trouve que c'est charmant [3]), говорилъ онъ про дипломатическую бумагу, при которой отосланы были въ Вѣну Австрійскія знамена, взятыя Витгенштейномъ, le héros de Pétropol (какъ его называли въ Петербургѣ).

— Какъ, какъ это? обратилась къ нему Анна Павловна, возбуждая молчаніе для услышанья mot, которое она уже знала.

И Билибинъ повторилъ слѣдующія подлинныя слова дипломатической депеши, имъ составленной:

— L'Empereur renvoie les drapeaux Autrichiens, сказалъ Билибинъ, drapeaux amis et égarés qu'il a trouvé hors de la route [4]), докончилъ Билибинъ, распуская кожу.

— Charmant, charmant, сказалъ князь Василій.

C'est la route de Varsovie peut-etre, громко и неожиданно

[1]) Ваши извѣстія могутъ быть лучше моихъ.

[2]) Но я изъ хорошихъ источниковъ знаю, что этотъ докторъ очень ученый и искусный человѣкъ. Это лейбъ-медикъ королевы Испанской.

[3]) Я нахожу, что это прелестно!

[4]) Императоръ отсылаетъ Австрійскія знамена, дружескія и заблудшіяся знамена, которыя онъ нашелъ внѣ настоящей дороги.

сказалъ кн. Ипполитъ. Всѣ оглянулись на него, не понимая того, чтó онъ хотѣлъ сказать этимъ. Кн. Ипполитъ тоже съ веселымъ удивленіемъ оглядывался вокругъ себя. Онъ также какъ и другіе не понималъ того, чтó значили сказанныя имъ слова. Онъ во время своей дипломатической карьеры не разъ замѣчалъ, что такимъ образомъ сказанныя вдругъ слова оказывались очень остроумны, и онъ на всякій случай сказалъ эти слова, первыя пришедшія ему на языкъ. «Можетъ, выйдетъ очень хорошо, думалъ онъ, а ежели не выйдетъ, они тамъ съумѣютъ это устроить». Дѣйствительно, въ то время какъ воцарилось неловкое молчаніе, вошло то недостаточно-патріотическое лицо, которое ждала для обращенія Анна Павловна, и она, улыбаясь и погрозивъ пальцами Ипполиту, пригласила князя Василія къ столу, и поднося ему двѣ свѣчи и рукопись, попросила его начать. Все замолкло:

— Всемилостивѣйшій государь императоръ! строго провозгласилъ князь Василій, и оглянулъ публику, какъ будто спрашивая, не имѣетъ ли кто сказать что-нибудь противъ этого. Но никто ничего не сказалъ.—«Первопрестоль-«ный градъ Москва, Новый Іерусалимъ, пріемлетъ Христа «*своего*»,—вдругъ ударилъ онъ на словѣ *своего*,—«яко мать «во объятія усердныхъ сыновъ своихъ, и сквозь возника-«ющую мглу, провидя блистательную славу твоея держа-«вы, поетъ въ восторгѣ: Осанна, благословенъ грядый!» Кн. Василій плачущимъ голосомъ произнесъ эти послѣднія слова.

Билибинъ разсматривалъ внимательно свои ногти, и многіе видимо робѣли, какъ бы спрашивая, въ чемъ же они виноваты? Анна Павловна шопотомъ повторяла уже впередъ, какъ старушка молитву причастія: «Пусть дерзкій и наглый Голіаѳъ...» прошептала она.

Князь Василій продолжалъ:

«Пусть дерзкій и наглый Голіаѳъ отъ предѣловъ Фран-

«ціи обноситъ на краяхъ Россіи смертоносные ужасы; крот-
«кая вѣра, сія праща Россійскаго Давида, сразитъ внезап-
«но главу кровожаждущей его гордыни. Сей образъ пре-
«подобнаго Сергія, древняго ревнителя о благѣ нашего оте-
«чества, приносится вашему императорскому величеству.
«Болѣзную, что слабѣющія мои силы препятствуютъ мнѣ
«насладиться любезнѣйшимъ вашимъ лицезрѣніемъ. Теплыя
«возсылаю къ небесамъ молитвы, да Всесильный возвели-
«читъ родъ правыхъ и исполнитъ во благихъ желанія ва-
«шего величества.»

— Quelle force! Quel style! послышались похвалы чтецу и сочинителю. Воодушевленные этой рѣчью, гости Анны Павловны долго еще говорили о положеніи отечества и дѣлали различныя предположенія объ исходѣ сраженія, которое на дняхъ должно было быть дано.

— Vous verrez, сказала Анна Павловна, что завтра, въ день рожденія государя, мы получимъ извѣстіе. У меня есть хорошее предчувствіе.

II.

Предчувствіе Анны Павловны дѣйствительно оправдалось. На другой день, во время молебствія во дворцѣ по случаю дня рожденія государя, князь Волконскій былъ вызванъ изъ церкви, и получилъ конвертъ отъ князя Кутузова. Это было донесеніе Кутузова, писанное въ день сраженія изъ Татариновой. Кутузовъ писалъ, что Русскіе не отступили ни на шагъ, что Французы потеряли гораздо болѣе нашего, что онъ доноситъ въ торопяхъ съ поля сраженія, не успѣвъ еще собрать послѣднихъ свѣдѣній. Стало быть, это была побѣда. И тотчасъ же, не выходя изъ храма, была воздана Творцу благодарность за Его помощь и за побѣду.

Предчувствіе Анны Павловны оправдалось, и въ городѣ

все утро царствовало радостно-праздничное настроеніе духа. Всѣ признавали побѣду совершенною, и нѣкоторые уже говорили о плѣненіи самаго Наполеона, о низложеніи его и избраніи новой главы для Франціи.

Вдали отъ дѣла и среди условій придворной жизни, весьма трудно, чтобы событія отражались во всей ихъ полнотѣ и силѣ. Невольно событія общія группируются около какого нибудь частнаго случая. Такъ теперь, главная радость придворныхъ заключалась столько же въ томъ, что мы побѣдили, сколько и въ томъ, что извѣстіе объ этой побѣдѣ пришлось именно въ день рожденія государя. Это было какъ удавшійся сюрпризъ. Въ извѣстіи Кутузова сказано было тоже о потеряхъ Русскихъ, и въ числѣ ихъ названы были Тучковъ, Багратіонъ, Кутайсовъ. Тоже и печальная сторона событія невольно, въ здѣшнемъ, Петербургскомъ мірѣ, сгруппировалась около одного событія — смерти Кутайсова. Его всѣ знали, государь любилъ его, онъ былъ молодъ и интересенъ. Въ этотъ день всѣ встрѣчались съ словами:

— Какъ удивительно случилось. Въ самый молебенъ. А какая потеря Кутайсовъ! Ахъ, какъ жаль!

— Что я вамъ говорилъ про Кутузова? говорилъ теперь князь Василій съ гордостью пророка. Я говорилъ всегда, что онъ одинъ способенъ побѣдить Наполеона.

Но на другой день не получалось извѣстія изъ арміи, и общій голосъ сталъ тревоженъ. Придворные страдали за страданія неизвѣстности, въ которой находился государь.

— Каково положеніе государя! говорили придворные, и уже не превозносили какъ третьяго дня, а теперь осуждали Кутузова, бывшаго причиной безпокойства государя. Кн. Василій въ этотъ день уже не хвастался болѣе своимъ protégé Кутузовымъ, а хранилъ молчаніе, когда рѣчь заходила о главнокомандующемъ. Кромѣ того къ вечеру этого дня какъ будто все соединилось для того, чтобы повергнуть въ тревогу и безпокойство Петербургскихъ жителей: присоедини-

лась еще одна страшная новость. Графиня Елена Безухая скоропостижно умерла отъ этой страшной болѣзни, которую такъ пріятно было выговаривать. Офиціально въ большихъ обществахъ всѣ говорили, что графиня Безухая умерла отъ страшнаго припадка angine pectorale, но въ интимныхъ кружкахъ разсказывали подробности о томъ, какъ le médecin intime de la Reine d' Espagne предписалъ Эленъ небольшія дозы какого-то лекарства, для произведенія извѣстнаго дѣйствія; но какъ Эленъ, мучимая тѣмъ, что старый графъ подозрѣвалъ ее и тѣмъ, что мужъ, которому она писала (этотъ несчастный развратный Пьеръ) не отвѣчалъ ей, вдругъ приняла огромную дозу выписаннаго ей лекарства и умерла въ мученіяхъ, прежде чѣмъ могли подать помощь. Разсказывали, что кн. Василій и старый графъ взялись было за Итальянца; но Итальянецъ показалъ такія записки отъ несчастной покойницы, что его тотчасъ же отпустили.

Общій разговоръ сосредоточился около трехъ печальныхъ событій: неизвѣстности государя, погибели Кутайсова и смерти Эленъ.

На третій день послѣ донесенія Кутузова, въ Петербургъ пріѣхалъ помѣщикъ изъ Москвы, и по всему городу распространилось извѣстіе о сдачѣ Москвы Французамъ. Это было ужасно! Каково было положеніе государя! Кутузовъ былъ измѣнникъ, и князь Василій во время visites de condoléance по случаю смерти его дочери, которые ему дѣлали, говорилъ о прежде восхваляемомъ имъ Кутузовѣ (ему простительно было въ печали забыть то, что̀ онъ говорилъ прежде), онъ говорилъ, что нельзя было ожидать ничего другаго отъ слѣпаго и развратнаго старика.—Я удивляюсь только, какъ можно было поручить такому человѣку судьбу Россіи.

Пока извѣстіе это было еще не офиціально, въ немъ можно было еще сомнѣваться, но на другой день пришло отъ графа Ростопчина слѣдующее донесеніе:

«Адъютантъ князя Кутузова привезъ мнѣ письмо, въ коемъ онъ требуетъ отъ меня полицейскихъ офицеровъ, для препровожденія арміи на Рязанскую дорогу. Онъ говоритъ, что съ сожалѣніемъ оставляетъ Москву. Государь! поступокъ Кутузова рѣшаетъ жребій столицы и вашей имперіи. Россія содрогнется, узнавъ объ уступленіи города, гдѣ сосредоточивается величіе Россіи, гдѣ прахъ вашихъ предковъ. Я послѣдую за арміей. Я все вывезъ, мнѣ остается плакать объ участи моего отечества».

Получивъ это донесеніе, государь послалъ съ кн. Волконскимъ слѣдующій рескриптъ Кутузову:

«Князь Михаилъ Иларіоновичъ! Съ 29 Августа не имѣю я никакихъ донесеній отъ васъ. Между тѣмъ отъ 1-го Сентября получилъ я черезъ Ярославль, отъ Московскаго главнокомандующаго, печальное извѣщеніе, что вы рѣшились съ арміею оставить Москву. Вы сами можете вообразить дѣйствіе, какое произвело на меня это извѣстіе, а молчаніе ваше усугубляетъ мое удивленіе. Я отправляю съ симъ генералъ-адъютанта князя Волконскаго, дабы узнать отъ васъ о положеніи арміи и о побудившихъ васъ причинахъ къ столь печальной рѣшимости».

III.

Девять дней послѣ оставленія Москвы, въ Петербургъ пріѣхалъ посланный отъ Кутузова съ офиціальнымъ извѣстіемъ объ оставленіи Москвы. Посланный этотъ былъ Французъ Мишо, не знавшій по-русски, но quoique étranger, Russe de coeur et d' ame,[1]) какъ онъ самъ говорилъ про себя.

Государь тотчасъ же принялъ посланнаго въ своемъ кабинетѣ, во дворцѣ Каменнаго острова. Мишо, который никогда не видалъ Москвы до кампаніи и который не зналъ

[1]) Хотя иностранецъ, но Русскій въ глубинѣ души.

по-русски, чувствовалъ себя все-таки растроганнымъ, когда онъ явился передъ notre très gracieux souverain (какъ онъ писалъ) съ извѣстіемъ о пожарѣ Москвы, dont les flammes eclairèent sa route [1]).

Хотя и источникъ chagrin г-на Мишо и долженъ былъ быть другой, чѣмъ тотъ, изъ котораго вытекало горе Русскихъ людей, Мишо имѣлъ такое печальное лицо, когда онъ былъ введенъ въ кабинетъ государя, что государь тотчасъ же спросилъ у него: M'apportez vous de tristes nouvelles, colonel [2])?

— Bien tristes, sire, отвѣчалъ Мишо, со вздохомъ опуская глаза, l'abandon de Moscou [3]).

— Aurait on livré mon ancienne capitale sans se battre [4]), вдругъ вспыхнувъ быстро, проговорилъ государь.

Мишо почтительно передалъ то, что̀ ему приказано было передать отъ Кутузова, именно то, что подъ Москвою драться не было возможности и что такъ какъ оставался одинъ выборъ — потерять армію и Москву, или одну Москву, то фельдмаршалъ долженъ былъ выбрать послѣднее.

Государь выслушалъ молча, не глядя на Мишо.

— L'ennemi est-il entré en ville? спросилъ онъ.

— Oui, sire, et elle est en cendres à l'heure qu'il est. Je l'ai laissée toute en flammes [5]), рѣшительно сказалъ Мишо; но взглянувъ на государя, Мишо ужаснулся тому, что̀ онъ сдѣлалъ. Государь тяжело и часто сталъ дышать, нижняя губа его задрожала, и прекрасные голубые глаза мгновенно увлажились слезами.

[1]) Пламя которой освѣщало его путь.

[2]) Какія извѣстія привезли вы мнѣ? Дурныя, полковникъ?

[3]) Очень дурныя, Ваше Величество, оставленіе Москвы.

[4]) Неужели предали мою древнюю столицу безъ битвы?

[5]) Непріятель вошелъ въ городъ?

— Да, Ваше Величество, и онъ обращенъ въ пожарище въ настоящее время. Я оставилъ его въ пламени.

Но это продолжалось только одну минуту. Государь вдругъ нахмурился, какъ бы осуждая самаго себя за свою слабость. И, приподнявъ голову, твердымъ голосомъ обратился къ Мишо:

— Je vois, colonel, par tout ce qui nous arrive, сказалъ онъ, que la Providence exige des grands sacrifices de nous... Je suis prêt à me soumettre à toutes Ses volontés; mais dites moi, Michaud, comment avez vous laissé l'armée, en voyant ainsi, sans coup ferir, abandonner mon ancienne capitale? N'avez vous pas aperçu du découragement?.. [1])

Увидавъ успокоеніе своего très gracieux souverain, Мишо тоже успокоился, но на прямой существенный вопросъ государя, требовавшій и прямаго отвѣта, онъ не успѣлъ еще приготовить отвѣта.

— Sire, me permettrez vous de vous parler franchement en loyal militaire? сказалъ онъ, чтобы выиграть время.

— Colonel, je l'exige toujours [2]), сказалъ государь. Ne me cachez rien, je veux savoir absolument ce qu'il en est [3]).

— Sire! сказалъ Мишо съ тонкой чуть замѣтной улыбкой на губахъ, успѣвъ приготовить свой отвѣтъ въ формѣ легкаго и почтительнаго jeu de mots. Sire! j'ai laissé toute l'armée depuis les chefs jusqu'au dernier soldat, sans exception, dans une crainte épouvantable, effrayante...

— Comment ça [4])? строго нахмурившись, перебилъ государь.

[1]) Я вижу, полковникъ по всему что̀ происходитъ, что Провидѣніе требуетъ отъ насъ большихъ жертвъ.... Я готовъ покориться Его волѣ; но скажите мнѣ, Мишо, какъ оставили вы армію, оставлявшую безъ битвы мою древнюю столицу? Не замѣтили ли вы въ ней упадка духа?

[2]) Государь, позволите ли вы мнѣ говорить откровенно, какъ подобаетъ настоящему воину?

— Полковникъ, я всегда этого требую.

[3]) Не скрывайте ничего, я непремѣнно хочу знать всю истинну.

[4]) Государь! Я оставилъ всю армію, начиная съ начальниковъ и до послѣдняго солдата, безъ исключенія, въ великомъ, отчаянномъ страхѣ. — Какъ это?

Mes Russes se laisseront'ils abattre pas le malheur... Jamais... [1]) Этого только и ждалъ Мишо для вставленія своей игры словъ.

— Sire, сказалъ онъ съ почтительной игривостью выраженія, ils craignent seulement que Votre Majesté par bonté de cœur ne se laisse persuader de faire la paix. Ils brûlent de combattre, говорилъ уполномоченный Русскаго народа, et de prouver à Votre Majesté par le sacrifice de leur vie, combien ils lui sont devoués... [2])

— Ah! успокоенно и съ ласковымъ блескомъ глазъ, сказалъ государь, ударяя по плечу Мишо. Vous me tranquilisez, colonel [3]). Государь, опустивъ голову, молчалъ нѣсколько времени.

— Eh bien, retournez à l' armée [4]), сказалъ онъ, выпрямляясь во весь ростъ и съ ласковымъ и величественнымъ жестомъ обращаясь къ Мишо, et dites à nos braves, dites à tous mes bons sujets partout où vous passerez, que quand je n'aurais plus aucun soldat, je me mettrai, moi même, à la tête de ma chère noblesse, de mes bons paysans et j' userai ainsi jusqu'à la dernière ressource de mon empire. Il m' en offre encore plus que mes ennemis ne pensent [5]), говорилъ государь, все болѣе и болѣе воодушевляясь. Mais si jamais il fut écrit dans les decrets de la Divine Providence [6]), сказалъ онъ, поднявъ свои

[1]) Мои Русскіе могутъ ли пасть духомъ передъ неудачей? Никогда!...

[2]) Государь, они боятся только того, чтобы Ваше Величество по добротѣ души своей не рѣшились заключить миръ. Они горятъ нетерпѣніемъ снова драться и доказать Вашему Величеству, жертвой своей жизни, на сколько они вамъ преданы!....

[3]) Вы меня успокоиваете, полковникъ.

[4]) Ну, возвращайтесь къ арміи.

[5]) И скажите храбрецамъ нашимъ, скажите всѣмъ моимъ подданнымъ, вездѣ гдѣ вы проѣдете, что когда у меня не будетъ больше ни одного солдата, я самъ стану во главѣ моихъ любезныхъ дворянъ и добрыхъ мужиковъ, и истощу такимъ образомъ послѣднія средства моего государства. Они больше, нежели думаютъ мои враги.

[6]) Но если бы предназначено было Божественнымъ Провидѣніемъ.

прекрасные, кроткіе и блестящіе чувствомъ глаза къ небу, que ma dinastie dut cesser de regner sur le trone de mes ancêtres, alors, après avoir epuisé tout les moyens qui sont en mon pouvoir, je me laisserai croitre la barbe jusqu'ici (государь показалъ рукой на половину груди), et j'irai manger des pommes de terre avec le dernier de mes paysans plutôt, que de signer la honte de ma patrie et de ma chère nation, dont je sais apprécier les sacrifices!.. [1]) Сказавъ эти слова взволнованнымъ голосомъ, государь вдругъ повернулся, какъ бы желая скрыть отъ Мишо выступившія ему на глаза слезы, и прошелъ въ глубь своего кабинета. Постоявъ тамъ нѣсколько мгновеній, онъ большими шагами вернулся къ Мишо, и сильнымъ жестомъ сжалъ его руку пониже локтя. Прекрасное, кроткое лицо государя раскраснѣлось, и глаза горѣли блескомъ рѣшимости и гнѣва.

— Colonel Michaud, n'oubliez pas ce que je vous dis ici; peut être qu'un jour nous nous le rappellerons avec plaisir... Napoleon ou moi, сказалъ государь, дотрогиваясь до груди. Nous ne pouvons plus regner ensemble. J'ai appris à le connaître, il ne me trompera plus...[2]) И государь нахмурившись замолчалъ. Услышавъ эти слова, увидавъ выраженіе твердой рѣшимости въ глазахъ государя, Мишо, quoique étranger, mais Russe de coeur et d'ame, почувствовалъ себя, въ эту торжественную минуту, entousiasmé par tout ce qu'il venait d'entendre (какъ онъ говорилъ впослѣдствіи), и

[1]) Чтобы династія наша перестала царствовать на престолѣ моихъ предковъ, тогда, истощивъ всѣ средства, которыя въ моихъ рукахъ, я отпущу бороду до сихъ поръ, и скорѣе пойду ѣсть одинъ картофель съ послѣднимъ изъ моихъ крестьянъ, нежели рѣшусь подписать позоръ моей родины и дорогаго народа, жертвы котораго я умѣю цѣнить.

[2]) Полковникъ Мишо, не забудьте, что я вамъ сказалъ здѣсь, можетъ быть мы когда нибудь вспомнимъ объ этомъ съ удовольствіемъ. Наполеонъ или я.... Мы больше не можемъ царствовать вмѣстѣ. Я узналъ его теперь, и онъ меня больше не обманетъ....

онъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ изобразилъ какъ свои чувства, такъ и чувства Русскаго народа, котораго онъ считалъ себя уполномоченнымъ.

— Sire! сказалъ онъ, Votre Majesté signe dans ce moment la gloire de la nation et le salut de l'Europe [1]).

Государь наклоненіемъ головы отпустилъ Мишо.

IV.

Въ то время, какъ Россія была до половины завоевана, и жители Москвы бѣжали въ дальнія губерніи, и ополченіе за ополченіемъ поднималось на защиту Отечества, невольно представляется намъ, не жившимъ въ то время, что всѣ Русскіе люди, отъ мала до велика, были заняты только тѣмъ, чтобы жертвовать собою, спасать отечество или плакать надъ его погибелью. Разсказы, описанія того времени всѣ безъ исключенія говорятъ только о самопожертвованіи, любви къ Отечеству, отчаяньи, горѣ и геройствѣ Русскихъ. Въ дѣйствительности же это такъ не было. Намъ кажется это только такъ потому, что мы видимъ изъ прошедшаго одинъ общій историческій интересъ того времени, и не видимъ всѣхъ тѣхъ личныхъ, человѣческихъ интересовъ, которые были у людей. А между тѣмъ въ дѣйствительности тѣ личные интересы настоящаго въ такой степени значительнѣе общихъ интересовъ, что изъ-за нихъ никогда не чувствуется (вовсе не замѣтенъ даже) интересъ общій. Большая часть людей того времени не обращали никакого вниманія на общій ходъ дѣлъ, а руководились только личными интересами настоящаго. И эти-то люди были самыми полезными дѣятелями того времени.

Тѣ же, которые пытались понять общій ходъ дѣлъ и съ

[1]) Государь! Ваше Величество подписываете въ эту минуту славу народа и спасеніе Европы!

самопожертвованіемъ и геройствомъ хотѣли участвовать въ немъ, были самые безполезные члены общества; они видѣли все на выворотъ, и все, что́ они дѣлали для пользы, оказывалось безполезнымъ вздоромъ, какъ полки Пьера, Мамонова, грабившіе Русскія деревни, какъ корпія, щипанная барынями и никогда не доходившая до раненыхъ и т. п. Даже тѣ, которые, любя поумничать и выразить свои чувства, толковали о настоящемъ положеніи Россіи, невольно носили въ рѣчахъ своихъ отпечатокъ или притворства и лжи, или безполезнаго осужденія и злобы на людей, обвиняемыхъ за то, въ чемъ никто не могъ быть виноватъ. Въ историческихъ событіяхъ очевиднѣе всего запрещеніе вкушенія плода древа познанія. Только одна безсознательная дѣятельность приноситъ плоды, и человѣкъ, играющій роль въ историческомъ событіи, никогда не понимаетъ его значенія. Ежели онъ пытается понять его, онъ поражается безплодностью.

Значеніе совершавшагося тогда въ Россіи событія тѣмъ незамѣтнѣе было, чѣмъ ближе было въ немъ участіе человѣка. Въ Петербургѣ и губерніяхъ отдаленныхъ отъ Москвы, дамы и мущины въ ополченскихъ мундирахъ оплакивали Россію и столицу и говорили о самопожертвованіи и т. п.; но въ арміи, которая отступала за Москву, почти не говорили и не думали о Москвѣ, и, глядя на ея пожарище, никто не клялся отмстить Французамъ, а думали о слѣдующей трети жалованья, о слѣдующей стоянкѣ, о Матрешкѣ-маркитанткѣ и тому подобное...

Николай Ростовъ безъ всякой цѣли самопожертвованія, а случайно, такъ какъ война застала его на службѣ, принималъ близкое и продолжительное участіе въ защитѣ Отечества и потому безъ отчаянія и мрачныхъ умозаключеній смотрѣлъ на то, что́ совершалось тогда въ Россіи. Ежели бы у него спросили, что́ онъ думаетъ о теперешнемъ положеніи Россіи, онъ бы сказалъ, что ему думать нѣчего, что на то есть Кутузовъ и другіе, а что онъ слышалъ, что комплектуютъ

полки и что должно быть драться еще долго будутъ и что при теперешнихъ обстоятельствахъ ему не мудрено чрезъ года два получить полкъ.

По тому, что онъ такъ смотрѣлъ на дѣло, онъ не только безъ сокрушенія о томъ, что лишается участія въ послѣдней борьбѣ, принялъ извѣстіе о назначеніи его въ командировку за ремонтомъ для дивизіи въ Воронежъ, но и съ величайшимъ удовольствіемъ, которое онъ не скрывалъ и которое весьма хорошо понимали его товарищи.

Нѣсколько дней до Бородинскаго сраженія, Николай получилъ деньги, бумаги и, пославъ впередъ гусаръ, на почтовыхъ поѣхалъ въ Воронежъ.

Только тотъ, кто испыталъ это, то-есть, пробылъ нѣсколько мѣсяцевъ, не переставая, въ атмосферѣ военной, боевой жизни, можетъ понять то наслажденіе, которое испытывалъ Николай, когда онъ выбрался изъ того района, до котораго достигали войска своими фуражировками, подвозами провіанта, гошпиталями; когда онъ, безъ солдатъ, фуръ, грязныхъ слѣдовъ присутствія лагеря, увидалъ деревни съ мужиками и бабами, помѣщичьи дома, поля съ пасущимся скотомъ, станціонные дома съ заснувшими смотрителями. Онъ почувствовалъ такую радость, какъ будто въ первый разъ все это видѣлъ. Въ особенности то, что́ долго удивляло и радовало его, это были женщины молодыя, здоровыя, за каждой изъ которыхъ не было десятка ухаживающихъ офицеровъ, и женщины, которыя рады и польщены были тому, что проѣзжій офицеръ шутитъ съ ними.

Въ самомъ веселомъ расположеніи духа, Николай ночью пріѣхалъ въ Воронежъ въ гостинницу, заказалъ все то, чего онъ долго лишенъ былъ въ арміи, и на другой день, чисто на чисто выбрившись и надѣвъ давно не надѣванную парадную форму, поѣхалъ являться къ начальству.

Начальникъ ополченія былъ статскій генералъ, старый человѣкъ, который видимо забавлялся своимъ военнымъ зва-

ніемъ и чиномъ. Онъ сердито (думая, что въ этомъ военное свойство) принялъ Николая и значительно, какъ бы имѣя на то право и какъ бы обсуживая общій ходъ дѣла, одобряя и не одобряя, разспрашивалъ его. Николай былъ такъ веселъ, что ему только забавно было это.

Отъ начальника ополченія онъ поѣхалъ къ губернатору. Губернаторъ былъ маленькій, живой человѣчекъ, весьма ласковый и простой. Онъ указалъ Николаю на тѣ заводы, въ которыхъ онъ могъ достать лошадей, рекомендовалъ ему барышника въ городѣ и помѣщика за 20 верстъ отъ города, у которыхъ были лучшія лошади, и обѣщалъ всякое содѣйствіе.

— Вы графа Ильи Андреевича сынъ? Моя жена очень дружна была съ вашей матушкой. По четвергамъ у меня собираются; ныньче четвергъ, милости прошу ко мнѣ за просто, сказалъ губернаторъ, отпуская его.

Прямо отъ губернатора Николай взялъ перекладную и, посадивъ съ собою вахмистра, поскакалъ за 20 верстъ на заводъ къ помѣщику. Все, въ это первое время пребыванія его въ Воронежѣ, было для Николая весело и легко, и все, какъ это бываетъ, когда человѣкъ самъ хорошо расположенъ, все ладилось и спорилось.

Помѣщикъ, къ которому пріѣхалъ Николай, былъ старый кавалеристъ-холостякъ, лошадиный знатокъ, охотникъ, владѣтель коверной, столѣтней запеканки, стараго венгерскаго и чудныхъ лошадей.

Николай въ два слова купилъ за 6 тысячъ 17 жеребцовъ на подборъ (какъ онъ говорилъ) для казоваго конца своего ремонта. Пообѣдавъ и выпивъ немножко лишняго венгерскаго, Ростовъ, разцѣловавшись съ помѣщикомъ, съ которымъ онъ уже сошелся на «ты», по отвратительной дорогѣ, въ самомъ веселомъ расположеніи духа, поскакалъ назадъ, безпрестанно погоняя ямщика съ тѣмъ, чтобы поспѣть на вечеръ къ губернатору.

Переодѣвшись, надушившись и обливъ голову холодной водой, Николай хотя нѣсколько поздно, но съ готовой фразой: vaut mieux tard que jamais, явился къ губернатору.

Это былъ не балъ, и не сказано было, что будутъ танцовать; но всѣ знали, что Катерина Петровна будетъ играть на клавикордахъ вальсы и экозесы, и что будутъ танцовать, и всѣ, разсчитывая на это, съѣхались по бальному.

Губернская жизнь въ 1812 году была точно такая же, какъ и всегда, только съ тою разницею, что въ городѣ было оживленнѣе по случаю прибытія многихъ богатыхъ семей изъ Москвы, и что, какъ и во всемъ, что́ происходило въ то время въ Россіи, замѣтна была какая-то особенная размашистость— море по колѣно, трынъ-трава въ жизни, да еще въ томъ, что тотъ пошлый разговоръ, который необходимъ между людьми и который прежде велся о погодѣ и объ общихъ знакомыхъ, теперь велся о Москвѣ, о войскѣ и Наполеонѣ.

Общество, собранное у губернатора, было лучшее общество Воронежа.

Дамъ было очень много, было нѣсколько Московскихъ знакомыхъ Николая; но мущинъ не было никого, кто бы сколько нибудь могъ соперничать съ Георгіевскимъ кавалеромъ, ремонтеромъ-гусаромъ и вмѣстѣ съ тѣмъ добродушнымъ и благовоспитаннымъ графомъ Ростовымъ. Въ числѣ мущинъ былъ одинъ плѣнный Итальянецъ-офицеръ Французской арміи, и Николай чувствовалъ, что присутствіе этого плѣннаго еще болѣе возвышало значеніе его — Русскаго героя. Это былъ какъ будто трофей. Николай чувствовалъ это, и ему казалось, что всѣ также смотрѣли на Итальянца, и Николай обласкалъ этого офицера съ достоинствомъ и воздержностью.

Какъ только вошелъ Николай въ своей гусарской формѣ, распространяя вокругъ себя запахъ духовъ и вина, и самъ сказалъ и слышалъ нѣсколько разъ сказанныя ему слова: vaut mieux tard que jamais, его обступили; всѣ взгляды обра-

тились на него, и онъ сразу почувствовалъ, что вступилъ въ подобающее ему въ губерніи и всегда пріятное, но теперь послѣ долгаго лишенія опьянившее его удовольствіемъ положеніе всеобщаго любимца. Не только на станціяхъ, постоялыхъ дворахъ и въ коверной помѣщика были льстившіяся его вниманіемъ служанки; но здѣсь, на вечерѣ губернатора, было (какъ показалось Николаю) неисчерпаемое количество молоденькихъ дамъ и дѣвицъ хорошенькихъ, которыя съ нетерпѣніемъ только ждали того, чтобы Николай обратилъ на нихъ вниманіе. Дамы и дѣвицы кокетничали съ нимъ, и старики съ перваго дня уже захлопотали о томъ, какъ бы женить и остепенить этого молодца-повѣсу гусара. Въ числѣ этихъ послѣднихъ была сама жена губернатора, которая приняла Ростова, какъ близкаго родственника и называла его «Nicolas» и «ты».

Катерина Петровна дѣйствительно стала играть вальсы и экосезы, и начались танцы, въ которыхъ Николай еще болѣе плѣнилъ своей ловкостью все губернское общество. Онъ удивилъ даже всѣхъ своей особенной, развязной манерой въ танцахъ. Николай самъ былъ нѣсколько удивленъ своей манерой танцовать въ этотъ вечеръ. Онъ никогда такъ не танцовалъ въ Москвѣ и счелъ бы даже неприличнымъ и mauvais genre такую слишкомъ развязную манеру танца; но здѣсь онъ чувствовалъ потребность удивить ихъ всѣхъ чѣмъ нибудь необыкновеннымъ, чѣмъ нибудь такимъ, которое они должны были принять за обыкновенное въ столицахъ, но неизвѣстное еще имъ въ провинціи.

Во весь вечеръ Николай обращалъ больше всего вниманія на голубоглазую, полную и миловидную блондинку, жену одного изъ губернскихъ чиновниковъ. Съ тѣмъ наивнымъ убѣжденіемъ развеселившихся молодыхъ людей, что чужія жены сотворены для нихъ, Ростовъ не отходилъ отъ этой дамы и дружески, нѣсколько заговорщически, обращался съ ея мужемъ, какъ будто они, хотя не говорили этого, но зна-

ли, какъ славно они сойдутся, то-есть, Николай съ женой этого мужа. Мужъ однако, казалось, не раздѣлялъ этого убѣжденія и старался мрачно обращаться съ Ростовымъ. Но добродушная наивность Николая была такъ безгранична, что иногда мужъ невольно поддавался веселому настроенію духа Николая. Къ концу вечера однако, по мѣрѣ того, какъ лицо жены становилось все румянѣе и оживленнѣе, лицо ея мужа становилось все грустнѣе и солиднѣе, какъ будто доля оживленія была одна на обоихъ, и по мѣрѣ того, какъ она увеличивалась въ женѣ, она уменьшалась въ мужѣ.

V.

Николай, съ несходящей улыбкой на лицѣ, нѣсколько изогнувшись на креслѣ, сидѣлъ, близко наклоняясь надъ блондинкой и говоря ей миѳологическіе комплименты.

Перемѣняя бойко положеніе ногъ въ натянутыхъ рейтузахъ, распространяя отъ себя запахъ духовъ и любуясь и своей дамой и собою и красивыми формами своихъ ногъ подъ натянутыми кичкирами, Николай говорилъ блондинкѣ, что онъ хочетъ здѣсь, въ Воронежѣ, похитить одну даму.

— Какую же?

— Прелестную, божественную. Глаза у нея (Николай посмотрѣлъ на собесѣдницу) голубые, ротъ—кораллы, бѣлизна... онъ глядѣлъ на плечи, станъ—Діаны...

Мужъ подошелъ къ нимъ и мрачно спросилъ у жены, о чемъ она говоритъ.

— А! Никита Иванычъ, сказалъ Николай, учтиво вставая. И какъ бы желая, чтобы Никита Иванычъ принялъ участіе въ его шуткахъ, онъ началъ и ему сообщать свое намѣреніе похитить одну блондинку.

Мужъ улыбался угрюмо, жена весело. Добрая губернаторша съ неодобрительнымъ видомъ подошла къ нимъ.

— Анна Игнатьевна хочетъ тебя видѣть, Nicolas, ска-

зала она, такимъ голосомъ выговаривая слова: Анна Игнатьевна, что Ростову сейчасъ стало понятно, что Анна Игнатьевна очень важная дама.—Пойдемъ, Nicolas. Вѣдь ты позволилъ такъ называть тебя?

— О да, ma tante. Ктожъ это?

— Анна Игнатьевна Мальвинцева. Она слышала о тебѣ отъ своей племянницы, какъ ты спасъ ее... Угадаешь?..

— Мало ли я ихъ тамъ спасалъ! сказалъ Николай.

— Ея племянницу, княжну Болконскую. Она здѣсь въ Воронежѣ съ теткой. Ого, какъ покраснѣлъ! Чтò, или?...

— И не думалъ, полноте, ma tante.

— Ну хорошо, хорошо. О! какой ты!

Губернаторша подводила его къ высокой и очень толстой старухѣ въ голубомъ токѣ, только что кончившей свою карточную партію съ самыми важными лицами въ городѣ. Это была Мальвинцева, тетка княжны Марьи по матери, богатая бездѣтная вдова, жившая всегда въ Воронежѣ. Она стояла разсчитываясь за карты, когда Ростовъ подошелъ къ ней. Она строго и важно прищурилась, взглянула на него и продолжала бранить генерала, выигравшаго у нея.—Очень рада, мой милый, сказала она, протянувъ ему руку. Милости прошу ко мнѣ.

Поговоривъ о княжнѣ Марьѣ и покойникѣ ея отцѣ, котораго видимо не любила Мальвинцева и разспросивъ о томъ, чтò Николай зналъ о князѣ Андреѣ, который тоже видимо не пользовался ея милостями, важная старуха отпустила его, повторивъ приглашеніе быть у нея.

Николай обѣщалъ и опять покраснѣлъ, когда откланивался Мальвинцевой. При упоминаніи о княжнѣ Марьѣ, Ростовъ испытывалъ непонятное для него самого чувство застѣнчивости, даже страха.

Отходя отъ Мальвинцевой, Ростовъ хотѣлъ вернуться къ танцамъ, но маленькая губернаторша положила свою пухленькую ручку на рукавъ Николая и сказавъ, что ей нуж-

но поговорить съ нимъ, повела его въ диванную, изъ которой бывшіе въ ней вышли тотчасъ же, чтобы не мѣшать губернаторшѣ.

— Знаешь, mon cher, сказала губернаторша съ серьезнымъ выраженіемъ маленькаго, добраго лица, — вотъ это тебѣ точно партія; хочешь я тебя сосватаю?

— Кого, ma tante? спросилъ Николай.

— Княжну сосватаю. Катерина Петровна говоритъ, что Лили, а по моему нѣтъ,—княжна. Хочешь? Я увѣрена, твоя maman благодарить будетъ. Право, какая дѣвушка, прелесть! И она совсѣмъ не такъ дурна.

— Совсѣмъ нѣтъ, какъ бы обидѣвшись сказалъ Николай. Я, ma tante, какъ слѣдуетъ солдату, никуда не напрашиваюсь и ни отъ чего не отказываюсь, сказалъ Ростовъ прежде чѣмъ онъ успѣлъ подумать о томъ, что̀ онъ говоритъ.

— Такъ помни же: это не шутка.

— Какая шутка!

— Да, да, какъ бы сама съ собою говоря, сказала губернаторша. А вотъ что, mon cher, entre autres. Vous étes trop assidu auprès de l' autre, la blonde. Мужъ ужъ жалокъ, право....

— Ахъ нѣтъ, мы съ нимъ друзья, въ простотѣ душевной сказалъ Николай: ему и въ голову не приходило, чтобы такое веселое препровожденіе времени для него могло бы быть для кого нибудь не весело.

— Что я за глупость сказалъ однако губернаторшѣ! вдругъ за ужиномъ вспомнилось Николаю. — Она точно сватать начнетъ, а Соня?... И, прощаясь съ губернаторшей, когда она, улыбаясь еще разъ, сказала ему:—Ну, такъ помни же— онъ отвелъ ее въ сторону:

— Но вотъ что, по правдѣ вамъ сказать, ma tante....

— Что, что мой другъ; пойдемъ вотъ тутъ сядемъ.

Николай вдругъ почувствовалъ желаніе и необходимость разсказать всѣ свои задушевныя мысли (такія, которыя и

не разсказалъ бы матери, сестрѣ, другу) этой почти чужой женщинѣ. Николаю потомъ, когда онъ вспоминалъ объ этомъ порывѣ ничѣмъ не вызванной, необъяснимой откровенности, которая имѣла однако для него очень важныя послѣдствія, казалось (какъ это и кажется всегда людямъ) что такъ, глупый стихъ нашелъ; а между тѣмъ этотъ порывъ откровенности, вмѣстѣ съ другими мелкими событіями, имѣлъ для него, и для всей семьи его, огромныя послѣдствія.

— Вотъ что, ma tante. Maman меня давно женить хочетъ на богатой; но мнѣ мысль одна эта противна, жениться изъ-за денегъ.

— О да, понимаю, сказала губернаторша.

— Но княжна Болконская, это другое дѣло; во первыхъ я вамъ правду скажу, она мнѣ очень нравится, она по сердцу мнѣ, и потомъ, послѣ того какъ я ее встрѣтилъ въ такомъ положеніи, такъ странно, мнѣ часто въ голову приходило: это судьба. Особенно подумайте: maman давно объ этомъ думала, но прежде мнѣ ее не случалось встрѣчать, какъ то все такъ случалось: не встрѣчались. И во время, когда моя сестра Наташа была невѣстой ея брата, вѣдь тогда мнѣ бы нельзя было думать жениться на ней. Надо же, чтобы я ее встрѣтилъ именно тогда, когда Наташина свадьба разстроилась, ну и потомъ все.... Да вотъ что. Я никому не говорилъ этого и не скажу. А вамъ только.

Губернаторша пожала его благодарно за локоть.

— Вы знаете Софи, кузину? Я люблю ее, я обѣщалъ жениться и женюсь на ней.... Поэтому вы видите, что про это не можетъ быть и рѣчи, нескладно и краснѣя говорилъ Николай.

— Mon cher, mon cher, какъ же ты судишь? Да вѣдь у Софи ничего нѣтъ, а ты самъ говорилъ, что дѣла твоего папа очень плохи. А твоя maman? Это убьетъ ее, разъ. Потомъ Софи, ежели она дѣвушка съ сердцемъ, какая жизнь

для нея будетъ? Мать въ отчаяньи, дѣла разстроены... Нѣтъ, mon cher, ты и Софи должны понять это.

Николай молчалъ. Ему пріятно было слышать эти выводы.

— Все таки, ma tante, этого не можетъ быть, со вздохомъ сказалъ онъ, помолчавъ немного.

— Да пойдетъ ли еще за меня княжна, и опять она теперь въ трауръ. Развѣ можно объ этомъ думать!

— Да развѣ ты думаешь, что я тебя сейчасъ и женю. Il y a manière et manière, сказала губернаторша.

— Какая вы сваха, ma tante... сказалъ Nicolas, цѣлуя ея пухлую ручку.

VI.

Пріѣхавъ въ Москву послѣ своей встрѣчи съ Ростовымъ, княжна Марья нашла тамъ своего племянника съ гувернеромъ и письмо отъ князя Андрея, который предписывалъ имъ ихъ маршрутъ въ Воронежъ, къ тетушкѣ Мальвинцевой. Заботы о переѣздѣ, безпокойство о братѣ, устройство жизни въ новомъ домѣ, новыя лица, воспитаніе племянника,—все это заглушило въ душѣ княжны Марьи то чувство какъ будто искушенія, которое мучило ее во время болѣзни и послѣ кончины ея отца, и въ особенности послѣ встрѣчи съ Ростовымъ. Она была печальна. Впечатлѣніе потери отца, соединявшееся въ ея душѣ съ погибелью Россіи, теперь, послѣ мѣсяца прошедшаго съ тѣхъ поръ въ условіяхъ покойной жизни, все сильнѣе и сильнѣе чувствовалось ей. Она была тревожна: мысль объ опасностяхъ, которымъ подвергался ея братъ—единственный близкій человѣкъ оставшійся у нея, мучила ее безпрестанно. Она была озабочена воспитаніемъ племянника, для котораго она чувствовала себя постоянно неспособной; но въ глубинѣ души ея было согласіе съ самой собою, вытекавшее изъ сознанія

того, что она задавила въ себѣ поднявшіяся, было связанныя съ появленіемъ Ростова, личныя мечтанія и надежды.

Когда на другой день послѣ своего вечера, губернаторша пріѣхала къ Мальвинцевой и, переговоривъ съ теткой о своихъ планахъ (сдѣлавъ оговорку о томъ, что хотя при теперешнихъ обстоятельствахъ нельзя и думать о формальномъ сватовствѣ, все таки можно свести молодыхъ людей, дать имъ узнать другъ друга), и когда, получивъ одобреніе тетки, губернаторша при княжнѣ Марьѣ заговорила о Ростовѣ, хваля его и разсказывая, какъ онъ покраснѣлъ при упоминаніи о княжнѣ, княжна Марья испытала не радостное, но болѣзненное чувство: внутреннее согласіе ея не существовало болѣе, и опять поднялись желанія, сомнѣнія, упреки и надежды.

Въ тѣ два дня, которые прошли со времени этого извѣстія и до посѣщенія Ростова, княжна Марья не переставая думала о томъ, какъ ей должно держать себя въ отношеніи Ростова. То она рѣшала, что она не выйдетъ въ гостиную, когда онъ пріѣдетъ къ теткѣ, что ей, въ ея глубокомъ траурѣ, не прилично принимать гостей; то она думала, что это будетъ грубо послѣ того, что̀ онъ сдѣлалъ для нея; то ей приходило въ голову, что ея тетка и губернаторша имѣютъ какіе-то виды на нее и Ростова (ихъ взгляды и слова иногда, казалось, подтверждали это предположеніе); то она говорила себѣ, что только она съ своей порочностью могла думать это про нихъ: не могли онѣ не помнить, что въ ея положеніи, когда еще она не сняла плерезы, такое сватовство было бы оскорбительно и ей и памяти ея отца. Предполагая, что она выйдетъ къ нему, княжна Марья придумывала тѣ слова, которыя онъ скажетъ ей и которыя она скажетъ ему; и то слова эти казалися ей незаслуженно-холодными, то имѣющими слишкомъ большое значеніе. Больше же всего она при свиданіи съ нимъ

боялась за смущеніе, которое, она чувствовала, должно было овладѣть ею и выдать ее, какъ скоро она его увидитъ.

Но когда, въ Воскресенье послѣ обѣдни, лакей доложилъ въ гостиной, что пріѣхалъ графъ Ростовъ, княжна не высказала смущенія; только легкій румянецъ выступилъ ей на щеки, и глаза освѣтились новымъ, лучистымъ свѣтомъ.

— Вы его видѣли, тетушка? сказала княжна Марья спокойнымъ голосомъ, сама не зная, какъ это она могла быть такъ наружно спокойна и естественна.

Когда Ростовъ вошелъ въ комнату, княжна опустила на мгновенье голову, какъ бы предоставляя время гостю поздороваться съ теткой, и потомъ, въ самое то время, какъ Николай обратился къ ней, она подняла голову и блестящими глазами встрѣтила его взглядъ. Полнымъ достоинства и граціи движеніемъ она съ радостной улыбкой приподнялась, протянула ему свою тонкую, нѣжную руку и заговорила голосомъ, въ которомъ въ первый разъ звучали новые, женскіе, грудные звуки. M—lle Bourienne, бывшая въ гостиной, съ недоумѣвающимъ удивленіемъ смотрѣла на княжну Марью. Самая искусная кокетка, она сама не могла бы лучше маневрировать при встрѣчѣ съ человѣкомъ, которому надо было понравиться.

«Или ей черное такъ къ лицу, или дѣйствительно она такъ похорошѣла, и я не замѣтила. И главное этотъ тактъ и грація!» думала M—lle Bourienne.

Ежели бы княжна Марья въ состояніи была думать въ эту минуту, она еще болѣе чѣмъ M—lle Bourienne удивилась бы перемѣнѣ, происшедшей въ ней. Съ той минуты какъ она увидала это милое, любимое лицо, какая-то новая сила жизни овладѣла ею и заставляла ее, помимо ея воли, говорить и дѣйствовать. Лицо ея, съ того времени какъ вошелъ Ростовъ, вдругъ преобразилось. Какъ вдругъ съ неожиданной поражающей красотой выступаетъ на стѣнкахъ расписнаго и рѣзнаго фонаря, та сложная, искусная худо-

жественная работа, казавшаяся прежде грубою, темною и безсмысленною, когда зажигается свѣтъ внутри: такъ вдругъ преобразилось лицо княжны Марьи. Въ первый разъ и вся та чистая, духовная, внутренняя работа, которою она жила до сихъ поръ, выступила наружу. Вся ея внутренняя, не довольная собой работа, ея страданія, стремленіе къ добру, покорность, любовь, самопожертвованіе— все это свѣтилось теперь въ этихъ лучистыхъ глазахъ, въ тонкой улыбкѣ, въ каждой чертѣ ея нѣжнаго лица.

Ростовъ увидалъ все это также ясно, какъ будто онъ зналъ всю ея жизнь. Онъ чувствовалъ, что существо бывшее передъ нимъ было совсѣмъ другое, лучшее, чѣмъ всѣ тѣ, которыя онъ встрѣчалъ до сихъ поръ, и лучшее, главное, чѣмъ онъ самъ.

Разговоръ былъ самый простой и незначительный. Они говорили о войнѣ, невольно, какъ и всѣ, преувеличивая свою печаль объ этомъ событіи, говорили о послѣдней встрѣчѣ, при чемъ Николай старался отклонить разговоръ на другой предметъ, говорили о доброй губернаторшѣ, о родныхъ Николая и княжны Марьи.

Княжна Марья не говорила о братѣ, отвлекая разговоръ на другой предметъ, какъ только тетка ея заговаривала объ Андреѣ. Видно было, что о несчастіяхъ Россіи она могла говорить притворно, но братъ ея былъ предметъ слишкомъ близкій ея сердцу, и она не хотѣла и не могла слегка говорить о немъ. Николай замѣтилъ это, какъ онъ вообще съ несвойственной ему проницательной наблюдательностью замѣчалъ всѣ оттѣнки характера княжны Марьи, которые всѣ только подтверждали его убѣжденіе, что она была совсѣмъ особенное и необыкновенное существо. Николай, точно также какъ и княжна Марья, краснѣлъ и смущался, когда ему говорили про княжну и даже когда онъ думалъ о ней, но въ ея присутствіи чувствовалъ себя совершенно свободнымъ и говорилъ совсѣмъ не то что̀ онъ приготавливалъ,

а то что̀ мгновенно и всегда кстати приходило ему въ голову.

Во время короткаго визита Николая, какъ и всегда, гдѣ есть дѣти, въ минуту молчанія, Николай прибѣгъ къ маленькому сыну князя Андрея, лаская его и спрашивая, хочетъ ли онъ быть гусаромъ? Онъ взялъ на руки мальчика, весело сталъ вертѣть его и оглянулся на княжну Марью. Умиленный, счастливый и робкій взглядъ слѣдилъ за любимымъ ею мальчикомъ на рукахъ любимаго человѣка. Николай замѣтилъ и этотъ взглядъ и, какъ бы понявъ его значеніе, покраснѣлъ отъ удовольствія и добродушно весело сталъ цѣловать мальчика.

Княжна Марья не выѣзжала по случаю траура, а Николай не считалъ приличнымъ бывать у нихъ; но губернаторша все таки продолжала свое дѣло сватовства и, передавъ Николаю то лестное, что̀ сказала про него княжна Марья и обратно, настаивала на томъ, чтобы Ростовъ объяснился съ княжной Марьей. Для этого объясненія она устроила свиданье между молодыми людьми у архіерея передъ обѣдней.

Хотя Ростовъ и сказалъ губернаторшѣ, что онъ не будетъ имѣть никакого объясненія съ княжной Марьей, но онъ обѣщался пріѣхать.

Какъ въ Тильзитѣ Ростовъ не позволилъ себѣ усумниться въ томъ, хорошо ли то, что̀ признано всѣми хорошимъ, точно также и теперь, послѣ короткой, но искренней борьбы между попыткой устроить свою жизнь по своему разуму и смиреннымъ подчиненіемъ обстоятельствамъ, онъ выбралъ послѣднее и предоставилъ себя той власти, которая его (онъ это чувствовалъ) непреодолимо влекла куда-то. Онъ зналъ, что, обѣщавъ Сонѣ, высказать свои чувства княжнѣ Марьѣ, было бы то, что̀ онъ называлъ подлость. И онъ зналъ, что подлости никогда не сдѣлаетъ. Но онъ зналъ тоже (и не то, что зналъ, а въ глубинѣ души чувствовалъ) что, отдаваясь

теперь во власть обстоятельствъ и людей, руководившихъ имъ, онъ не только не дѣлаетъ ничего дурнаго, но дѣлаетъ что-то очень, очень важное, такое важное, чего онъ еще никогда не дѣлалъ въ жизни.

Послѣ его свиданья съ княжной Марьей, хотя образъ жизни его наружно оставался тотъ же, но всѣ прежнія удовольствія потеряли для него свою прелесть, и онъ часто думалъ о кн. Марьѣ; но онъ никогда не думалъ о ней такъ, какъ онъ безъ исключенія думалъ о всѣхъ барышняхъ встрѣчавшихся ему въ свѣтѣ, не такъ, какъ онъ долго и когда-то съ восторгомъ думалъ о Сонѣ. О всѣхъ барышняхъ, какъ и почти всякій честный, молодой человѣкъ, онъ думалъ какъ о будущей женѣ, примѣривалъ въ своемъ воображеніи къ нимъ всѣ условія супружеской жизни—бѣлый капотъ, жена за самоваромъ, женина карета, ребятишки, maman и papa, ихъ отношенія съ ней и т. д. и т. д., и эти представленія будущаго доставляли ему удовольствіе; но когда онъ думалъ о княжнѣ Марьѣ, на которой его сватали, онъ никогда не могъ ничего представить себѣ изъ будущей супружеской жизни. Ежели онъ и пытался, то все выходило нескладно и фальшиво. Ему только становилось жутко.

VII.

Страшное извѣстіе о Бородинскомъ сраженіи, о нашихъ потеряхъ убитыми и ранеными, а еще болѣе страшное извѣстіе о потерѣ Москвы были получены въ Воронежѣ въ половинѣ Сентября. Княжна Марья, узнавъ только изъ газетъ о ранѣ брата и не имѣя о немъ никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній, собралась ѣхать отыскивать князя Андрея, какъ слышалъ Николай (самъ же онъ не видалъ ея).

Получивъ извѣстіе о Бородинскомъ сраженіи и объ оставленіи Москвы, Ростовъ не то чтобы испытывалъ отчаяніе,

злобу или месть и тому подобныя чувства, но ему вдругъ все стало скучно, досадно въ Воронежѣ, все какъ-то совѣстно и неловко. Ему казались притворными всѣ разговоры, которые онъ слышалъ; онъ не зналъ, какъ судить про все это и чувствовалъ, что только въ полку все ему опять станетъ ясно. Онъ торопился окончаніемъ покупки лошадей, и часто несправедливо приходилъ въ горячность съ своимъ слугой и вахмистромъ.

Нѣсколько дней предъ отъѣздомъ Ростова, въ соборѣ было назначено молебствіе по случаю побѣды, одержанной Русскими войсками, и Николай поѣхалъ къ обѣднѣ. Онъ сталъ нѣсколько позади губернатора и съ служебной степенностью, размышляя о самыхъ разнообразныхъ предметахъ, выстоялъ службу. Когда молебствіе кончилось, губернаторша подозвала его къ себѣ.

— Ты видѣлъ княжну? сказала она, головой указывая на даму въ черномъ, стоявшую за клиросомъ.

Николай тотчасъ же узналъ княжну Марью не столько по профилю ея, который виднѣлся изъ-подъ шляпы, сколько по тому чувству осторожности, страха и жалости, которое тотчасъ же охватило его. Княжна Марья, очевидно погруженная въ свои мысли, дѣлала послѣдніе кресты передъ выходомъ изъ церкви.

Николай съ удивленіемъ смотрѣлъ на ея лицо. Это было тоже лицо, которое онъ видѣлъ прежде, тоже было въ немъ общее выраженіе тонкой, внутренней, духовной работы; но теперь оно было совершенно иначе освѣщено. Трогательное выраженіе печали, мольбы и надежды было на немъ. Какъ и прежде бывало съ Николаемъ въ ея присутствіи, онъ, не дожидаясь совѣта губернаторши подойти къ ней, не спрашивая себя хорошо ли, прилично ли или нѣтъ будетъ его обращеніе къ ней здѣсь въ церкви, подошелъ къ ней и сказалъ, что онъ слышалъ о ея горѣ и всей ду-

шой соболѣзнуетъ ему. Едва только она услыхала его голосъ, какъ вдругъ яркій свѣтъ загорѣлся въ ея лицѣ, освѣщая въ одно и тоже время и печаль ея и радость.

— Я одно хотѣлъ вамъ сказать, княжна, сказалъ Ростовъ, это то, что ежели бы князь Андрей Николаевичъ не былъ бы живъ, то, какъ полковой командиръ, въ газетахъ это сейчасъ было бы объявлено.

Княжна смотрѣла на него, не понимая его словъ, но радуясь выраженію сочувствующаго страданія, которое было въ его лицѣ.

— И я столько примѣровъ знаю, что рана осколкомъ (въ газетахъ сказано гранатой), бываетъ или смертельна сейчасъ же, или напротивъ очень легкая, говорилъ Николай. Надо надѣяться на лучшее, и я увѣренъ....

Княжна Марья перебила его.

— О, это было бы такъ ужа... начала она и, не договоривъ отъ волненія, граціозпымъ движеніемъ (какъ и все, что она дѣлала при немъ) наклонивъ голову и благодарно взглянувъ на него, пошла за теткой.

Вечеромъ этого дня Николай никуда не поѣхалъ въ гости и остался дома съ тѣмъ, чтобы покончить нѣкоторые счеты съ продавцами лошадей. Покончивъ дѣла, было уже поздно, чтобы ѣхать куда нибудь, но было еще рано, чтобы ложиться спать, и Николай долго одинъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, обдумывая свою жизнь, что съ нимъ рѣдко случалось.

Княжна Марья произвела на него пріятное впечатлѣніе подъ Смоленскомъ. То, что онъ встрѣтилъ ее тогда въ такихъ особенныхъ условіяхъ, и то, что именно на нее одно время его мать указывала ему какъ на богатую партію, сдѣлали то, что онъ обратилъ на нее особенное вниманіе. Въ Воронежѣ, во время его посѣщенія, впечатлѣніе это было не только пріятное, но сильное. Николай былъ пораженъ

той особенной, нравственной красотой, которую онъ въ этотъ разъ замѣтилъ въ ней. Однако онъ собирался уѣзжать, и ему въ голову не приходило пожалѣть о томъ, что, уѣзжая изъ Воронежа, онъ лишается случая видѣть княжну. Но нынѣшняя встрѣча съ княжной Марьей въ церкви (Николай чувствовалъ это), засѣла ему глубже въ сердце, чѣмъ онъ это предвидѣлъ, и глубже, чѣмъ онъ желалъ для своего спокойствія. Это блѣдное, тонкое, печальное лицо, этотъ лучистый взглядъ, эти тихія, граціозныя движенія и главное—эта глубокая и нѣжная печаль, выражавшаяся во всѣхъ чертахъ ея, тревожили его и требовали его участія. Въ мущинахъ Ростовъ терпѣть не могъ видѣть выраженіе высшей, духовной жизни (оттого онъ не любилъ князя Андрея), онъ презрительно называлъ это философіей, мечтательностью; но въ княжнѣ Марьѣ именно въ этой печали, выказывавшей всю глубину этого чуждаго для Николая духовнаго міра, онъ чувствовалъ неотразимую привлекательность.

«Чудная должна быть дѣвушка! Вотъ именно ангелъ!» говорилъ онъ самъ съ собою. «Отчего я не свободенъ, отчего я поторопился съ Соней?»—И невольно ему представилось сравненіе между двумя: бѣдность въ одной и богатство въ другой тѣхъ духовныхъ даровъ, которыхъ не имѣлъ Николай и которые потому онъ такъ высоко цѣнилъ. Онъ попробовалъ себѣ представить, что̀ бы было, если бы онъ былъ свободенъ. Какимъ образомъ онъ сдѣлалъ бы ей предложеніе, и она стала бы его женою? Нѣтъ, онъ не могъ себѣ представить этого. Ему дѣлалось жутко, и никакіе ясные образы не представлялись ему. Съ Соней онъ давно уже составилъ себѣ будущую картину, и все это было просто и ясно, именно потому, что все это было выдумано, и онъ зналъ все, что̀ было въ Сонѣ; но съ княжной Марьей нельзя было себѣ представить будущей жизни, потому что онъ не понималъ ея, а только любилъ.

Мечтанія о Сонѣ имѣли въ себѣ что-то веселое, игрушечное. Но думать о княжнѣ Марьѣ всегда было трудно и немного страшно.

«Какъ она молилась!» вспомнилъ онъ. «Видно было, что вся душа ея была въ молитвѣ. Да, это та молитва, которая сдвигаетъ горы, и я увѣренъ, что молитва ея будетъ исполнена. Отчего я не молюсь о томъ, что̀ мнѣ нужно?» вспомнилъ онъ. «Что мнѣ нужно? Свободы, развязки съ Соней. Она правду говорила»—вспомнилъ онъ слова губернаторши,—кромѣ несчастья ничего не будетъ изъ того, что я женюсь на ней. Путаница, горе maman.... дѣла...., путаница, страшная путаница! Да я и не люблю ея. Да, не такъ люблю, какъ надо. Боже мой! выведи меня изъ этого ужаснаго, безвыходнаго положенія!» началъ онъ вдругъ молиться. «Да, молитва сдвинетъ гору, но надо вѣрить и не такъ молиться, какъ мы дѣтьми молились съ Наташей о томъ, чтобы снѣгъ сдѣлался сахаромъ и выбѣгали на дворъ пробовать, дѣлается ли изъ снѣгу сахаръ. Нѣтъ, но я не о пустякахъ молюсь теперь», сказалъ онъ, ставя въ уголъ трубку и, сложивъ руки, становясь передъ образомъ. И умиленный воспоминаніемъ о княжнѣ Марьѣ, онъ началъ молиться такъ, какъ онъ давно не молился. Слезы у него были на глазахъ и въ горлѣ, когда въ дверь вошелъ Лаврушка съ какими-то бумагами.

— Дуракъ! что лѣзешь, когда тебя не спрашиваютъ! сказалъ Николай, быстро перемѣняя положеніе.

— Отъ губернатора, заспаннымъ голосомъ сказалъ Лаврушка,—курьеръ пріѣхалъ, письмо вамъ.

— Ну, хорошо, спасибо, ступай!

Николай взялъ два письма. Одно было отъ матери, другое отъ Сони. Онъ узналъ ихъ по почеркамъ и распечаталъ первое письмо Сони. Не успѣлъ онъ прочесть нѣсколькихъ строкъ, какъ лицо его поблѣднѣло, и глаза его испуганно и радостно раскрылись.

— Нѣтъ, это не можетъ быть! проговорилъ онъ вслухъ. Не въ силахъ сидѣть на мѣстѣ, онъ съ письмомъ въ рукахъ, читая его, сталъ ходить по комнатѣ. Онъ пробѣжалъ письмо, потомъ прочелъ его разъ, другой и, поднявъ плечи и разведя руками, онъ остановился посреди комнаты съ открытымъ ртомъ и остановившимися глазами. То, о чемъ онъ только что молился съ увѣренностью, что Богъ исполнитъ его молитву, было исполнено; но Николай былъ удивленъ этимъ такъ, какъ будто это было что-то необыкновенное и какъ будто онъ никогда не ожидалъ этого, и какъ будто именно то, что это такъ быстро совершилось, доказывало то, что это происходило не отъ Бога, Котораго онъ просилъ, а отъ обыкновенной случайности.

Тотъ, казавшійся неразрѣшимымъ узелъ, который связывалъ свободу Ростову, былъ разрѣшенъ этимъ неожиданнымъ (какъ казалось Николаю) ничѣмъ не вызваннымъ письмомъ Сони. Она писала, что послѣднія, несчастныя обстоятельства, потеря почти всего имущества Ростовыхъ въ Москвѣ, и не разъ высказываемыя желанія графини о томъ, чтобы Николай женился на княжнѣ Болконской, и его молчаніе и холодность за послѣднее время, все это вмѣстѣ заставило ее рѣшиться отречься отъ его обѣщаній и дать ему полную свободу.

«Мнѣ слишкомъ тяжело было думать, что я могу быть причиной горя или раздора въ семействѣ, которое меня облагодѣтельствовало»,—писала она, — «и любовь моя имѣетъ одною цѣлью счастье тѣхъ, кого я люблю; и потому я умоляю васъ, Nicolas, считать себя свободнымъ и знать, что, не смотря ни на что, никто сильнѣе не можетъ васъ любить, какъ ваша Соня».

Оба письма были изъ Троицы. Другое письмо было отъ графини. Въ письмѣ этомъ описывались послѣдніе дни въ Москвѣ, выѣздъ, пожаръ и погибель всего состоянія. Въ

письмѣ этомъ между прочимъ графиня писала о томъ, что князь Андрей въ числѣ раненыхъ ѣхалъ вмѣстѣ съ ними. Положеніе его было очень опасно, но теперь докторъ говоритъ, что есть больше надежды. Соня и Наташа какъ сидѣлки ухаживаютъ за нимъ.

Съ этимъ письмомъ на другой день Николай поѣхалъ къ княжнѣ Марьѣ. Ни Николай, ни княжна Марья ни слова не сказали о томъ, что̀ могли означать слова: «Наташа ухаживаетъ за нимъ»; но благодаря этому письму, Николай вдругъ сблизился съ княжной въ почти родственныя отношенія.

На другой день Ростовъ проводилъ княжну Марью въ Ярославль и черезъ нѣсколько дней самъ уѣхалъ въ полкъ.

VIII.

Письмо Сони къ Николаю, бывшее осуществленіемъ его молитвы, было написано изъ Троицы. Вотъ чѣмъ оно было вызвано. Мысль о женитьбѣ Николая на богатой невѣстѣ все больше и больше занимала старую графиню. Она знала, что Соня была главнымъ препятствіемъ для этого. И жизнь Сони, послѣднее время, въ особенности послѣ письма Николая, описывавшаго свою встрѣчу въ Богучаровѣ съ княжной Марьей, становилась тяжелѣе и тяжелѣе въ домѣ графини. Графиня не пропускала ни одного случая для оскорбительнаго или жестокаго намека Сонѣ.

Но нѣсколько дней передъ выѣздомъ изъ Москвы, растроганная и взволнованная всѣмъ тѣмъ что̀ происходило, графиня, призвавъ къ себѣ Соню, вмѣсто упрековъ и требованій, со слезами обратилась къ ней съ мольбой о томъ, чтобы она, пожертвовавъ собой, отплатила бы за все, что̀ было для нея сдѣлано, тѣмъ, чтобы разорвала свои связи съ Николаемъ.

— Я не буду покойна до тѣхъ поръ, пока ты мнѣ дашь это обѣщаніе.

Соня разрыдалась истерически, отвѣчала сквозь рыданія, что она сдѣлаетъ все, что она на все готова, но не дала прямаго обѣщанія, и въ душѣ своей не могла рѣшиться на то, что̀ отъ нея требовали. Надо было жертвовать собой для счастья семьи, которая вскормила и воспитала ее. Жертвовать собой для счастья другихъ было привычкой Сони. Ея положеніе въ домѣ было таково, что только на пути жертexecution ванья она могла выказывать свои досто́инства, и она привыкла и любила жертвовать собой. Но прежде, во всѣхъ дѣйствіяхъ самопожертрованья, она съ радостью сознавала, что она, жертвуя собой, этимъ самымъ возвышаетъ свою цѣну въ глазахъ себя и другихъ, и становится болѣе достойною Nicolas, котораго она любила больше всего въ жизни; но теперь жертва ея должна была состоять въ томъ, чтобы отказаться отъ того, что̀ для нея составляло всю награду жертвы, весь смыслъ жизни. И въ первый разъ въ жизни она почувствовала горечь къ тѣмъ людямъ, которые облагодѣтельствовали ее для того, чтобы больнѣе замучить; почувствовала зависть къ Наташѣ, никогда не испытывавшей ничего подобнаго, никогда не нуждавшейся въ жертвахъ и заставлявшей другихъ жертвовать себѣ, и все таки всѣми любимой. И въ первый разъ Соня почувствовала, какъ изъ ея тихой, чистой любви къ Nicolas, вдругъ начинало выростать страстное чувство, которое стояло выше и правилъ, и добродѣтели, и религіи; и подъ вліяніемъ этого чувства, Соня, невольно выученная своею зависимою жизнью скрытности, въ общихъ неопредѣленныхъ словахъ отвѣтивъ графинѣ, избѣгала съ ней разговоровъ и рѣшилась ждать свиданія съ Николаемъ съ тѣмъ, чтобы въ этомъ свиданіи не освободить, но, напротивъ, навсегда связать себя съ нимъ.

Хлопоты и ужасъ послѣднихъ дней пребыванія Ростовыхъ

въ Москвѣ заглушили въ Сонѣ тяготившія ея мрачныя мысли. Она рада была находить спасеніе отъ нихъ въ практической дѣятельности. Но когда она узнала о присутствіи въ ихъ домѣ князя Андрея, несмотря на всю искреннюю жалость, которую она испытала къ нему и къ Наташѣ, радостное и суевѣрное чувство того, что Богъ не хочетъ того, чтобы она была разлучена съ Nicolas, охватило ее. Она знала, что Наташа любила одного князя Андрея и не переставала любить его. Она знала, что теперь сведенные вмѣстѣ, при такихъ страшныхъ условіяхъ, они снова полюбятъ другъ друга и что тогда Николаю вслѣдствіе родства, которое будетъ между ними, нельзя будетъ жениться на княжнѣ Марьѣ. Несмотря на весь ужасъ всего происходившаго въ послѣдніе дни и во время первыхъ дней путешествія, это чувство, это сознаніе вмѣшательства Провидѣнія въ ея личныя дѣла, радовало Соню.

Въ Троицкой Лаврѣ Ростовы сдѣлали первую днёвку въ своемъ путешествіи.

Въ гостинницѣ Лавры Ростовымъ были отведены три большія комнаты, изъ которыхъ одну занималъ князь Андрей. Раненому было въ этотъ день гораздо лучше. Наташа сидѣла съ нимъ. Въ сосѣдней комнатѣ сидѣли графъ и графиня, почтительно бесѣдуя съ настоятелемъ, посѣтившимъ своихъ давнишнихъ знакомыхъ и вкладчиковъ. Соня сидѣла тутъ же, и ее мучило любопытство о томъ, о чемъ говорили князь Андрей съ Наташей. Она изъ-за двери слушала звуки ихъ голосовъ. Дверь комнаты кн. Андрея отворилась. Наташа съ взволнованнымъ лицомъ вышла оттуда и, не замѣчая приподнявшагося ей на встрѣчу и взявшагося за широкій рукавъ правой руки монаха, подошла къ Сонѣ и взяла ее за руку.

— Наташа, что ты? Поди сюда, сказала графиня.

Наташа подошла подъ благословенье, и настоятель по-

совѣтовалъ обратиться за помощью къ Богу и Его Угоднику.

Тотчасъ послѣ ухода настоятеля, Наташа взяла за руку свою подругу и пошла съ ней въ пустую комнату.

— Соня, да? онъ будетъ живъ? сказала она. — Соня, какъ я счастлива и какъ я несчастна! Соня, голубчикъ, — все по старому. Только бы онъ былъ живъ. Онъ не можетъ... потому что, потому.... что.... и Наташа расплакалась.

— Такъ! Я знала это! Слава Богу, проговорила Соня. Онъ будетъ живъ!

Соня была взволнована не меньше своей подруги, и ея страхомъ и горемъ, и своими личными, никому не высказанными мыслями. Она рыдая цѣловала, утѣшала Наташу. «Только бы онъ былъ живъ!» думала она. Поплакавъ, поговоривъ и отеревъ слезы, обѣ подруги подошли къ двери князя Андрея. Наташа, осторожно отворивъ двери, заглянула въ комнату. Соня рядомъ съ ней стояла у полуотворенной двери.

Князь Андрей лежалъ высоко на трехъ подушкахъ. Блѣдное лицо его было покойно, глаза закрыты, и видно было, какъ онъ ровно дышалъ.

— Ахъ, Наташа! вдругъ почти вскрикнула Соня, хватаясь за руку своей кузины и отступая отъ двери.

— Что? что? спросила Наташа.

— Это то, то, вотъ.... сказала Соня съ блѣднымъ лицомъ и дрожащими губами.

Наташа тихо затворила дверь и отошла съ Соней къ окну, не понимая еще того, что̀ ей говорили.

— Помнишь ты, съ испуганнымъ и торжественнымъ лицомъ говорила Соня, помнишь, когда я за тебя въ зеркало смотрѣла.... Въ Отрадномъ, на святкахъ... Помнишь, что̀ я видѣла?...

— Да, да, широко раскрывая глаза, сказала Наташа, смутно вспоминая, что тогда Соня сказала что-то о князѣ Андреѣ, котораго она видѣла лежащимъ.

— Помнишь? продолжала Соня.—Я видѣла тогда и сказала всѣмъ, и тебѣ, и Дуняшѣ. Я видѣла, что онъ лежитъ на постели, говорила она, при каждой подробности дѣлая жестъ рукою съ поднятымъ пальцемъ, и что онъ закрылъ глаза, и что онъ покрытъ именно розовымъ одѣяломъ, и что онъ сложилъ руки, говорила Соня, убѣждаясь по мѣрѣ того, какъ она описывала видѣнныя ею сейчасъ подробности, что эти самыя подробности она *видѣла* тогда. Тогда она ничего не видѣла, но разсказала, что видѣла то, что̀ ей пришло въ голову; но то, что̀ она придумала тогда, представлялось ей столь же дѣйствительнымъ, какъ и всякое другое воспоминаніе. То, что̀ она тогда сказала, что онъ оглянулся на нее и улыбнулся и былъ покрытъ чѣмъ-то краснымъ, она не только помнила, но твердо была убѣждена, что еще тогда она сказала и видѣла, что онъ былъ покрытъ розовымъ, именно розовымъ одѣяломъ, и что глаза его были закрыты.

— Да, да, именно розовымъ, сказала Наташа, которая тоже теперь, казалось, помнила, что было сказано розовымъ, и въ этомъ самомъ видѣла главную необычайность и таинственность предсказанія.

— Но что же это значитъ? задумчиво сказала Наташа.

— Ахъ, я не знаю, какъ все это необычайно, сказала Соня, хватаясь за голову.

Черезъ нѣсколько минутъ князь Андрей позвонилъ, и Наташа вошла къ нему; а Соня, испытывая рѣдко испытанное ею волненіе и умиленіе, осталась у окна, обдумывая всю необычайность случившагося.

Въ этотъ день былъ случай отправить письма въ армію, и графиня писала письмо сыну.

— Соня, сказала графиня, поднимая голову отъ письма, когда племянница проходила мимо нея.—Соня, ты не напишешь Николинькѣ? сказала графиня тихимъ дрогнувшимъ голосомъ, и во взглядѣ ея усталыхъ, смотрѣвшихъ черезъ очки глазъ, Соня прочла все, что̀ разумѣла графиня этими словами. Въ этомъ взглядѣ выражались и мольба, и страхъ отказа, и стыдъ за то, что надо было просить, и готовность на непримиримую ненависть въ случаѣ отказа.

Соня подошла къ графинѣ и, ставъ на колѣни, поцѣловала ея руку.

— Я напишу, maman, сказала она.

Соня была размягчена, взволнована и умилена всѣмъ тѣмъ, что̀ происходило въ этотъ день, въ особенности тѣмъ таинственнымъ совершеніемъ гаданья, которое она сейчасъ видѣла. Теперь, когда она знала, что по случаю возобновленія отношеній Наташи съ княземъ Андреемъ, Николай не могъ жениться на княжнѣ Марьѣ, она съ радостью почувствовала возвращеніе того настроенія самопожертвованья, въ которомъ она любила и привыкла жить. И со слезами на глазахъ и съ радостью сознанія совершенія великодушнаго поступка, она, нѣсколько разъ прерываясь отъ слезъ, которыя отуманивали ея бархатные, черные глаза, написала то трогательное письмо, полученіе котораго такъ поразило Николая.

IX.

На гауптвахтѣ, куда былъ отведенъ Пьеръ, офицеръ и солдаты взявшіе его обращались съ нимъ враждебно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и уважительно. Еще чувствовалось въ ихъ отношеніяхъ къ нему и сомнѣніе о томъ, кто онъ та-

кой (не очень ли важный человѣкъ), и враждебность вслѣдствіе еще свѣжей ихъ личной борьбы съ нимъ.

Но когда, въ утро другаго дня, пришла смѣна, то Пьеръ почувствовалъ, что для новаго караула—для офицеровъ и солдатъ—онъ уже не имѣлъ того смысла, который имѣлъ для тѣхъ, которые его взяли. И дѣйствительно, въ этомъ большомъ, толстомъ человѣкѣ въ мужицкомъ кафтанѣ, караульные другаго дня уже не видѣли того живаго человѣка, который такъ отчаянно дрался съ мародеромъ и съ конвойными солдатами и сказалъ торжественную фразу о спасеніи ребенка, а видѣли только 17-го изъ содержащихся зачѣмъ-то, по приказанію высшаго начальства, взятыхъ Русскихъ. Ежели и было что-нибудь особенное въ Пьерѣ, то только его не робкій, сосредоточенно-задумчивый видъ, и Французскій языкъ, на которомъ онъ удивительно для Французовъ хорошо изъяснялся. Несмотря на то, въ тотъ же день Пьера соединили съ другими, взятыми подозрительными, такъ какъ отдѣльная комната, которую онъ занималъ, понадобилась офицеру.

Всѣ Русскіе, содержавшіеся съ Пьеромъ, были люди самаго низкаго званія. И всѣ они, узнавъ въ Пьерѣ барина, чуждались его тѣмъ болѣе, что онъ говорилъ пофранцузски. Пьеръ съ грустью слышалъ надъ собою насмѣшки.

На другой день вечеромъ Пьеръ узналъ, что всѣ эти содержащіеся (и вѣроятно онъ въ томъ же числѣ) должны были быть судимы за поджигательство. На третій день Пьера водили съ другими въ какой-то домъ, гдѣ сидѣли Французскій генералъ съ бѣлыми усами, два полковника и другіе Французы съ шарфами на рукахъ. Пьеру, наравнѣ съ другими, дѣлали съ той, мнимо-превышающею человѣческія слабости, точностью и опредѣлительностью, съ которой обыкновенно обращаются съ подсудимыми, вопросы о томъ, кто онъ? гдѣ онъ былъ? съ какою цѣлью и т. п. Вопросы эти, оставляя въ сторонѣ сущность жизненнаго

дѣла и исключая возможность раскрытія этой сущности, какъ и всѣ вопросы дѣлаемые на судахъ, имѣли цѣлью только подставленіе того желобка, по которому судящіе желали, чтобы потекли отвѣты подсудимаго и привели его къ желаемой цѣли, т. е. къ обвиненію. Какъ только онъ начиналъ говорить что-нибудь такое, что̀ не удовлетворяло цѣли обвиненія, такъ принимали желобокъ, и вода могла течь куда ей угодно. Кромѣ того Пьеръ испыталъ тоже, что̀ во всѣхъ судахъ испытываетъ подсудимый: недоумѣніе, для чего дѣлали ему всѣ эти вопросы. Ему чувствовалось, что только изъ снисходительности, или какъ бы изъ учтивости употреблялась эта уловка подставляемаго желобка. Онъ зналъ, что находился во власти этихъ людей, что только власть привела его сюда, что только власть давала имъ право требовать отвѣты на вопросы, что единственная цѣль этого собранія состояла въ томъ, чтобы обвинить его. И поэтому, такъ какъ была власть и было желаніе обвинить, то не нужно было и уловки вопросовъ и суда. Очевидно было, что всѣ отвѣты должны были привести къ виновности. На вопросъ, что̀ онъ дѣлалъ, когда его взяли, Пьеръ отвѣчалъ съ нѣкоторою трагичностью, что онъ несъ къ родителямъ ребенка, qu'il avait sauvé des flammes.—Для чего онъ дрался съ мародеромъ? Пьеръ отвѣчалъ, что онъ защищалъ женщину, что защита оскорбляемой женщины есть обязанность каждаго человѣка, что... Его остановили: это не шло къ дѣлу. Для чего онъ былъ на дворѣ загорѣвшагося дома, на которомъ его видѣли свидѣтели? Онъ отвѣчалъ, что шелъ посмотрѣть что̀ дѣлалось въ Москвѣ. Его опять остановили: у него не спрашивали куда онъ шелъ, а для чего онъ находился подлѣ пожара. Кто онъ? повторили ему первый вопросъ, на который онъ сказалъ, что не хочетъ отвѣчать. Опять онъ отвѣчалъ, что не можетъ сказать этого.

— Запишите, это нехорошо. Очень нехорошо, строго

сказалъ ему генералъ съ бѣлыми усами и краснымъ румянымъ лицомъ.

На четвертый день пожары начались на Зубовскомъ валу.

Пьера съ 13-ю другими отвели на Крымскій Бродъ въ каретный сарай купеческаго дома. Проходя по улицамъ, Пьеръ задыхался отъ дыма, который, казалось, стоялъ надъ всѣмъ городомъ. Съ разныхъ сторонъ виднѣлись пожары. Пьеръ тогда еще не понималъ значенія сожженной Москвы и съ ужасомъ смотрѣлъ на эти пожары.

Въ каретномъ сараѣ одного дома у Крымскаго Брода Пьеръ пробылъ еще четыре дня и во время этихъ дней изъ разговора Французскихъ солдатъ узналъ, что всѣ, содержащіеся здѣсь, ожидали съ каждымъ днемъ рѣшенія маршала. Какого маршала, Пьеръ не могъ узнать отъ солдата. Для солдата очевидно маршалъ представлялся высшимъ и нѣсколько таинственнымъ звѣномъ власти.

Эти первые дни до 8-го Сентября, дня, въ который плѣнныхъ повели на вторичный допросъ, были самые тяжелые для Пьера.

X.

8-го Сентября, въ сарай къ плѣннымъ вошелъ очень важный офицеръ, судя по почтительности, съ которой съ нимъ обращались караульные. Офицеръ этотъ, вѣроятно штабный, съ спискомъ въ рукахъ, сдѣлалъ перекличку всѣмъ Русскимъ, назвавъ Пьера: celui qui n'avoue pas son nom. И равнодушно и лѣниво оглядѣвъ всѣхъ плѣнныхъ, онъ приказалъ караульному офицеру прилично одѣть и прибрать ихъ, прежде чѣмъ вести къ маршалу. Черезъ часъ прибыла рота солдатъ, и Пьера съ другими 13-ю повели на Дѣвичье поле. День былъ ясный, солнечный послѣ дождя, и воздухъ былъ необыкновенно чистъ. Дымъ не стлался

низомъ, какъ въ тотъ день, когда Пьера вывели изъ гауптвахты Зубовскаго вала; дымъ поднимался столбами въ чистомъ воздухѣ. Огня пожаровъ нигдѣ не было видно, но со всѣхъ сторонъ поднимались столбы дыма, и вся Москва, все что̀ только могъ видѣть Пьеръ, было одно пожарище. Со всѣхъ сторонъ виднѣлись пустыри, съ печами и трубами, и изрѣдка обгорѣлыя стѣны каменныхъ домовъ. Пьеръ приглядывался къ пожарищамъ и не узнавалъ знакомые кварталы города. Кое-гдѣ виднѣлись уцѣлѣвшія церкви. Кремль неразрушенный бѣлѣлъ издалека съ своими башнями и Иваномъ Великимъ. Вблизи весело блестѣлъ куполъ Новодѣвичьяго монастыря, и особенно-звонко слышался оттуда благовѣстъ. Благовѣстъ этотъ напомнилъ Пьеру, что было Воскресенье и праздникъ Рождества Богородицы. Но, казалось, некому было праздновать этотъ праздникъ: вездѣ было разоренье пожарища, и изъ Русскаго народа встрѣчались только изрѣдка оборванные, испуганные люди, которые прятались при видѣ Французовъ.

Очевидно, Русское гнѣздо было разорено и уничтожено; но за уничтоженіемъ этого Русскаго порядка жизни, Пьеръ безсознательно чувствовалъ, что надъ этимъ раззореннымъ гнѣздомъ установился свой, совсѣмъ другой, но твердый Французскій порядокъ. Онъ чувствовалъ это по виду тѣхъ, бодро и весело, правильными рядами, шедшихъ солдатъ, которые конвоировали его съ другими преступниками; онъ чувствовалъ это по виду какого-то важнаго Французскаго чиновника въ парной коляскѣ, управляемой солдатомъ, проѣхавшаго ему навстрѣчу. Онъ это чувствовалъ по веселымъ звукамъ полковой музыки, доносившимся съ лѣвой стороны поля, и въ особенности онъ чувствовалъ и понималъ это по тому списку, который перекликая плѣнныхъ прочелъ нынче утромъ пріѣзжавшій Французскій офицеръ. Пьеръ былъ взятъ одними солдатами, отведенъ въ одно, въ другое мѣсто съ десятками другихъ людей; казалось, они

могли бы забыть про него, смѣшать его съ другими. Но нѣтъ: отвѣты его, данные на допросѣ, вернулись къ нему въ формѣ наименованія его: celui qui n'avoue pas son nom. И подъ этимъ названіемъ, которое страшно было Пьеру, его теперь вели куда-то, съ несомнѣнной увѣренностью, написанной на ихъ лицахъ, что всѣ остальные плѣнные и онъ были тѣ самые, которыхъ нужно, и что ихъ ведутъ туда, куда нужно. Пьеръ чувствовалъ себя ничтожной щепкой, попавшей въ колеса неизвѣстной ему, но правильно дѣйствующей машины.

Пьера съ другими преступниками привели на правую сторону Дѣвичьяго поля недалеко отъ монастыря, къ большому бѣлому дому съ огромнымъ садомъ. Это былъ домъ князя Щербатова, въ которомъ Пьеръ часто прежде бывалъ у хозяина и въ которомъ теперь, какъ онъ узналъ изъ разговора солдатъ, стоялъ маршалъ герцогъ Экмюльскій.

Ихъ подвели къ крыльцу и по одному стали вводить въ домъ. Пьера ввели шестымъ. Черезъ стеклянную галлерею, сѣни, переднюю, знакомыя Пьеру, его ввели въ длинный низкій кабинетъ, у дверей котораго стоялъ адъютантъ.

Даву̀ сидѣлъ на концѣ комнаты надъ столомъ съ очками на носу. Пьеръ близко подошелъ къ нему. Даву, не поднимая глазъ, видимо справлялся съ какой-то бумагой, лежавшей передъ нимъ. Не поднимая же глазъ, онъ тихо спросилъ: Qui êtes vous?

Пьеръ молчалъ отъ того, что не въ силахъ былъ выговорить сло́ва. Даву для Пьера не былъ просто Французскій генералъ; для Пьера Даву былъ извѣстный своею жестокостью человѣкъ. Глядя на холодное лицо Даву, который, какъ строгій учитель, соглашался до времени имѣть терпѣніе и ждать отвѣта, Пьеръ чувствовалъ, что всякая секунда промедленія могла стоить ему жизни; но онъ не зналъ, что̀ сказать. Сказать тоже, что̀ онъ говорилъ на первомъ допросѣ, онъ не рѣшался; открыть свое званіе и

положеніе было и опасно и стыдно. Пьеръ молчалъ. Но прежде чѣмъ Пьеръ успѣлъ на что-нибудь рѣшиться, Даву приподнялъ голову, приподнялъ очки на лобъ, прищурилъ глаза и пристально посмотрѣлъ на Пьера.

— Я знаю этого человѣка, мѣрнымъ, холоднымъ голосомъ, очевидно разсчитаннымъ для того, чтобы испугать Пьера, сказалъ онъ.—Холодъ, пробѣжавшій прежде по спинѣ Пьера, охватилъ его голову какъ тисками.

— Mon général, vous ne pouvez pas me connaître, je ne vous ai jamais vu....

— C'est un espion russe, перебилъ его Даву, обращаясь къ другому генералу, бывшему въ комнатѣ и котораго не замѣтилъ Пьеръ. И Даву отвернулся. Съ неожиданнымъ раскатомъ въ голосѣ, Пьеръ вдругъ заговорилъ быстро:

— Non, Monseigneur, сказалъ онъ, неожиданно вспомнивъ, что Даву былъ герцогъ.—Non, Monseigneur, vous n'avez pas pu me connaître. Je suis un officier militionnaire et je n'ai pas quitté Moskou.

— Votre nom? повторилъ Даву.

— Besouhof.

— Qu'est ce qui me prouvera que vous ne mentez pas?

— Monseigneur! вскрикнулъ Пьеръ не обиженнымъ, но умоляющимъ голосомъ.

Даву поднялъ глаза и пристально посмотрѣлъ на Пьера. Нѣсколько секундъ они смотрѣли другъ на друга, и этотъ взглядъ спасъ Пьера. Въ этомъ взглядѣ, помимо всѣхъ условій войны и суда, между этими двумя людьми установились человѣческія отношенія. Оба они въ эту одну минуту смутно перечувствовали безчисленное количество вещей и поняли, что они оба дѣти человѣчества, что они братья.

Въ первомъ взглядѣ для Даву, приподнявшаго только голову отъ своего списка, гдѣ людскія дѣла и жизнь назывались номерами, Пьеръ былъ только обстоятельство; и,

не взявъ на совѣсть дурнаго поступка, Даву застрѣлилъ бы его; но теперь уже онъ видѣлъ въ немъ человѣка. Онъ задумался на мгновеніе.

— Comment me prouverez vous la vérité de ce que vous me dites? сказалъ Даву холодно.

Пьеръ вспомнилъ Рамбаля и назвалъ его полкъ и фамилію и улицу, на которой былъ домъ.

— Vous n'êtes pas ce que vous dites, опять сказалъ Даву.

Пьеръ дрожащимъ, прерывающимся голосомъ сталъ приводить доказательства справедливости своего показанія.

Но въ это время вошелъ адъютантъ и что-то доложилъ Даву.

Даву вдругъ просіялъ при извѣстіи, сообщенномъ адъютантомъ, и сталъ застегиваться. Онъ видимо совсѣмъ забылъ Пьера.

Когда адъютантъ напомнилъ ему о плѣнномъ, онъ нахмурившись кивнулъ въ сторону Пьера и сказалъ, чтобы его вели. Но куда должны были его вести — Пьеръ не зналъ: назадъ въ балаганъ или на приготовленное мѣсто казни, которое, проходя по Дѣвичьему полю, ему показывали товарищи.

Онъ обернулъ голову и видѣлъ, что адъютантъ переспрашивалъ что-то.

— Oui, sans doute!—сказалъ Даву, но что «да», Пьеръ не зналъ.

Пьеръ не помнилъ, какъ, долго ли онъ шелъ и куда. Онъ, въ состояніи совершеннаго безсмыслія и отупленія, ничего не видя вокругъ себя, передвигалъ ногами, вмѣстѣ съ другими до тѣхъ поръ, пока всѣ остановились, и онъ остановился.

Одна мысль за все это время была въ головѣ Пьера. Это была мысль о томъ: кто, кто же наконецъ приговорилъ его къ казни? Это были не тѣ люди, которые допрашивали его въ коммисіи: изъ нихъ ни одинъ не хотѣлъ и оче-

видно не могъ этого сдѣлать. Это былъ не Даву, который такъ человѣчески посмотрѣлъ на него. Еще бы одна минута, и Даву понялъ бы, что они дѣлаютъ дурно, но этой минутѣ помѣшалъ адъютантъ, который вошелъ. И адъютантъ этотъ очевидно не хотѣлъ ничего худаго, но онъ могъ бы не войти. Кто же это наконецъ казнилъ, убивалъ, лишалъ жизни его — Пьера со всѣми его воспоминаніями, стремленіями, надеждами, мыслями? Кто дѣлалъ это? И Пьеръ чувствовалъ, что это былъ никто.

Это былъ порядокъ, складъ обстоятельствъ.

Порядокъ какой-то убивалъ его — Пьера, лишалъ его жизни, всего, уничтожалъ его.

XI.

Отъ дома князя Щербатова плѣнныхъ повели прямо внизъ по Дѣвичьему полю, лѣвѣе Дѣвичьяго монастыря, и подвели къ огороду, на которомъ стоялъ столбъ. За столбомъ была вырыта большая яма съ свѣжевыкопанной землею, и около ямы и столба полукругомъ стояла большая толпа народа. Толпа состояла изъ малаго числа Русскихъ и большаго числа Наполеоновскихъ войскъ внѣ строя: Нѣмцевъ, Итальянцевъ и Французовъ въ разнородныхъ мундирахъ. Справа и слѣва столба стояли фронты Французскихъ войскъ въ синихъ мундирахъ съ красными эполетами, въ штиблетахъ и киверахъ.

Преступниковъ разставили по извѣстному порядку, который былъ въ спискѣ (Пьеръ стоялъ шестымъ), и подвели къ столбу. Нѣсколько барабановъ вдругъ ударили съ двухъ сторонъ, и Пьеръ почувствовалъ, что съ этимъ звукомъ какъ будто оторвалась часть его души. Онъ потерялъ способность думать и соображать. Онъ только могъ видѣть и слышать. И только одно желаніе было у него, желаніе, чтобы поско-

рѣе сдѣлалось что-то страшное, что̀ должно было быть сдѣлано. Пьеръ оглядывался на своихъ товарищей и разсматривалъ ихъ.

Два человѣка съ края были бритые острожные. Одинъ высокій, худой; другой черный, мохнатый, мускулистый съ приплюснутымъ носомъ. Третій былъ дворовый, лѣтъ 45-ти, съ сѣдѣющими волосами и полнымъ, хорошо откормленнымъ тѣломъ. Четвертый былъ мужикъ очень красивый съ окладистой, русой бородой и черными глазами. Пятый былъ фабричный, жолтый, худой малый, лѣтъ 18-ти, въ халатѣ.

Пьеръ слышалъ, что Французы совѣщались, какъ стрѣлять, по одному или по два?—По два, холодно-спокойно отвѣчалъ старшій офицеръ. Сдѣлалось передвиженіе въ рядахъ солдатъ, и замѣтно было, что всѣ торопились и торопились не такъ какъ торопятся, чтобы сдѣлать понятное для всѣхъ дѣло, но такъ какъ торопятся, чтобы окончить необходимое, но непріятное и непостижимое дѣло.

Чиновникъ-Французъ въ шарфѣ подошелъ къ правой сторонѣ шеренги преступниковъ и прочелъ по русски и по французски приговоръ.

Потомъ двѣ пары Французовъ подошли къ преступникамъ и взяли, по указанію офицера, двухъ острожныхъ, стоявшихъ съ края. Острожные, подойдя къ столбу, остановились и пока принесли мѣшки, молча смотрѣли вокругъ себя, какъ смотритъ подбитый звѣрь на подходящаго охотника. Одинъ все крестился, другой чесалъ спину и дѣлалъ губами движеніе подобное улыбкѣ. Солдаты, торопясь руками, стали завязывать имъ глаза, надѣвать мѣшки и привязывать къ столбу.

12-ть человѣкъ стрѣлковъ съ ружьями мѣрнымъ твердымъ шагомъ вышли изъ-за рядовъ и остановились въ 8-ми шагахъ отъ столба. Пьеръ отвернулся, чтобы не видать того, что̀ будетъ. Вдругъ послышался трескъ и грохотъ, показавшіеся Пьеру громче самыхъ страшныхъ ударовъ грома, и онъ оглянулся. Былъ дымъ, и Французы съ блѣд-

ными лицами и дрожащими руками что-то дѣлали у ямы. Повели другихъ двухъ. Также, такими же глазами, и эти двое смотрѣли на всѣхъ, тщетно одними глазами, молча, прося защиты и видимо не понимая и не вѣря тому, что̀ будетъ. Они не могли вѣрить, потому что они одни знали, что̀ такое была для нихъ ихъ жизнь, и потому не понимали и не вѣрили, чтобы можно было отнять ее.

Пьеръ хотѣлъ не смотрѣть и опять отвернулся; но опять какъ будто ужасный взрывъ поразилъ его слухъ, и вмѣстѣ съ этими звуками онъ увидалъ дымъ, чью-то кровь и блѣдныя испуганныя лица Французовъ, опять что то дѣлавшихъ у столба,—дрожащими руками толкая другъ друга. Пьеръ, тяжело дыша, оглядывался вокругъ себя, какъ будто спрашивая: что это такое? Тотъ же вопросъ былъ и во всѣхъ взглядахъ, которые встрѣчались съ взглядомъ Пьера.

На всѣхъ лицахъ Русскихъ, на лицахъ Французскихъ солдатъ, офицеровъ, всѣхъ безъ исключенія, онъ читалъ такой же испугъ, ужасъ и борьбу, какія были въ его сердцѣ. «Да кто же это дѣлаетъ наконецъ? Они всѣ страдаютъ, также какъ и я. Кто же? Кто же?» на секунду блеснуло въ душѣ Пьера.

— Tirailleurs du 86-me, en avant! прокричалъ кто-то. Повели пятаго, стоявшаго рядомъ съ Пьеромъ — одного. Пьеръ не понялъ того, что онъ спасенъ, что онъ и всѣ остальные были приведены сюда только для присутствія при казни. Онъ съ все возраставшимъ ужасомъ, не ощущая ни радости ни успокоенія, смотрѣлъ на то что̀ дѣлалось. Пятый былъ фабричный въ халатѣ. Только что до него дотронулись, какъ онъ въ ужасѣ отпрыгнулъ и схватился за Пьера (Пьеръ вздрогнулъ и оторвался отъ него). Фабричный не могъ идти. Его тащили подъ мышки, и онъ что-то кричалъ. Когда его подвели къ столбу, онъ вдругъ замолкъ. Онъ какъ будто вдругъ что-то понялъ. То ли онъ

понялъ, что напрасно кричать, или то, что невозможно чтобы его убили люди, но онъ сталъ у столба, ожидая повязки вмѣстѣ съ другими, и какъ подстрѣленный звѣрь оглядываясь вокругъ себя блестящими глазами.

Пьеръ уже не могъ взять на себя отвернуться и закрыть глаза. Любопытство и волненіе его и всей толпы при этомъ пятомъ убійствѣ дошло до высшей степени. Также какъ и другіе, этотъ пятый казался спокоенъ: онъ запахивалъ халатъ и почесывалъ одной босой ногой о другую.

Когда ему стали завязывать глаза, онъ поправилъ самъ узелъ на затылкѣ, который рѣзалъ ему; потомъ, когда прислонили его къ окровавленному столбу, онъ завалился назадъ и, такъ какъ ему въ этомъ положеніи было неловко, онъ поправился и, ровно поставивъ ноги, покойно прислонился. Пьеръ не сводилъ съ него глазъ, не упуская ни малѣйшаго движенія.

Должно быть послышалась команда, должно быть послѣ команды раздались выстрѣлы 8-ми ружей. Но Пьеръ, сколько онъ ни старался вспомнить потомъ, не слыхалъ ни малѣйшаго звука отъ выстрѣловъ. Онъ видѣлъ только, какъ почему-то вдругъ опустился на веревкахъ фабричный, какъ показалась кровь въ двухъ мѣстахъ, и какъ самыя веревки, отъ тяжести повисшаго тѣла, распустились, и фабричный, неестественно опустивъ голову и подвернувъ ногу, сѣлъ. Пьеръ подбѣжалъ къ столбу. Никто не удерживалъ его. Вокругъ фабричнаго что-то дѣлали испуганные, блѣдные люди. У одного стараго усатаго Француза тряслась нижняя челюсть, когда онъ отвязывалъ веревки. Тѣло спустилось. Солдаты неловко и торопливо потащили его за столбъ и стали сталкивать въ яму.

Всѣ очевидно-несомнѣнно знали, что они были преступники, которымъ надо было скорѣе скрыть слѣды своего преступленія.

Пьеръ заглянулъ въ яму и увидѣлъ, что фабричный лежалъ

тамъ колѣнами кверху, близко къ головѣ, одно плечо выше другаго. И это плечо судорожно, равномѣрно опускалось и поднималось. Но уже лопатины земли сыпались на все тѣло. Одинъ изъ солдатъ сердито, злобно и болѣзненно крикнулъ на Пьера, чтобы онъ вернулся. Но Пьеръ не понялъ его и стоялъ у столба, и никто не отгонялъ его.

Когда уже яма была вся засыпана, послышалась команда. Пьера отвели на его мѣсто, и Французскія войска, стоявшія фронтами по обѣимъ сторонамъ столба, сдѣлали полуоборотъ и стали проходить мѣрнымъ шагомъ мимо столба. 24 человѣка стрѣлковъ съ разряженными ружьями, стоявшіе всерединѣ круга, примыкали бѣгомъ къ своимъ мѣстамъ, въ то время какъ роты проходили мимо нихъ.

Пьеръ смотрѣлъ теперь безсмысленными глазами на этихъ стрѣлковъ, которые попарно выбѣгали изъ круга. Всѣ, кромѣ одного, присоединились къ ротамъ. Молодой солдатъ съ мертво-блѣднымъ лицомъ, въ киверѣ, свалившемся назадъ, спустивъ ружье, все еще стоялъ противъ ямы на томъ мѣстѣ, съ котораго онъ стрѣлялъ. Онъ какъ пьяный шатался, дѣлая то впередъ, то назадъ нѣсколько шаговъ, чтобъ поддержать свое падающее тѣло. Старый солдатъ, унтеръ-офицеръ, выбѣжалъ изъ рядовъ и, схвативъ за плечо молодаго солдата, втащилъ его въ роту. Толпа Русскихъ и Французовъ стала расходиться. Всѣ шли молча съ опущенными головами.

— Ça leur apprendra à incendier, сказалъ кто-то изъ Французовъ. Пьеръ оглянулся на говорившаго и увидалъ, что это былъ солдатъ, который хотѣлъ утѣшиться чѣмъ-нибудь въ томъ, что̀ было сдѣлано, но не могъ. Не договоривъ начатаго, онъ махнулъ рукою и пошелъ прочь.

XII.

После казни, Пьера отдѣлили отъ другихъ подсудимыхъ и оставили одного въ небольшой, раззореной и загаженной церкви.

Передъ вечеромъ, караульный унтеръ-офицеръ съ двумя солдатами вошелъ въ церковь и объявилъ Пьеру, что онъ прощенъ и поступаетъ теперь въ бараки военноплѣнныхъ. Не понимая того, что̀ ему говорили, Пьеръ всталъ и пошелъ съ солдатами. Его привели къ построеннымъ вверху поля изъ обгорѣлыхъ досокъ, бревенъ и тесу, балаганамъ, и ввели въ одинъ изъ нихъ. Въ темнотѣ человѣкъ двадцать различныхъ людей окружили Пьера. Пьеръ смотрѣлъ на нихъ, не понимая, кто такіе эти люди, зачѣмъ они и чего хотятъ отъ него. Онъ слышалъ слова, которыя ему говорили, но не дѣлалъ изъ нихъ никакого вывода и приложенія: не понималъ ихъ значенія. Онъ самъ отвѣчалъ на то, что̀ у него спрашивали, но не соображалъ того, кто слушаетъ его и какъ поймутъ его отвѣты. Онъ смотрѣлъ на лица и фигуры, и всѣ онѣ казались ему одинаково безсмысленны.

Съ той минуты какъ Пьеръ увидалъ это страшное убійство, совершенное людьми не хотѣвшими этого дѣлать, въ душѣ его какъ будто вдругъ выдернута была та пружина, на которой все держалось и представлялось живымъ, и все завалилось въ кучу безсмысленнаго сора. Въ немъ, хотя онъ и не отдавалъ себѣ отчета, уничтожилась вѣра и въ благоустройство міра, и въ человѣческую, и въ свою душу, и въ Бога. Это состояніе было испытываемо Пьеромъ прежде, но никогда съ такою силой какъ теперь. Прежде, когда на Пьера находили такого рода сомнѣнія, сомнѣнія эти имѣли источникомъ собственную вину. И въ самой глубинѣ души, Пьеръ тогда чувствовалъ, что отъ того отчаянія и тѣхъ сомнѣній было спасеніе въ самомъ себѣ. Но теперь онъ чувствовалъ, что не его вина была причиной того, что міръ завалился въ его глазахъ, и остались однѣ безсмысленныя развалины. Онъ чувствовалъ, что возвратиться къ вѣрѣ въ жизнь—не въ его власти.

Вокругъ него въ темнотѣ стояли люди: вѣрно что-то ихъ

очень занимало въ немъ. Ему разсказывали что-то, распрашивали о чемъ-то, потомъ повели куда-то, и онъ наконецъ очутился въ углу балагана рядомъ съ какими-то людьми, переговаривавшимися, съ разныхъ сторонъ, смѣявшнмися.

— И вотъ, братцы мои... тотъ самый принцъ, *который* (съ особеннымъ удареніемъ на слово который).... говорилъ чей-то голосъ въ противуположномъ углу балагана.

Молча и неподвижно сидя у стѣны на соломѣ, Пьеръ то открывалъ, то закрывалъ глаза. Но только что онъ закрывалъ глаза, онъ видѣлъ предъ собой тоже страшное, въ особенности страшное своей простотою, лицо фабричнаго и еще болѣе страшныя своимъ безпокойствомъ лица невольныхъ убійцъ. И онъ опять открывалъ глаза и безсмысленно смотрѣлъ въ темнотѣ вокругъ себя.

Рядомъ съ нимъ сидѣлъ согнувшись какой-то маленькій человѣкъ, присутствіе котораго Пьеръ замѣтилъ сначала по крѣпкому запаху пóта, который отдѣлялся отъ него при всякомъ его движеніи. Человѣкъ этотъ что-то дѣлалъ въ темнотѣ съ своими ногами и, несмотря на то, что Пьеръ не видалъ его лица, онъ чувствовалъ, что человѣкъ этотъ безпрестанно взглядывалъ на него. Присмотрѣвшись въ темнотѣ, Пьеръ понялъ, что человѣкъ этотъ разувался. И то, какимъ образомъ онъ это дѣлалъ, заинтересовало Пьера.

Размотавъ бичевки, которыми была завязана одна нога, онъ акуратно свернулъ бичевки, и тотчасъ принялся за другую ногу, взглядывая на Пьера. Пока одна рука вѣшала бичевку, другая уже принималась разматывать другую ногу. Такимъ образомъ акуратно круглыми, спорыми, безъ замедленія слѣдовавшими одно за другимъ, движеніями, разувшись, человѣкъ развѣсилъ свою обувь на колушки, вбитые у него надъ головами, досталъ ножикъ, обрѣзалъ что-то, сложилъ ножикъ, положилъ подъ изголовье и, получше усѣвшись, обнялъ свои поднятыя колѣни обѣими руками и прямо уставился на Пьера. Пьеру чувствовалось что-то пріятное, успо-

коительное и круглое въ этихъ спорыхъ движеніяхъ, въ этомъ благоустроенномъ въ углу его хозяйствѣ, въ запахѣ даже этого человѣка, и онъ, не спуская глазъ, смотрѣлъ на него.

— А много вы нужды увидали, баринъ? А? сказалъ вдругъ маленькій человѣкъ. И такое выраженіе ласки и простоты было въ пѣвучемъ голосѣ человѣка, что Пьеръ хотѣлъ отвѣчать, но у него задрожала челюсть, и онъ почувствовалъ слезы. Маленькій человѣкъ въ туже секунду, не давая Пьеру времени высказать свое смущеніе, заговорилъ тѣмъ же пріятнымъ голосомъ.

— Э, соколикъ, не тужи, сказалъ онъ съ той нѣжно-пѣвучей лаской, съ которой говорятъ старыя Русскія бабы. Не тужи, дружокъ: часъ терпѣть, а вѣкъ жить! Вотъ такъ-то, милый мой. А живемъ тутъ, слава Богу, обиды нѣтъ. Тоже люди и худые, и добрые есть, сказалъ онъ и, еще говоря, гибкимъ движеніемъ перегнулся на колѣни, всталъ и прокашливаясь пошелъ куда-то.

— Ишь, шельма, пришла! услыхалъ Пьеръ въ концѣ балагана тотъ же ласковый голосъ.—Пришла, шельма, помнитъ! Ну, ну, буде. — И солдатъ, отталкивая отъ себя собаченку, прыгавшую къ нему, вернулся къ своему мѣсту и сѣлъ. Въ рукахъ у него было что-то завернуто въ тряпкѣ.

— Вотъ, покушайте, баринъ, сказалъ онъ, опять возвращаясь къ прежнему почтительному тону и развертывая и подавая Пьеру нѣсколько печеныхъ картошекъ.—Въ обѣдѣ похлебка была. А картошки важнѣющія!

Пьеръ не ѣлъ цѣлый день, и запахъ картофеля показался ему необыкновенно пріятнымъ. Онъ поблагодарилъ солдата и сталъ ѣсть.

— Чтожъ, такъ-то? улыбаясь сказалъ солдатъ и взялъ одну изъ картошекъ. — А ты вотъ какъ. — Онъ досталъ опять складной ножикъ, разрѣзалъ на своей ладони кар-

тошку на равныя двѣ половины, посыпалъ соли изъ тряпки и поднесъ Пьеру.

— Картошки важнѣющія, повторилъ онъ. Ты покушай, вотъ такъ-то.

Пьеру казалось, что онъ никогда не ѣлъ кушанья вкуснѣе этого.

— Нѣтъ, мнѣ все ничего, сказалъ Пьеръ, но за что они разстрѣляли этихъ несчастныхъ!... Послѣдній лѣтъ двадцати.

— Те, тц... сказалъ маленькій человѣкъ. Грѣха-то, грѣха-то... быстро прибавилъ онъ и, какъ будто слова его всегда были готовы во рту его и нечаянно вылетали изъ него, онъ продолжалъ:—Чтожъ это, баринъ, вы такъ въ Москвѣ-то остались?

— Я не думалъ, что они такъ скоро придутъ. Я нечаянно остался, сказалъ Пьеръ.

— Да какже они взяли тебя, соколикъ, изъ дома твоего?

— Нѣтъ, я пошелъ на пожаръ, а тутъ они схватили меня, судили за поджигателя.

— Гдѣ судъ, тамъ и неправда, вставилъ маленькій человѣкъ.

— А ты давно здѣсь? спросилъ Пьеръ, дожевывая послѣднюю картошку.

— Я-то? Въ то воскресенье меня взяли изъ гошпиталя въ Москвѣ.

— Ты кто-же, солдатъ? — Солдаты Апшеронскаго полка. Отъ лихорадки умиралъ. Намъ и не сказали ничего. Нашихъ человѣкъ двадцать лежало. И не думали, не гадали.

— Чтожъ, тебѣ скучно здѣсь? спросилъ Пьеръ.

— Какъ не скучно, соколикъ. Меня Платономъ звать; Каратаевы прозвище, прибавилъ онъ видимо съ тѣмъ, чтобы облегчить Пьеру обращеніе къ нему. — Соколикомъ на службѣ прозвали. Какъ не скучать, соколикъ! Москва, она городамъ мать. Какъ не скучать на это смотрѣть. Да червь

капусту гложе, а самъ прежде того пропадае: такъ-то старички говаривали, прибавилъ онъ быстро.

— Какъ, какъ это ты сказалъ? спросилъ Пьеръ.

— Я-то? спросилъ Каратаевъ. Я говорю не нашимъ умомъ, а Божьимъ судомъ, сказалъ онъ, думая, что повторяетъ сказанное. И тотчасъ же продолжалъ:

— Какже у васъ, баринъ, и вотчины есть? И домъ есть? Стало быть полная чаша! И хозяйка есть? А старики-родители живы? спрашивалъ онъ и, хотя Пьеръ не видѣлъ въ темнотѣ, но чувствовалъ, что у солдата морщились губы сдержанною улыбкою ласки въ то время, какъ онъ спрашивалъ это. Онъ видимо былъ огорченъ тѣмъ, что у Пьера не было родителей, въ особенности матери.

— Жена для совѣта, теща для привѣта, а нѣтъ милѣй родной матушки! сказалъ онъ. Ну а дѣтки есть? продолжалъ онъ спрашивать. Отрицательный отвѣтъ Пьера опять видимо огорчилъ его, и онъ поспѣшилъ прибавить:—Чтожъ люди молодые, еще дастъ Богъ, будутъ. Только бы въ совѣтѣ жить....

— Да теперь все равно, невольно сказалъ Пьеръ.

— Эхъ, милый человѣкъ ты, возразилъ Платонъ. Отъ сумы, да отъ тюрьмы никогда не отказывайся.—Онъ усѣлся получше, прокашлялся, видимо приготовляясь къ длинному разсказу.—Такъ то, другъ мой любезный, жилъ я еще дома, началъ онъ. Вотчина у насъ богатая, земли много, хорошо живутъ мужики, и нашъ домъ, слава тебѣ Богу. Самъ-семъ батюшка косить выходилъ. Жили хорошо. Христьяне настоящіе были. Случись... и Платонъ Каратаевъ разсказалъ длинную исторію о томъ, какъ онъ поѣхалъ въ чужую рощу за лѣсомъ и попался сторожу, какъ его сѣкли, судили и отдали въ солдаты.—Чтожъ, соколикъ, говорилъ онъ измѣняющимся отъ улыбки голосомъ, думали горе, анъ радость! Брату бы идти, кабы не мой грѣхъ. А у брата меньшаго самъ пятъ ребятъ, а у меня, гляди, одна солдатка осталась. Была

дѣвочка, да еще до солдатства Богъ прибралъ. Пришелъ я на побывку, скажу я тебѣ. Гляжу—лучше прежняго живутъ. Животовъ полонъ дворъ, бабы дома, два брата на заработкахъ. Одинъ Михайло, меньшой, дома. Батюшка и говоритъ:—Мнѣ, говоритъ, всѣ дѣтки равны: какой палецъ не укуси, все больно. А кабы не Платона тогда забрили, Михайлѣ бы идти. Позвалъ насъ всѣхъ—вѣришь—поставилъ передъ образа. Михайло, говоритъ, поди сюда, кланяйся ему въ ноги, и ты, баба, кланяйся и, внучата, кланяйтесь. Поняли? говоритъ. — Такъ-то, другъ мой любезный. Рокъ головы ищетъ. А мы все судимъ: то не хорошо, то не ладно. Наше счастье, дружокъ, какъ вода въ бреднѣ: тянешь—надулось, а вытащишь—ничего нѣту. Такъ-то.— И Платонъ пересѣлъ на своей соломѣ.

Помолчавъ нѣсколько времени, Платонъ всталъ.—Чтожъ я чай, спать хочешь? сказалъ онъ и быстро началъ креститься, приговаривая:

— Господи, Іисусъ Христосъ, Никола угодникъ, Фрола и Лавра, Господи Іисусъ Христосъ, Никола угодникъ! Фрола и Лавра, Господи Іисусъ Христосъ — помилуй и спаси насъ! заключилъ онъ, поклонился въ землю, всталъ, вздохнулъ и сѣлъ на свою солому. — Вотъ такъ-то. Положи, Боже, камушкомъ, подними калачикомъ, проговорилъ онъ и легъ, натягивая на себя шинель.

— Какую это ты молитву читалъ? спросилъ Пьеръ.

— Ась? проговорилъ Платонъ (онъ было уже заснулъ)— Читалъ что? Богу молился. А ты развѣ не молишься?

— Нѣтъ, и я молюсь, сказалъ Пьеръ.—Но что ты говорилъ: Фрола и Лавра?

— А какже, быстро отвѣчалъ Платонъ, лошадиный праздникъ. И скота жалѣть надо, сказалъ Каратаевъ. — Вишь, шельма, свернулась. Угрѣлась, сукина дочь, сказалъ онъ, ощупавъ собаку у своихъ ногъ и, повернувшись опять, тотчасъ же заснулъ.

Наружи слышались гдѣ-то вдалекѣ плачь и крики, и сквозь щели балагана виднѣлся огонь; но въ балаганѣ было тихо и темно. Пьеръ долго не спалъ и съ открытыми глазами лежалъ въ темнотѣ на своемъ мѣстѣ, прислушиваясь къ мѣрному храпѣнью Платона, лежавшаго подлѣ него и чувствовалъ, что прежде разрушенный міръ теперь съ новой красотой, на какихъ-то новыхъ и незыбленныхъ основахъ, двигался въ его душѣ.

XIII.

Въ балаганѣ, въ который поступилъ Пьеръ и въ которомъ онъ пробылъ четыре недѣли, было 23 человѣка плѣнныхъ солдатъ, три офицера и два чиновника.

Всѣ они потомъ какъ въ туманѣ представлялись Пьеру, но Платонъ Каратаевъ остался на всегда въ душѣ Пьера самымъ сильнымъ и дорогимъ воспоминаніемъ и олицетвореніемъ всего Русскаго, добраго и крутаго. Когда на другой день, на разсвѣтѣ, Пьеръ увидалъ своего сосѣда, первое впечатлѣніе чего-то круглаго подтвердилось вполнѣ: вся фигура Платона въ его подпоясанной веревкою Французской шинели, въ фуражкѣ и лаптяхъ, была круглая. Голова была совершенно круглая, спина, грудь, плечи, даже руки, которыя онъ носилъ какъ бы всегда собираясь обнять что-то, были круглыя; пріятная улыбка и большіе каріе, нѣжные глаза были круглые.

Платону Каратаеву должно было быть за 50 лѣтъ, судя по его разсказамъ о походахъ, въ которыхъ онъ участвовалъ давнишнимъ солдатомъ. Онъ самъ не зналъ и никакъ не могъ опредѣлить, сколько ему было лѣтъ; но зубы его, ярко бѣлые и крѣпкіе, которые всѣ выкатывались своими двумя полукругами когда онъ смѣялся (что̀ онъ часто дѣлалъ) были всѣ хороши и цѣлы; ни одного сѣдаго волоса

не было въ его бородѣ и волосахъ, и все тѣло его имѣло видъ гибкости и въ особенности твердости и сносливости. Лицо его, несмотря на мелкія круглыя морщинки, имѣло выраженіе невинности и юности; голосъ у него былъ пріятный и пѣвучій. Но главная особенность его рѣчи состояла въ непосредственности и спорости. Онъ видимо никогда не думалъ о томъ, что̀ онъ сказалъ и что̀ онъ скажетъ; и отъ этого въ быстротѣ и вѣрности его интонацій была особенная неотразимая убѣдительность.

Физическія силы его и поворотливость были таковы первое время плѣна, что, казалось, онъ не понималъ, что̀ такое усталость и болѣзнь. Каждый день утромъ и вечеромъ онъ, ложась, говорилъ—«положи, Господи, камушкомъ; подними калачикомъ»; поутру вставая, всегда одинаково пожимая плечами, говорилъ: «легъ свернулся, всталъ встряхнулся». И дѣйствительно, стоило ему лечь, чтобы тотчасъ же заснуть камнемъ и стоило встряхнуться, чтобы тотчасъ же, безъ секунды промедленія, взяться за какое нибудь дѣло, какъ дѣти, вставши, берутся за игрушки. Онъ все умѣлъ дѣлать не очень хорошо, но и не дурно. Онъ пекъ, варилъ, шилъ, строгалъ, точалъ сапоги. Онъ всегда былъ занятъ и только по ночамъ позволялъ себѣ разговоры, которые онъ любилъ, и пѣсни. Онъ пѣлъ пѣсни, не такъ какъ поютъ пѣсенники, знающіе, что ихъ слушаютъ, но пѣлъ какъ поютъ птицы, очевидно, потому что звуки эти ему было также необходимо издавать, какъ необходимо бываетъ потянуться или расходиться; и звуки эти всегда бывали тонкіе, нѣжные, почти женскіе, заунывные, и лицо его при этомъ бывало очень серьезно.

Попавъ въ плѣнъ и обросши бородою, онъ видимо отбросилъ отъ себя все напущенное на него чуждое, солдатское и невольно возвратился къ прежнему крестьянскому, народному складу.

— Солдатъ въ отпуску—рубаха изъ портокъ, говаривалъ

онъ. Онъ неохотно говорилъ про свое солдатское время, хотя не жаловался и часто повторялъ, что онъ всю службу ни разу битъ не былъ. Когда онъ разсказывалъ, то преимущественно разсказывалъ изъ своихъ старыхъ и видимо-дорогихъ ему воспоминаній «христіанскаго», какъ онъ выговаривалъ, крестьянскаго быта. Поговорки, которыя наполняли его рѣчь, не были тѣ, большей частью неприличныя и бойкія поговорки, которыя говорятъ солдаты, но это были тѣ народныя изрѣченія, которыя кажутся столь незначительными взятыя отдѣльно, и которыя получаютъ вдругъ значеніе глубокой мудрости, когда они сказаны кстати.

Часто онъ говорилъ совершенно противоположное тому, что̀ онъ говорилъ прежде, но и то, и другое было справедливо. Онъ любилъ говорить и говорилъ хорошо, украшая свою рѣчь ласкательными и пословицами, которыя, Пьеру казалось, онъ самъ выдумывалъ; но главная прелесть его разсказовъ состояла въ томъ, что въ его рѣчи событія самыя простыя, иногда тѣ самыя, которыя, не замѣчая ихъ, видѣлъ Пьеръ, получали характеръ торжественнаго благообразія. Онъ любилъ слушать сказки, которыя разсказывалъ по вечерамъ (все одни и тѣ же) одинъ солдатъ, но больше всего онъ любилъ слушать разсказы о настоящей жизни. Онъ радостно улыбался, слушая такіе разсказы, вставляя слова и дѣлая вопросы, клонившіеся къ тому, чтобы уяснить себѣ благообразіе того, что̀ ему разсказывали. Привязанностей, дружбы, любви, какъ понималъ ихъ Пьеръ, Каратаевъ не имѣлъ никакихъ; но онъ любилъ и любовно жилъ со всѣмъ съ чѣмъ его сводила жизнь, и въ особенности съ человѣкомъ—не съ извѣстнымъ какимъ нибудь человѣкомъ, а съ тѣми людьми, которые были передъ его глазами. Онъ любилъ свою шавку, любилъ товарищей, Французовъ, любилъ Пьера, который былъ его сосѣдомъ; но Пьеръ чувствовалъ, что Каратаевъ, несмотря на всю свою

ласковую нѣжность къ нему (которою онъ невольно отдавалъ должное духовной жизни Пьера), ни на минуту не огорчился бы разлукой съ нимъ. И Пьеръ тоже чувство начиналъ испытывать къ Каратаеву.

Платонъ Каратаевъ былъ для всѣхъ остальныхъ плѣнныхъ самымъ обыкновеннымъ солдатомъ; его звали соколикъ или Платоша, добродушно трунили надъ нимъ, посылали его за посылками. Но для Пьера, какимъ онъ представился въ первую ночь, непостижимымъ, круглымъ и вѣчнымъ олицетвореніемъ духа простоты и правды, такимъ онъ и остался на всегда.

Платонъ Каратаевъ ничего не зналъ наизусть кромѣ своей молитвы. Когда онъ говорилъ свои рѣчи, онъ, начиная ихъ, казалось, не зналъ, чѣмъ онъ ихъ кончитъ.

Когда Пьеръ, иногда пораженный смысломъ его рѣчи, просилъ повторить сказанное, Платонъ не могъ вспомнить того, что̀ онъ сказалъ минуту тому назадъ, также какъ онъ никакъ не могъ словами сказать Пьеру свою любимую пѣсню. Тамъ было: «родимая, березанька и ташненько мнѣ», но на словахъ не выходило никакого смысла. Онъ не понималъ и не могъ понять значенія словъ отдѣльно взятыхъ изъ рѣчи. Каждое слово его и каждое дѣйствіе было проявленіемъ неизвѣстной ему дѣятельности, которая была его жизнь. Но жизнь его, какъ онъ самъ смотрѣлъ на нее, не имѣла смысла какъ отдѣльная жизнь. Она имѣла смыслъ только какъ частица цѣлаго, которое онъ постоянно чувствовалъ. Его слова и дѣйствія выливались изъ него также равномѣрно, необходимо и непосредственно, какъ запахъ отдѣляется отъ цвѣтка. Онъ не могъ понять ни цѣны, ни значенія отдѣльно-взятаго дѣйствія или слова.

XIV.

Получивъ отъ Николая извѣстіе о томъ, что братъ ея находится съ Ростовыми, въ Ярославлѣ, княжна Марья, несмотря на отговариванья тетки, тотчасъ же собралась ѣхать, и нетолько одна, но съ племянникомъ. Трудно ли, не трудно ли, возможно ли, невозможно ли это было, она не спрашивала и не хотѣла знать: ея обязанность была нетолько самой быть подлѣ, можетъ быть, умирающаго брата, но и сдѣлать все возможное для того, чтобы привезти ему сына, и она поднялась ѣхать. Если князь Андрей самъ не увѣдомлялъ ее, то это княжна Марья объясняла или тѣмъ, что онъ былъ слишкомъ слабъ, чтобы писать или тѣмъ, что онъ считалъ для нея и для своего сына этотъ длинный переѣздъ слишкомъ труднымъ и опаснымъ.

Въ нѣсколько дней княжна Марья собралась въ дорогу. Экипажи ея состояли изъ огромной, княжеской кареты, въ которой она пріѣхала въ Воронежъ, брички и повозки. Съ ней ѣхали M-lle Bourienne, Николушка съ гувернеромъ, старая няня, три дѣвушки, Тихонъ, молодой лакей и гайдукъ, котораго тетка отпустила съ нею.

Ѣхать обыкновеннымъ путемъ на Москву нельзя было и думать, и потому окольный путь, который должна была сдѣлать княжна Марья на Липецкъ, Рязань, Владиміръ, Шую былъ очень длиненъ, по неимѣнію вездѣ почтовыхъ лошадей, очень труденъ и, около Рязани, гдѣ (какъ говорили) показывались Французы, даже опасенъ.

Во время этого труднаго путешествія, M-lle Bourienne, Десаль и прислуга княжны Марьи были удивлены ея твердостью духа и дѣятельностью. Она позже всѣхъ ложилась, раньше всѣхъ вставала, и накакія затрудненія не могли остановить ее. Благодаря ея дѣятельности и энергіи, возбуж-

ласковую нѣжность къ нему (которою онъ невольно отдавалъ должное духовной жизни Пьера), ни на минуту не огорчился бы разлукой съ нимъ. И Пьеръ тоже чувство начиналъ испытывать къ Каратаеву.

Платонъ Каратаевъ былъ для всѣхъ остальныхъ плѣнныхъ самымъ обыкновеннымъ солдатомъ; его звали соколикъ или Платоша, добродушно трунили надъ нимъ, посылали его за посылками. Но для Пьера, какимъ онъ представился въ первую ночь, непостижимымъ, круглымъ и вѣчнымъ олицетвореніемъ духа простоты и правды, такимъ онъ и остался на всегда.

Платонъ Каратаевъ ничего не зналъ наизусть кромѣ своей молитвы. Когда онъ говорилъ свои рѣчи, онъ, начиная ихъ, казалось, не зналъ, чѣмъ онъ ихъ кончитъ.

Когда Пьеръ, иногда пораженный смысломъ его рѣчи, просилъ повторить сказанное, Платонъ не могъ вспомнить того, что̀ онъ сказалъ минуту тому назадъ, также какъ онъ никакъ не могъ словами сказать Пьеру свою любимую пѣсню. Тамъ было: «родимая, березанька и ташненько мнѣ», но на словахъ не выходило никакого смысла. Онъ не понималъ и не могъ понять значенія словъ отдѣльно взятыхъ изъ рѣчи. Каждое слово его и каждое дѣйствіе было проявленіемъ неизвѣстной ему дѣятельности, которая была его жизнь. Но жизнь его, какъ онъ самъ смотрѣлъ на нее, не имѣла смысла какъ отдѣльная жизнь. Она имѣла смыслъ только какъ частица цѣлаго, которое онъ постоянно чувствовалъ. Его слова и дѣйствія выливались изъ него также равномѣрно, необходимо и непосредственно, какъ запахъ отдѣляется отъ цвѣтка. Онъ не могъ понять ни цѣны, ни значенія отдѣльно-взятаго дѣйствія или слова.

XIV.

Получивъ отъ Николая извѣстіе о томъ, что братъ ея находится съ Ростовыми, въ Ярославлѣ, княжна Марья, несмотря на отговариванья тетки, тотчасъ же собралась ѣхать, и нетолько одна, но съ племянникомъ. Трудно ли, не трудно ли, возможно ли, невозможно ли это было, она не спрашивала и не хотѣла знать: ея обязанность была нетолько самой быть подлѣ, можетъ быть, умирающаго брата, но и сдѣлать все возможное для того, чтобы привезти ему сына, и она поднялась ѣхать. Если князь Андрей самъ не увѣдомлялъ ее, то это княжна Марья объясняла или тѣмъ, что онъ былъ слишкомъ слабъ, чтобы писать или тѣмъ, что онъ считалъ для нея и для своего сына этотъ длинный переѣздъ слишкомъ труднымъ и опаснымъ.

Въ нѣсколько дней княжна Марья собралась въ дорогу. Экипажи ея состояли изъ огромной, княжеской кареты, въ которой она пріѣхала въ Воронежъ, брички и повозки. Съ ней ѣхали M-lle Bourienne, Николушка съ гувернеромъ, старая няня, три дѣвушки, Тихонъ, молодой лакей и гайдукъ, котораго тетка отпустила съ нею.

Ѣхать обыкновеннымъ путемъ на Москву нельзя было и думать, и потому окольный путь, который должна была сдѣлать княжна Марья на Липецкъ, Рязань, Владиміръ, Шую былъ очень длиненъ, по неимѣнію вездѣ почтовыхъ лошадей, очень труденъ и, около Рязани, гдѣ (какъ говорили) показывались Французы, даже опасенъ.

Во время этого труднаго путешествія, M-lle Bourienne, Десаль и прислуга княжны Марьи были удивлены ея твердостью духа и дѣятельностью. Она позже всѣхъ ложилась, раньше всѣхъ вставала, и накакія затрудненія не могли остановить ее. Благодаря ея дѣятельности и энергіи, возбуж-

давшимъ ея спутниковъ, къ концу второй недѣли они подъѣзжали къ Ярославлю.

Въ послѣднее время своего пребыванія въ Воронежѣ, княжна Марья испытала лучшее счастье въ своей жизни. Любовь ея къ Ростову уже не мучила, не волновала ея. Любовь эта наполняла всю ея душу, сдѣлалась нераздѣльною частью ея самой, и она не боролась болѣе противъ нея. Въ послѣднее время княжна Марья убѣдилась—хотя она никогда ясно словами опредѣленно не говорила себѣ этого—убѣдилась, что она была любима и любила. Въ этомъ она убѣдилась въ послѣднее свое свиданіе съ Николаемъ, когда онъ пріѣхалъ ей объявить о томъ, что ея братъ былъ съ Ростовыми. Николай ни однимъ словомъ не намекнулъ на то, что теперь (въ случаѣ выздоровленія князя Андрея) прежнія отношенія между нимъ и Наташей могли возобновиться, но княжна Марья видѣла по его лицу, что онъ зналъ и думалъ это. И, несмотря на то, его отношенія къ ней, осторожныя, нѣжныя и любовныя, нетолько не измѣнились, но онъ, казалось, радовался тому, что теперь родство между нимъ и княжной Марьей позволяло ему свободнѣе выражать ей свою дружбу-любовь, какъ иногда думала княжна Марья. Княжна Марья знала, что она любила въ первый и послѣдній разъ въ жизни, и чувствовала, что она любима, и была счастлива, спокойна въ этомъ отношеніи.

Но это счастье одной стороны душевной не только не мѣшало ей во всей силѣ чувствовать горе о братѣ, но, напротивъ, это душевное спокойствіе, въ одномъ отношеніи, давало ей бóльшую возможность отдаваться вполнѣ своему чувству къ брату. Чувство это было такъ сильно въ первую минуту выѣзда изъ Воронежа, что провожавшіе ее были увѣрены, глядя на ея измученное, отчаянное лицо, что она непремѣнно заболѣетъ дорогой; но именно трудности и заботы путешествія, за которыя съ такою дѣятельностью

взялась княжна Марья, спасли ее на время отъ ея горя и придали ей силы.

Какъ и всегда это бываетъ во время путешествія, княжна Марья думала только объ одномъ путешествіи, забывая о томъ, что̀ было его цѣлью. Но, подъѣзжая къ Ярославлю, когда открылось опять то, что́ могло предстоять ей и уже не черезъ много дней, а нынче вечеромъ, волненіе княжны Марьи дошло до крайнихъ предѣловъ.

Когда посланный впередъ гайдукъ, чтобы узнать въ Ярославлѣ гдѣ стоятъ Ростовы и въ какомъ положеніи находится князь Андрей, встрѣтилъ у заставы большую въѣзжавшую карету, онъ ужаснулся, увидавъ страшно-блѣдное лицо княжны, которое высунулось ему изъ окна.

— Все узналъ, ваше сіятельство: Ростовскіе стоятъ на площади, въ домѣ купца Бронникова. Недалече, надъ самой надъ Волгой, сказалъ гайдукъ.

Княжна Марья испуганно-вопросительно смотрѣла въ его лицо, не понимая, почему онъ не отвѣчалъ на главный вопросъ: что братъ? M-lle Bourienne сдѣлала этотъ вопросъ за княжну.

— Что князь? спросила она.

— Ихъ сіятельство съ ними въ томъ же домѣ стоятъ.

— Стало быть, онъ живъ, подумала княжна и тихо спросила, что̀ онъ?

— Люди сказываютъ: все въ томъ же положеніи.

Что значило все въ томъ же положеніи, княжна не стала спрашивать, и мелькомъ только, незамѣтно взглянувъ на семилѣтняго Николушку, сидѣвшаго передъ нею и радовавшагося на городъ, опустила голову и не поднимала ее до тѣхъ поръ, пока тяжелая карета, гремя, трясясь и колыхаясь, не остановилась гдѣ-то. Загремѣли откидываемыя подножки.

Отворились дверцы. Слѣва была вода — рѣка большая, справа крыльцо; на крыльцѣ были люди, прислуга, и какая-

то румяная, съ большой, черной косой, дѣвушка, которая непріятно-притворно улыбалась, какъ показалось княжнѣ Марьѣ (это была Соня). Княжна взбѣжала по лѣстницѣ, притворно улыбавшаяся дѣвушка сказала: сюда, сюда! и княжна очутилась въ передней передъ старой женщиной съ восточнымъ типомъ лица, которая съ растроганнымъ выраженіемъ быстро шла ей на встрѣчу. Это была старая графиня. Она обняла княжну Марью и стала цѣловать ее.

— Mon enfant! проговорила она,—je vous aime et vous connais depuis longtemps [1]).

Несмотря на все свое волненіе, княжна Марья поняла, что это была графиня, и что надо было ей сказать что-нибудь. Она, сама не зная какъ, проговорила какія-то учтивыя Французскія слова, въ томъ же тонѣ, въ которомъ были тѣ, которыя ей говорили, и спросила, что̀ онъ?

— Докторъ говоритъ, что нѣтъ опасности, сказала графиня, но въ то время какъ она говорила это, она со вздохомъ подняла глаза кверху, и въ этомъ жестѣ было выраженіе противурѣчащее ея словамъ.

— Гдѣ онъ? Можно его видѣть, можно? спросила княжна.

— Сейчасъ, княжна, сейчасъ, мой дружокъ. Это его сынъ? сказала она, обращаясь къ Николушкѣ, который входилъ съ Десалемъ.—Мы всѣ помѣстимся, домъ большой. О, какой прелестный мальчикъ!

Графиня ввела княжну въ гостиную. Соня разговаривала съ M-lle Bourienne. Графиня ласкала мальчика. Старый графъ вошелъ въ комнату, привѣтствуя княжну. Старый графъ чрезвычайно перемѣнился съ тѣхъ поръ, какъ его въ послѣдній разъ видѣла княжна. Тогда онъ былъ бойкій, веселый, самоувѣренный старичокъ, теперь онъ казался жалкимъ, затеряннымъ человѣкомъ. Онъ, говоря съ княжной, безпрестанно оглядывался, какъ бы спрашивая у всѣхъ, то

[1]) Дитя мое, я васъ люблю и знаю давно.

ли онъ дѣлаетъ, что̀ надобно. Послѣ раззоренія Москвы и его имѣнья, выбитый изъ привычной колеи, онъ видимо потерялъ сознаніе своего значенія и чувствовалъ, что ему уже нѣтъ мѣста въ жизни.

Несмотря на одно желаніе поскорѣе увидать брата и на досаду за то, что въ эту минуту, когда ей одного хочется—увидать его—ее занимаютъ и притворно хвалятъ ея племянника, княжна замѣчала все, что̀ дѣлалось вокругъ нея и чувствовала необходимость на время подчиниться этому новому порядку, въ который она вступала. Она знала, что все это необходимо, и ей было это трудно, но она не досадовала на нихъ.

— Это моя племянница, сказалъ графъ, представляя Соню,—вы не знаете ее, княжна?

Княжна повернулась къ ней и, стараясь затушить поднявшееся въ ея душѣ враждебное чувство къ этой дѣвушкѣ, поцѣловала ее. Но ей становилось тяжело отъ того, что настроеніе всѣхъ окружающихъ было такъ далеко отъ того, что̀ было въ ея душѣ.

— Гдѣ онъ? спросила она еще разъ, обращаясь ко всѣмъ.

— Онъ внизу, Наташа съ нимъ, отвѣчала Соня краснѣя.—Пошли узнать. Вы я думаю устали, княжна?

У княжны выступили на глаза слезы досады. Она отвернулась и хотѣла опять спросить у графини, гдѣ пройти къ нему, какъ въ дверяхъ послышались легкіе, стремительные, какъ будто веселые шаги. Княжна оглянулась и увидала почти вбѣгающую Наташу, ту Наташу, которая въ то давнишнее свиданіе въ Москвѣ такъ не понравилась ей.

Но не успѣла княжна взглянуть на лицо этой Наташи, какъ она поняла, что это былъ ея искренній товарищъ по горю, и потому ея другъ. Она бросилась ей на встрѣчу и, обнявъ ее, заплакала на ея плечѣ.

Какъ только Наташа, сидѣвшая у изголовья князя Андрея, узнала о пріѣздѣ княжны Марьи, она тихо вышла изъ его

комнаты тѣми быстрыми, какъ показалось княжнѣ Марьѣ, какъ будто веселыми шагами и побѣжала къ ней.

На взволнованномъ лицѣ ея, когда она вбѣжала въ комнату, было только одно выраженіе—выраженье любви, безпредѣльной любви къ нему, къ ней, ко всему тому, чтò было близко любимому человѣку, выраженье жалости, страданья за другихъ и страстнаго желанья отдать себя всю для того, чтобы помочь имъ. Видно было, что въ эту минуту ни одной мысли о себѣ, о своихъ отношеніяхъ къ нему, не было въ душѣ Наташи.

Чуткая княжна Марья съ перваго взгляда на лицо Наташи поняла все это, и съ горестнымъ наслажденіемъ плакала на ея плечѣ.

— Пойдемте, пойдемте къ нему, Мари, проговорила Наташа, отводя ее въ другую комнату.

Княжна Марья подняла лицо, отерла глаза и обратилась къ Наташѣ. Она чувствовала, что отъ нея она все пойметъ и узнаетъ.

— Что.... начала она вопросъ, но вдругъ остановилась. Она почувствовала, что словами нельзя ни спросить, ни отвѣтить. Лицо и глаза Наташи должны были сказать все яснѣе и глубже.

Наташа смотрѣла на нее, но, казалось, была въ страхѣ и сомнѣніи—сказать или не сказать все то чтò она знала; она какъ будто почувствовала, что передъ этими лучистыми глазами, проникавшими въ самую глубь ея сердца, нельзя не сказать всю, всю истину, какою она ее видѣла. Губа Наташи вдругъ дрогнула, уродливыя морщины образовались вокругъ ея рта, и она, зарыдавъ, закрыла лицо руками.

Княжна Марья поняла все.

Но она все таки надѣялась и спросила словами, въ которыя она не вѣрила:

— Но какъ его рана? Вообще въ какомъ онъ положеніи?

— Вы, вы.... увидите—только могла сказать Наташа.

Онѣ посидѣли нѣсколько времени внизу подлѣ его комнаты съ тѣмъ, чтобы перестать плакать и войти къ нему съ спокойными лицами.—Какъ шла вся болѣзнь? Давно ли ему было хуже? Когда *это* случилось? спрашивала кн. Марья.

Наташа разсказывала, что первое время была опасность отъ горячечнаго состоянія и страданія, но у Троицы это прошло, и докторъ боялся одного—Антонова огня. Но и эта опасность миновалась. Когда пріѣхали въ Ярославль, рана стала гноиться (Наташа знала все, что̀ касалось нагноенія и т. п.) и докторъ говорилъ, что нагноеніе можетъ пойти правильно. Сдѣлалась лихорадка. Докторъ говорилъ, что лихорадка эта не такъ опасна. Но два дня тому назадъ, начала Наташа, вдругъ *это* сдѣлалось.... Она удержала рыданья.—Я не знаю отчего, но вы увидите, какой онъ сталъ.

— Ослабѣлъ? похудѣлъ?.. спрашивала княжна.

— Нѣтъ, не то, но хуже. Вы увидите. Ахъ, Мари, онъ слишкомъ хорошъ, онъ не можетъ, не можетъ жить, потому что....

XV.

Когда Наташа привычнымъ движеніемъ отворила его дверь, пропуская впередъ себя княжну, княжна Марья чувствовала уже въ горлѣ своемъ готовыя рыданья. Сколько она ни готовилась, ни старалась успокоиться, она знала, что не въ силахъ будетъ безъ слезъ увидать его.

Княжна Марья понимала то, что̀ Наташа разумѣла словами: *съ нимъ случилось это два дня тому назадъ*. Она понимала, что это означало то, что онъ вдругъ смягчился, и что смягченіе, умиленіе эти были признаками смерти. Она, подходя къ двери, уже видѣла въ воображеніи своемъ то лицо Андрюши, которое она знала въ дѣтствѣ, нѣжное, кроткое, умиленное, которое такъ рѣдко бывало у него и потому

такъ сильно всегда на нее дѣйствовало. Она знала, что онъ скажетъ ей тихія, нѣжныя слова какъ тѣ, которыя сказалъ ей отецъ передъ смертью, и что она не вынесетъ этого и разрыдается надъ нимъ. Но рано ли, поздно ли, это должно было быть, и она вошла въ комнату. Рыданья все ближе и ближе подступали ей къ горлу въ то время, какъ она своими близорукими глазами яснѣе и яснѣе различала его форму и отыскивала его черты, и вотъ она увидала его лицо и встрѣтилась съ нимъ взглядомъ.

Онъ лежалъ на диванѣ, обложенный подушками, въ мѣховомъ, бѣличьемъ халатѣ. Онъ былъ худъ и блѣденъ. Одна худая, прозрачно-бѣлая рука его держала платокъ, другою онъ, тихими движеніями пальцевъ, трогалъ тонкіе отросшіе усы. Глаза его смотрѣли на входившихъ.

Увидавъ его лицо и встрѣтившись съ нимъ взглядомъ, княжна Марья вдругъ умѣрила быстроту своего шага и почувствовала, что слезы вдругъ пересохли и рыданія остановились. Уловивъ выраженіе его лица и взгляда, она вдругъ оробѣла и почувствовала себя виноватою.

«Да въ чемъ же я виновата»? спросила она себя.—«Въ томъ, что живешь и думаешь о живомъ, а я»!.... отвѣчалъ его холодный, строгій взглядъ.

Въ глубокомъ не изъ себя, а въ себя смотрѣвшемъ взглядѣ, была почти враждебность, когда онъ медленно оглянулъ сестру и Наташу.

Онъ поцѣловался съ сестрой, рука въ руку, по ихъ привычкѣ.

— Здравствуй, Мари, какъ это ты добралась? сказалъ онъ голосомъ такимъ же ровнымъ и чуждымъ, какимъ былъ его взглядъ. Ежели бы онъ завизжалъ отчаяннымъ крикомъ, то этотъ крикъ менѣе бы ужаснулъ княжну Марью, чѣмъ звукъ этого голоса.

— И Николушку привезла? сказалъ онъ также ровно и медленно и съ очевиднымъ усиліемъ воспоминанья.

— Какъ твое здоровье теперь? говорила княжна Марья, сама удивляясь тому, что̀ она говорила.

— Это, мой другъ, у доктора спрашивать надо, сказалъ онъ и, видимо сдѣлавъ еще усиліе, чтобы быть ласковымъ, онъ сказалъ однимъ ртомъ (видно было, что онъ вовсе не думалъ того что̀ говорилъ):

— Merci, chère amie, d'être venue.

Княжна Марья пожала его руку. Онъ чуть замѣтно поморщился отъ пожатія ея руки. Онъ молчалъ, и она не знала, что̀ говорить. Она поняла то, что̀ случилось съ нимъ за два дня. Въ словахъ, въ тонѣ его, въ особенности во взглядѣ этомъ,— холодномъ, почти враждебномъ взглядѣ— чувствовалась страшная для живаго человѣка отчужденность отъ всего мірскаго. Онъ видимо съ трудомъ понималъ все живое; но вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалось, что онъ не понималъ живаго не потому, что онъ былъ лишенъ силы пониманья, но потому, что онъ понималъ что-то другое, такое, чего не понимали и не могли понимать живые и что̀ поглощало его всего.

— Да, вотъ какъ странно судьба свела насъ! сказалъ онъ, прерывая молчаніе и указывая на Наташу.—Она все ходитъ за мной.

Княжна Марья слушала и не понимала того, что̀ онъ говорилъ. Онъ, чуткій, нѣжный князь Андрей, какъ могъ онъ говорить это при той, которую онъ любилъ и которая его любила! Ежели бы онъ думалъ жить, то не такимъ холодно-оскорбительнымъ тономъ онъ сказалъ бы это. Ежели бы онъ не зналъ, что умретъ, то какже ему не жалко было ея, какъ онъ могъ при ней говорить это! Одно объясненіе только могло быть этому, это то, что ему было все равно, и все равно отъ того, что что-то другое, важнѣйшее, было открыто ему.

Разговоръ былъ холодный, несвязный и прерывался каждую минуту.

— Мари проѣхала черезъ Рязань, сказала Наташа.—Князь Андрей не замѣтилъ, что она называла его сестру Мари. А Наташа, при немъ назвавъ ее такъ, въ первый разъ сама это замѣтила.

— Ну чтоже? сказалъ онъ.

— Ей разсказывали, что Москва вся сгорѣла, совершенно, что будто бы....

Наташа остановилась: нельзя было говорить. Онъ очевидно дѣлалъ усилія, чтобы слушать и все таки не могъ.

— Да, сгорѣла, говорятъ, сказалъ онъ. Это очень жалко, и онъ сталъ смотрѣть впередъ, пальцами разсѣянно расправляя усы.

— А ты встрѣтилась, Мари, съ графомъ Николаемъ? сказалъ вдругъ князь Андрей, видимо желая сдѣлать имъ пріятное.—Онъ писалъ сюда, что ты ему очень полюбилась, продолжалъ онъ просто, спокойно, видимо не въ силахъ понимать всего того сложнаго значенія, которое имѣли его слова для живыхъ людей. — Ежели бы ты его полюбила тоже, то было бы очень хорошо.... чтобъ вы женились, прибавилъ онъ нѣсколько скорѣе, какъ бы обрадованный словами, которыя онъ долго искалъ и нашелъ наконецъ. Княжна Марья слышала его слова, но они не имѣли для нея никакого другаго значенія кромѣ того, что они доказывали то, какъ страшно далекъ онъ былъ теперь отъ всего живаго.

— Что обо мнѣ говорить! сказала она спокойно и взглянула на Наташу. Наташа, чувствуя на себѣ ея взглядъ, не смотрѣла на нее. Опять всѣ молчали.

— André, ты хоч... вдругъ сказала княжна Марья содрогнувшимся голосомъ, — ты хочешь видѣть Николушку? Онъ все время вспоминалъ о тебѣ.

Князь Андрей чуть замѣтно улыбнулся въ первый разъ, но княжна Марья, такъ знавшая его лицо, съ ужасомъ поняла, что это была улыбка не радости, не нѣжности къ сыну, но тихой, кроткой насмѣшки надъ тѣмъ, что княжна

Марья употребляла по ея мнѣнію послѣднее средство для приведенія его въ чувство.

— Да, я очень радъ Николушкѣ. Онъ здоровъ?

Когда привели къ князю Андрею Николушку, испуганно смотрѣвшаго на отца, но не плакавшаго, потому что никто не плакалъ, князь Андрей поцѣловалъ его и очевидно не зналъ, что̀ говорить съ нимъ.

Когда Николушку уводили, княжна Марья подошла еще разъ къ брату, поцѣловала его и, не въ силахъ удерживаться болѣе, заплакала.

Онъ пристально посмотрѣлъ на нее.

— Ты о Николушкѣ? спросилъ онъ.

Княжна Марья, плача, утвердительно нагнула голову. Мари, ты знаешь Еван... но онъ вдругъ замолчалъ.

— Что ты говоришь?

— Ничего. Не надо плакать здѣсь, сказалъ онъ, тѣмъ же холоднымъ взглядомъ глядя на нее.

Когда княжна Марья заплакала, онъ понялъ, что она плакала о томъ, что Николушка останется безъ отца. Съ большимъ усиліемъ надъ собой, онъ постарался вернуться назадъ въ жизнь и перенесся на ихъ точку зрѣнія.

— Да имъ это должно казаться жалко! подумалъ онъ. А какъ это просто!

«Птицы небесныя не сѣютъ, ни жнутъ, но Отецъ вашъ питаетъ ихъ,» сказалъ онъ самъ себѣ и хотѣлъ тоже сказать княжнѣ; «но нѣтъ, они поймутъ это по своему, они не поймутъ! Этого они не могутъ понимать, что всѣ эти чувства, которыми они дорожатъ — всѣ наши, всѣ эти мысли — которыя кажутся намъ такъ важны, что они — *не нужны*. Мы не можемъ понимать другъ друга!» — и онъ замолчалъ.

Маленькому сыну князя Андрея было семь лѣтъ. Онъ едва умѣлъ читать — онъ ничего не зналъ. Онъ многое пережилъ послѣ этого дня, пріобрѣтая знанія, наблюдательность, опытность; но ежели бы онъ владѣлъ тогда всѣми этими послѣ пріобрѣтенными способностями, онъ не могъ бы лучше, глубже, понять все значеніе той сцены, которую онъ видѣлъ между отцомъ, княжной Марьей и Наташей, чѣмъ онъ ее понялъ теперь. Онъ все понялъ и, не плача, вышелъ изъ комнаты, молча подошелъ къ Наташѣ вышедшей за нимъ, застѣнчиво взглянулъ на нее съ задумчивыми прекрасными глазами: приподнятая румяная верхняя губа его дрогнула, онъ прислонился къ ней головой и заплакалъ.

Съ этого дня онъ избѣгалъ Десаля, избѣгалъ ласкавшую его графиню и либо сидѣлъ одинъ, либо робко подходилъ къ княжнѣ Марьѣ и къ Наташѣ, которую онъ, казалось, полюбилъ еще болѣе своей тетки, и тихо и застѣнчиво ласкался къ нимъ.

Княжна Марья, выйдя отъ князя Андрея, поняла вполнѣ все то, что̀ сказало ей лицо Наташи. Она не говорила больше съ Наташей о надеждѣ на спасеніе его жизни. Она чередовалась съ нею у его дивана и не плакала больше, но безпрестанно молилась, обращаясь душою къ тому Вѣчному Непостижимому, Котораго присутствіе такъ ощутительно было теперь надъ умиравшимъ человѣкомъ.

XVI.

Князь Андрей не только зналъ, что онъ умретъ, но онъ чувствовалъ, что онъ умираетъ, что онъ уже умеръ на половину. Онъ испытывалъ сознаніе отчужденности отъ всего земнаго и радостной и странной легкости бытія. Онъ, не торопясь и не тревожась, ожидалъ того что̀ предстояло ему. То грозное, вѣчное, невѣдомое и далекое, присутствіе ко-

тораго онъ не переставалъ ощущать впродолженіи всей своей жизни, теперь для него было близкое и,—по той странной легкости бытія, которую онъ испытывалъ — почти понятное и ощущаемое.
. .

Прежде онъ боялся конца. Онъ два раза испыталъ это страшное-мучительное чувство страха смерти, конца, и теперь уже не понималъ его.

Первый разъ онъ испыталъ это чувство тогда, когда граната волчкомъ вертѣлась передъ нимъ, и онъ смотрѣлъ на жнивье, на кусты, на небо, и зналъ, что передъ нимъ была смерть. Когда онъ очнулся послѣ раны и въ душѣ его, мгновенно, какъ бы освобожденный отъ удерживавшаго его гнёта жизни распустился этотъ цвѣтокъ любви вѣчной, свободной, не зависящей отъ этой жизни, онъ уже не боялся смерти и не думалъ о ней.

Чѣмъ больше онъ, въ тѣ часы страдальческаго уединенія и полубреда, которые онъ провелъ послѣ своей раны, вдумывался въ новое, открытое ему начало вѣчной любви, тѣмъ болѣе онъ, самъ не чувствуя того, отрекался отъ земной жизни. Все, всѣхъ любить, всегда жертвовать собой для любви, значило никого не любить, значило не жить этою земною жизнью. И чѣмъ больше онъ проникался этимъ началомъ любви, тѣмъ больше онъ отрекался отъ жизни и тѣмъ совершеннѣе уничтожалъ ту страшную преграду, которая безъ любви стоитъ между жизнью и смертью. Когда онъ, это первое время, вспоминалъ о томъ, что ему надо было умереть, онъ говорилъ себѣ: ну чтожъ, тѣмъ лучше.

Но послѣ той ночи въ Мытищахъ, когда въ полу-бреду передъ нимъ явилась та, которую онъ желалъ и когда онъ, прижавъ къ своимъ губамъ ея руку, заплакалъ тихими, радостными слезами, любовь къ одной женщинѣ незамѣтно закралась въ его сердце и опять привязала его къ жизни.

И радостныя и тревожныя мысли стали приходить ему. Вспоминая ту минуту на перевязочномъ пунктѣ, когда онъ увидалъ Курагина, онъ теперь не могъ возвратиться къ тому чувству: его мучилъ вопросъ о томъ, живъ ли онъ? И онъ не смѣлъ спросить этаго.

Болѣзнь его шла своимъ физическимъ порядкомъ, но то, чтò Наташа называла: *это сдѣлалось съ нимъ,* случилось съ нимъ два дня передъ пріѣздомъ княжны Марьи. Это была та послѣдняя, нравственная борьба между жизнью и смертью, въ которой смерть одержала побѣду. Это было неожиданное сознаніе того, что онъ еще дорожилъ жизнью, представлявшейся ему въ любви къ Наташѣ, и послѣдній, покоренный припадокъ ужаса передъ невѣдомымъ.

Это было вечеромъ. Онъ былъ, какъ обыкновенно послѣ обѣда, въ легкомъ, лихорадочномъ состояніи, и мысли его были чрезвычайно ясны. Соня сидѣла у стола. Онъ задремалъ. Вдругъ ощущеніе счастья охватило его.

— А, это она вошла! подумалъ онъ.

Дѣйствительно, на мѣстѣ Сони сидѣла только что неслышными шагами вошедшая Наташа.

Съ тѣхъ поръ какъ она стала ходить за нимъ, онъ всегда испытывалъ это физическое ощущеніе ея близости. Она сидѣла на креслѣ, бокомъ къ нему, заслоняя собой отъ него свѣтъ свѣчи, и вязала чулокъ. (Она выучилась вязать чулки съ тѣхъ поръ, какъ разъ кн. Андрей сказалъ ей, что никто такъ не умѣетъ ходить за больными, какъ старыя няни, которыя вяжутъ чулки и что въ вязаньи чулка есть что-то успокоительное.) Тонкіе пальцы ея быстро перебирали изрѣдка сталкивающіяся спицы, и задумчивый профиль ея опущеннаго лица былъ ясно видѣнъ ему. Она сдѣлала движенье — клубокъ скатился съ ея колѣнъ. Она вздрогнула, оглянулась на него и, заслоняя свѣчу рукой, осторожнымъ, гибкимъ и точнымъ движеніемъ изогнулась, подняла клубокъ и сѣла въ прежнее положеніе.

Онъ смотрѣлъ на нее не шевелясь и видѣлъ, что ей нужно было послѣ своего движенія вздохнуть во всю грудь, но она не рѣшалась этого сдѣлать и осторожно переводила дыханье.

Въ Троицкой Лаврѣ они говорили о прошедшемъ, и онъ сказалъ ей, что ежели бы онъ былъ живъ, онъ благодарилъ бы вѣчно Бога за свою рану, которая свела его опять съ нею, но съ тѣхъ поръ они никогда не говорили о будущемъ.

«Могло или не могло это быть?» думалъ онъ теперь, глядя на нее и прислушиваясь къ легкому стальному звуку спицъ. Неужели только за тѣмъ такъ странно свела меня съ нею судьба, чтобы мнѣ умереть?»...

— Неужели мнѣ открылась истина жизни только для того, чтобы я жилъ во лжи? Я люблю ее больше всего въ мірѣ. Но что же дѣлать мнѣ, ежели я люблю ее? сказалъ онъ, и онъ вдругъ невольно застоналъ по привычкѣ, которую онъ пріобрѣлъ во время своихъ страданій.

Услыхавъ этотъ звукъ, Наташа положила чулокъ, перегнулась ближе къ нему, и вдругъ, замѣтивъ его свѣтящіеся глаза, подошла къ нему легкимъ шагомъ и нагнулась.

— Вы не спите?

— Нѣтъ, я давно смотрю на васъ; я почувствовалъ, когда вы вошли. Никто, какъ вы, не даетъ мнѣ той мягкой тишины.... того свѣта. Мнѣ такъ и хочется плакать отъ радости.

Наташа ближе придвинулась къ нему. Лицо ея сіяло восторженною радостью.

— Наташа, я слишкомъ люблю васъ. Больше всего на свѣтѣ.

— А я? Она отвернулась на мгновеніе. Отчего же слишкомъ? сказала она.

— Отчего слишкомъ?... Ну, какъ вы думаете, какъ вы

чувствуете по душѣ, по всей душѣ, буду я живъ? Какъ вамъ кажется?

— Я увѣрена, я увѣрена! почти вскрикнула Наташа, страстнымъ движеніемъ взявъ его за обѣ руки.

Онъ помолчалъ.

— Какъ бы хорошо! И, взявъ ея руку, онъ поцѣловалъ ее.

Наташа была счастлива и взволнована; и тотчасъ же она вспомнила, что этого нельзя, что ему нужно спокойствіе.

— Однако вы не спали, сказала она, подавляя свою радость.—Постарайтесь заснуть.... пожалуйста.

Онъ выпустилъ, пожавъ, ея руку, и она перешла къ свѣчѣ и опять сѣла въ прежнее положеніе. Два раза она оглянулась на него, глаза его свѣтились ей на встрѣчу. Она задала себѣ урокъ на чулкѣ и сказала себѣ, что до тѣхъ поръ она не оглянется, пока не кончитъ его.

Дѣйствительно, скоро послѣ этого онъ закрылъ глаза и заснулъ. Онъ спалъ не долго и вдругъ въ холодномъ поту тревожно проснулся.

Засыпая онъ думалъ все о томъ же, о чемъ онъ думалъ все это время—о жизни и смерти. И больше о смерти. Онъ чувствовалъ себя ближе къ ней.

«Любовь? Что такое любовь?» думалъ онъ.

«Любовь мѣшаетъ смерти. Любовь есть жизнь. Все, все, что̀ я понимаю, я понимаю только потому, что люблю. Все есть, все существуетъ только потому, что я люблю. Все связано одною ею. Любовь есть Богъ, и умереть—значитъ мнѣ, частицѣ любви, вернуться къ общему и вѣчному источнику». Мысли эти показались ему утѣшительны. Но это были только мысли. Чего-то не доставало въ нихъ, что-то было односторонне-личное, умственное—не было очевидности. И было то же безпокойство и неясность. Онъ заснулъ.

Онъ видѣлъ во снѣ, что онъ лежитъ въ той же комнатѣ, въ которой онъ лежалъ въ дѣйствительности, но что онъ не раненъ, а здоровъ. Много разныхъ лицъ, ничтожныхъ,

равнодушныхъ, являются передъ кн. Андреемъ. Онъ говоритъ съ ними, споритъ о чемъ-то ненужномъ. Они сбираются ѣхать куда-то. Кн. Андрей смутно припоминаетъ, что все это ничтожно и что у него есть другія важнѣйшія заботы, но продолжаетъ говорить, удивляя ихъ, какія-то пустыя, остроумныя слова. Понемногу, не замѣтно, всѣ эти лица начинаютъ исчезать, и все замѣняется однимъ вопросомъ о затворенной двери. Онъ встаетъ и идетъ къ двери, чтобы задвинуть задвижку и запереть ее. Отъ того, что онъ успѣетъ или не успѣетъ запереть ее, зависитъ *все*. Онъ идетъ, спѣшитъ, ноги его не двигаются, и онъ знаетъ, что не успѣетъ запереть дверь, но все-таки болѣзненно напрягаетъ всѣ свои силы. И мучительный страхъ охватываетъ его. И этотъ страхъ есть страхъ смерти: за дверью стоитъ *оно*. Но въ то же время какъ онъ безсильно-неловко подползаетъ къ двери, это что-то ужасное, съ другой стороны уже, надавливая, ломится въ нее. Что-то не человѣческое — смерть—ломится въ дверь, и надо удержать ее. Онъ ухватывается за дверь, напрягаетъ послѣднія усилія— запереть уже нельзя — хоть удержать ее; но силы его слабы, не ловки, и надавливаемая ужаснымъ, дверь отворяется и опять затворяется.

Еще разъ оно надавило оттуда. Послѣднія, сверхъестественныя усилія тщетны, и обѣ половинки отворились беззвучно. *Оно* вошло, и оно есть *смерть*. И князь Андрей умеръ.

Но въ то же мгновеніе какъ онъ умеръ, князь Андрей вспомнилъ, что онъ спитъ, и въ то же мгновеніе какъ онъ умеръ, онъ, сдѣлавъ надъ собою усиліе, проснулся.

«Да, это была смерть. Я умеръ—я проснулся. Да, смерть—пробужденіе», вдругъ просвѣтлѣло въ его душѣ, и завѣса, скрывавшая до сихъ поръ невѣдомое, была приподнята передъ его душевнымъ взоромъ. Онъ почувствовалъ какъ бы освобожденіе прежде связанной въ немъ силы

и ту странную легкость, которая съ тѣхъ поръ не оставляла его.

Когда онъ, очнувшись въ холодномъ поту, зашевелился на диванѣ, Наташа подошла къ нему и спросила, чтò съ нимъ. Онъ не отвѣтилъ ей и, не понимая ее, посмотрѣлъ на нее страннымъ взглядомъ.

Это-то было то, чтò случилось съ нимъ за два дня до пріѣзда княжны Марьи. Съ этого же дня, какъ говорилъ докторъ, изнурительная лихорадка приняла дурной характеръ, но Наташа не интересовалась тѣмъ, чтò говорилъ докторъ: она видѣла эти страшные, болѣе для нея несомнѣнные, нравственные признаки.

Съ этого дня началось для князя Андрея вмѣстѣ съ пробужденіемъ отъ сна — пробужденіе отъ жизни. И относительно продолжительности жизни оно не казалось ему болѣе медленно, чѣмъ пробужденіе отъ сна относительно продолжительности сновидѣнія.

Ничего не было страшнаго и рѣзкаго въ этомъ, относительно-медленномъ, пробужденіи.

Послѣдніе дни и часы его прошли обыкновенно и просто. И княжна Марья, и Наташа, не отходившія отъ него, чувствовали это. Онѣ не плакали, не содрогались и, послѣднее время, сами чувствуя это, ходили уже не за нимъ (его уже не было, онъ ушелъ отъ нихъ), а за самымъ близкимъ воспоминаніемъ о немъ—за его тѣломъ. Чувства обѣихъ были такъ сильны, что на нихъ не дѣйствовала внѣшняя, страшная сторона смерти, и онѣ не находили нужнымъ растравлять свое горе. Онѣ не плакали ни при немъ, ни безъ него, но и никогда не говорили про него между собою. Онѣ чувствовали, что не могли выразить словами того, чтò онѣ понимали.

Онѣ обѣ видѣли, какъ онъ глубже и глубже, медленно и спокойно, опускался отъ нихъ куда-то туда, и обѣ знали, что это такъ должно быть, и что это хорошо.

Его исповѣдывали, причастили; всѣ приходили къ нему прощаться. Когда ему привели сына, онъ приложилъ къ нему свои губы и отвернулся не потому, чтобы ему было тяжело и жалко (княжна Марья и Наташа понимали это), но только потому, что онъ полагалъ, что это все, что̀ отъ него требовали; но когда ему сказали, чтобы онъ благословилъ его, онъ исполнилъ требуемое и оглянулся, какъ будто спрашивая, не нужно ли еще что нибудь сдѣлать.

Когда происходили послѣднія содроганія тѣла, оставляемаго духомъ, княжна Марья и Наташа были тутъ.

— Кончилось?! сказала княжна Марья, послѣ того какъ тѣло его уже нѣсколько минутъ, неподвижно холодѣя, лежало передъ ними. Наташа подошла, взглянула въ мертвые глаза и поспѣшила закрыть ихъ. Она закрыла ихъ и не поцѣловала ихъ, а приложилась къ тому, что̀ было ближайшимъ воспоминаніемъ о немъ.

«Куда онъ ушелъ? Гдѣ онъ теперь?»..

Когда одѣтое, обмытое тѣло лежало въ гробу на столѣ, всѣ подходили къ нему прощаться и всѣ плакали.

Николушка плакалъ отъ страдальческаго недоумѣнія, разрывавшаго его сердце. Графиня и Соня плакали отъ жалости къ Наташѣ и о томъ, что его нѣтъ больше. Старый графъ плакалъ о томъ, что скоро, онъ чувствовалъ, и ему предстояло сдѣлать тотъ же страшный шагъ.

Наташа и княжна Марья плакали тоже теперь, но онѣ плакали не отъ своего личнаго горя; онѣ плакали отъ благоговѣйнаго умиленія, охватившаго ихъ души передъ сознаніемъ простаго и торжественнаго таинства смерти, совершившагося передъ ними.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Для человѣческаго ума недоступна совокупность причинъ явленій. Но потребность отыскивать причины вложена въ душу человѣка. И человѣческій умъ, не вникнувши въ безчисленность и сложность условій явленій, изъ которыхъ каждое отдѣльно можетъ представляться причиною, хватается за первое самое понятное сближеніе и говоритъ: вотъ причина. Въ историческихъ событіяхъ (гдѣ предметомъ наблюденія суть дѣйствія людей) самымъ первобытнымъ сближеніемъ представляется воля боговъ, потомъ воля тѣхъ людей, которые стоятъ на самомъ видномъ историческомъ мѣстѣ— историческихъ героевъ. Но стóитъ только вникнуть въ сущность каждаго историческаго событія, т. е. въ дѣятельность всей массы людей, участвовавшихъ въ событіи, чтобы убѣдиться, что воля историческаго героя не только не руководитъ дѣйствіями массъ, но сама постоянно руководима. Казалось бы, все равно понимать значеніе историческаго событія такъ или иначе. Но между человѣкомъ, который говоритъ, что народы Запада пошли на Востокъ, потому что Наполеонъ захотѣлъ этого, и человѣкомъ, который говоритъ, что это совершилось, потому что должно было совершиться, существуетъ тоже различіе, которое существовало между людьми, утверждавшими, что земля стоитъ твердо и планеты движутся вокругъ нея, и тѣми, которые говорили, что они не знаютъ на чемъ держится земля, но знаютъ, что есть законы управляющіе движеніемъ и ея и

другихъ планетъ. Причинъ историческаго событія—нѣтъ и не можетъ быть, кромѣ единственной причины всѣхъ причинъ. Но есть законы управляющіе событіями, отчасти неизвѣстные, отчасти нащупываемые нами. Открытіе этихъ законовъ возможно только тогда, когда мы вполнѣ отрѣшимся отъ отыскиванья причинъ въ волѣ одного человѣка, точно также какъ открытіе законовъ движенія планетъ стало возможно только тогда, когда люди отрѣшились отъ представленія утвержденности земли.

Послѣ Бородинскаго сраженія, занятія непріятелемъ Москвы и сожженія ея, важнѣйшимъ эпизодомъ войны 1812 года историки признаютъ движеніе Русской арміи съ Рязанской на Калужскую дорогу и къ Тарутинскому лагерю—такъ называемый фланговый маршъ за Красной Пахрой. Историки приписываютъ славу этого геніальнаго подвига различнымъ лицамъ и спорятъ о томъ, кому собственно она принадлежитъ. Даже иностранные, даже Французскіе историки признаютъ геніальность Русскихъ полководцевъ, говоря объ этомъ фланговомъ маршѣ. Но почему военные писатели, а за ними и всѣ, полагаютъ, что этотъ фланговый маршъ есть весьма глубокомысленное изобрѣтеніе какого нибудь одного лица, спасшее Россію и погубившее Наполеона, весьма трудно понять. Во первыхъ, трудно понять, въ чемъ состоитъ глубокомысліе и геніальность этого движенія; ибо для того, чтобы догадаться, что самое лучшее положеніе арміи (когда ея не атакуютъ) находиться тамъ, гдѣ больше продовольствія, не нужно большаго умственнаго напряженія. И каждый, даже глупый тринадцатилѣтній мальчикъ, безъ труда могъ догадаться, что въ 1812 году самое выгодное положеніе арміи, послѣ отступленія отъ Москвы, было на Калужской дорогѣ. И такъ нельзя понять, во первыхъ, какими умозаключеніями доходятъ историки до

того, чтобы видѣть что-то глубокомысленное въ этомъ маневрѣ. Во вторыхъ, еще труднѣе понять, въ чемъ именно историки видятъ спасительность этого маневра для Русскихъ и пагубность его для Французовъ; ибо фланговый маршъ этотъ, при другихъ, предшествующихъ, сопутствовавшихъ и послѣдовавшихъ обстоятельствахъ, могъ быть пагубнымъ для Русскаго и спасительнымъ для Французскаго войска. Если съ того времени какъ совершилось это движеніе, положеніе Русскаго войска стало улучшаться, то изъ этого никакъ не слѣдуетъ, чтобы это движеніе было тому причиною.

Этотъ фланговый маршъ не только не могъ бы принести какія нибудь выгоды, но могъ бы погубить Русскую армію, ежели бы при томъ не было совпаденія другихъ условій. Что бы было, еслибы не сгорѣла Москва? Еслибы Мюратъ не потерялъ изъ виду Русскихъ? Еслибы Наполеонъ не находился въ бездѣйствіи? Еслибы подъ Красной Пахрой Русская армія, по совѣту Бенигсена и Барклая, дала бы сраженіе? Что бы было, еслибы Французы атаковали Русскихъ, когда они шли за Пахрой? Что бы было, если бы впослѣдствіи Наполеонъ, подойдя къ Тарутину, атаковалъ бы Русскихъ хотя бы съ одной десятой долей той энергіи, съ которой онъ атаковалъ въ Смоленскѣ? Что бы было, если бы Французы пошли на Петербургъ?... При всѣхъ этихъ предположеніяхъ, спасительность фланговаго марша могла перейдти въ пагубность.

Въ третьихъ, и самое непонятное, состоитъ въ томъ, что люди изучающіе исторію умышленно не хотятъ видѣть того, что фланговый маршъ нельзя приписывать никакому одному человѣку, что никто никогда его не предвидѣлъ, что маневръ этотъ, точно также какъ и отступленіе въ Филяхъ, въ настоящемъ никогда никому не представлялся въ его цѣльности, а шагъ за шагомъ, событіе за событіемъ, мгновеніе за мгновеніемъ, вытекалъ изъ безчисленнаго ко-

личества самыхъ разнообразныхъ условій; и только тогда представился во всей своей цѣльности, когда онъ совершился и сталъ прошедшимъ.

На совѣтѣ въ Филяхъ, у Русскаго начальства преобладающею мыслью было само собой разумѣвшееся отступленіе по прямому направленію назадъ, т. е. по Нижегородской дорогѣ. Доказательствами тому служитъ то, что большинство голосовъ на совѣтѣ было подано въ этомъ смыслѣ и, главное, извѣстный разговоръ послѣ совѣта главнокомандующаго съ Ланскимъ, завѣдывавшимъ провіантскою частью. Ланской донесъ главнокомандующему, что продовольствіе для арміи собрано преимущественно по Окѣ, въ Тульской и Казанской губерніяхъ, и что въ случаѣ отступленія на Нижній, запасы провіанта будутъ отдѣлены отъ арміи большою рѣкою Окой, черезъ которую перевозъ въ первозимье бываетъ невозможенъ. Это былъ первый признакъ необходимости уклоненія отъ прежде представлявшагося самымъ естественнымъ прямаго направленія на Нижній. Армія подержалась южнѣе, по Рязанской дорогѣ, и ближе къ запасамъ. Въ послѣдствіи бездѣйствіе Французовъ, потерявшихъ даже изъ виду Русскую армію, заботы о защитѣ Тульскаго завода и, главное, выгоды приближенія къ своимъ запасамъ, заставили армію отклониться еще южнѣе, на Тульскую дорогу. Перейдя отчаяннымъ движеніемъ за Пахрой на Тульскую дорогу, военначальники Русской арміи думали оставаться у Подольска, и не было мысли о Тарутинской позиціи; но безчисленное количество обстоятельствъ и появленіе опять Французскихъ войскъ, прежде потерявшихъ изъ виду Русскихъ, и проекты сраженія и, главное, обиліе провіанта въ Калугѣ заставили нашу армію еще болѣе отклониться къ югу и перейдти въ середину путей своего продовольствія, съ Тульской на Калужскую дорогу, къ Тарутину. Точно также какъ нельзя отвѣчать на тотъ вопросъ, когда оставлена была Москва, нельзя отвѣчать и на то, когда

именно и кѣмъ рѣшено было перейдти къ Тарутину. Только тогда, когда войска пришли уже къ Тарутину вслѣдствіе безчисленныхъ, диференціальныхъ силъ, тогда только стали люди увѣрять себя, что они этого хотѣли и давно предвидѣли.

II.

Знаменитый фланговый маршъ состоялъ только въ томъ, что Русское войско, отступая все прямо назадъ по обратному направленію наступленія, послѣ того какъ наступленіе Французовъ прекратилось, отклонилось отъ принятаго сначала прямаго направленія и, не видя за собой преслѣдованія, естественно подалось въ ту сторону, куда его влекло обиліе продовольствія.

Если бы представить себѣ не геніальныхъ полководцевъ во главѣ Русской арміи, но просто одну армію безъ начальниковъ, то и эта армія не могла бы сдѣлать ничего другаго кромѣ обратнаго движенія къ Москвѣ, описывая дугу съ той стороны, съ которой было больше продовольствія и край былъ обильнѣе.

Передвиженіе это съ Нижегородской на Рязанскую, Тульскую и Калужскую дорогу было до такой степени естественно, что въ этомъ самомъ направленіи отбѣгали мародеры Русской арміи, и что въ этомъ самомъ направленіи требовалось изъ Петербурга, чтобы Кутузовъ перевелъ свою армію. Въ Тарутинѣ Кутузовъ получилъ почти выговоръ отъ Государя за то, что онъ отвелъ армію на Рязанскую дорогу, и ему указывалось то самое положеніе противъ Калуги, въ которомъ онъ уже находился въ то время, какъ получилъ письмо Государя.

Откатывавшійся по направленію толчка, даннаго ему во время всей кампаніи и въ Бородинскомъ сраженіи, шаръ Русскаго войска, при уничтоженіи силы толчка и не получая новыхъ толчковъ, принялъ то положеніе, которое было ему естественно.

Заслуга Кутузова не состояла въ какомъ нибудь геніальномъ, какъ это называютъ, стратегическомъ маневрѣ, а въ томъ, что онъ одинъ понималъ значеніе совершавшагося событія. Онъ одинъ понималъ уже тогда значеніе бездѣйствія Французской арміи, онъ одинъ продолжалъ утверждать, что Бородинское сраженіе была побѣда; онъ одинъ — тотъ, который, казалось бы, по своему положенію главнокомандующаго, долженъ былъ быть вызываемъ къ наступленію—онъ одинъ всѣ силы свои употреблялъ на то, чтобы удержать Русскую армію отъ безполезныхъ сраженій.

Подбитый звѣрь подъ Бородинымъ лежалъ тамъ гдѣ-то, гдѣ его оставилъ отбѣжавшій охотникъ; но живъ ли, силенъ ли онъ былъ, или онъ только притаился, охотникъ не зналъ этого. Вдругъ послышался стонъ этого звѣря.

Стонъ этого раненаго звѣря Французской арміи, обличитель ея погибели, была присылка Лористона въ лагерь Кутузова съ просьбой о мирѣ.

Наполеонъ съ своей увѣренностью въ томъ, что не то хорошо, что̀ хорошо, а то, что̀ ему пришло въ голову, написалъ Кутузову слова, первыя пришедшія ему въ голову и не имѣющія никакого смысла.

Monsieur le prince Koutouzov, писалъ онъ, j'envoie près de vous un de mes aides de camps généraux pour vous entretenir de plusieurs objets intéréssants. Je désire que votre allesse ajoute foi à ce qu'il lui dira, *surtout lorsqu'il exprimera les sentiments d'estime et de particulière considération que j'ai depuis longtems pour sa personne. Cette lettre n'étant à autre fin, je prie Dieu, Monsieur le prince Koutouzov, qu'vous ait en Sa sainte et digne garde.*

Moscou, le 30 Octobre, 1812 Signé:

Napoléon [1]).

[1]) Посылаю къ вамъ одного изъ моихъ генералъ-адъютантовъ, для переговоровъ съ вами о многихъ важныхъ предметахъ. Прошу вашу

— Je serai maudit par la postérité si l'on me regardait comme le premier moteur d'un accommodement quelconque. *Tel est l'esprit actuel de ma nation* [1]), отвѣчалъ Кутузовъ и продолжалъ употреблять всѣ свои силы на то, чтобы удерживать войска отъ наступленія.

Въ мѣсяцъ грабежа Французскаго войска въ Москвѣ и спокойной стоянки Русскаго войска подъ Тарутинымъ, совершилось измѣненіе въ отношеніи силы обоихъ войскъ (духа и численности), вслѣдствіе котораго преимущество силы оказалось на сторонѣ Русскихъ. Несмотря на то, что положеніе Французскаго войска и его численность были неизвѣстны Русскимъ, какъ скоро измѣнилось отношеніе, необходимость наступленія тотчасъ же выразилась въ безчисленномъ количествѣ признаковъ. Признаками этими были: и присылка Лористона, и изобиліе провіанта въ Тарутинѣ, и свѣдѣнія приходившія со всѣхъ сторонъ о бездѣйствіи и безпорядкѣ Французовъ, и комплектованіе нашихъ полковъ рекрутами, и хорошая погода, и продолжительный отдыхъ Русскихъ солдатъ, и обыкновенно возникающее въ войскахъ вслѣдствіе отдыха нетерпѣніе исполнять то дѣло, для котораго всѣ собраны, и любопытство о томъ, что̀ дѣлалось во Французской арміи, такъ давно потерянной изъ виду, и смѣлость, съ которою теперь шныряли Русскіе аванпосты около стоявшихъ въ Тарутинѣ Французовъ, и извѣстія о легкихъ побѣдахъ надъ Французами мужиковъ и партизановъ, и зависть возбуждаемая этимъ, и чувство мести, лежавшее въ душѣ каждаго человѣка до тѣхъ поръ

свѣтлость вѣрить всему, что̀ онъ вамъ скажетъ, особенно когда станетъ выражать вамъ чувствованія уваженія и особеннаго почтенія, питаемыя мною къ вамъ съ давняго времени. За симъ молю Бога о сохраненіи васъ подъ Своимъ священнымъ кровомъ.

[1]) Я бы былъ проклятъ, еслибъ на меня смотрѣли, какъ на перваго зачинщика какой бы то ни было сдѣлки: *такова воля нашего народа*.

пока Французы были въ Москвѣ, и (главное) неясное, но возникшее въ душѣ каждаго солдата сознаніе того, что отношеніе силы измѣнилось теперь и преимущество находится на нашей сторонѣ. Существенное отношеніе силъ измѣнилось, и наступленіе стало необходимымъ. И тотчасъ же, также вѣрно, какъ начинаютъ бить и играть въ часахъ куранты, когда стрѣлка совершила полный кругъ, въ высшихъ сферахъ, соотвѣтственно существенному измѣненію силъ, отразилось усиленное движеніе, шипѣніе и игра курантовъ.

III.

Русская армія управлялась Кутузовымъ съ его штабомъ и Государемъ изъ Петербурга. Въ Петербургѣ, еще до полученія извѣстія объ оставленіи Москвы, былъ составленъ подробный планъ всей войны, и присланъ Кутузову для руководства. Несмотря на то, что планъ этотъ былъ составленъ въ предположеніи того, что Москва ещевъ нашихъ рукахъ, планъ этотъ былъ одобренъ штабомъ и принятъ къ исполненію. Кутузовъ писалъ только, что дальнія диверсіи всегда трудно исполнимы. И для разрѣшенія встрѣчавшихся трудностей присылались новыя наставленія и лица, долженствовавшія слѣдить за его дѣйствіями и доносить о нихъ.

Кромѣ того, теперь въ Русской арміи преобразовался весь штабъ. Замѣщались мѣста убитаго Багратіана и обиженнаго, удалившагося Барклая. Весьма серьезно обдумывали, что́ будетъ лучше: А. помѣстить на мѣсто Б., а Б. на мѣсто Д., или, напротивъ, Д. на мѣсто А. и т. д., какъ будто что нибудь кромѣ удовольствія А. и Б. могло зависѣть отъ этого.

Въ штабѣ арміи, по случаю враждебности Кутузова съ своимъ начальникомъ штаба Бенигсеномъ и присутствія довѣренныхъ лицъ Государя и этихъ перемѣщеній, шла

болѣе чѣмъ обыкновенно сложная игра партій: А. подкапывался подъ Б., Д. подъ С. и т. д., во всѣхъ возможныхъ перемѣщеніяхъ и сочетаніяхъ. При всѣхъ этихъ подкапываніяхъ, предметомъ интригъ большей частью было то военное дѣло, которымъ думали руководить всѣ эти люди; но это военное дѣло шло независимо отъ нихъ, именно такъ, какъ оно должно было идти, т. е. никогда не совпадая съ тѣмъ, что̀ придумывали люди, а вытекая изъ сущности отношенія массъ. Всѣ эти придумыванья, скрещиваясь, перепутываясь, представляли въ высшихъ сферахъ только вѣрное отраженіе того, что̀ должно было совершиться.

Князь Михаилъ Иларіоновичъ! писалъ Государь отъ 2-го Октября, въ письмѣ полученномъ послѣ Тарутинскаго сраженія. Съ 2-го Сентября Москва въ рукахъ непріятельскихъ. Послѣдніе ваши рапорты отъ 20-го; и въ теченіи всего сего времени, не только что ничего не предпринято для дѣйствія противу непріятеля и освобожденія первопрестольной столицы, но даже, по послѣднимъ рапортамъ вашимъ, вы еще отступили назадъ. Серпуховъ уже занятъ отрядомъ непріятельскимъ, и Тула, съ знаменитымъ и столь для арміи необходимымъ своимъ заводомъ, въ опасности. По рапортамъ отъ генерала Винценгероде вижу Я, что непріятельскій 10000-й корпусъ подвигается къ Петербургской дорогѣ. Другой, въ нѣсколькихъ тысячахъ, также подается къ Дмитрову. Третій подвинулся впередъ по Владимірской дорогѣ. Четвертый, довольно значительный, стоитъ между Рузою и Можайскомъ. Наполеонъ же самъ по 25-е число находился въ Москвѣ. По всѣмъ симъ свѣдѣніямъ, когда непріятель сильными отрядами раздробилъ свои силы, когда Наполеонъ еще въ Москвѣ самъ, съ своей гвардіей, возможно ли, чтобы силы непріятельскія, находящіяся передъ вами, были значительны и не позволяли вамъ дѣйствовать наступательно? Съ вѣроятностью, напротивъ того, можно полагать, что онъ васъ преслѣдуетъ отрядами, или покрайней мѣрѣ, корпу-

сомъ, гораздо слабѣе арміи, вамъ ввѣренной. Казалось, что пользуясь сими обстоятельствами, могли бы вы съ выгодою атаковать непріятеля слабѣе васъ и истребить онаго, или по меньшей мѣрѣ, заставя его отступить, сохранить въ нашихъ рукахъ знатную часть губерній нынѣ непріятелемъ занимаемыхъ и тѣмъ самымъ отвратить опасность отъ Тулы и прочихъ внутреннихъ Нашихъ городовъ. На вашей отвѣтственности останется, если непріятель въ состояніи будетъ отрядить значительный корпусъ на Петербургъ для угрожанія сей столицѣ, въ которой не могло остаться много войска, ибо съ ввѣренною вамъ арміею, дѣйствуя съ рѣшительностью и дѣятельностью, вы имѣете всѣ средства отвратить сіе новое несчастіе. Вспомните, что вы еще обязаны отвѣтомъ оскорбленному отечеству въ потерѣ Москвы. Вы имѣли опыты Моей готовности васъ награждать. Сія готовность не ослабнетъ во Мнѣ, но Я и Россія вправѣ ожидать съ вашей стороны всего усердія, твердости и успѣховъ, которые умъ вашъ, воинскіе таланты ваши и храбрость войскъ, вами предводительствуемыхъ, намъ предвѣщаютъ.

Но въ то время, какъ письмо это, доказывающее то, что существенное отношеніе силъ уже отражалось и въ Петербургѣ, было въ дорогѣ, Кутузовъ не могъ уже удержать командуемую имъ армію отъ наступленія, и сраженіе уже было дано.

2-го Октября казакъ Шаповаловъ, находясь въ разъѣздѣ, убилъ изъ ружья одного и подстрѣлилъ другаго зайца. Гонясь за подстрѣленнымъ зайцемъ, Шаповаловъ забрелъ далеко въ лѣсъ и наткнулся на лѣвый флангъ арміи Мюрата, стоящій безъ всякихъ предосторожностей. Казакъ смѣясь разсказалъ товарищамъ, какъ онъ чуть не попался Французамъ. Хорунжій, услыхавъ этотъ разсказъ, сообщилъ его командиру.

Казака призвали, разспросили; казачіе командиры хотѣли воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы отбить лошадей,

но одинъ изъ начальниковъ, знакомый съ высшими чинами арміи, сообщилъ этотъ фактъ штабному генералу. Въ послѣднее время въ штабѣ арміи положеніе было въ высшей степени натянутое. Ермоловъ, за нѣсколько дней передъ этимъ, придя къ Бенигсену, умолялъ его употребить свое вліяніе на главнокомандующаго для того, чтобы сдѣлано было наступленіе.

— Ежели бы я не зналъ васъ, я подумалъ бы, что вы не хотите того, о чемъ вы просите. Сто̀итъ мнѣ посовѣтоватъ одно, чтобы свѣтлѣйшій на вѣрное сдѣлалъ противуположное,—отвѣчалъ Бенигсенъ.

Извѣстіе казаковъ, подтвержденное посланными разъѣздами, доказало окончательную зрѣлость событія. Натянутая струна соскочила, и зашипѣли часы, и заиграли куранты. Несмотря на всю свою мнимую власть, на свой умъ, опытность, знаніе людей—Кутузовъ, принявъ во вниманіе записку Бенигсена посылавшаго лично донесенія Государю, выражаемое всѣми генералами одно и тоже желаніе, предполагаемое имъ желаніе Государя и свѣдѣніе казаковъ, уже не могъ удержать неизбѣжнаго движенія и отдалъ приказаніе на то, что̀ онъ считалъ безполезнымъ и вреднымъ—благословилъ совершившійся фактъ.

IV.

Записка Бенигсена и свѣдѣніе казаковъ о незакрытомъ лѣвомъ флангѣ Французовъ были только послѣдніе признаки необходимости отдать приказаніе о наступленіи, и наступленіе было назначено на 5 Октября.

4-го числа утромъ Кутузовъ подписалъ диспозицію. Толь прочелъ ее Ермолову, предлагая ему заняться дальнѣйшими распоряженіями.

— Хорошо, хорошо, мнѣ теперь некогда, сказалъ Ер-

моловъ, и вышелъ изъ избы. Диспозиція, составленная Толемъ, была очень хорошая. Также какъ и въ Аустерлицкой диспозиціи было написано хотя и не по-нѣмецки:

Die erste Colonne marschirt туда-то и туда-то, die zweite Colonne marschirt туда-то и туда-то, и т. д. И всѣ эти колонны на бумагѣ приходили въ назначенное время въ свое мѣсто и уничтожали непріятеля. Все было какъ и во всѣхъ диспозиціяхъ, прекрасно придумано, и какъ и по всѣмъ диспозиціямъ ни одна колонна не пришла въ свое время и на свое мѣсто.

Когда диспозиція была готова въ должномъ количествѣ экземпляровъ, былъ призванъ офицеръ и посланъ къ Ермолову, чтобы передать ему бумаги для исполненія. Молодой кавалергардскій офицеръ, ординарецъ Кутузова, довольный важностью даннаго ему порученія, отправился на квартиру Ермолова.

— Уѣхали, отвѣчалъ деньщикъ Ермолова. Кавалергардскій офицеръ пошелъ къ генералу, у котораго часто бывалъ Ермоловъ.

— Нѣтъ, и генерала нѣтъ.

Кавалергардскій офицеръ, сѣвъ верхомъ, поѣхалъ къ другому.

— Нѣтъ, уѣхали.

«Какъ бы мнѣ не отвѣчать за промедленіе! Вотъ досада!» думалъ офицеръ. Онъ объѣздилъ весь лагерь. Кто говорилъ, что видѣли, какъ Ермоловъ проѣхалъ съ другими генералами куда-то, кто говорилъ, что онъ вѣрно опять дома. Офицеръ не обѣдая искалъ до 6-ти часовъ вечера. Нигдѣ Ермолова не было, и никто не зналъ, гдѣ онъ былъ. Офицеръ наскоро перекусилъ у товарища и поѣхалъ опять въ авангардъ къ Милорадовичу. Милорадовича не было тоже дома, но тутъ ему сказали, что Милорадовичъ на балу у генерала Кикина, что должно быть и Ермоловъ тамъ.

— Да гдѣ же это?

— А вонъ, въ Ечкинѣ, сказалъ казачій офицеръ, указывая на далекій, помѣщичій домъ.

— Да какъже тамъ, за цѣпью?

— Выслали два полка нашихъ въ цѣпь, тамъ нынче такой кутежъ идетъ, бѣда! Двѣ музыки, три хора пѣсенниковъ.

Офицеръ поѣхалъ за цѣпь къ Ечкину. Издалека еще, подъѣзжая къ дому, онъ услыхалъ дружные, веселые звуки плясовой солдатской пѣсни.

— «Во-олузяхъ....во-олузяхъ!....» съ присвистомъ и съ торбаномъ слышалось ему, изрѣдка заглушаемое крикомъ голосовъ. Офицеру и весело стало на душѣ отъ этихъ звуковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и страшно за то, что онъ виноватъ, такъ долго не передавъ важнаго, порученнаго ему, приказанія. Былъ уже 9-й часъ. Онъ слѣзъ съ лошади и вошелъ на крыльцо большаго, сохранившагося въ цѣлости помѣщичьяго дома, находившагося между Русскихъ и Французовъ. Въ буфетѣ и въ передней суетились лакеи съ винами и яствами. Подъ окнами стояли пѣсенники. Офицера ввели въ дверь, и онъ увидалъ вдругъ всѣхъ вмѣстѣ важнѣйшихъ генераловъ арміи, въ томъ числѣ и большую, замѣтную фигуру Ермолова. Всѣ генералы были въ разстегнутыхъ сюртукахъ, съ красными, оживленными лицами и громко смѣялись, стоя полукругомъ. Въ серединѣ залы, красивый, не высокій генералъ съ краснымъ лицомъ бойко и ловко выдѣлывалъ трепака.

— Ха, ха, ха! Ай да Николай Ивановичъ! ха, ха, ха!...

Офицеръ чувствовалъ, что, входя въ эту минуту съ важнымъ приказаніемъ, онъ дѣлается вдвойнѣ виноватъ, и онъ хотѣлъ подождать; но одинъ изъ генераловъ увидалъ его и, узнавъ зачѣмъ онъ, сказалъ Ермолову. Ермоловъ съ нахмуреннымъ лицомъ вышелъ къ офицеру и, выслушавъ, взялъ отъ него бумагу, ничего не сказавъ ему.

— Ты думаешь это онъ нечаянно уѣхалъ? сказавъ въ этотъ вечеръ штабный товарищъ кавалергардскаму офицеру

про Ермолова.—Это штуки, это все нарочно. Коновницына подкатить. Посмотри, завтра каша какая будетъ!

V.

На другой день, рано утромъ, дряхлый Кутузовъ велѣлъ разбудить себя, помолился Богу, одѣлся и съ непріятнымъ сознаніемъ того, что онъ долженъ руководить сраженіемъ, которое онъ не одобрялъ, сѣлъ въ коляску и выѣхалъ изъ Леташевки, 5-ть верстъ позади Тарутина, къ тому мѣсту, гдѣ должны были быть собраны наступающія колонны. Кутузовъ ѣхалъ, засыпая и просыпаясь и прислушиваясь, нѣтъ ли справа выстрѣловъ, не начиналось ли дѣло? Но все еще было тихо. Только начинался разсвѣтъ сыраго и пасмурнаго осенняго дня. Подъѣзжая къ Тарутину, Кутузовъ замѣтилъ кавалеристовъ, ведшихъ на водопой лошадей черезъ дорогу, по которой ѣхала коляска. Кутузовъ присмотрѣлся къ нимъ, остановилъ коляску и спросилъ, какого полка? Кавалеристы были изъ той колонны, которая должна была быть уже далеко впереди въ засадѣ. «Ошибка можетъ быть», подумалъ старый главнокомандующій. Но проѣхавъ еще дальше, Кутузовъ увидалъ пѣхотные полки, ружья въ козлахъ, солдатъ за кашей и съ дровами въ подштанникахъ. Позвали офицера. Офицеръ доложилъ, что никакого приказанія о выступленіи не было.

«Какъ не бы....началъ Кутузовъ, но тотчасъ же замолчалъ и приказалъ позвать къ себѣ старшаго офицера. Вылѣзши изъ коляски, опустивъ голову и тяжело дыша, молча ожидая, ходилъ онъ взадъ и впередъ. Когда явился потребованный офицеръ генеральнаго штаба Эйхенъ, Кутузовъ побагровѣлъ не оттого, что этотъ офицеръ былъ виною ошибки, но оттого, что онъ былъ достойный предметъ для выраженія гнѣва. И трясясь, задыхаясь, старый человѣкъ, придя въ то состоя-

ніе бѣшенства, въ которое онъ въ состояніи былъ приходить, когда валялся по землѣ отъ гнѣва, онъ напустился на Эйхена, угрожая руками, крича и ругаясь площадными словами. Другой подвернувшійся капитанъ Брозинъ, ни въ чемъ не виноватый, потерпѣлъ туже участь.

— Это что за каналья еще? Разстрѣлять! Мерзавцы! хрипло кричалъ онъ, махая руками и шатаясь. Онъ испытывалъ физическое страданіе. Онъ, главнокомандующій, свѣтлѣйшій, котораго всѣ увѣряютъ, что никто никогда не имѣлъ въ Россіи такой власти какъ онъ, онъ поставленъ въ это положеніе — поднятъ на смѣхъ передъ всей арміей. «Напрасно такъ хлопоталъ молиться объ нынѣшнемъ днѣ, напрасно не спалъ ночь и все обдумывалъ»! думалъ онъ объ самомъ себѣ. «Когда былъ мальчишкой-офицеромъ, никто бы не смѣлъ такъ надсмѣяться надо мной... А теперь!» Онъ испытывалъ физическое страданіе, какъ отъ тѣлеснаго наказанія, и не могъ не выражать его гнѣвными и страдальческими криками; но скоро силы его ослабѣли, и онъ, оглядываясь, чувствуя, что онъ много наговорилъ не хорошаго, сѣлъ въ коляску и молча уѣхалъ назадъ.

Излившійся гнѣвъ уже не возвращался болѣе, и Кутузовъ, слабо мигая глазами, выслушивалъ оправданія и слова защиты (Ермоловъ самъ не являлся къ нему до другаго дня) и настоянія Бенигсена, Коновницына и Толя о томъ, чтобы тоже неудавшееся движеніе сдѣлать на другой день. И Кутузовъ долженъ былъ опять согласиться.

VI.

На другой день войска съ вечера собрались въ назначенныхъ мѣстахъ и ночью выступили. Была осенняя ночь съ чернолиловатыми тучами, но безъ дождя. Земля была влажна, но грязи не было, и войска шли безъ шума только слабо

слышно было изрѣдка бренчанье артиллеріи. Запретили разговаривать громко, курить трубки, высѣкать огонь; лошадей удерживали отъ ржанія. Таинственность предпріятія увеличивала его привлекательность. Люди шли весело. Нѣкоторыя колонны остановились, поставили ружья въ козлы и улеглись на холодной землѣ, полагая, что они пришли туда куда надо было; нѣкоторыя (большинство) колонны шли цѣлую ночь и очевидно зашли не туда, куда имъ надо было.

Графъ Орловъ-Денисовъ съ козаками (самый незначительный отрядъ изъ всѣхъ другихъ) одинъ попалъ на свое мѣсто и въ свое время. Отрядъ этотъ остановился у крайней опушки лѣса, на тропинкѣ изъ деревни Стромиловой въ Дмитровское.

Передъ зарею, задремавшаго графа Орлова разбудили. Привели перебѣжчика изъ Французскаго лагеря. Это былъ Польскій унтеръ-офицеръ корпуса Понятовскаго. Унтеръ-офицеръ этотъ по польски объяснилъ, что онъ перебѣжалъ потому, что его обидѣли по службѣ, что ему давно бы пора быть офицеромъ, что онъ храбрѣе всѣхъ, и потому бросилъ ихъ и хочетъ ихъ наказать. Онъ говорилъ, что Мюратъ ночуетъ въ верстѣ отъ нихъ, и что ежели ему дадутъ сто человѣкъ конвою, онъ живьемъ возметъ его. Графъ Орловъ-Денисовъ посовѣтовался съ своими товарищами. Предложеніе было слишкомъ лестно, чтобы отказаться. Всѣ вызывались ѣхать, всѣ совѣтовали попытаться. Послѣ многихъ споровъ и соображеній, генералъ-маіоръ Грековъ съ двумя казачьими полками рѣшился ѣхать съ унтеръ-офицеромъ.

— Но помни же, сказалъ графъ Орловъ-Денисовъ унтеръ-офицеру, отпуская его: въ случаѣ ты совралъ, я тебя велю повѣсить какъ собаку, а правда—сто червонцевъ.

Унтеръ-офицеръ съ рѣшительнымъ видомъ не отвѣчалъ на эти слова, сѣлъ верхомъ и поѣхалъ съ быстро собравшимся Грековымъ. Они скрылись въ лѣсу. Графъ Орловъ, пожимаясь отъ свѣжести начинавшаго брезжить утра, взвол-

нованный тѣмъ, что имъ затѣяно на свою отвѣтственность, проводивъ Грекова, вышелъ изъ лѣса и сталъ оглядывать непріятельскій лагерь, виднѣвшійся теперь обманчиво въ свѣтѣ начинавшагося утра и догоравшихъ костровъ. Справа отъ графа Орлова-Денисова, по открытому склону, должны были показаться наши колонны. Графъ Орловъ глядѣлъ туда; но, несмотря на то, что издалека онѣ были бы замѣтны, колоннъ этихъ не было видно. Во Французскомъ лагерѣ, какъ показалось графу Орлову-Денисову, и особенно по словамъ его очень зоркаго адъютанта, начинали шевелиться.

— Ахъ, право поздно, сказалъ графъ Орловъ, поглядѣвъ на лагерь. Ему вдругъ, какъ это часто бываетъ, послѣ того какъ человѣка, которому мы повѣримъ, нѣтъ больше передъ глазами, ему вдругъ совершенно ясно и очевидно стало, что унтеръ-офицеръ этотъ обманщикъ, что онъ навралъ и только испортитъ все дѣло атаки отсутствіемъ этихъ двухъ полковъ, которыхъ онъ заведетъ Богъ знаетъ куда. Можно ли изъ такой массы войскъ выхватить главнокомандующаго? Право онъ вретъ, этотъ шельма, сказалъ графъ.

— Можно воротить, сказалъ одинъ изъ свиты, который почувствовалъ также какъ и графъ Орловъ-Денисовъ, недовѣріе къ предпріятію, когда посмотрѣлъ на лагерь.

— А? Право?... какъ вы думаете, или оставить? Или нѣтъ?

— Прикажете воротить?

— Воротить, воротить! вдругъ рѣшительно сказалъ графъ Орловъ, глядя на часы,—поздно будетъ, совсѣмъ свѣтло.

И адъютантъ поскакалъ лѣсомъ за Грековымъ. Когда Грековъ вернулся, графъ Орловъ-Денисовъ, взволнованный и этой отмѣненной попыткой, и тщетнымъ ожиданіемъ пѣхотныхъ колоннъ, которыя все не показывались, и близостью непріятеля (всѣ люди его отряда испытывали тоже), рѣшилъ наступать.

— Шопотомъ прокомандовалъ онъ: садись! Распредѣлились, перекрестились.... Съ Богомъ!

Урааааа! зашумѣло по лѣсу, и одна сотня за другой, какъ изъ мѣшка высыпаясь, полетѣли весело казаки съ своими дротиками на перевѣсъ, черезъ ручей къ лагерю.

Одинъ отчаянный, испуганный крикъ перваго увидавшаго казаковъ Француза, и все, что̀ было въ лагерѣ, неодѣтое, съ просонковъ бросило пушки, ружья, лошадей, и побѣжало куда попало.

Ежели бы казаки преслѣдовали Французовъ, не обращая вниманья на то, что̀ было позади и вокругъ нихъ, они взяли бы и Мюрата, и все что̀ тутъ было. Начальники и хотѣли этого. Но нельзя было сдвинуть съ мѣста казаковъ, когда они добрались до добычи и плѣнныхъ. Команды никто не слушалъ. Взято было тутъ же 1500 человѣкъ плѣнныхъ, 38 орудій, знамена, и что̀ важнѣе всего для казаковъ, лошади, сѣдла, одѣяла и различные предметы. Со всѣмъ этимъ надо было обойтись, прибрать къ рукамъ плѣнныхъ, пушки, подѣлить добычу, покричать, даже подраться между собой: всѣмъ этимъ занялись казаки.

Французы, не преслѣдуемые болѣе, стали опоминаться, собрались командами и принялись стрѣлять. Орловъ-Денисовъ ожидалъ все колонны и не наступалъ дальше.

Между тѣмъ по диспозиціи: die erste Colonne marschirt и т. д., пѣхотныя войска опоздавшихъ колоннъ, которыми командовалъ Бенигсенъ и управлялъ Толь, выступили какъ слѣдуетъ и, какъ всегда бываетъ, пришли куда-то, но не туда, куда имъ было назначено. Какъ и всегда бываетъ, люди, вышедшіе весело, стали останавливаться; послышалось неудовольствіе, сознаніе путаницы, двинулись куда-то назадъ. Проскакавшіе адъютанты и генералы кричали, сердились, ссорились, говорили, что совсѣмъ не туда и опоздали, кого-то бранили и т. д., и наконецъ, всѣ махнули рукой и пошли только съ тѣмъ, чтобы идти куда нибудь.—«Куда нибудь

да придемъ!» И дѣйствительно пришли, но не туда, а нѣкоторые и туда, но опоздали такъ, что пришли безъ всякой пользы, только для того, чтобы въ нихъ стрѣляли. Толь, который въ этомъ сраженіи игралъ роль Вейротера въ Аустерлицкомъ, старательно скакалъ изъ мѣста въ мѣсто, и вездѣ находилъ все на выворотъ. Такъ онъ наскакалъ на корпусъ Баговута въ лѣсу, когда уже было совсѣмъ свѣтло, а корпусъ этотъ давно уже долженъ былъ быть тамъ, съ Орловымъ-Денисовымъ. Взволнованный, огорченный неудачей и полагая, что кто нибудь долженъ быть виноватъ въ этомъ, Толь подскакалъ къ корпусному командиру и строго сталъ упрекать его, говоря, что за это разстрѣлять слѣдуетъ. Баговутъ, старый, боевой, спокойный генералъ, тоже измученный всѣми остановками, путаницей, противурѣчіями, къ удивленію всѣхъ, совершенно противно своему характеру, пришелъ въ бѣшенство и наговорилъ непріятныхъ вещей Толю.

— Я уроковъ принимать ни отъ кого не хочу, а умирать съ своими солдатами умѣю не хуже другаго, сказалъ онъ и съ одной дивизіей пошелъ впередъ.

Выйдя на поле подъ Французскіе выстрѣлы, взволнованный и храбрый Баговутъ, не соображая того, полезно или безполезно его вступленіе въ дѣло, теперь, и съ одной дивизіей, пошелъ прямо и повелъ свои войска подъ выстрѣлы. Опасность, ядра, пули были то самое, что̀ ему было нужно въ его гнѣвномъ настроеніи. Одна изъ первыхъ пуль убила его, слѣдующія пули убили многихъ солдатъ. И дивизія его постояла нѣсколько времени безъ пользы подъ огнемъ.

VII.

Между тѣмъ съ фронта другая колонна должна была напасть на Французовъ, но при этой колоннѣ былъ Кутузовъ. Онъ зналъ хорошо, что ничего кромѣ путаницы не выйдетъ

изъ этого противъ его воли начатаго сраженія и, на сколько то было въ его власти, удерживалъ войскà. Онъ не двигался.

Кутузовъ молча ѣхалъ на своей сѣренькой лошадкѣ, лѣниво отвѣчая на предложенія атаковать.

— У васъ все на языкѣ атаковать, а не видите, что мы не умѣемъ дѣлать сложныхъ маневровъ, сказалъ онъ Милорадовичу, просившемуся впередъ.

— Не умѣли утромъ взять живьемъ Мюрата и придти вó-время на мѣсто: теперь нечего дѣлать! отвѣчалъ онъ другому.

Когда Кутузову доложили, что въ тылу Французовъ, гдѣ по донесеніямъ казаковъ прежде никого не было, теперь было два батальона Поляковъ, онъ покосился назадъ на Ермолова (онъ съ нимъ не говорилъ еще со вчерашняго дня). — Вотъ просятъ наступленія, предлагаютъ разные проэкты, а чуть приступишь къ дѣлу, ничего не готово, и предупрежденный непріятель беретъ свои мѣры.

Ермоловъ прищурилъ глаза и слегка улыбнулся, услыхавъ эти слова. Онъ понялъ, что для него гроза прошла, и что Кутузовъ ограничится этимъ намекомъ.

— Это онъ на мой счетъ забавляется, тихо сказалъ Ермоловъ, толкнувъ колѣнкой Раевскаго, стоявшаго подлѣ него.

Вскорѣ послѣ этого Ермоловъ выдвинулся впередъ къ Кутузову и почтительно доложилъ:

— Время не упущено, Ваша Свѣтлость, непріятель не ушелъ. Если прикажете наступать? А то гвардія и дыма не увидитъ.

Кутузовъ ничего не сказалъ, но когда ему донесли, что войска Мюрата отступаютъ, онъ приказалъ наступленье; но черезъ каждыя сто шаговъ останавливался на три четверти часа.

Все сраженье состояло только въ томъ, чтò сдѣлали казаки Орлова-Денисова; остальныя войска лишь напрасно потеряли нѣсколько сотъ людей.

Вслѣдствіе этого сраженія, Кутузовъ получилъ алмазный знакъ, Бенигсенъ тоже алмазы и сто тысячъ рублей, другіе по чинамъ соотвѣтственно получили тоже много пріятнаго, и послѣ этого сраженія сдѣланы еще новыя перемѣщенія въ штабѣ.

«Вотъ какъ *у насъ всегда* дѣлается, все на выворотъ!» говорили послѣ Тарутинскаго сраженія Русскіе офицеры и генералы, точно также какъ и говорятъ теперь, давая чувствовать, что кто-то тамъ глупый дѣлаетъ такъ на выворотъ, а мы бы не такъ сдѣлали. Но люди, говорящіе такъ, или не знаютъ дѣла, про которое говорятъ, или умышленно обманываютъ себя. Всякое сраженіе — Тарутинское, Бородинское, Аустерлицкое, всякое совершается не такъ, какъ предполагали его распорядители. Это есть существенное условіе.

Безсчисленное количество свободныхъ силъ (ибо нигдѣ человѣкъ не бываетъ свободнѣе какъ во время сраженія, гдѣ дѣло идетъ о жизни и смерти) вліяетъ на направленіе сраженія, и это направленіе никогда не можетъ быть извѣстно впередъ и никогда не совпадаетъ съ направленіемъ какой нибудь одной силы.

Ежели многія, одновременно и разнообразно-направленныя, силы дѣйствуютъ на какое-нибудь тѣло, то направленіе движенія этого тѣла не можетъ совпадать ни съ одной изъ силъ; а будетъ всегда среднее, кратчайшее направленіе, то чтó въ механикѣ выражается діагональю параллелограмма силъ.

Ежели въ описаніяхъ историковъ, въ особенности Французскихъ, мы находимъ, что у нихъ войны и сраженія исполняются по впередъ опредѣленному плану, то единственный

выводъ, который мы можемъ сдѣлать изъ этого, состоитъ въ томъ, что описанія эти не вѣрны.

Тарутинское сраженіе очевидно не достигло той цѣли, которую имѣлъ въ виду Толь: по порядку ввести по диспозиціи въ дѣло войска, и той—которую могъ имѣть графъ Орловъ, взять въ плѣнъ Мюрата, или цѣли истребленія мгновенно всего корпуса, которую могли имѣть Бенигсенъ и другія лица, или цѣли офицера, желавшаго попасть въ дѣло и отличиться, или казака, который хотѣлъ пріобрѣсти больше добычи, чѣмъ онъ пріобрѣлъ, и т. д. Но, если цѣлью было то, что̀ дѣйствительно совершилось и то, что̀ для всѣхъ Русскихъ людей тогда было общимъ желаніемъ (изгнаніе Французовъ изъ Россіи и истребленіе ихъ арміи), то будетъ совершенно ясно, что Тарутинское сраженіе, именно вслѣдствіе его несообразностей, было то самое, что̀ было нужно въ тотъ періодъ кампаніи. Трудно и невозможно придумать какой-нибудь исходъ этого сраженія, болѣе цѣлесообразный чѣмъ тотъ, который оно имѣло. При самомъ маломъ напряженіи, при величайшей путаницѣ и при самой ничтожной потерѣ, были пріобрѣтены самые большіе результаты во всю кампанію, былъ сдѣланъ переходъ отъ отступленія къ наступленію, была обличена слабость Французовъ и былъ данъ тотъ толчокъ, котораго только и ожидало Наполеоновское войско для начатія бѣгства.

VIII.

Наполеонъ вступаетъ въ Москву послѣ блестящей побѣды de la Moskowa; сомнѣнія въ побѣдѣ не можетъ быть, такъ какъ поле сраженія остается за Французами. Русскіе отступаютъ и отдаютъ столицу. Москва, наполненная провіантомъ, оружіемъ, снарядами и несмѣтными богатствами, въ рукахъ Наполеона. Русское войско, вдвое слабѣйшее

Французскаго, впродолженіи мѣсяца не дѣлаетъ ни одной попытки нападенія. Положеніе Наполеона самое блестящее. Для того, чтобы двойными силами навалиться на остатки Русской арміи и истребить ее, для того, чтобы выговорить выгодный миръ или, въ случаѣ отказа, сдѣлать угрожающее движеніе на Петербургъ, для того, чтобъ даже, въ случаѣ неудачи, вернуться въ Смоленскъ или въ Вильну, или остаться въ Москвѣ; для того, однимъ словомъ, чтобы удержать то блестящее положеніе, въ которомъ находилось въ то время Французское войско, казалось бы ненужно особенной геніальности. Для этого нужно было сдѣлать самое простое и легкое: не допустить войска до грабежа, заготовить зимнія одежды, которыхъ достало бы въ Москвѣ навсю армію, и правильно собрать находившійся въ Москвѣ болѣе чѣмъ на полгода (по показанію Французскихъ историковъ) провіантъ, всему войску. Наполеонъ, этотъ геніальнѣйшій изъ геніевъ и имѣвшій власть управлять арміею, какъ утверждаютъ историки, ничего не сдѣлалъ этого.

Онъ не только не сдѣлалъ ничего этого, но, напротивъ, употребилъ свою власть на то, чтобы изъ всѣхъ представлявшихся ему путей дѣятельности выбрать то, что̀ было глупѣе и пагубнѣе всего. Изъ всего, что̀ могъ сдѣлать Наполеонъ: зимовать въ Москвѣ, идти на Петербургъ, идти на Нижній Новгородъ, идти назадъ, сѣвернѣе или южнѣе, тѣмъ путемъ, которымъ пошелъ потомъ Кутузовъ, ну чтобы ни придумать, глупѣе и пагубнѣе того, что̀ сдѣлалъ Наполеонъ, т. е. оставаться до Октября въ Москвѣ, предоставляя войскамъ грабить городъ, потомъ колеблясь оставить гарнизонъ, выдти изъ Москвы, подойти къ Кутузову, не начать сраженья, пойти вправо, дойти до Малаго Ярославца, опять не испытавъ случайности пробиться, пойти не по той дорогѣ, по которой пошелъ Кутузовъ, а пойти назадъ на Можайскъ по раззоренной Смоленской дорогѣ—глупѣе этого, пагубнѣе для войска ничего

нельзя было придумать, какъ то и показали послѣдствія. Пускай самые искусные стратегики придумаютъ, представивъ себѣ, что цѣль Наполеона состояла въ томъ, чтобы погубить свою армію, придумаютъ другой рядъ дѣйствій, который бы съ такой же несомнѣнностью и независимостью отъ всего того, что́ бы ни предприняли Русскія войска, погубилъ бы такъ совершенно всю Французскую армію какъ то, что́ сдѣлалъ Наполеонъ.

Геніальный Наполеонъ сдѣлалъ это. Но сказать, что Наполеонъ погубилъ свою армію потому, что онъ хотѣлъ этого или потому, что онъ былъ очень глупъ, было бы точно также несправедливо, какъ сказать, что Наполеонъ довелъ свои войска до Москвы потому, что онъ хотѣлъ этого, и потому, что онъ былъ очень уменъ и геніаленъ.

Въ томъ и другомъ случаѣ, личная дѣятельность его, не имѣвшая больше силы чѣмъ личная дѣятельность каждаго солдата, только совпадала съ тѣми законами, по которымъ совершалось явленіе.

Совершенно ложно (только потому, что послѣдствія не оправдали дѣятельности Наполеона) представляютъ намъ историки силы Наполеона ослабѣвшими въ Москвѣ. Онъ точно также, какъ и прежде, какъ и послѣ въ 13-мъ году, употреблялъ все свое умѣнье и силы на то, чтобы сдѣлать наилучшее для себя и своей арміи. Дѣятельность Наполеона за это время не менѣе изумительна чѣмъ въ Египтѣ, въ Италіи, въ Австріи и въ Пруссіи. Мы не знаемъ вѣрно о томъ, въ какой степени была дѣйствительна геніальность Наполеона въ Египтѣ, гдѣ 40 вѣковъ смотрѣли на его величіе, потому что эти всѣ великіе подвиги описаны намъ только Французами. Мы не можемъ вѣрно судить о его геніальности въ Австріи и Пруссіи, такъ какъ свѣдѣнія о его дѣятельности тамъ должны черпать изъ Французскихъ и Нѣмецкихъ источниковъ; а непостижимая сдача въ плѣнъ корпусовъ безъ сраженій и крѣпостей безъ осады должна

склонять Нѣмцевъ къ признанію геніальности какъ къ единственному объясненію той войны, которая велась въ Германіи. Но намъ признавать его геніальность, чтобы скрыть свой стыдъ, слава Богу, нѣтъ причины. Мы заплатили за то, чтобы имѣть право просто и прямо смотрѣть на дѣло, и мы не уступимъ этого права.

Дѣятельность его въ Москвѣ также изумительна и геніальна какъ и вездѣ. Приказанія за приказаніями и планы за планами исходятъ изъ него со времени его вступленія въ Москву и до выхода изъ нея. Отсутствіе жителей и депутаціи, и самый пожаръ Москвы, не смущаютъ его. Онъ не упускаетъ изъ виду ни блага своей арміи, ни дѣйствій непріятеля, ни блага народовъ Россіи, ни управленія дѣлами Парижа, ни дипломатическихъ соображеній о предстоящихъ условіяхъ мира.

IX.

Въ военномъ отношеніи, тотчасъ по вступленіи въ Москву, Наполеонъ строго приказываетъ генералу Себастіани слѣдить за движеніями Русской арміи, разсылаетъ корпуса по разнымъ дорогамъ и Мюрату приказываетъ найти Кутузова. Потомъ онъ старательно распоряжается объ укрѣпленіи Кремля; потомъ дѣлаетъ геніальный планъ будущей кампаніи по всей картѣ Россіи. Въ отношеніи дипломатическомъ, Наполеонъ призываетъ къ себѣ ограбленнаго и оборваннаго капитана Яковлева, незнающаго какъ выбраться изъ Москвы, подробно излагаетъ ему всю свою политику и свое великодушіе и, написавъ письмо къ императору Александру, въ которомъ онъ считаетъ своимъ долгомъ сообщить своему другу и брату, что Растопчинъ дурно распорядился въ Москвѣ, онъ отправляетъ Яковлева въ Петербургъ. Изложивъ также подробно свои виды и великодушіе

передъ Тутолминымъ, онъ и этого старичка отправляетъ въ Петербургъ для переговоровъ.

Въ отношеніи юридическомъ, тотчасъ же послѣ пожаровъ, велѣно найти виновныхъ и казнить ихъ. И злодѣй Растопчинъ наказанъ тѣмъ, что велѣно сжечь его домà.

Въ отношеніи административномъ, Москвѣ дарована конституція. Учрежденъ муниципалитетъ и обнародовано слѣдующее:

«Жители Москвы!

«Несчастія ваши жестоки, но Его Величество Императоръ и Король хочетъ прекратить теченіе оныхъ. Страшные примѣры васъ научили, какимъ образомъ онъ наказываетъ непослушаніе и преступленіе. Строгія мѣры взяты, чтобъ прекратить безпорядокъ и возвратить общую безопасность. Отеческая администрація, избранная изъ самихъ васъ, составлять будетъ вашъ муниципалитетъ или градское правленіе. Оное будетъ пещись объ васъ, объ вашихъ нуждахъ, объ вашей пользѣ. Члены онаго отличаются красною лентою, которую будутъ носить черезъ плечо, а градской голова будетъ имѣть сверхъ онаго бѣлый поясъ. Но, исключая время должности ихъ, они будутъ имѣть только красную ленту вокругъ лѣвой руки.

«Городовая полиція учреждена по прежнему положенію, а чрезъ ея дѣятельность уже лучшій существуетъ порядокъ. Правительство назначило двухъ генеральныхъ коммиссаровъ или полицмейстеровъ и 20 коммиссаровъ или частныхъ приставовъ, поставленныхъ во всѣхъ частяхъ города. Вы ихъ узнаете по бѣлой лентѣ, которую будутъ они носить вокругъ лѣвой руки. Нѣкоторыя церкви разнаго исповѣданія открыты, и въ нихъ безпрепятственно отправляется божественная служба. Ваши сограждане возвращаются ежедневно въ свои жилища, и даны приказы, чтобы они въ нихъ находили помощь и покровительство, слѣдуемыя несчастію. Сіи суть средства, которыя правительство употре-

било, чтобы возвратить порядокъ и облегчить ваше положеніе; но чтобъ достигнуть до того, нужно, чтобы вы съ нимъ соединили ваши старанія, чтобъ забыли, если можно, ваши несчастія, которыя претерпѣли, предались надеждѣ не столь жестокой судьбы, были увѣрены, что неизбѣжимая и постыдная смерть ожидаетъ тѣхъ, кои дерзнутъ на ваши особы и оставшіяся ваши имущества, а напослѣдокъ и не сомнѣвались, что оныя будутъ сохранены, ибо такая есть воля величайшаго и справедливѣйшаго изъ всѣхъ монарховъ. Солдаты и жители, какой бы вы націи ни были! Возстановите публичное довѣріе, источникъ счастія государства, живите какъ братья, дайте взаимно другъ другу помощь и покровительство, соединитесь, чтобъ опровергнуть намѣренія зломыслящихъ, повинуйтесь воинскимъ и гражданскимъ начальствамъ, и скоро ваши слезы течь перестанутъ.»

Въ отношеніи продовольствія войска, Наполеонъ предписалъ всѣмъ войскамъ поочередно ходить въ Москву à la maraude для заготовленія себѣ провіанта, такъ чтобы такимъ образомъ армія была обезпечена на будущее время.

Въ отношеніи религіозномъ, Наполеонъ приказалъ ramener les popes [1]) и возобновить служеніе въ церквахъ.

Въ торговомъ отношеніи и для продовольствія арміи, было развѣшано вездѣ слѣдующее

Провозглашеніе.

«Вы, спокойные, Московскіе жители, мастеровые и рабочіе люди, которыхъ несчастія удалили изъ города, и вы, разсѣянные земледѣльцы, которыхъ неосновательный страхъ еще задерживаетъ въ поляхъ, слушайте! Тишина возвращается въ сію столицу, и порядокъ въ ней возстановляется. Ваши земляки выходятъ смѣло изъ своихъ убѣжищъ, видя,

[1]) Привести назадъ поповъ.

что ихъ уважаютъ. Всякое насильствіе, учиненное противъ ихъ и ихъ собственности, немедленно наказывается. Е. В. Императоръ и Король ихъ покровительствуетъ и между вами никого не почитаетъ за своихъ непріятелей кромѣ тѣхъ, кои ослушиваются его повелѣніямъ. Онъ хочетъ прекратить ваши несчастія и возвратить васъ вашимъ дворамъ и вашимъ семействамъ. Соотвѣтствуйте же его благотворительнымъ намѣреніямъ и приходите къ намъ безъ всякой опасности. Жители! Возвращайтесь съ довѣріемъ въ ваши жилища: вы скоро найдете способы удовлетворить вашимъ нуждамъ! Ремесленники и трудолюбивые мастеровые! Приходите обратно къ вашимъ рукодѣліямъ: домы, лавки, охранительные караулы васъ ожидаютъ, а за вашу работу получите должную вамъ плату! И вы, наконецъ, крестьяне, выходите изъ лѣсовъ, гдѣ отъ ужаса скрылись, возвращайтесь безъ страха въ ваши избы, въ точномъ увѣреніи, что найдете защищеніе. Лабазы учреждены въ городѣ, куда крестьяне могутъ привозить излишніе свои запасы и земельныя растенія. Правительство приняло слѣдующія мѣры, чтобъ обезпечить имъ свободную продажу: 1) Считая отъ сего числа, крестьяне, земледѣльцы и живущіе въ окрестностяхъ Москвы могутъ безъ всякой опасности привозить въ городъ свои припасы, какого бы роду они ни были, въ двухъ назначенныхъ лабазахъ, т. е. на Моховую и въ Охотный рядъ. 2) Оныя продовольствія будутъ покупаться у нихъ по такой цѣнѣ, на какую покупатель и продавецъ согласятся между собою; но ежели продавецъ не получитъ требуемую имъ справедливую цѣну, то продавецъ воленъ будетъ повезти ихъ обратно въ свою деревню, въ чемъ никто ему ни подъ какимъ видомъ препятствовать не можетъ. 3) Каждое воскресенье и среда назначены еженедѣльно для большихъ, торговыхъ дней; почему достаточное число войскъ будетъ разставлено по вторникамъ и субботамъ на всѣхъ большихъ дорогахъ, въ такомъ разстояніи отъ города, чтобъ

защищать тѣ обозы. 4) Таковыя же мѣры будутъ взяты, чтобъ на возвратномъ пути крестьянамъ съ ихъ повозками и лошадьми не послѣдовало препятствія. 5) Немедленно средства употреблены будутъ для возстановленія обыкновенныхъ торговъ. Жители города и деревень, и вы, работники и мастеровые, какой бы вы націи не были! Васъ взываютъ исполнять отеческія намѣренія Е. В. Императора и Короля и способствовать съ нимъ къ общему благополучію. Несите къ его стопамъ почтеніе и довѣріе и не медлите соединиться съ нами!»

Въ отношеніи поднятія духа войска и народа, безпрестанно дѣлались смотры, раздавались награды. Императоръ разъѣзжалъ верхомъ по улицамъ и утѣшалъ жителей; и, не смотря на всю озабоченность государственными дѣлами, самъ посѣтилъ учрежденные по его приказанію театры.

Въ отношеніи благотворительности, лучшей доблести вѣнценосцевъ, Наполеонъ дѣлалъ то же все, что̀ отъ него зависѣло. На богоугодныхъ заведеніяхъ онъ велѣлъ надписать Maison de ma mère, соединяя этимъ актомъ нѣжное сыновнее чувство съ величіемъ добродѣтели монарха. Онъ посѣтилъ Воспитательный Домъ и, давъ облобызать свои бѣлыя руки спасеннымъ имъ сиротамъ, милостиво бесѣдовалъ съ Тутолминымъ. Потомъ, по краснорѣчивому изложенію Тьера, онъ велѣлъ раздать жалованье своимъ войскамъ Русскими, сдѣланными имъ, фальшивыми деньгами. Relevant l'emploi de ces moyens par un acte digne de lui et de l'armée Française, il fit distribuer des secours faux incendiés. Mais les vivres étant trop precieux pour être donné à des etrangers la plupart ennemis, Napoléon aima mieux leur fournir de l'argent à fin qu'ils se fournissent aux dehors, et il leur dit distribuer des roubles papiers [1]).

[1]) Возвышая употребленіе этихъ мѣръ дѣйствіемъ, достойнымъ его и Французской арміи, онъ приказалъ раздать пособія погорѣвшимъ. Но такъ какъ съѣстные припасы были слишкомъ дороги для того,

Въ отношеніи дисциплины арміи, безпрестанно выдавались приказы о строгихъ взысканіяхъ за неисполненіе долга службы и о прекращеніи грабежа.

X.

Но странное дѣло, всѣ эти распоряженія, заботы и планы, бывшіе вовсе не хуже другихъ издаваемыхъ въ подобныхъ же случаяхъ, не затрогивали сущности дѣла, а какъ стрѣлки циферблата въ часахъ, отдѣленнаго отъ механизма, вертѣлись произвольно и безцѣльно, не захватывая колесъ.

Въ военномъ отношеніи, геніальный планъ кампаніи, про который Тьеръ говоритъ: que son genie n'avait jamais rien imaginé de plus profond, de plus habile et de plus admirable [1]) и относительно котораго Тьеръ, вступая въ полемику съ г-мъ Феномъ, доказываетъ, что составленіе этого геніальнаго плана должно быть отнесено не къ 4-му, а къ 15-му Октября, планъ этотъ никогда не былъ и не могъ быть исполненъ, потому что ничего не имѣлъ близкаго къ дѣйствительности. Укрѣпленіе Кремля, для котораго надо было срыть la Mosquée (такъ Наполеонъ назвалъ церковь Василія Блаженнаго) оказалось совершенно безполезнымъ. Подведеніе минъ подъ Кремлемъ только содѣйствовало исполненію желанія Императора при выходѣ изъ Москвы, чтобы Кремль былъ взорванъ, т. е. чтобы былъ побитъ тотъ полъ, о который убился ребенокъ. Преслѣдованіе Русской арміи, которое такъ озабочивало Наполеона, представило наслыханное явленіе.

чтобы давать ихъ людямъ чужой земли и по большей части враждебно расположеннымъ, Наполеонъ счелъ лучшимъ дать имъ денегъ, чтобъ они добывали себѣ продовольствіе на сторонѣ; и онъ приказалъ одѣлять ихъ бумажными рублями.

[1]) Геній его никогда не изобрѣталъ ничего болѣе глубокаго, болѣе искуснаго и болѣе удивительнаго.

Французскіе военноначальники потеряли 60-ти тысячную Русскую армію, и только, по словамъ Тьера, искусству и кажется тоже геніальности Мюрата удалось найти, какъ булавку, эту 60 тысячную Русскую армію.

Въ дипломатическомъ отношеніи, всѣ доводы Наполеона о своемъ великодушіи и справедливости, и передъ Тутолминымъ, и передъ Яковлевымъ, озабоченнымъ преимущественно пріобрѣтеніемъ шинели и повозки, оказались безполезны: Александръ не принялъ этихъ пословъ и не отвѣчалъ на ихъ посольство.

Въ отношеніи юридическомъ, послѣ казни мнимыхъ поджигателей, сгорѣла другая половина Москвы.

Въ отношеніи административномъ, учрежденіе муниципалитета не остановило грабежа и принесло только пользу нѣкоторымъ лицамъ, участвовавшимъ въ этомъ муниципалитетѣ и, подъ предлогомъ соблюденія порядка, грабившимъ Москву или сохранявшимъ свое отъ грабежа.

Въ отношеніи религіозномъ, такъ легко устроенное дѣло въ Египтѣ посредствомъ посѣщенія мечети, здѣсь не принесло никакихъ результатовъ. Два или три священника, найденные въ Москвѣ, попробовали исполнить волю Наполеона, но одного изъ нихъ по щекамъ прибилъ Французскій солдатъ во время службы, а про другаго доносилъ слѣдующее Французскій чиновникъ: Le prêtre, que j'avais decouvert et invité à recommencer à dire la messe, a nettoyé et fermé l'église. Cette nuit on est venu de nouveau enfoncer les portes, casser les cadenas, déchirer les livres et commettre d'autres désordres [1]).

Въ торговомъ отношеніи, на провозглашеніе трудолюбивымъ ремесленникамъ и всѣмъ крестьянамъ не послѣдовало никакого отвѣта. Трудолюбивыхъ ремесленниковъ не было, а

[1]) Священникъ, котораго я нашелъ и пригласилъ начать служить обѣдни, вычистилъ и заперъ церковь. Въ ту же ночь пришли опять ломать двери и замки, рвать книги и производить другіе безпорядки.

крестьяне ловили тѣхъ коммиссаровъ, которые слишкомъ далеко заѣзжали съ этимъ провозглашеніемъ и убивали ихъ.

Въ отношеніи увеселеній народа и войска театрами, дѣло точно также не удалось. Учрежденные въ Кремлѣ и въ домѣ Познякова театры тотчасъ же закрылись потому, что ограбили актрисъ и актеровъ.

Благотворительность, и та не принесла желаемыхъ результатовъ. Фальшивыя ассигнаціи и нефальшивыя наполняли Москву, и не имѣли цѣны. Для Французовъ, собиравшихъ добычу, нужно было только золото. Не только фальшивыя ассигнаціи, которыя Наполеонъ такъ милостиво раздавалъ несчастнымъ, не имѣли цѣны, но серебро отдавалось ниже своей стоимости за золото.

Но самое поразительное явленіе недѣйствительности высшихъ распоряженій въ то время, было стараніе Наполеона остановить грабежи и возстановить дисциплину.

Вотъ что доносили чины арміи:

«Грабежи продолжаются въ городѣ, не смотря на повелѣніе прекратить ихъ. Порядокъ еще не возстановленъ, и нѣтъ ни одного купца, отправляющаго торговлю законнымъ образомъ. Только маркитанты позволяютъ себѣ продавать да и то награбленныя вещи».

«La partie de mon arrondissement continue à être en proie au pillage des soldats du 3 corps, qui, non contents d'arracher aux malheureux réfugiés dans des souterrains le peu qui leur reste, ont même la férocité de les blesser à coups de sabre, comme j'en ai vu plusieurs exemples».

«Rien de nouveau outre que les soldats se permettent de voler et de piller, le 9 octobre.»

«Le vol et le pillage continuent. Il y a une bande de voleurs dans notre district qu'il faudra faire arrêter par de fortes gardes. Le 11 octobre» [1]).

[1]) Часть моего округа продолжаетъ подвергаться грабежу солдатъ 3-го корпуса, которые не дововольствуются тѣмъ, что отнимаютъ

«Императоръ чрезвычайно недоволенъ, что, не смотря на строгія повелѣнія остановить грабежъ, только и видны отряды гвардейскихъ мародеровъ, возвращающіеся въ Кремль.— Въ старой гвардіи безпорядки и грабежъ, сильнѣе, нежели когда либо, возобновились вчера, въ послѣднюю ночь и сегодня. Съ соболѣзнованіемъ видитъ императоръ, что отборные солдаты, назначенные охранять его особу, долженствующіе подавать примѣръ подчиненности, до такой степени простираютъ ослушаніе, что разбиваютъ погреба и магазины, заготовленные для арміи. Другіе унизились до того, что не слушали часовыхъ и караульныхъ офицеровъ, ругали ихъ и били».

«Le grand maréchal du palais se plaint vivement», писалъ губернаторъ, «que malgré les défenses réiterées, les soldats «continuent à faire leurs besoins dans toutes les cours et «même jusque sous les fenêtres de l'Empereur [1])».

Войско это, какъ распущенное стадо, топча подъ ногами тотъ кормъ, который могъ бы спасти его отъ голодной смерти, распадалось и гибло съ каждымъ днемъ лишняго пребыванія въ Москвѣ.

Но оно не двигалось.

Оно побѣжало только тогда, когда его вдругъ охватилъ паническій страхъ, произведенный перехватами обозовъ по Смоленской дорогѣ и Тарутинскимъ сраженіемъ. Это же са-

скудное достояніе несчастныхъ жителей, попрятавшихся въ подвалы, но еще и съ жестокостію бьютъ ихъ саблями, какъ я самъ много разъ видѣлъ. Ничего новаго, только что солдаты позволяютъ себѣ грабить и воровать, 9-го октября.

Воровство и грабежъ продолжаются. Существуетъ шайка воровъ въ нашемъ уѣздѣ, которую надо будетъ остановить сильными мѣрами. 11-го октября.

[1]) Оберъ церемоніймейстеръ дворца сильно жалуется на то, что, несмотря на всѣ запрещенія, солдаты продолжаютъ ходить на часъ во всѣхъ дворахъ и даже подъ окнами Императора.

мое извѣстіе о Тарутинскомъ сраженіи, неожиданно на смотру полученное Наполеономъ, вызвало въ немъ желаніе наказать Русскихъ, какъ говоритъ Тьеръ, и онъ отдалъ приказаніе о выступленіи, котораго требовало все войско.

Убѣгая изъ Москвы, люди этого войска захватили съ собой все, что̀ было награблено. Наполеонъ тоже увозилъ съ собой свой собственный trésor. Увидавъ обозъ, загромождавшій армію, Наполеонъ ужаснулся (какъ говоритъ Тьеръ). Но онъ, съ своей опытностью войны, не велѣлъ сжечь всѣ лишнія повозки, какъ онъ это сдѣлалъ съ повозками маршала, подходя къ Москвѣ; онъ посмотрѣлъ на эти коляски и кареты, въ которыхъ ѣхали солдаты, и сказалъ, что это очень хорошо, что экипажи эти употребятся для провіанта, больныхъ и раненыхъ.

Положеніе всего войска было подобно положенію ранена го животнаго, чувствующаго свою погибель и не знающаго, что̀ оно дѣлаетъ. Изучать искусные маневры и цѣли Наполеона и его войска, со времени вступленія въ Москву и до уничтоженія этого войска, все равно, что изучать значеніе предсмертныхъ прыжковъ и судорогъ смертельно раненаго животнаго. Очень часто раненое животное, заслышавъ шорохъ, бросается на выстрѣлъ на охотника, бѣжитъ впередъ, назадъ и само ускоряетъ свой конецъ. Тоже самое дѣлалъ Наполеонъ подъ давленіемъ всего его войска. Шорохъ Тарутинскаго сраженія спугнулъ звѣря, и онъ бросился впередъ на выстрѣлъ, добѣжалъ до охотника, вернулся опять назадъ, и наконецъ, какъ всякій звѣрь, побѣжалъ назадъ, по самому невыгодному, опасному пути, но по знакомому, старому слѣду.

Наполеонъ, представляющійся намъ руководителемъ всего этого движенія (какъ дикимъ представлялась фигура вырѣзанная на носу корабля силою руководящею корабль) Наполеонъ во все это время своей дѣятельности былъ подо-

бенъ ребенку, который, держась за тесемочки, привязанныя внутри кареты, воображаетъ, что онъ правитъ.

XI.

6-го Октября, рано утромъ. Пьеръ вышелъ изъ балагана и, вернувшись назадъ, остановился у двери, играя съ длинной, на короткихъ, кривыхъ ножкахъ, лиловой собаченкой, вертѣвшейся около него. Собаченка эта жила у нихъ въ балаганѣ, ночуя съ Каратаевымъ, но иногда ходила куда-то въ городъ, и опять возвращалась. Она вѣроятно никогда никому не принадлежала, и теперь она была ничья и не имѣла никакого названья. Французы звали ее Азоръ, солдатъ-сказочникъ звалъ ее Фемгалкой, Каратаевъ и другіе звали ее Сѣрый, иногда Вислый. Непринадлежаніе ея никому и отсутствіе имени и даже породы, даже опредѣленнаго цвѣта, казалось, нисколько не затрудняло лиловую собаченку. Пушной хвостъ панашемъ, твердо и кругло, стоялъ кверху, кривыя ноги служили ей такъ хорошо, что часто она, какъ бы пренебрегая употребленіемъ всѣхъ четырехъ ногъ, поднимала граціозно одну заднюю и очень ловко и скоро бѣжала на трехъ лапахъ. Все для нея было предметомъ удовольствія. То взвизгивая отъ радости, она валялась на спинѣ, то грѣлась на солнцѣ съ задумчивымъ и значительнымъ видомъ, то рѣзвилась, играя съ щепкой или соломинкой.

Одѣяніе Пьера теперь состояло изъ грязной, продранной рубашки, единственномъ остаткѣ его прежняго платья, солдатскихъ портокъ, завязанныхъ для тепла веревочками на щиколкахъ по совѣту Каратаева, изъ кафтана и мужицкой шапки. Пьеръ очень измѣнился физически въ это время. Онъ не казался уже толстъ, хотя и имѣлъ все тотъ же видъ крупности и силы, наслѣдственной въ ихъ породѣ. Бо-

рода и усы обросли нижнюю часть лица; отросшіе, спутанные волосы на головѣ, наполненные вшами, курчавились теперь шапкою. Выраженіе глазъ было твердое, спокойное и оживленно-готовое, такое, какого никогда не имѣлъ прежде взглядъ Пьера. Прежняя его распущенность, выражавшаяся и во взглядѣ, замѣнилась теперь энергической, готовой на дѣятельность и отпоръ — подобранностью. Ноги его были босыя.

Пьеръ смотрѣлъ то внизъ по полю, по которому въ нынѣшнее утро разъѣздились повозки и верховые, то въ даль за рѣку, то на собаченку, притворявшуюся, что она не на шутку хочетъ укусить его, то на свои босыя ноги, которыя онъ съ удовольствіемъ переставлялъ въ различныя положенія, пошевеливая грязными, толстыми, большими пальцами. И всякій разъ, какъ онъ взглядывалъ на свои босыя ноги, на лицѣ его пробѣгала улыбка оживленія и самодовольства. Видъ этихъ босыхъ ногъ напоминалъ ему все то, что́ онъ пережилъ и понялъ за это время, и воспоминаніе это было ему пріятно.

Погода уже нѣсколько дней стояла тихая, ясная съ легкими заморозками по утрамъ—такъ называемое бабье лѣто.

Въ воздухѣ, на солнцѣ, было тепло, и тепло это съ крѣпительной свѣжестью утренняго заморозка, еще чувствовавшагося въ воздухѣ, было особенно пріятно.

На всемъ, и на дальнихъ, и на ближнихъ предметахъ, лежалъ тотъ волшебно-хрустальный блескъ, который бываетъ только въ эту пору осени. Вдалекѣ виднѣлись Воробьевы горы, съ деревнею, церковью и большимъ бѣлымъ домомъ. И оголенныя деревья, и песокъ, и камни, и крыши домовъ, и зеленый шпиль церкви, и углы дальняго бѣлаго дома, все это неестественно-отчетливо, тончайшими, линіями вырѣзалось въ прозрачномъ воздухѣ. Вблизи виднѣлись знакомыя развалины полуобгорѣлаго барскаго дома, занимаемаго Французами, съ темнозелеными еще кус-

тами сирени, росшими по оградѣ. И даже этотъ разваленный и загаженный домъ, отталкивающій своимъ безобразіемъ въ пасмурную погоду, теперь, въ яркомъ, неподвижномъ блескѣ, казался чѣмъ-то успокоительно-прекраснымъ.

Французскій капралъ, по домашнему разстегнутый, въ колпакѣ, съ коротенькой трубкой въ зубахъ, вышелъ изъ-за угла балагана и, дружески подмигнувъ, подошелъ къ Пьеру.

— Quel soleil, hein? Monsieur Kiril (такъ звали Пьера всѣ Французы). On dirait le printemps [1]). И капралъ прислонился къ двери и предложилъ Пьеру трубку, несмотря на то, что всегда онъ ее предлагалъ и всегда Пьеръ отказывался.

— Si l'on marchait par un temps comme celui-là... [2]) началъ онъ.

Пьеръ разспросилъ его, что́ слышно о выступленіи, и капралъ разсказалъ, что почти всѣ войска выступаютъ, и что нынче долженъ быть приказъ и о плѣнныхъ. Въ балаганѣ, въ которомъ былъ Пьеръ, одинъ изъ солдатъ Соколовъ былъ при смерти боленъ, и Пьеръ сказалъ капралу, что надо распорядиться этимъ солдатомъ. Капралъ сказалъ, что Пьеръ можетъ быть спокоенъ, что на это есть подвижной и постоянный гошпитали, и что о больныхъ будетъ распоряженіе, и что вообще все, что̀ только можетъ случиться, все предвидѣно начальствомъ.

— Et puis, M-r Kiril, vous n'avez qu'à dire un mot au capitaine, vous savez. Oh, c'est un...... qui n'oublie jamais rien. Dites au capitaine quand il fera sa tournée, il fera tout pour vous.... [3]).

Капитанъ, про котораго говорилъ капралъ, почасту и по

[1]) Каково солнце, а, господинъ Кирилъ?

[2]) Въ такую бы погоду идти въ походъ.

[3]) И потомъ, господинъ Кирилъ, вамъ стоитъ сказать слово капитану; вы знаете... Это такой.... ничего не забываетъ. Скажите капитану, когда онъ будетъ дѣлать обходъ: онъ все для васъ сдѣлаетъ....

долгу бесѣдовалъ съ Пьеромъ и оказывалъ ему всякаго рода снисхожденія.

— Vois-tu, St. Thomas, qu'il me disait l'autre jour: Kiril c'est un homme qui a de l'instruction, qui parle français; c'est un seigneur russe, qui a eu des malheurs, mais c'est un homme. Et il s'y entend le........ S'il demande quelque chose, qu'il me dit, il n'y a pas de refus. Quand on a fait ses etudes, voyez vous, on aime l'instruction et les gens comme il faut. C'est pour vous que je dis cela, M. Kiril. Dans l'affaire de l'autre jour si ce n'était grace à vous, ça aurait fini mal [1]).

И поболтавъ еще нѣсколько времени, капралъ ушелъ. (Дѣло случившееся намедни, о которомъ упоминалъ капралъ, была драка между плѣнными и Французами, въ которой Пьеру удалось усмирить своихъ товарищей). Нѣсколько человѣкъ плѣнныхъ слушали разговоръ Пьера съ капраломъ и тотчасъ же стали спрашивать, чтò онъ сказалъ. Въ то время какъ Пьеръ разсказывалъ своимъ товарищамъ то, чтó капралъ сказалъ о выступленіи, къ двери балагана подошелъ худощáвый, желтый и оборванный Французскій солдатъ. Быстрымъ и робкимъ движеніемъ, приподнявъ пальцы ко лбу въ знакъ поклона, онъ обратился къ Пьеру и спросилъ его, въ этомъ ли балаганѣ солдатъ Platoche, которому онъ отдалъ шить рубаху.

Съ недѣлю тому назадъ Французы получили сапожный товáръ и полотнó и роздали шить сапоги и рубахи плѣннымъ солдатамъ.

[1]) Вотъ, клянусь св. Ѳомою, онъ мнѣ говорилъ однажды: Кирилъ— это человѣкъ образованный, говоритъ по-французски; это Русскій баринъ, съ которымъ случилось несчастіе, но онъ человѣкъ. Онъ знаетъ толкъ.... Если ему что нужно, отказа нѣтъ. Когда учился койчему, то любишь просвѣщеніе и людей благовоспитанныхъ. Это я про васъ говорю, господинъ Кирилъ. Намедни, если бы не вы, то худо бы кончилось.

— Готова, готова, соколикъ! сказалъ Каратаевъ, выходя съ аккуратно сложенной рубахой.

Каратаевъ, по случаю тепла и для удобства работы, былъ въ однихъ порткахъ и въ черной какъ земля, продранной рубашкѣ. Волоса его, какъ это дѣлаютъ мастеровые, были обвязаны мочалочкой, и круглое лицо его казалось еще круглѣе и миловиднѣе.

— Уговорецъ — дѣлу родной братецъ. Какъ сказалъ къ пятницѣ, такъ и сдѣлалъ, говорилъ Платонъ, улыбаясь и развертывая сшитую имъ рубашку.

Французъ безпокойно оглянулся и, какъ будто преодолѣвъ сомнѣніе, быстро скинулъ мундиръ и надѣлъ рубаху. Подъ мундиромъ на Французѣ не было рубахи, а на голое, желтое, худое тѣло былъ надѣтъ длинный, засаленный, шелковый съ цвѣточками жилетъ. Французъ видимо боялся, чтобъ плѣнные, смотрѣвшіе на него, не засмѣялись и поспѣшно сунулъ голову въ рубашку. Никто изъ плѣнныхъ не сказалъ ни слова.

— Вишь, въ самый разъ, приговаривалъ Платонъ, обдергивая рубаху. Французъ, просунувъ голову и руки, не поднимая глазъ, оглядывалъ на себѣ рубашку и разсматривалъ шовъ.

— Чтожъ, соколикъ, вѣдь это не швальня, и струмента настоящаго нѣтъ; а сказано: безъ снасти и вша не убьешь, говорилъ Платонъ, кругло улыбаясь и видимо самъ радуясь на свою работу.

— C' est bien, c' est bien, merci; mais vous devez avoir de la toile de reste [1]), сказалъ Французъ.

— Она еще ладнѣе будетъ, какъ ты на тѣло-то надѣнешь, говорилъ Каратаевъ, продолжая радоваться на свое произведеніе.—Вотъ тебѣ и хорошо и пріятно будетъ....

[1]) Хорошо, хорошо, спасибо; но полотна должно остаться.

— Merci, merci, mon vieux, le reste.... повторилъ Французъ, улыбаясь и, доставъ ассигнацію, далъ Каратаеву.— Mais le reste.... [2]).

Пьеръ видѣлъ, что Платонъ не хотѣлъ понимать того, что̀ говорилъ Французъ, и не вмѣшиваясь смотрѣлъ на нихъ. Каратаевъ поблагодарилъ за деньги и продолжалъ любоваться своей работой. Французъ настаивалъ на остаткахъ и попросилъ Пьера перевести то, что̀ онъ говорилъ.

— На что же ему остатки-то? сказалъ Каратаевъ. — Намъ подверточки-то важныя бы вышли. Ну да Богъ съ нимъ. И Каратаевъ съ вдругъ измѣнившимся, грустнымъ лицомъ досталъ изъ-за пазухи сверточекъ обрѣзковъ, и не глядя на него, подалъ Французу. Эхъ ма! проговорилъ Каратаевъ и пошелъ назадъ. Французъ поглядѣлъ на полотно, задумался, взглянулъ вопросительно на Пьера, и какъ будто взглядъ Пьера что-то сказалъ ему:

— Platoche, dites donc, Platoche, вдругъ покраснѣвъ крикнулъ Французъ пискливымъ голосомъ. Gardez pour vous [3]), сказалъ онъ, подавая обрѣзки, повернулся и ушелъ.

— Вотъ поди ты, сказалъ Каратаевъ, покачивая головой. Говорятъ нехристи, а тоже душа есть.—То-то старички говаривали: потная рука торовата, сухая неподатлива. Самъ голый, а вотъ отдалъ-же.—Каратаевъ, задумчиво улыбаясь и глядя на обрѣзки, помолчалъ нѣсколько времени.—А подверточки, дружокъ, важнѣющія выдутъ, сказалъ онъ и вернулся въ балаганъ.

XII.

Прошло четыре недѣли съ тѣхъ поръ, какъ Пьеръ былъ въ плѣну. Не смотря на то, что Французы предлагали пе-

[2]) Спасибо, спасибо, любезный. Остатокъ.... остатокъ.

[3]) Платонъ, а Платонъ. Возмите это себѣ.

ревести его изъ солдатскаго балагана въ офицерскій, онъ остался въ томъ балаганѣ, въ который поступилъ съ перваго дня.

Въ раззоренной и сожженной Москвѣ Пьеръ испыталъ почти крайніе предѣлы лишеній, которыя можетъ переносить человѣкъ; но, благодаря своему сильному сложенію и здоровью, котораго онъ не сознавалъ до сихъ поръ и въ особенности благодаря тому, что эти лишенія подходили такъ незамѣтно, что нельзя было сказать когда они начались, онъ переносилъ нетолько легко, но и радостно свое положеніе. И именно въ это то самое время онъ получилъ то спокойствіе и довольство собой, къ которымъ онъ тщетно стремился прежде. Онъ долго въ своей жизни искалъ съ разныхъ сторонъ этого успокоенія, согласія съ самимъ собою, того, что̀ такъ поразило его въ солдатахъ въ Бородинскомъ сраженіи — онъ искалъ этого въ филантропіи, въ масонствѣ, въ разсѣяніи свѣтской жизни, въ винѣ, въ геройскомъ подвигѣ самопожертвованія, въ романтической любви къ Наташѣ; онъ искалъ этого путемъ мысли, и всѣ эти исканія и попытки всѣ обманули его. И онъ, самъ не думая о томъ, получилъ это успокоеніе и это согласіе съ самимъ собою только черезъ ужасъ смерти, черезъ лишенія и черезъ то, что̀ онъ понялъ въ Каратаевѣ. Тѣ страшныя минуты, которыя онъ пережилъ во время казни какъ будто смыли навсегда изъ его воображенія и воспоминанія тревожныя мысли и чувства, прежде казавшіяся ему важными. Ему не приходило и мысли ни о Россіи, ни о войнѣ, ни о политикѣ, ни о Наполеонѣ. Ему очевидно было, что все это не касалось его, что онъ не призванъ былъ и потому не могъ судитъ обо всемъ этомъ. «Россіи да лѣту—союзу нѣту», повторялъ онъ слова Каратаева, и эти слова странно успокоивали его. Ему казалось теперь непонятнымъ и даже смѣшнымъ его намѣреніе убить Наполеона и его вычисленія о кабалистическомъ числѣ и звѣрѣ Апоколипсиса. Озлобленіе его противъ жены

и тревога о томъ, чтобы не было посрамлено его имя, теперь казались ему нетолько ничтожны, но забавны. Что̀ ему было за дѣло до того, что эта женщина вела тамъ гдѣ-то ту жизнь, которая ей нравилась? Кому, въ особенности ему, какое дѣло было до того, что узнаютъ или не узнаютъ, что имя ихъ плѣннаго было графъ Безухой?

Теперь онъ часто вспоминалъ свой разговоръ съ кн. Андреемъ и вполнѣ соглашался съ нимъ, только нѣсколько иначе понимая мысль князя Андрея. Князь Андрей думалъ и говорилъ, что счастье бываетъ только отрицательное, но онъ говорилъ это съ оттѣнкомъ горечи и ироніи. Какъ будто, говоря это, онъ высказывалъ другую мысль о томъ, что всѣ вложенныя въ насъ стремленья къ счастью положительному вложены только для того, чтобы, не удовлетворяя, мучить насъ. Но Пьеръ безъ всякой задней мысли признавалъ справедливость этого. Отсутствіе страданій, удовлетвореніе потребностей и вслѣдствіе того свобода выбора занятій, т. е, образа жизни, представлялись теперь Пьеру несомнѣннымъ и высшимъ счастьемъ человѣка. Здѣсь, теперь только, въ первый разъ Пьеръ вполнѣ оцѣнилъ наслажденье ѣды, когда хотѣлось ѣсть, питья, когда хотѣлось пить, сна когда хотѣлось спать, тепла когда было холодно, разговора съ человѣкомъ когда хотѣлось говорить и послушать человѣческой голосъ. Удовлетвореніе потребностей — хорошая пища, чистота, свобода — теперь, когда онъ былъ лишенъ всего этого, казались Пьеру совершеннымъ счастіемъ, а выборъ занятія, т. е. жизнь, теперь, когда выборъ этотъ былъ такъ ограниченъ, казались ему такимъ легкимъ дѣломъ, что онъ забывалъ то, что избытокъ удобствъ жизни уничтожаетъ все счастье удовлетворенія потребностей, а бо̀льшая свобода выбора занятій, та свобода, которую ему въ его жизни давали образованіе, богатство, положеніе въ свѣтѣ, что эта-то свобода и дѣлаетъ

выборъ занятій неразрѣшимо-труднымъ, и уничтожаетъ самую потребность и возможность занятія.

Всѣ мечтанія Пьера теперь стремились къ тому времени, когда онъ будетъ свободенъ. А, между тѣмъ, впослѣдствіи и во всю свою жизнь, Пьеръ съ восторгомъ думалъ и говорилъ объ этомъ мѣсяцѣ плѣна, о тѣхъ невозвратимыхъ, сильныхъ и радостныхъ, ощущеніяхъ и, главное, о томъ полномъ, душевномъ спокойствіи, о совершенной внутренней свободѣ, которыя онъ испытывалъ только въ это время.

Когда онъ въ первый день, вставъ рано утромъ, вышелъ на зарѣ изъ балагана и увидалъ сначала темные купола, кресты Новодѣвичьяго монастыря, увидалъ морозную росу на пыльной травѣ, увидалъ холмы Воробьевыхъ горъ и извивающійся надъ рѣкою и скрывающійся въ лиловой дали лѣсистый берегъ, когда ощутилъ прикосновеніе свѣжаго воздуха и услыхалъ звуки летѣвшихъ изъ Москвы черезъ поле галокъ и когда потомъ вдругъ брызнуло свѣтомъ съ востока и торжественно выплылъ край солнца изъ-за тучи, и купола, и кресты, и роса, и даль, и рѣка, все заиграло въ радостномъ свѣтѣ,—Пьеръ почувствовалъ новое, неиспытанное имъ чувство радости и крѣпости жизни.

И чувство это не только не покидало его во все время плѣна, но напротивъ возрастало въ немъ по мѣрѣ того, какъ увеличивались трудности его положенія.

Чувство это готовности на все, нравственной подобранности, еще болѣе поддерживалось въ Пьерѣ тѣмъ высокимъ мнѣніемъ, которое, вскорѣ по его вступленіи въ балаганъ, установилось о немъ между его товарищами. Пьеръ съ своимъ знаніемъ языковъ, съ тѣмъ уваженіемъ, которое ему оказывали Французы, съ своей простотой, отдававшій все, что̀ у него просили (онъ получалъ офицерскіе три рубля въ недѣлю), съ своей силой, которую онъ показалъ солдатамъ, вдавливая гвозди въ стѣну балагана, съ кротостью, которую онъ выказывалъ въ обращеніи съ

товарищами, съ своей непонятной для нихъ способностью сидѣть неподвижно и ничего не дѣлая думать, представлялся солдатамъ нѣсколько-таинственнымъ и высшимъ существомъ. Тѣ самыя свойства его, которыя въ томъ свѣтѣ, въ которомъ онъ жилъ прежде, были для него если не вредны, то стѣснительны, его сила, пренебреженіе къ удобствамъ жизни, разсѣянность, простота, здѣсь, между этими людьми, давали ему положеніе почти героя. И Пьеръ чувствовалъ, что этотъ взглядъ обязывалъ его.

XIII.

Въ ночь съ 6-го на 7-е Октября началось движеніе выступавшихъ Французовъ: ломались кухни, балаганы, укладывались повозки, и двигались войска и обозы.

Въ семь часовъ утра конвой Французовъ, въ походной формѣ, въ киверахъ, съ ружьями, ранцами и огромными мѣшками, стоялъ передъ балаганами, и Французскій, оживленный говоръ, пересыпаемый ругательствами, перекатывался по всей линіи.

Въ балаганѣ всѣ были готовы, одѣты, подпоясаны, обуты и ждали только приказанія выходить. Больной солдатъ Соколовъ, блѣдный, худой, съ синими кругами вокругъ глазъ, одинъ, не обутый и не одѣтый, сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, и выкатившимися отъ худобы глазами вопросительно смотрѣлъ на необращавшихъ на него вниманья товарищей и не громко и равномѣрно стоналъ. Видимо нестолько страданія — онъ былъ боленъ кровавымъ поносомъ, — сколько страхъ и горе оставаться одному, заставляли его стонать.

Пьеръ, обутый въ башмаки, сшитые для него Каратаевымъ изъ цибика, который принесъ Французъ для подшивки себѣ подошвъ, подпоясанный веревкою, подошелъ къ больному и присѣлъ передъ нимъ на корточки.

— Чтожъ, Соколовъ, они вѣдь не совсѣмъ уходятъ! У нихъ тутъ гошпиталь. Можетъ, тебѣ еще лучше нашего будетъ, сказалъ Пьеръ.

— О Господи! О смерть моя! О Господи! громче застоналъ солдатъ.

— Да я сейчасъ еще спрошу ихъ, сказалъ Пьеръ и, поднявшись, пошелъ къ двери балагана. Въ то время, какъ Пьеръ подходилъ къ двери, снаружи подходилъ съ двумя солдатами тотъ капралъ, который вчера угощалъ Пьера трубкой. И капралъ, и солдаты были въ походной формѣ, въ ранцахъ и киверахъ съ застегнутыми чешуями, измѣнявшими ихъ знакомыя лица.

Капралъ шелъ къ двери съ тѣмъ, чтобы по приказанію начальства затворить ее. Передъ выпускомъ надо было пересчитать плѣнныхъ.

— Caporal, que fera-t-on du malade?... [1]) началъ Пьеръ; но въ ту минуту какъ онъ говорилъ это, онъ усумнился, тотъ ли это знакомый его капралъ или другой неизвѣстный человѣкъ: такъ не похожъ былъ на себя капралъ въ эту минуту. Кромѣ того, въ ту минуту, какъ Пьеръ говорилъ это, съ двухъ сторонъ вдругъ послышался трескъ барабановъ. Капралъ нахмурился на слова Пьера и, проговоривъ безсмысленное ругательство, захлопнулъ дверь. Въ балаганѣ стало полутемно; съ двухъ сторонъ рѣзко трещали барабаны, заглушая стоны больнаго.

— Вотъ оно!.. Опять оно! сказалъ себѣ Пьеръ и, невольный холодъ пробѣжалъ по его спинѣ. Въ измѣненномъ лицѣ капрала, въ звукѣ его голоса, въ возбуждающемъ и заглушающемъ трескѣ барабановъ, Пьеръ узналъ ту таинственную, безъучастную силу, которая заставляла людей противъ своей воли умерщвлять себѣ подобныхъ, ту силу, дѣйстіе которой онъ видѣлъ во время казни. Бояться, старать-

[1]) Капралъ, что сдѣлаютъ съ больнымъ?

ся избѣгать этой силы, обращаться съ просьбами или увѣщаніями къ людямъ, которые служили орудіями ея, было безполезно. Это зналъ теперь Пьеръ. Надо было ждать и терпѣть. Пьеръ не подошелъ больше къ больному и не оглянулся на него. Онъ, молча, нахмурившись, стоялъ у двери балагана.

Когда двери балагана отворились, и плѣнные, какъ стадо барановъ, давя другъ друга, затѣснились въ выходѣ, Пьеръ пробился впередъ ихъ и подошелъ къ тому самому капитану, который, по увѣренію капрала, готовъ былъ все сдѣлать для Пьера. Капитанъ тоже былъ въ походной формѣ, и изъ холоднаго лица его смотрѣло тоже «оно», которое Пьеръ узналъ въ словахъ капрала и въ трескѣ барабановъ.

— Filez, filez,[2]) приговаривалъ капитанъ, строго хмурясь и глядя на толпившихся мимо него плѣнныхъ. Пьеръ зналъ, что его попытка будетъ напрасна, но подошелъ къ нему.

— Eh bien, qu'est ce qu'il y a? холодно оглянувшись, какъ бы не узнавъ, сказалъ офицеръ. Пьеръ сказалъ про больнаго.

— Il pourra marcher, que diable! сказалъ капитанъ. Filez, filez, продолжалъ онъ приговаривать, не глядя на Пьера.

— Mais non, il est à l'agonie... началъ было Пьеръ.

— Voulez vous bien!... [3]) злобно нахмурившись крикнулъ капитанъ.

Драмъ да да дамъ, дамъ дамъ, трещали барабаны. И Пьеръ понялъ, что таинственная сила уже вполнѣ овладѣла этими людьми и что теперь говорить еще что нибудь было безполезно.

[2]) Проходите, проходите.

[3]) Ну что такое? Онъ можетъ идти, чортъ возьми! Проходите, проходите. Но нѣтъ онъ умираетъ... Идите же!

Плѣнныхъ офицеровъ отдѣлили отъ солдатъ, и велѣли имъ идти впереди. Офицеровъ, въ числѣ которыхъ былъ Пьеръ, было человѣкъ 30-ть, солдатовъ человѣкъ 300.

Плѣнные офицеры, выпущенные изъ другихъ балагановъ, были всѣ чужіе, были гораздо лучше одѣты чѣмъ Пьеръ и смотрѣли на него, въ его обуви, съ недовѣрчивостью и отчужденностью. Недалеко отъ Пьера, шелъ видимо пользующійся общимъ уваженіемъ своихъ товарищей плѣнныхъ, толстый маіоръ въ казанскомъ халатѣ, подпоясанный полотенцемъ, съ пухлымъ, желтымъ, сердитымъ лицомъ. Онъ одну руку съ кисетомъ держалъ за пазухой, другою опирался на чубукъ. Маіоръ, пыхтя и отдуваясь, ворчалъ и сердился на всѣхъ за то, что ему казалось, что его толкаютъ и что всѣ торопятся, когда торопиться нѐкуда, всѣ чему-то удивляются, когда ни въ чемъ ничего нѣтъ удивительнаго. Другой маленькій, худой офицеръ со всѣми заговаривалъ, дѣлая предположенія о томъ, куда ихъ ведутъ теперь и какъ далеко они успѣютъ пройти нынѣшній день. Чиновникъ, въ валеныхъ сапогахъ и комиссаріатской формѣ, забѣгалъ съ разныхъ сторонъ и высматривалъ сгорѣвшую Москву, громко сообщая свои наблюденія о томъ, чтò сгорѣло и какая была та или эта виднѣвшаяся часть Москвы. Третій офицеръ, Польскаго происхожденія по акценту, спорилъ съ комиссаріатскимъ чиновникомъ, доказывая ему, что онъ ошибался въ опредѣленіи кварталовъ Москвы.

— О чемъ спорите? сердито говорилъ маіоръ. Николы ли, Власа-ли, все одно; видите, все сгорѣло, ну и конецъ... Что толкаетесь-то, развѣ дороги мало, обратился онъ сердито къ сзади шедшему и вовсе не толкавшему его.

— Ай, ай, ай, что надѣлали! слышались однако то съ той, то съ другой стороны голоса плѣнныхъ, оглядывающихъ пожарища. И Замоскворѣчье то, и Зубово, и въ Кремлѣ то... Смотрите, половины нѣтъ. Да я вамъ говорилъ, что все Замоскворѣчье, вонъ такъ и есть.

— Ну знаете, что сгорѣло, ну о чемъ же толковать! говорилъ маіоръ.

Проходя черезъ Хамовники (одинъ изъ немногихъ, несгорѣвшихъ кварталовъ Москвы) мимо церкви, вся толпа плѣнныхъ вдругъ пожалась къ одной сторонѣ, и послышались восклицанія ужаса и омерзенія.

— Ишь мерзавцы! То-то нехристи. Да мертвый, мертвый и есть... Вымазали чѣмъ-то.

Пьеръ тоже подвинулся къ церкви, у которой было то, что̀ вызывало восклицанія, и смутно увидалъ что-то прислоненное къ оградѣ церкви. Изъ словъ товарищей, видѣвшихъ лучше его, онъ узналъ, что это что-то былъ трупъ человѣка, поставленный стоймя у ограды и вымазанный въ лицѣ сажей.

— Marchez, sacré nom... Filez.... trente mille diables... [1]) послышались ругательства конвойныхъ, и Французскіе солдаты съ новымъ озлобленіемъ розогнали тесаками толпу плѣнныхъ, смотрѣвшую на мертваго человѣка.

XIV.

По переулкамъ Хамовниковъ, плѣнные шли одни съ своимъ конвоемъ и повозками и фурами, принадлежавшими конвойнымъ и ѣхавшими сзади; но, выйдя къ провіантскимъ магазинамъ, они попали въ середину огромнаго, тѣсно двигавшагося артиллерійскаго обоза, перемѣшаннаго съ частными повозками.

У самаго моста всѣ остановились, дожидаясь того, чтобы продвинулись ѣхавшіе впереди. Съ моста плѣннымъ открылись сзади и впереди безконечные ряды другихъ двигавшихся обозовъ. На право, тамъ гдѣ загибалась Калужская до-

[1]) Идите, чортъ возьми... Проходите, тридцать тысячь дьяволовъ...

рога мимо Нескучнаго, пропадая вдали, тянулись безконечные ряды войскъ и обозовъ. Это были вышедшіе прежде всѣхъ войска корпуса Богарне; назади, по Набережной и черезъ Каменный мостъ, тянулись войска и обозы Нея.

Войска Даву, къ которымъ принадлежали плѣнные, шли черезъ Крымскій бродъ и уже отчасти вступали въ Калужскую улицу. Но обозы такъ растянулись, что послѣдніе обозы Богарне еще не вышли изъ Москвы въ Калужскую улицу, а голова войскъ Нея уже выходила изъ Большой Ордынки.

Пройдя Крымскій бродъ, плѣнные двигались по нѣскольку шаговъ и останавливались, и опять двигались, и со всѣхъ сторонъ экипажи и люди все больше и больше стѣснялись. Пройдя болѣе часа тѣ нѣсколько сотъ шаговъ, которые отдѣляютъ мостъ отъ Калужской улицы и дойдя до площади, гдѣ сходятся Замоскворѣцкія улицы съ Калужскою, плѣнные, сжатые въ кучу, остановились и нѣсколько часовъ простояли на этомъ перекресткѣ. Со всѣхъ сторонъ слышался неумолкаемый, какъ шумъ моря, грохотъ колесъ, и топотъ ногъ, и неумолкаемые, сердитые крики и ругательства. Пьеръ стоялъ прижатый къ стѣнѣ обгорѣлаго дома, слушая этотъ звукъ, сливавшійся въ его воображеніи съ звуками барабана.

Нѣсколько плѣнныхъ офицеровъ, чтобы лучше видѣть, влѣзли на стѣну обгорѣлаго дома, подлѣ котораго стоялъ Пьеръ.

— Народу-то! Эка народу!... И на пушкахъ-то навалили! Смотри мѣха.... говорили они. Вишь, стервецы, награбили.... Вонъ у того-то сзади, на телѣгѣ.... Вѣдь это-съ иконы, ей Богу!... Это Нѣмцы должно быть. И нашъ мужикъ, ей Богу!... Ахъ, подлецы!... Вишь навьючился-то, насилу идетъ! Вотъ-те на, дрожки и тѣ захватили!.. Вишь усѣлся на сундукахъ-то. Батюшки!... Подрались!...

— Такъ его по мордѣ-то, по мордѣ! Этакъ до вечера не дождешься. Гляди, глядите.... а это вѣрно самаго Напо-

леона. Видишь, лошади-то какія! въ вензеляхъ съ короной. Это домъ складной. Уронилъ мѣшокъ, не видитъ. Опять подрались... Женщина съ ребеночкомъ и не дурна. Да какже, такъ тебя и пропустятъ... Смотрите и конца нѣтъ. Дѣвки Русскія, ей Богу дѣвки. Въ колясках вѣдь какъ покойно усѣлись.

Опять волна общаго любопытства, какъ и около церкви въ Хамовникахъ, надвинула всѣхъ плѣнныхъ къ дорогѣ, и Пьеръ, благодаря своему росту, черезъ головы другихъ увидалъ то, что̀ такъ привлекло любопытство плѣнныхъ. Въ трехъ коляскахъ, замѣшавшихся между зарядными ящиками, ѣхали, тѣсно сидя другъ на другѣ, разряженныя въ яркихъ цвѣтахъ, нарумяненныя, что-то кричащія пискливыми голосами женщины.

Съ той минуты какъ Пьеръ созналъ появленіе таинственной силы, ничто не казалось ему странно или страшно: ни трупъ вымазанный для забавы сажей, ни эти женщины спѣшившія куда-то, ни пожарища Москвы. Все, что̀ видѣлъ теперь Пьеръ, не производило на него почти никакого впечатлѣнія—какъ будто душа его, готовясь къ трудной борьбѣ, отказывалась принимать впечатлѣнія, которыя могли ослабить ее.

Поѣздъ женщинъ проѣхалъ. За нимъ тянулись опять телѣги, солдаты, фуры, солдаты, палубы, кареты, солдаты, ящики, солдаты, изрѣдка женщины.

Пьеръ не видалъ людей отдѣльно, а видѣлъ движеніе ихъ.

Всѣ эти люди, лошади какъ будто гнались какой-то невидимою силою. Всѣ они, въ продолженіи часа, во время котораго ихъ наблюдалъ Пьеръ, выплывали изъ разныхъ улицъ съ однимъ и тѣмъ желаніемъ скорѣе пройти; всѣ они, одинаково сталкиваясь съ другими, начинали сердиться, драться; оскаливались бѣлые зубы, хмурились брови, перебрасывались все одни и тѣже ругательства, и на всѣхъ лицахъ

было одно и тоже молодечески-рѣшительное и жестоко-холодное выраженіе, которое по утру поразило Пьера при звукѣ барабана на лицѣ капрала.

Уже передъ вечеромъ конвойный начальникъ собралъ свою команду и съ крикомъ и спорами втѣснился въ обозы, и плѣнные, окруженные со всѣхъ сторонъ, вышли на Калужскую дорогу.

Шли очень скоро, не отдыхая, и остановились только, когда уже солнце стало садиться. Обозы надвинулись одни на другихъ, и люди стали готовиться къ ночлегу. Всѣ казались сердиты и недовольны. Долго съ разныхъ сторонъ слышались ругательства, злобные крики и драки. Карета, ѣхавшая сзади конвойныхъ, надвинулась на повозку конвойныхъ и пробила ее дышломъ. Нѣсколько солдатъ съ разныхъ сторонъ сбѣжались къ повозкѣ; одни били по головамъ лошадей, запряженныхъ въ каретѣ, сворачивая ихъ, другіе дрались между собой, и Пьеръ видѣлъ, что одного Нѣмца тяжело ранили тесакомъ въ голову.

Казалось, всѣ эти люди испытывали теперь, когда остановились посреди поля въ холодныхъ сумеркахъ осенняго вечера, одно и тоже чувство непріятнаго пробужденія отъ охватившей всѣхъ при выходѣ поспѣшности и стремительнаго куда-то движенія. Остановившись, всѣ какъ будто поняли, что неизвѣстно еще куда идутъ и что на этомъ движеніи много будетъ тяжелаго и труднаго.

Съ плѣнными на этомъ привалѣ конвойные обращались еще хуже, чѣмъ при выступленіи. На этомъ привалѣ въ первый разъ мясная пища плѣнныхъ была выдана кониною.

Отъ офицеровъ до послѣдняго солдата было замѣтно въ каждомъ какъ будто личное озлобленіе противъ каждаго изъ плѣнныхъ, такъ неожиданно замѣнившее прежде дружелюбныя отношенія.

Озлобленіе это еще болѣе усилилось, когда при пересчитываньи плѣнныхъ оказалось, что во время суеты, вы-

ходя изъ Москвы, одинъ Русскій солдатъ, притворявшійся больнымъ отъ живота—бѣжалъ. Пьеръ видѣлъ, какъ Французъ избилъ Русскаго солдата за то, что тотъ отошелъ далеко отъ дороги и слышалъ, какъ капитанъ, его пріятель, выговаривалъ унтеръ-офицеру за побѣгъ Русскаго солдата и угрожалъ ему судомъ. На отговорку унтеръ-офицера о томъ, что солдатъ былъ боленъ и не могъ идти, офицеръ сказалъ, что велѣно пристрѣливать тѣхъ, кто будетъ отставать. Пьеръ чувствовалъ, что та роковая сила, которая смяла его во время казни, и которая была незамѣтна во время плѣна, теперь опять овладѣла его существованіемъ. Ему было страшно; но онъ чувствовалъ, какъ по мѣрѣ усилій, которыя дѣлала роковая сила, чтобы раздавить его, въ душѣ его выростала и крѣпла независимая отъ нея сила жизни.

Пьеръ поужиналъ похлебкою изъ ржаной муки съ лошадинымъ мясомъ и поговорилъ съ товарищами.

Ни Пьеръ, и никто изъ товарищей его, не говорили ни о томъ, что́ они видѣли въ Москвѣ, ни о грубости обращенія Французовъ, ни о томъ распоряженіи пристрѣливать, которое было объявлено имъ: всѣ были, какъ бы въ отпоръ ухудшающемуся положенію, особенно оживлены и веселы. Говорили о личныхъ воспоминаніяхъ, о смѣшныхъ сценахъ, видѣнныхъ во время похода и заминали разговоры о настоящемъ положеніи.

Солнце давно сѣло. Яркія звѣзды зажглись кое-гдѣ по небу; красное, подобное пожару зарево встающаго полнаго мѣсяца разлилось по краю неба, и огромный, красный шаръ удивительно колебался въ сѣроватой мглѣ. Становилось свѣтло. Вечеръ уже кончился, но ночь еще не начиналась. Пьеръ всталъ отъ своихъ новыхъ товарищей и пошелъ между костровъ на другую сторону дороги, гдѣ, ему сказали, стояли плѣнные солдаты. Ему хотѣлось поговорить съ ними.

На дорогѣ Французскій часовой остановилъ его и велѣлъ воротиться.

Пьеръ вернулся, но не къ костру, къ товарищамъ, а къ отпряженной повозкѣ, у которой никого не было. Онъ, поджавъ ноги и опустивъ голову, сѣлъ на холодную землю у колеса повозки и долго неподвижно сидѣлъ, думая. Прошло болѣе часа. Никто не тревожилъ Пьера. Вдругъ онъ захохоталъ своимъ толстымъ, добродушнымъ смѣхомъ такъ громко, что съ разныхъ сторонъ съ удивленіемъ оглянулись люди на этотъ странный, очевидно-одинокій смѣхъ.

— Ха, ха, ха! смѣялся Пьеръ. И онъ проговорилъ вслухъ самъ съ собою: Не пустилъ меня, солдатъ. Поймали меня, заперли меня. Въ плѣну держатъ меня. Кого меня? Меня? Меня—мою безсмертную душу! Ха, ха, ха!... Ха, ха, ха!.. смѣялся онъ съ выступившими на глаза слезами.

Какой-то человѣкъ всталъ и подошелъ посмотрѣть, о чемъ одинъ смѣется этотъ странный, большой человѣкъ. Пьеръ пересталъ смѣяться, всталъ, отошелъ подальше отъ любопытнаго и оглянулся вокругъ себя.

Прежде громко шумѣвшій трескомъ костровъ и говоромъ людей, огромный, нескончаемый бивакъ затихалъ; красные огни костровъ потухали и блѣднѣли. Высоко въ свѣтломъ небѣ стоялъ полный мѣсяцъ. Лѣса и поля, невидные прежде внѣ расположенія лагеря, открывались теперь вдали. И еще дальше этихъ лѣсовъ и полей виднѣлась свѣтлая, колеблющаяся, зовущая въ себя безконечная даль. Пьеръ взглянулъ въ небо, въ глубь уходящихъ, играющихъ звѣздъ. «И все это мое, и все это во мнѣ, и все это я!» думалъ Пьеръ. «И все это они поймали и посадили въ балаганъ, загороженный досками!» Онъ улыбнулся и пошелъ укладываться спать къ своимъ товарищамъ.

XV.

Въ первыхъ числахъ Октября къ Кутузову пріѣзжалъ еще парламентеръ съ письмомъ отъ Наполеона и предложеніемъ мира, обманчиво означеннымъ изъ Москвы, тогда какъ Наполеонъ уже былъ недалеко впереди Кутузова на старой Калужской дорогѣ. Кутузовъ отвѣчалъ на это письмо также, какъ на первое присланное съ Лористономъ: онъ сказалъ, что о мирѣ рѣчи быть не можетъ.

Вскорѣ послѣ этого, изъ партизанскаго отряда Дорохова, ходившаго налѣво отъ Тарутина, получено донесеніе о томъ, что въ Ѳоминскомъ показались войска, что войска эти состоятъ изъ дивизіи Брусье, и что дивизія эта, отдѣленная отъ другихъ войскъ, легко можетъ быть истреблена. Солдаты и офицеры опять требовали дѣятельности. Штабные генералы, возбужденные воспоминаніемъ о легкости побѣды подъ Тарутинымъ, настаивали у Кутузова объ исполненіи предложенія Дорохова. Кутузовъ не считалъ нужнымъ никакого наступленія. Вышло среднее, то что̀ должно было совершиться; посланъ былъ въ Ѳоминское небольшой отрядъ, который долженъ былъ атаковать Брусье.

По странной случайности, это назначеніе—самое трудное и самое важное, какъ оказалось впослѣдствіи, получилъ Дохтуровъ; тотъ самый, скромный, маленькій Дохтуровъ, котораго никто не описывалъ намъ составляющимъ планы сраженій, летающимъ передъ полками, кидающимъ кресты на батареи, и т. п., котораго считали и называли нерѣшительнымъ и непроницательнымъ, но тотъ самый Дохтуровъ, котораго, во время всѣхъ войнъ Русскихъ съ Французами съ Аустерлица и до 13-го года, мы находимъ начальствующимъ вездѣ, гдѣ только положеніе трудно. Въ Аустерлицѣ онъ остается послѣднимъ у плотины Аугеста, собирая полки, спасая что̀ можно, когда все бѣжитъ и

гибнетъ, и ни однаго генерала нѣтъ въ арьергардѣ. Онъ, больной въ лихорадкѣ, идетъ въ Смоленскъ съ 20-ю тысячами защищать городъ противъ всей Наполеоновской арміи. Въ Смоленскѣ, едва задремалъ онъ на Малаховскихъ воротахъ, въ пароксизмѣ лихорадки, его будитъ канонада по Смоленску, и Смоленскъ держится цѣлый день. Въ Бородинскомъ сраженіи, когда убитъ Багратіонъ и войска нашего лѣваго фланга перебиты въ пропорціи 9 къ 1, и вся сила Французской артиллеріи направлена туда, посылается никто другой, а именно нерѣшительный и непроницательный Дохтуровъ, и Кутузовъ торопится поправить свою ошибку, когда онъ послалъ было туда другаго. И маленькій, тихинькій Дохтуровъ ѣдетъ туда, и Бородино—лучшая слава Русскаго войска. И много героевъ описано намъ въ стихахъ и прозѣ, но о Дохтуровѣ почти ни слова.

Опять Дохтурова посылаютъ туда въ Ѳоминское и оттуда въ Малый Ярославецъ въ то мѣсто, гдѣ было послѣднее сраженіе съ Французами и въ то мѣсто, съ котораго очевидно уже начинается погибель Французовъ, и опять много геніевъ и героевъ описываютъ намъ въ этотъ періодъ кампаніи, но о Дохтуровѣ ни слова или очень мало или сомнительно. Это-то умолчаніе о Дохтуровѣ очевиднѣе всего доказываетъ его достоинства.

Естественно, что для человѣка, не понимающаго хода машины, при видѣ ея дѣйствія кажется, что важнѣйшая часть этой машины есть та щепка, которая случайно попала въ нее и, мѣшая ея ходу, треплется въ ней. Человѣкъ не знающій устройства машины, не можетъ понять того, что не эта портящая и мѣшающая дѣлу щепка, а та маленькая, передаточная шестерня, которая не слышно вертится, есть одна изъ существеннѣйшихъ частей машины.

10 Октября, въ тотъ самый день, какъ Дохтуровъ прошелъ половину дороги до Ѳоминскаго и остановился въ деревнѣ Ари-

стовѣ, приготавливаясь въ точности исполнить отданное приказаніе, все Французское войско, въ своемъ судорожномъ движеніи дойдя до позиціи Мюрата, какъ казалось для того чтобы дать сраженіе, вдругъ безъ причины повернуло влѣво на новую, Калужскую дорогу и стало входить въ Ѳоминское, въ которомъ прежде стоялъ одинъ Брусье. У Дохтурова подъ командою въ это время были, кромѣ Дорохова, два небольшіе отряда Фигнера и Сеславина.

Вечеромъ 11-го Октября Сеславинъ пріѣхалъ въ Аристово къ начальству съ пойманнымъ плѣннымъ Французскимъ гвардейцемъ. Плѣнный говорилъ, что войска, вошедшія нонче въ Ѳоминское, составляли авангардъ всей большой арміи, что Наполеонъ былъ тутъ же, что армія вся уже 5-й день вышла изъ Москвы. Въ тотъ же вечеръ дворовый человѣкъ, пришедшій изъ Боровска, разсказалъ, какъ онъ видѣлъ вступленіе огромнаго войска въ городъ. Козаки изъ отряда Дорохова доносили, что они видѣли Французскую гвардію, шедшую по дорогѣ къ Боровску. Изъ всѣхъ этихъ извѣстій стало очевидно, что тамъ, гдѣ думали найти одну дивизію, теперь была вся армія Французовъ, шедшая изъ Москвы по неожиданному направленію, по старой Калужской дорогѣ. Дохтуровъ ничего не хотѣлъ предпринимать, такъ какъ ему не ясно было теперь, въ чемъ состоитъ его обязанность. Ему велѣно было атаковать Ѳоминское. Но въ Ѳоминскомъ прежде былъ одинъ Брусье, теперь была вся Французская армія. Ермоловъ хотѣлъ поступить по своему усмотрѣнію, но Дохтуровъ настаивалъ на томъ, что ему нужно имѣть приказаніе отъ свѣтлѣйшаго. Рѣшено было послать донесеніе въ штабъ.

Для этого избранъ толковый офицеръ, Болховитиновъ, который кромѣ письменнаго донесенія долженъ былъ на словахъ разсказать все дѣло. Въ 12-мъ часу ночи Болховитиновъ, получивъ конвертъ и словесное приказаніе, поскакалъ, сопут-

ствуемый казакомъ, съ запасными лошадьми въ главный штабъ.

XVI.

Ночь была темная, теплая, осенняя. Шелъ дождикъ уже 4-й день. Два раза перемѣнивъ лошадей и въ полтора часа проскакавъ 30 верстъ по грязной вязкой дорогѣ, Болховитиновъ во второмъ часу ночи былъ въ Леташевкѣ. Слѣзши у избы, на плетневомъ заборѣ которой была вывѣска: «Главный Штабъ», и бросивъ лошадь, онъ вошелъ въ темныя сѣни.

— Дежурнаго генерала скорѣе! Очень важное! проговорилъ онъ кому-то, поднимавшемуся и сопѣвшему въ темнотѣ сѣней.

— Съ вечера нездоровы очень были, третью ночь не спятъ, заступнически прошепталъ деньщицкій голосъ. Ужъ вы капитана разбудите сначала.

— Очень важное, отъ генерала Дохтурова, сказалъ Болховитиновъ, входя въ ощупанную имъ растворенную дверь. Деньщикъ прошелъ впередъ его и сталъ будить кого-то. Ваше благородіе, ваше благородіе—кульеръ.

— Что, что? отъ кого? проговорилъ чей-то сонный голосъ.

Отъ Дохтурова, отъ Алексѣя Петровича, Наполеонъ въ Ѳоминскомъ, сказалъ Болховитоновъ, не видя въ темнотѣ того, кто спрашивалъ его; но по звуку голоса предполагая, что это былъ не Коновницынъ.

Разбуженный человѣкъ зѣвалъ и тянулся.

— Будить то мнѣ его не хочется, сказалъ онъ ощупывая что-то. Больнешенекъ! Можетъ такъ, слухи.

— Вотъ донесеніе, сказалъ Болховитиновъ; велѣно сейчасъ же передать дежурному генералу.

— Постойте, огня зажгу. Куда ты, проклятый, всегда засунешь? обращаясь къ деньщику, сказалъ тянувшійся человѣкъ. Это былъ Щербининъ, адъютантъ Коновницына. Нашелъ, нашелъ, прибавилъ онъ.

Деньщикъ рубилъ огонь, Щербининъ ощупывалъ подсвѣчникъ.

— Ахъ, мерзкіе! съ отвращеніемъ сказалъ онъ.

При свѣтѣ искръ Болховитиновъ увидѣлъ молодое лицо Щербинина со свѣчей и въ переднемъ углу еще спящаго человѣка. Это былъ Коновницынъ.

Когда сначача синимъ и потомъ краснымъ пламенемъ загорѣлись сѣрники о трутъ, Щербининъ зажегъ сальную свѣчку, съ подсвѣчника которой побѣжали обгладывавшіе ее прусаки и осмотрѣлъ вѣстника. Болховитиновъ былъ весь въ грязи и, рукавомъ обтираясь, размазывалъ себѣ лицо.

— Да кто доноситъ? сказалъ Щербининъ, взявъ конвертъ.

— Извѣстіе вѣрное, сказалъ Болховитиновъ. — И плѣнные, и казаки, и лазутчики, всѣ единогласно показываютъ одно и тоже.

— Нечего дѣлать, надо будить, сказалъ Щербининъ, вставая и подходя къ человѣку въ ночномъ колпакѣ, укрытому шинелью. Петръ Петровичъ! проговорилъ онъ. Коновницынъ не шевелился. Въ главный штабъ! проговорилъ онъ улыбнувшись, зная, что эти слова навѣрное разбудятъ его. И дѣйствительно, голова въ ночномъ колпакѣ поднялась тотчасъ же. На красивомъ, твердомъ лицѣ Коновницына съ лихорадочно-воспаленными щеками, на мгновеніе оставалось еще выраженіе далекихъ отъ настоящаго положенія мечтаній сна, но потомъ вдругъ онъ вздрогнулъ: лицо это приняло обычно-спокойное и твердое выраженіе.

— Ну что такое? Отъ кого? не торопливо, но тотчасъ же спросилъ онъ, мигая отъ свѣта. Слушая донесеніе офицера, Коновницынъ распечаталъ и прочелъ. Едва прочтя, онъ опустилъ ноги въ шерстяныхъ чулкахъ на земляной полъ и сталъ обуваться. Потомъ снялъ колпакъ и, причесавъ виски, надѣлъ фуражку.

— Ты скоро доѣхалъ? Пойдемъ къ свѣтлѣйшему.

Коновицынъ тотчасъ понялъ, что привезенное извѣстіе

имѣло большую важность, и что нельзя медлить. Хорошо ли, дурно ли это было, онъ не думалъ и не спрашивалъ себя. Его это не интересовало. На все дѣло войны онъ смотрѣлъ не умомъ, не разсужденіемъ, а чѣмъ-то другимъ. Въ душѣ его было глубокое, не высказанное убѣжденіе, что все будетъ хорошо; но что этому вѣрить не надо, и тѣмъ болѣе не надо говорить этого, а надо дѣлать только свое дѣло. И это свое дѣло онъ дѣлалъ, отдавая ему всѣ свои силы.

Петръ Петровичъ Коновницынъ, также какъ и Дохтуровъ, только какъ бы изъ приличія внесенный въ списокъ такъ называемыхъ героевъ 12-го года — Барклаевъ, Раевскихъ, Ермоловыхъ, Платовыхъ, Милорадовичей, также какъ и Дохтуровъ, пользовался репутаціею человѣка весьма ограниченныхъ способностей и свѣдѣній, и также какъ и Дохтуровъ, Коновницынъ никогда не дѣлалъ проэктовъ сраженій, но всегда находился тамъ, гдѣ было труднѣе всего; спалъ всегда съ раскрытой дверью съ тѣхъ поръ, какъ былъ назначенъ дежурнымъ генераломъ, приказывая каждому посланному будить себя, всегда во время сраженья былъ подъ огнемъ, такъ что Кутузовъ упрекалъ его за то и боялся посылать и былъ, также какъ и Дохтуровъ, одной изъ тѣхъ незамѣтныхъ шестерень, которыя, не треща и не шумя, составляютъ самую существенную часть машины.

Выходя изъ избы въ сырую, темную ночь, Коновницынъ нахмурился частью отъ головной усилившейся боли, частью отъ непріятной мысли пришедшей ему въ голову о томъ, какъ теперь взволнуется все это гнѣздо штабныхъ, вліятельныхъ людей, при этомъ извѣстіи, въ особенности Бенигсенъ, послѣ Тарутина бывшій на ножахъ съ Кутузовымъ; какъ будутъ предлагать, спорить, приказывать, отмѣнять. И это предчувствіе непріятно ему было, хотя онъ и зналъ, что безъ этого нельзя.

Дѣйствительно, Толь, къ которому онъ зашелъ сообщить новое извѣстіе, тотчасъ же сталъ излагать свои соображе-

нія генералу, жившему съ нимъ, и Коновницынъ, молча и устало слушавшій, напомнилъ ему, что надо идти къ свѣтлѣйшему.

XVII.

Кутузовъ, какъ и всѣ старые люди, мало сыпалъ по ночамъ. Онъ днемъ часто неожиданно задремывалъ; но ночью, онъ, не раздѣваясь лежа на свой постелѣ, большей частью не спалъ и думалъ.

Такъ онъ лежалъ и теперь на своей кровати, облокотивъ тяжелую, большую, изуродованную голову на пухлую руку и думалъ, открытымъ однимъ глазомъ присматриваясь къ темнотѣ.

Съ тѣхъ поръ какъ Бенигсенъ, переписывавшійся съ Государемъ и имѣвшій болѣе всѣхъ силы въ штабѣ, избѣгалъ его, Кутузовъ былъ спокойнѣе въ томъ отношеніи, что его съ войсками не заставятъ опять участвовать въ безполезныхъ, наступательныхъ дѣйствіяхъ. Урокъ Тарутинскаго сраженія и кануна его, болѣзненно памятный Кутузову, тоже долженъ былъ подѣйствовать, думалъ онъ.

«Они должны понять, что мы только можемъ проиграть, дѣйствуя наступательно. Терпѣнье и время, вотъ мои воины-богатыри!» думалъ Кутузовъ. Онъ зналъ, что не надо срывать яблока, пока оно зелено. Оно само упадетъ, когда будетъ зрѣло, а сорвешь зелено, испортишь яблоко и дерево, и самъ оскомину набьешь. Онъ, какъ опытный охотникъ, зналъ, что звѣрь раненъ, раненъ такъ какъ только могла ранить вся Русская сила, но смертельно или нѣтъ, это былъ еще неразъясненный вопросъ. Теперь, по присылкамъ Лористона и Бертеми и по донесеніямъ партизановъ, Кутузовъ почти зналъ, что онъ раненъ смертельно. Но нужны были еще доказательства, надо было ждать.

«Имъ хочется бѣжать посмотрѣть, какъ они его убили.

Подождите, увидите. Все маневры, все наступленія!» думалъ онъ. «Къ чему? Все отличиться. Точно что-то веселое есть въ томъ, чтобы драться. Они точно дѣти, отъ которыхъ не добьешься толку какъ было дѣло, оттого что всѣ хотятъ доказать, какъ они умѣютъ драться. Да не въ томъ теперь дѣло».

«И какіе искусные маневры предлагаютъ мнѣ всѣ эти! Имъ кажется, что когда они выдумали двѣ-три случайности (онъ вспомнилъ объ общемъ планѣ изъ Петербурга), они выдумали ихъ всѣ. А имъ всѣмъ нѣтъ числа!»

Неразрѣшенный вопросъ о томъ, смертельна или не смерсмертельна ли была рана, нанесенная въ Бородинѣ, уже цѣлый мѣсяцъ висѣлъ надъ головой Кутузова. Съ одной стороны Французы заняли Москву. Съ другой стороны несомнѣнно всѣмъ существомъ своимъ Кутузовъ чувствовалъ, что тотъ страшный ударъ, въ которомъ онъ вмѣстѣ со всѣми Русскими людьми напрягъ всѣ свои силы, долженъ былъ быть смертеленъ. Но во всякомъ случаѣ нужны были доказательства, и онъ ждалъ ихъ уже мѣсяцъ и чѣмъ дальше проходило время, тѣмъ нетерпѣливѣе онъ становился. Лежа на своей постели въ свои безсонныя ночи, онъ дѣлалъ то самое, что̀ дѣлала эта молодежь генераловъ, то самое, за что̀ онъ упрекалъ ихъ. Онъ придумывалъ всѣ возможныя случайности, также какъ и молодежь, но съ той разницей только, что онъ ничего не основывалъ на этихъ предложеніяхъ, и что онъ видѣлъ ихъ не двѣ и три, а тысячи. Чѣмъ дальше онъ думалъ, тѣмъ больше ихъ представлялось. Онъ придумывалъ всякаго рода движенія Наполеоновской арміи, всей или частей ея—къ Петербургу, на него, въ обходъ его, придумывалъ (чего онъ больше всего боялся) и ту случйность, что Наполеонъ станетъ бороться противъ него его же оружіемъ, что онъ останется въ Москвѣ, выжидая его. Кутузовъ придумывалъ даже движеніе Наполеоновской арміи назадъ на Медынь и Юхновъ; но одного, чего онъ не могъ

предвидѣть, это того, что̀ совершилось, того безумнаго, судорожнаго метанія войска Наполеона въ продолженіи первыхъ 11-ти дней его выступленія изъ Москвы,—метанія, которое сдѣлало возможнымъ то, о чемъ все таки не смѣлъ еще тогда думать Кутузовъ: совершенное истребленіе Французовъ. Донесенія Дорохова о дивизіи Брусье, извѣстія отъ партизановъ о бѣдствіяхъ арміи Наполеона, слухи о сборахъ къ выступленію изъ Москвы—все подтверждало предположеніе, что Французская армія разбита и сбирается бѣжать; но это были только предположенія, казавшіяся важными для молодежи, но не для Кутузова. Онъ съ своей 60-ти лѣтней опытностью зналъ, какой вѣсъ надо приписывать слухамъ, зналъ, какъ способны люди, желающіе чего нибудь, групировать всѣ извѣстія такъ, что они какъ будто подтверждаютъ желаемое и зналъ, какъ въ этомъ случаѣ охотно упускаютъ все противурѣчащее. И чѣмъ больше желалъ этого Кутузовъ, тѣмъ меньше онъ позволялъ себѣ этому вѣрить. Вопросъ этотъ занималъ всѣ его душевныя силы. Все остальное было для него только привычнымъ исполненіемъ жизни. Такимъ привычнымъ исполненіемъ и подчиненіемъ жизни были его разговоры съ штабными, письма къ m-me Stahl, которыя онъ писалъ изъ Тарутина, чтеніе романовъ, раздачи наградъ, переписка съ Петербургомъ и т. п. Но погибель Французовъ, предвидѣнная имъ однимъ, было его душевное, единственное желаніе.

Въ ночь 11-го Октября онъ лежалъ, облокотившись на руку, и думалъ объ этомъ.

Въ сосѣдней комнатѣ зашевелилось, и послышались шаги Толя, Коновницына и Болховитинова.

— Эй, кто тамъ? Войдите, войди. Что новенькаго? окликнулъ ихъ фельдмаршалъ.

Пока лакей зажигалъ свѣчку, Толь разсказывалъ содержаніе извѣстій.

— Кто привезъ? спросилъ Кутузовъ съ лицомъ, поразив-

шимъ Толя, когда загорѣлась свѣча, своей холодной строгостью.

— Не можетъ быть сомнѣнія, ваша свѣтлость.

— Позови, позови его сюда!

Кутузовъ сидѣлъ, спустивъ одну ногу съ кровати и навалившись большимъ животомъ на другую, согнутую ногу. Онъ щурилъ свой зрячій глазъ, чтобы лучше разсмотрѣть посланнаго, какъ будто въ его чертахъ онъ хотѣлъ прочесть то что̀ занимало его.

— Скажи, скажи, дружокъ, сказалъ онъ Болховитинову своимъ тихимъ, старческимъ голосомъ, закрывая распахнувшуюся на груди рубашку. Подойди, подойди поближе. Какія ты привезъ мнѣ вѣсточки? А? Наполеонъ изъ Москвы ушелъ? Воистинну такъ? А?

Болховитиновъ подробно доносилъ сначала все то, что̀ ему было приказано.

— Говори, говори скорѣе, не томи душу, перебилъ его Кутузовъ.

Болховитиновъ разсказалъ все и замолчалъ, ожидая приказанія. Толь началъ было говорить что-то, но Кутузовъ перебилъ его. Онъ хотѣлъ сказать что-то, но вдругъ лицо его сщурилось, сморщилось; онъ, махнувъ рукой на Толя, повернулся въ противную сторону, къ красному углу избы, чернѣвшему отъ образовъ.

— Господи, Создатель мой! Внялъ Ты молитвѣ нашей.... дрожащимъ голосомъ сказалъ онъ, сложивъ руки. Спасена Россія. Благодарю Тебя, Господи! И онъ заплакалъ.

XVIII.

Со времени этого извѣстія и до конца кампаніи, вся дѣятельность Кутузова заключается только въ томъ, чтобы властью, хитростью, просьбами удерживать свои войска отъ

безполезныхъ наступленій, маневровъ и столкновеній съ гибнущимъ врагомъ. Дохтуровъ идетъ къ Малоярославцу, но Кутузовъ медлитъ со всей арміей и отдаетъ приказанія объ очищеніи Калуги, отступленіе за которую представляется ему весьма возможнымъ.

Кутузовъ вездѣ отступаетъ, но непріятель, не дожидаясь его отступленія, бѣжитъ назадъ въ противную сторону.

Историки Наполеона описываютъ намъ искусный маневръ его на Тарутино и Малоярославецъ и дѣлаютъ предположенія о томъ, что̀ бы было, еслибы Наполеонъ успѣлъ проникнуть въ богатыя полуденныя губерніи.

Но не говоря о томъ, что ничто не мѣшало Наполеону идти въ эти полуденныя губерніи (такъ какъ Русская армія давала ему дорогу) историки забываютъ то, что армія Наполеона не могла быть спасена ничѣмъ, потому что она въ самой себѣ несла уже тогда неизбѣжныя условія гибели. Почему эта армія, нашедшая обильное продовольствіе въ Москвѣ и не могшая удержать его, а стоптавшая его подъ ногами, эта армія, которая, придя въ Смоленскъ, не разбирала продовольствія, а грабила его, почему эта армія могла бы поправиться въ Калужской губерніи, населенной тѣми же Русскими какъ и въ Москвѣ и съ тѣмъ же свойствомъ огня сжигать то что̀ зажигаютъ.

Армія не могла нигдѣ поправиться. Она, съ Бородинскаго сраженія и грабежа Москвы, несла въ себѣ уже какъ бы химическія условія разложенія.

Люди этой бывшей арміи бѣжали съ своими предводителями сами не зная куда, желая (Наполеонъ и каждый солдатъ) только однаго: выпутаться лично какъ можно скорѣе изъ того безвыходаго положенія, которое, хотя и неясно, они всѣ сознавали.

Только поэтому, на совѣтѣ въ Малоярославцѣ, когда притворяясь, что они—генералы, совѣщаются, подавая разныя мнѣнія, послѣднее мнѣніе простодушнаго солдата Мутона,

сказавшаго то, что̀ всѣ думали, что надо только уйти какъ можно скорѣе, закрыло всѣ рты, и никто, даже Наполеонъ не могъ сказать ничего противъ этой, всѣми сознаваемой истины.

Но хотя всѣ и знали, что надо было уйти, оставался еще стыдъ сознанія того, что надо бѣжать. И нуженъ былъ внѣшній толчекъ, который побѣдилъ бы этотъ стыдъ. И толчекъ этотъ явился въ нужное время. Это было такъ называемое у Французовъ, le Hourra de l'Empereur.

На другой день послѣ совѣта, Наполеонъ, рано утромъ, притворяясь, что хочетъ осматривать войска и поле прошедшаго и будущаго сраженія, съ свитой маршаловъ и конвоя, ѣхалъ по серединѣ линіи расположенія войскъ. Казаки, шнырявшіе около добычи, наткнулись на самаго Императора и чуть чуть не поймали его. Ежели казаки не поймали въ этотъ разъ Наполеона, то спасло его тоже, что̀ губило Французовъ: добыча, на которую и въ Тарутинѣ и здѣсь, оставляя людей, бросались козаки. Они, не обращая вниманія на Наполеона, бросились на добычу, и Наполеонъ успѣлъ уйти.

Когда вотъ, вотъ les enfans du Don могли поймать самаго Императора всерединѣ его арміи, ясно было, что нечего больше дѣлать, какъ только бѣжать какъ можно скорѣе по ближайшей знакомой дорогѣ. Наполеонъ, съ своимъ 40 лѣтнимъ брюшкомъ, не чувствуя въ себѣ уже прежней поворотливости и смѣлости, понялъ этотъ намекъ. И подъ вліяніемъ страха, котораго онъ набрался отъ казаковъ, тотчасъ же согласился съ Мутономъ, и отдалъ, какъ говорятъ историки, приказаніе объ отступленіи назадъ на Смоленскую дорогу.

То, что Наполеонъ согласился съ Мутономъ, и войска пошли назадъ, не доказываетъ того, что онъ приказалъ это, но что силы, дѣйствовавшія на всю армію, въ смыслѣ направленія ея по Можайской дорогѣ, одновременно дѣйствовали и на Наполеона.

XIX.

Когда человѣкъ находится въ движеніи, онъ всегда придумываетъ себѣ цѣль этого движенія. Для того, чтобы идти тысячи верстъ, человѣку необходимо думать, что что-то хорошее есть за этими 1000-ю верстъ. Нужно представленіе объ обѣтованной землѣ для того, чтобы имѣть силы двигаться.

Обѣтованная земля при наступленіи Французовъ была Москва, при отступленіи была родина. Но родина была слишкомъ далеко, и для человѣка, идущаго 1000 верстъ, непремѣнно нужно сказать себѣ, забывъ о конечной цѣли: что нынче я приду за 40 верстъ на мѣсто отдыха и ночлега, и въ первый переходъ это мѣсто отдыха заслоняетъ конечную цѣль и сосредоточиваетъ на себѣ всѣ желанья и надежды. Тѣ стремленія, которыя выражаются въ отдѣльномъ человѣкѣ, всегда увеличиваются въ толпѣ.

Для Французовъ, пошедшихъ назадъ по старой Смоленской дорогѣ, конечная цѣль родины была слишкомъ отдалена, и ближайшая цѣль, та, къ которой, въ огромной пропорціи усиливаясь въ толпѣ, стремились всѣ желанья и надежды, — была Смоленскъ. Не потому, чтобы люди знали, что въ Смоленскѣ было много провіанту и свѣжихъ войскъ, не потому, чтобы имъ говорили это (напротивъ высшіе чины арміи и самъ Наполеонъ знали, что тамъ мало провіанта) но потому что это одно могло имъ дать силу двигаться и переносить настоящія лишенія, они и тѣ, которые знали, и тѣ которые не знали, одинаково обманывая себя, какъ къ обѣтованной землѣ стремились къ Смоленску.

Выйдя на большую дорогу, Французы съ поразительной энергіей, съ быстротою неслыханной, побѣжали къ своей выдуманной цѣли. Кромѣ этой причины общаго стремленія, связывавшей въ одно цѣлое толпы Французовъ и придавав-

шей имъ нѣкоторую энергію, была еще другая причина, связывавшая ихъ. Причина эта состояла въ ихъ количествѣ. Сама огромная масса ихъ, какъ въ физическомъ законѣ притяженія, притягивала къ себѣ отдѣльные атомы людей. Они двигались своей стотысячной массой какъ цѣлымъ государствомъ.

Каждый человѣкъ изъ нихъ желалъ только одного — отдаться въ плѣнъ, избавиться отъ всѣхъ ужасовъ и несчастій; но съ одной стороны сила общаго стремленія къ цѣли Смоленска увлекала каждаго въ одномъ и томъ же направленіи. Съ другой стороны нельзя было корпусу отдаться въ плѣнъ ротѣ, и несмотря на то, что Французы пользовались всякимъ удобнымъ случаемъ для того, чтобы отдѣлаться другъ отъ друга, и при малѣйшемъ, приличномъ предлогѣ отдаваться въ плѣнъ, предлоги эти не всегда случались. Самое число ихъ и тѣсное, быстрое движеніе, лишало ихъ этой возможности и дѣлало для Русскихъ не только трудными, но невозможнымъ остановить это движеніе, на которое направлена была вся энергія массы Французовъ. Механическое разрываніе тѣла не могло ускорить дальше извѣстнаго предѣла совершавшійся процессъ разложенія.

Комъ снѣга невозможно растаить мгновенно. Существуетъ извѣстный предѣлъ времени, ранѣе котораго никакія усилія тепла не могутъ растаить снѣга. Напротивъ, чѣмъ больше тепла, тѣмъ болѣе крѣпнетъ остающійся снѣгъ.

Изъ Русскихъ военноначальниковъ никто кромѣ Кутузова не понималъ этаго. Когда опредѣлилось направленіе бѣгства Французской арміи по Смоленской дорогѣ, тогда то, что предвидѣлъ Коновницынъ въ ночь 11 Октября, начало сбываться. Всѣ высшіе чины арміи хотѣли отличиться, отрѣзать, перехватить, полонить, опрокинуть Французовъ и всѣ требовали наступленія.

Кутузовъ одинъ всѣ силы свои (силы эти очень не ве-

лики у каждаго главнокомандующаго) употреблялъ на то, чтобы противудѣйствовать наступленію.

Онъ не могъ имъ сказать то, что́ мы говоримъ теперь: зачѣмъ сраженье и загораживанье дороги и потеря своихъ людей и безчеловѣчное добиванье несчастныхъ, зачѣмъ все это, когда отъ Москвы до Вязьмы безъ сраженія растаяла одна треть этого войска; но онъ говорилъ имъ, выводя изъ своей старческой мудрости то, что̀ они могли-бы понять — онъ говорилъ имъ про золотой мостъ, и они смѣялись надъ нимъ, клеветали его, и рвали, и метали, и куражились надъ убитымъ звѣремъ.

Подъ Вязьмой, Ермоловъ, Милорадовичъ, Платовъ и другіе, находясь въ близости отъ Французовъ, не могли воздержаться отъ желанія отрѣзать и опрокинуть два Французскіе корпуса. Кутузову, извѣщая его объ ихъ намѣреніи вмѣсто донесенія, они прислали въ конвертѣ листъ бѣлой бумаги.

И сколько ни старался Кутузовъ удержать войска, войска наши атаковали, стараясь загородить дорогу. Пѣхотные полки, какъ разсказываютъ, съ музыкой и барабаннымъ боемъ ходили въ атаку, и побили и потеряли тысячи людей.

Но отрѣзать — никого не отрѣзали, и не опрокинули. И Французское войско, стянувшись крѣпче отъ опасности, продолжало, равномѣрно тая, все тотъ же свой гибельный путь къ Смоленску.

Конецъ пятаго тома.

BSB Bayerische StaatsBibliothek
MDZ Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Tolstoj, Lev Nikolaevič,

Voina i mir (Krieg und Frieden.)

Bd.: V

Moskwa 1868

P.o.rel. 3528-5
urn:nbn:de:bvb:12-bsb11016844-2